3 1761 00276352 2

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

purchased from the
FORD FOUNDATION GRANT

for

EAST EUROPEAN STUDIES

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/obshchestvennoes00vved

ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНІЕ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Левин 3
2 к. Данина Сер. 6
Левин п. 1 50
Гнер. Бацы Дюзен 5
Лин. 2 00

40
Разн

ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНІЕ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Арс. И. Введенскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. П. Мельникова.

1900

LIBRARY
MAY 31 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

2902

PG
3011
V83

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта назначается для того обширнаго круга читателей, которые знакомы съ главнѣйшими произведеніями русской художественной литературы, но мало знакомы съ критикой, а также для людей, начинающихъ знакомиться съ литературой. Сообразно съ этимъ очерки постепенно, въ извѣстной послѣдовательности вводятъ читателя въ кругъ понятій и представленій, объясняющихъ великое значеніе литературы для личной и общественной жизни человѣка.

Помѣщая въ книгѣ только статьи, уже появлявшіяся въ періодической печати въ 1889—1894 годахъ, авторъ не можетъ не признать неполноту ея: она посвящена только однимъ геніальнѣйшимъ представителямъ русской литературы, при чемъ изъ произведеній гр. Л. Толстого охарактеризована только „Смерть Ивана Ильича". Продолженіе начатаго дѣла авторъ оставляетъ будущему.

Авторъ смотритъ на великія литературныя произведенія какъ на *необходимыя* явленія умственной жизни даннаго общества или народа, подчиненныя точно опредѣленнымъ,

хотя и трудно опредѣляемымъ законамъ. Въ своей совокупности, составляя литературу общества или народа, они представляютъ картину послѣдовательнаго роста его общественнаго самосознанія. Съ этой именно точки зрѣнія разсматриваются въ книгѣ великія произведенія русской литературы, и въ этомъ — объясненіе и оправданіе принятаго для нея заглавія.

Авторъ.

Пушкинъ. Грибоѣдовъ. Лермонтовъ.

Кольцовъ. Гоголь. Тургеневъ.

Достоевскій. Л. Толстой.

А. С. ПУШКИНЪ.

Имя Александра Сергѣевича Пушкина — самое великое имя въ исторіи русской поэзіи. „Солнце русской поэзіи!“ — сказано было о немъ въ одномъ изъ некрологовъ, вызванныхъ его безвременною кончиною.

Былъ моментъ въ исторіи русскаго развитія, когда, вмѣстѣ съ сомнѣніемъ въ пользѣ и значеніи поэзіи вообще, имя Пушкина пытались принизить, умалить величіе его заслугъ передъ русскимъ обществомъ. Но это не помѣшало славѣ его расти, а произведеніямъ его совершать въ обществѣ свое благотворное дѣло. Знаменитые русскіе писатели, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, открыто признавали себя учениками Пушкина, продолжателями начатаго имъ дѣла, и когда представители русской литературы сошлись въ древней столицѣ торжественно почтить заслуги величайшаго поэта нашего передъ воздвигнутымъ ему памятникомъ, люди всѣхъ направленій и стремленій слились въ одномъ чувствѣ преклоненія передъ его памятью.

Въ чемъ же состоитъ великое дѣло Пушкина, создавшее ему всеобщее признаніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ разъясненіи той роли, которую играетъ поэзія въ умственной и нравственной жизни людей.

Велико и могущественно и въ высокой степени благотворно вліяніе поэтическихъ произведеній на человѣка. Личная жизнь его, та повседневная жизнь, которая обуслов-

лена первыми потребностями его существованія, въ большинствѣ случаевъ стремится принизить его духовную природу, ограничить ее тѣсными предѣлами. Среди ежедневныхъ однообразныхъ дѣлъ, чувствъ и мыслей, упрямо и неизбѣжно повторяющихся, проходитъ обыкновенная жизнь человѣка: купецъ считаетъ свои барыши и преисполненъ заботой о нихъ, чиновникъ сочиняетъ свои сухія, далекія отъ дѣйствительной жизни бумаги, и т. д., придавая каждый своему дѣлу преувеличенное значеніе, и отдавая свой досугъ столь же однообразнымъ развлеченіямъ. Въ этой однообразной жизни образуются умственныя и нравственныя привычки, потребность упражнять только извѣстныя чувства, испытывать однообразно направленныя настроенія, на подобіе того, какъ человѣкъ, привыкшій къ ходьбѣ, не можетъ выносить спокойнаго пребыванія дома и будетъ стремиться идти. Изъ богатой человѣческой природы, способной къ безконечно разнообразнымъ душевнымъ движеніямъ и мыслямъ, лишь ничтожно малая часть нравственныхъ и умственныхъ сторонъ находитъ примѣненіе и развивается въ личной, въ тѣсномъ смыслѣ, жизни, особенно у современнаго человѣка, а остальное, не упражняемое и не развиваемое, слабѣетъ, блекнетъ въ немъ, атрофируется въ большей или меньшей степени, какъ нерабочія руки отвыкаютъ отъ работы. Человѣкъ становится узокъ и одностороненъ, теряетъ способность понимать необычныя для него чувства и мысли другихъ людей, живущихъ иначе, подъ другими условіями и впечатлѣніями.

Узкая, односторонняя жизнь ума и чувства кладетъ на человѣка свою неотразимую печать съ такою силою, что люди одинаковыхъ занятій, раздѣленные огромными пространствами и казалось бы ничего общаго между собою не имѣющіе, становятся удивительно похожими другъ на друга по нравственному и умственному складу, образуютъ одинъ *типъ*; а съ другой стороны, люди, живущіе рядомъ, но подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни, становятся совершенно различны, до непониманія другъ друга. Такъ, чиновникъ крайняго Сѣвера русскаго носитъ на себѣ тѣ же типическія черты, что и чиновникъ крайняго Юга, въ то время какъ, напр., купецъ и

чиновникъ, живущіе въ своей тѣсной средѣ, въ любомъ русскомъ городѣ рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Неудержимо возникаетъ, вслѣдствіе односторонней жизни ума и чувства, раздѣленіе людей на группы, чуждыя другъ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваютъ гуманныя отношенія между людьми.

Художественная литература, поэзія, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій, которыми устраняются узость и бѣдность личной душевной жизни. Читая поэтическія произведенія, человѣкъ рѣзко, сразу выступаетъ изъ тѣсной сферы чувствъ и мыслей своего ограниченнаго существованія; поэтъ развертываетъ передъ нимъ роскошный и безконечный міръ новыхъ для него чувствъ и мыслей, заставляя его самого переживать ихъ съ такою силою, какъ будто бы онъ самъ тотъ „герой“ произведенія, о которомъ повѣствуетъ авторъ. Поэтъ не безразлично относится къ изображаемымъ имъ явленіямъ жизни, и его негодованіе на зло и влеченіе къ добру сообщается и читателю, воспитывая въ немъ гражданина и человѣка, искореняя въ немъ „къ добру и злу постыдное равнодушіе“. Въ то же время поэтъ даетъ читателю богатый опытъ жизненный, открывая ему разнообразный міръ душевной жизни людей, знакомя съ ихъ страстями, слабостями—и съ внутренней духовной красотой, присущей каждому человѣку и только поражаемой духовными болѣзнями. Такимъ образомъ искусство многообразными способами объединяетъ людей, дѣлая ихъ болѣе способными понимать другъ друга и заставляя испытывать одни и тѣ же чувства. Отъ края и до края обширной страны, говорящей языкомъ поэта, разносятся его мысли и чувства, соединяя людей въ общихъ понятіяхъ и стремленіяхъ.

Очевидно изъ сказаннаго выше, что поэтъ будетъ тѣмъ значительнѣе и дѣло его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ отзывчивѣе его природа, чѣмъ онъ разностороннѣе въ чувствахъ и мысляхъ, чѣмъ, слѣдовательно, менѣе способенъ онъ подчиниться однимъ только временнымъ увлеченіямъ, которыя такъ часто затемняютъ чувство истины, и остаться свободнымъ и независимымъ созерцателемъ жизни.

Таковъ именно и есть Пушкинъ. Къ нему съ полнымъ правомъ могутъ быть примѣнены слова, сказанныя о Гёте другимъ русскимъ поэтомъ:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
„Ручья разумѣлъ лепетанье,
„И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
„И чувствовалъ травъ прозябанье:
„Была ему звѣздная книга ясна,
„И съ нимъ говорила морская волна"...

Воспринявъ многообразныя впечатлѣнія въ своей тревожной и разнообразной жизни, Пушкинъ на все отзывался, что̀ проситъ отъ сердца отвѣта, и его произведенія неизмѣримо богаты тѣмъ, что̀ онъ самъ назвалъ „впечатлѣніями бытія". Читатель находитъ въ нихъ и чарующія картины южной природы, и горныя впечатлѣнія Кавказа, и Сѣверъ встаетъ въ нихъ передъ глазами читателя съ своею простою и суровою красотою. И жизнь людей съ неменьшею полнотой и ясностью развертывается передъ читателемъ, отъ жизни великаго царя, полнаго великими думами, до жизни хвастливаго „гусара", разсказывающаго свои фантастическія похожденія.

Эта великая содержательность произведеній Пушкина, сама по себѣ уже цѣнная, пріобрѣтаетъ исключительное значеніе при необыкновенномъ, не имѣющемъ другого примѣра въ русской литературѣ, чувствѣ истины, правды, составляющей душу поэзіи великаго поэта нашего. Пушкинъ изображаетъ и природу, и людей съ полнѣйшею, неподкупнѣйшею объективностью, говоря старымъ терминомъ,—такъ, какъ они есть въ дѣйствительности, съ малѣйшими, имѣющими значеніе, оттѣнками. Въ души людей Пушкинъ заглядывалъ такъ глубоко, что отъ его умственныхъ очей не ускользало никакое душевное движеніе. Въ изображаемыхъ людяхъ Пушкинъ, по самой своей поэтической натурѣ, не видѣлъ и не могъ видѣть ни враговъ, ни друзей, ни, наконецъ, безразличныхъ, недостойныхъ поэтическаго вниманія, существъ; онъ видѣлъ въ нихъ только равно достойныя изученія творенія Божія и изображалъ ихъ со всею правдою проницательнаго наблюдателя,

не испытывая никакихъ побужденій къ пристрастному или одностороннему воззрѣнію на нихъ.

Великое чувство правды, одушевлявшее Пушкина, отразилось и въ его неподражаемомъ языкѣ. Оно подсказывало ему, какими именно словами выражается наиболѣе точно и ясно его мысль, и послушный ему, глубоко постигнутый имъ, русскій языкъ былъ точнымъ орудіемъ въ его рукахъ, какъ послушна кисть великому и опытному художнику-живописцу. Ни до, ни послѣ Пушкина въ русской литературѣ не было писателя, который былъ бы такъ необычайно правдивъ въ своихъ изображеніяхъ и такъ правдивъ и простъ въ языкѣ. Недаромъ лучшіе писатели Русской земли считали Пушкина своимъ великимъ учителемъ, недосягаемымъ образцомъ. На произведеніяхъ Пушкина можно учиться смотрѣть на явленія природы и жизни съ простотою и правдою, т.-е. истинно-человѣческимъ образомъ.

Характеристика Пушкина, сдѣланная въ предшествующихъ строкахъ, была бы, однако, слишкомъ не полна безъ выясненія исторической роли, историческаго значенія его. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ былъ первый въ русской литературѣ, показавшій своими произведеніями, чѣмъ можетъ быть поэзія, какія колоссальныя перспективы добра и пользы для общественнаго развитія заключаются въ ней. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ на поэзію смотрѣли у насъ какъ на „благородное“, но въ сущности не важное для автора и для читателей его дѣло, какъ на развлеченіе, на „плоды досуга“. И поэзія какъ будто приноровляясь къ воззрѣніямъ времени, на самомъ дѣлѣ была въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, чего въ ней искали, состоя изъ одъ на разные торжественные случаи, на „тезоименитства“, на обѣды, по случаю побѣдъ и т. п.; въ этомъ видѣли прославленіе русскаго имени и русскихъ людей. Вліяніе развитыхъ европейскихъ литературъ постепенно измѣняло этотъ взглядъ, и русская поэзія мало-по-малу становилась содержательнѣе и цѣннѣе. Карамзинъ и Жуковскій до Пушкина обнаружили глубокое вліяніе на содержаніе литературы, но ихъ произведенія были подражаніями и „сочиненіями“, не были воспроизведеніями жизни и духа рус-

скаго. Фальшивая „чувствительность“, сентиментализмъ, была далека отъ истиннаго чувства, и, естественно, не могла дать представленія объ истинной поэзіи, не могла стать дѣйствительнымъ и энергичнымъ источникомъ поученія и истиннаго, гуманнаго развитія читателей. И вотъ, еще при нихъ, появляется Пушкинъ со своею поэзіею, полною правды и жизни. Понятенъ тотъ энтузіазмъ, то удивленіе и восхищеніе, съ которыми современники встрѣтили это необыкновенное явленіе, и понынѣ остающееся необыкновеннымъ, хотя оно уже привычно для насъ.

Русскій душою человѣкъ, Пушкинъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности, однако, не могъ избѣжать вліянія европейскихъ литературъ, подобно Карамзину и Жуковскому. Но съ постепеннымъ ростомъ своего великаго дарованія, онъ освободился отъ этого вліянія. Начавъ съ изображенія героевъ, чуждыхъ русскому складу ума и чувства, героевъ байроновскихъ, онъ постепенно оставлялъ ихъ; его идеалы становились проще и человѣчнѣе. Отъ „Кавказскаго плѣнника“ и Алеко (въ „Цыганахъ“) онъ обращается къ простымъ русскимъ картинамъ быта, и въ цѣломъ рядѣ произведеній, особенно въ „Капитанской дочкѣ“, становится выразителемъ чисто русскаго духа и характера.

Въ то же время, характернѣйшею его чертою можно признать то, что онъ обладалъ великою духовною поэтическою проницательностью, ставившею его выше узкой національности. Оставаясь вполнѣ русскимъ умомъ, онъ изображалъ явленія чуждыхъ странъ и людей съ такою же полнотой и естественностью, какъ будто бы самъ не былъ русскимъ, а принадлежалъ къ тому народу, представителя которой бралъ героемъ своего произведенія. Въ этомъ, быть можетъ, сказалась черта, общая всему русскому народу, обладающему удивительною способностью понимать души другихъ народовъ.

„Великъ подвигъ Пушкина!“—въ энтузіазмѣ воскликнулъ знаменитѣйшій русскій критикъ Бѣлинскій.

Первые предшественники Пушкина.

Прежде чѣмъ могъ появиться въ русской литературѣ Пушкинъ, необходимъ былъ длинный рядъ дѣятелей, подготовившихъ ему идеи и формы литературныхъ произведеній, тѣ средства, которыми могъ бы воспользоваться его геній. Въ Пушкинѣ въ первый разъ русская душа, русскій умъ и чувство получили самостоятельное, независимое выраженіе: Пушкинъ — это первый представитель русскаго самосознанія, — самосознанія русскаго общества, вступавшаго въ періодъ возмужалости. Но какъ отдѣльный человѣкъ, такъ еще болѣе цѣлое общество не приходятъ къ самосознанію иначе, какъ годами умственной работы, усилій и стремленій понять себя и окружающій міръ. И этотъ общій законъ, неизбѣжный и необходимый, не могъ миновать и русскаго общества.

Русское общество въ этомъ отношеніи находилось въ положеніи нѣсколько исключительномъ. Когда, по волѣ Петра Великаго, Россія сблизилась съ европейскими странами, тогда въ ту часть, въ тотъ слой общества, который долженъ былъ руководить умственною жизнью русскою, вмѣстѣ съ иностранными языками проникъ цѣлый міръ новыхъ понятій и представленій, для которыхъ на русскомъ языкѣ не было словъ и выраженій, — русская жизнь до того времени протекала въ слишкомъ узкой, сравнительно съ европейскою, сферѣ умственныхъ потребностей. Такимъ образомъ, первое дѣло, которое предстояло тогда русскому небольшому образованному кругу людей, — было расширить русскій языкъ, найти въ немъ средства создать новыя слова и новыя выраженія для новыхъ понятій и представленій. Это было дѣло неимовѣрной трудности. Если и теперь, при развитомъ уже языкѣ, такъ рѣдки люди, выражающіе свои мысли ясно и просто, дѣлающіе свои мысли понятными всякому, то что же сказать о тѣхъ временахъ, когда самая простая, повидимому, мысль, прекрасно выраженная на иностранномъ языкѣ, не имѣла въ русскомъ языкѣ никакой формы для выраженія? Къ тому же, тогдашнее рус-

ское образованное общество, воспитываясь на французскомъ языкѣ, совсѣмъ забывало родной русскій языкъ, и этимъ дѣлало развитіе языка еще болѣе труднымъ, потому что языкъ можетъ развиваться и улучшаться только цѣлымъ обществомъ и народомъ, и отдѣльныя личности, литераторы, сами безсильны сдѣлать то, что подъ силу только многимъ. Писатели по большей части только подмѣчаютъ, впитываютъ въ себя и потомъ, передавая въ своихъ произведеніяхъ тѣ измѣненія въ языкѣ, которыя медленно и постепенно производитъ общество, дѣлаютъ всѣ эти измѣненія и нововведенія общимъ достояніемъ. Но этого существеннаго условія, т.-е. большого образованнаго слоя, который бы могъ развивать языкъ, въ тогдашней Россіи не было, а былъ только совсѣмъ малочисленный кругъ образованныхъ людей, остававшихся вѣрными родному языку, и, слѣдовательно, на долю этихъ людей доставалась задача огромной важности и весьма трудная.

Изъ того, что сказано, ясно, что каждое имя въ томъ ряду забытыхъ нынѣ литературныхъ дѣятелей, которые въ теченіе восемнадцатаго вѣка трудились на неблагодарной и упорной почвѣ русской литературы, заслуживаетъ благодарной памяти. Но между ними блеститъ нѣсколько именъ, имѣющихъ особое значеніе. Если говорить собственно о литературѣ художественной, т.-е. именно о той литературѣ, которая и имѣетъ своимъ прямымъ назначеніемъ развитіе языка и общихъ идей, не преслѣдуя никакихъ спеціальныхъ, напр., научныхъ цѣлей, то это будутъ имена Ломоносова, Державина, фонъ-Визина, Карамзина, Жуковскаго. Но и они, на длинномъ и утомительномъ пути совершенствованія русскаго языка, представляютъ собою только вѣхи, только главные пункты, указывавшіе направленія, объединявшія предыдущія работы. Дѣятельность ихъ была бы непонятна безъ указанія на другихъ, менѣе счастливыхъ дѣятелей.

Обстоятельства, указанныя нами выше, сдѣлали необходимымъ въ русской литературѣ весьма характерное явленіе. Такъ какъ образованное общество не шло въ сторону изученія и развитія своего родного языка, а напротивъ, забывало его, то представители этого общества, какъ Кантемиръ, создавали языкъ

тяжелый, неповоротливый, мало согласованный съ характеромъ русскаго ума. Дѣйствительными основателями новаго русскаго языка явились люди простонародья русскаго, усвоившіе родной языкъ на его непосредственной и безъискусственной почвѣ, въ народѣ, и потомъ случайно получившіе образованіе. Таковы были Тредьяковскій, сынъ священника, случайно попавшій въ Парижъ и получившій тамъ незаурядное научное образованіе, и Ломоносовъ, сынъ архангельскаго мужика, необыкновенной энергіей и геніемъ добившійся огромнаго, по характеру нѣмецкаго, образованія.

Кантемиръ, сынъ Молдавскаго господаря, человѣкъ замѣчательнѣйшаго по тому времени образованія, но „не русакъ", по его собственному выраженію, написалъ, какъ извѣстно, 9 сатиръ. Въ нихъ онъ является поборникомъ европейскаго просвѣщенія въ Россіи, имѣвшаго не мало враговъ, обличителемъ невѣжества. Просвѣтительныя идеи сдѣлали его сатиры всѣмъ извѣстными и замѣчательными. Но въ смыслѣ литературномъ, въ смыслѣ формы, онѣ мало подвигали дѣло впередъ. Кантемиръ писалъ совсѣмъ не свойственными русскому языку силлабическими стихами, и въ самомъ изложеніи подражалъ и древнимъ, и новымъ иностраннымъ писателямъ. Этотъ „не русакъ", жившій при томъ все время за границей, на дипломатической русской службѣ, не могъ почувствовать оригинальныхъ свойствъ русскаго языка и русскаго ума, и его сатиры служатъ лучшимъ доказательствомъ высказанныхъ нами выше мыслей. Но Тредьяковскій является уже созидателемъ новаго русскаго языка, если не практическимъ, то теоретическимъ.

Тредьяковскій долгое время за свои неудачные стихи былъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ въ русской литературѣ. Въ дѣйствительности онъ насмѣшекъ не заслуживалъ. Стихи его дѣйствительно и безспорно плохи,—онъ совершенно не обладалъ литературнымъ стихотворнымъ дарованіемъ, но, въ качествѣ „профессора элоквенціи", обнаружилъ такое теоретическое пониманіе русскаго языка, какого никто не имѣлъ въ его время. Онъ указалъ несвойственность русскому языку употреблявшагося тогда стихосложенія;

разбирая русскія пѣсни, онъ же нашелъ и тѣ стихотворныя формы (тоническія), которыя понынѣ остаются въ русскомъ языкѣ. Тредьяковскій же первый у насъ ясно понималъ, что поэтъ и стихотворецъ не одно и то же, что поэзія состоитъ не въ простомъ подражаніи природѣ, а въ творчествѣ. Словомъ, заслуги осмѣяннаго профессора въ высокой степени замѣчательны.

То, что̀ Тредьяковскій понималъ теоретически, чему онъ училъ, какъ профессоръ, удалось осуществить практически Михаилу Васильевичу Ломоносову. Ломоносовъ, по всему складу своего ума, подобно Тредьяковскому, былъ ученый, его привлекали преимущественно естественныя науки. Но и въ сферѣ науки нельзя было не натолкнуться на мысль о крайней скудности, неразвитости тогдашняго русскаго языка. Ломоносовъ не могъ не обратить на это самаго пристальнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, какіе богатые залоги будущаго развитія лежатъ въ русскомъ языкѣ. Ломоносовъ былъ истинно русскій человѣкъ, патріотъ въ самомъ лучшемъ и разумнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Его душа болѣла за униженія, которыя сопровождали дорогую ему родину на ея трудномъ пути усвоенія европейскаго образованія. Его оскорбляло пренебрежительное отношеніе господствовавшихъ въ русской академіи нѣмцевъ, и онъ всю жизнь велъ съ ними борьбу; его оскорбляло выведенное нѣмцами заключеніе о скандинавскомъ происхожденіи русскихъ князей, и онъ велъ изысканія и писалъ доказательства чисто русскаго происхожденія Рюрика, писалъ о дальней древности „словенскаго народа“ и пр., въ противоположность тѣмъ сочиненіямъ иностранцевъ, которые „высматривали пятна на одеждѣ россійскаго тѣла“... Это же страстное отношеніе онъ внесъ и въ изученіе русскаго языка, который хотѣлъ сдѣлать способнымъ для выраженія всего, что̀ онъ зналъ, всего своего богатаго душевнаго содержанія. И онъ создалъ и богатую стихотворную рѣчь, и языкъ, нужный для изложенія знаній. Языкъ его, составляемый имъ изъ русскаго разговорнаго, церковно-славянскаго и изъ иностранныхъ, отличается ясностью, точностью, выразительностью. Ломоносовъ

самъ говорилъ о себѣ, что его „разнаго рода надлежащими до наукъ сочиненіями стиль россійскій вычистился и сталъ способенъ къ выраженію идей трудныхъ“. Стихотворная рѣчь Ломоносова, теоретическія основанія для которой онъ изложилъ въ „Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства“, была для своего времени явленіемъ необыкновеннымъ. Образовывшаяся литературная рѣчь была, конечно, еще далека по своимъ свойствамъ отъ рѣчи разговорной, простой, единственно истинной, наиболѣе точно, безъ преувеличеній и украшеній, выражающей мысли. Содержаніе Ломоносовскихъ произведеній, въ общемъ опредѣленіи своемъ, было защитой науки, теоретической мысли; слѣдовательно, въ немъ не могло быть того, что̀ называется „поэзіей“, отраженія типическихъ явленій жизни, настоящаго предмета художественнаго слова.

Прошло немного лѣтъ, и на сценѣ литературной стали возможны фонъ-Визинъ и Державинъ. Послѣ многихъ попытокъ создать драматическую литературу (Сумароковъ), двѣ комедіи фонъ-Визина, „Бригадиръ“ и „Недоросль“, не были новостью по формѣ, но въ высокой степени новы по содержанію. Въ нихъ не было поэзіи, но была въ первый разъ настоящая русская дѣйствительность на сценѣ, — правда, въ видѣ аллегорическихъ фигуръ, съ ясными ярлыками на нихъ, указывающими, что̀ они собою изображаютъ, но фигуръ, уже ясно говорящихъ о нѣкоторыхъ типическихъ особенностяхъ русской жизни. И такъ какъ въ то же время обѣ комедіи были проповѣдью просвѣщенія и выставленіемъ на позоръ невѣжества русскаго, создававшаго тогда явленія весьма типическія, то значеніе ихъ въ исторіи русской литературы и въ исторіи русскаго развитія весьма велико.

Въ Державинѣ русская литература получила уже поэта, служившаго доказательствомъ, что формы для русской мысли сдѣлали огромный шагъ впередъ, что русскій языкъ уже способенъ служить для поэтическаго выраженія дѣйствительности. Державинъ обладалъ огромною фантазіею. Справедливо мнѣніе, что воображеніе его было выше его ума, но въ его поэтическихъ произведеніяхъ уже появились то колоссальные,

то нѣжные образы, большинство которыхъ онъ создавалъ подъ вліяніемъ чисто народныхъ представленій. Кто не помнитъ его одъ „Богъ“, „На смерть князя Мещерскаго“ и пр.? Кто не знаетъ его „Водопада“? Державинъ, какъ и всѣ тогда въ Россіи, не чуждъ подражательности; но эта подражательность блѣднѣетъ въ лучахъ оригинальности поэта. Языкъ его — смѣсь важнаго съ простымъ; установляемое Ломоносовымъ дѣленіе языка на высокій, средній и низкій въ немъ почти уже исчезаетъ. Важна была поэзія Державина и по своему внутреннему содержанію, хотя еще и не была настоящимъ актомъ русскаго самосознанія, основаннаго не на непосредственномъ чувствѣ, а на изученіи русской дѣйствительности. Въ поэзіи Державина всегда присутствуетъ „нравственный и общественный идеалъ, который онъ“, — по выраженію его знаменитаго біографа Грота, — „постоянно стремился выставлять передъ своими согражданами“. „Истину царямъ съ улыбкой говорилъ“ — вотъ слова, которыя Державинъ съ полной справедливостью могъ примѣнить къ себѣ. Гоголь называлъ Державина „поэтомъ величія“, но величіе, воодушевлявшее поэта, неразрывно соединялось у него съ тѣмъ идеаломъ. Такъ, по отношенію къ Потемкину лира поэта были молчалива до самой смерти этого вліятельнѣйшаго лица Екатерининскаго царствованія, и только уже послѣ нея поэтъ въ „Водопадѣ“ воплотилъ въ величественный и вѣчный образъ глубоко-поэтическое представленіе свое объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ. Идеалъ Державина связывался съ представленіями міра высшаго, правды вѣчной. Одушевленная ода его „Богъ“, не имѣющая равной во всей міровой литературѣ, „невольно поражаетъ“, по словамъ Грота, превосходствомъ ея передъ лучшими произведеніями другихъ европейскихъ литературъ „со стороны быстроты движенія, высоты лиризма и поражающей картинности“. „Силою своего пламеннаго воображенія своей здравой мысли и рѣзкаго слова“, — говоритъ академикъ Гротъ: — „Державинъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся передъ духовнымъ величіемъ. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина“.

Наступила эпоха, когда могли появиться Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, уже непосредственные предшественники Пушкина, связанные съ нимъ многообразными связями.

Карамзинъ и Жуковскій.

Первенствующая цѣль русской литературы восемнадцатаго вѣка,—развитіе языка, который она сознательно стремилась сдѣлать способнымъ къ выраженію мыслей новыхъ для русскаго ума, должна была глубоко вліять на содержаніе ея, и именно въ томъ смыслѣ, что содержаніе это было неопредѣленно, случайно. Занимался человѣкъ минералогіей, какъ Ломоносовъ,—онъ стремился подчинить языкъ выраженію минералогическихъ понятій и представленій; жилъ человѣкъ въ обществѣ, при дворѣ, напр., какъ тѣ же Ломоносовъ и Державинъ,—онъ сочинялъ стихотворенія и рѣчи на случайныя событія времени,—отъ блестящихъ побѣдъ, прославлявшихъ русское оружіе, до именинъ одного вельможи и смерти другого, хотя, какъ сказано выше, въ поэзіи Державина уже ярко выражается высокій идеалъ „высшаго міра", „вѣчной правды". Когда дѣлаютъ инструментъ, имъ еще не могутъ дѣлать того дѣла, для котораго онъ предназначается: заботясь преимущественно о томъ, чтобы найти форму, выраженіе для своей мысли, трудно было думать о развитіи, о прогрессѣ самой мысли. Чувство, какъ бы оно ни было глубоко, должно было блѣднѣть, тускнуть въ писателѣ, когда онъ не могъ выражать его свободно и просто, а долженъ былъ еще придумывать, какъ оно можетъ быть выражено. Естественно и понятно, что когда еще нѣтъ языка гибкаго и послушнаго, не будетъ и настоящей поэзіи и искренняго и простого выраженія чувствъ въ литературныхъ произведеніяхъ. Умъ и чувство народа (или отдѣльнаго человѣка) не станутъ во весь свой ростъ въ ту эпоху, когда еще вырабатываются только формы для внѣшняго выраженія ихъ.

На этомъ пути къ своему развитію, русскій языкъ, подобно всякому другому языку въ такомъ же положеніи, не-

уклонно стремился къ тому, чтобы литературная рѣчь становилась постепенно все ближе и ближе къ разговорной рѣчи, т.-е. становилась проще, естественнѣе, чтобы самыя сложныя мысли могли быть выражены самымъ обыкновеннымъ, простымъ, естественнымъ образомъ, и потому болѣе доступнымъ и понятнымъ для всѣхъ. И нужно сказать, что изумительны были успѣхи русскаго языка. Въ какіе-нибудь полвѣка изъ хаотической первоначальной смѣси языковъ славянскаго, русскаго народнаго и иностранныхъ выработался блестящій уже у Карамзина литературный русскій языкъ, способный къ выраженію глубочайшихъ идей.

Вся сила, богатство и выразительность его сказались тогда на русскихъ баснописцахъ: Измайловѣ, Хемницерѣ, Крыловѣ. Сравните тяжелыя Кантемировскія сатиры съ геніальными баснями Крылова, и вы поймете, какъ плодотворны были усилія русскихъ умовъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, направленныя на развитіе родного языка. Съ развитіемъ языка явилась возможность хорошихъ переводовъ изъ чужихъ литературъ. Могъ появиться и классическій переводъ Гомеровой „Иліады", прославившій Гнѣдича.

Но переводы и басни, обыкновенно тоже переводныя, не могутъ составить того, что̀ заслуживаетъ названіе истиннаго содержанія литературы народа. Литература, какъ выраженіе самосознанія даннаго народа или общества, имѣетъ столь опредѣленныя стремленія, что содержаніе ея не можетъ быть случайно. Чрезъ всѣ великія произведенія данной литературы проходитъ всегда общая мысль, дѣлающая ее цѣлымъ, въ которомъ каждое отдѣльное произведеніе имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и значеніе. Какъ мы сказали, во времена выработки формы мысли, языка, содержаніе не можетъ быть еще такимъ. Но какъ скоро языкъ выработанъ, какъ скоро онъ свободно и послушно подчиняется вашему уму и движеніямъ вашего сердца, безъ усилій выражаетъ ваши мысли и чувства,—наступаетъ время и для работы общественнаго самосознанія путемъ литературы. Конечно, это явленіе наступаетъ постепенно, нужны для этого предварительныя усилія теоретической мысли, нужны люди, подобные Новикову и Ради-

щеву, память о которыхъ сохранила исторія нашей литературы. Но является геніальная личность, и въ ней оно, это явленіе, получаетъ яркій, отчетливый, опредѣленный характеръ, такъ что потомкамъ кажется, что имъ именно начато и совершено все дѣло. Такими личностями, предшествовавшими Пушкину и влившими богатое содержаніе въ русскую литературу, были Карамзинъ и Жуковскій — два великихъ имени, съ которыми тѣсно связано представленіе о цѣлой эпохѣ русской литературы.

При томъ направленіи, которое получило тогда русское образованіе, естественно ожидать, что содержаніе, внесенное въ литературу Карамзинымъ, было не совсѣмъ русское, а болѣе подражательное, взятое съ европейскаго. Въ началѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка появились „Письма русскаго путешественника“ Карамзина, не представлявшія ничего, повидимому, необыкновеннаго, описывавшія заграничное путешествіе автора, его встрѣчи, знакомства и т. п., но поразившія тогдашнихъ читателей. Ничего замѣчательнаго, особенно поучительнаго авторъ не даетъ въ нихъ, но читатель того времени находилъ въ нихъ, быть можетъ, въ первый разъ то, что не было обычно въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ, — свои простыя, обыкновенныя чувства, простыя мысли, словомъ — человѣка-не-героя, не бросающаго подъ облака башни, какъ въ поэзіи Державина, а живущаго самой обычной жизнью ума и сердца. И это было поразительно въ тѣ времена, составляло великую заслугу. Литература выступала этимъ на путь, ведущій къ самосознанію, простому человѣческому пониманію себя и своего общества. Конечно, авторъ имѣлъ въ иностранныхъ литературахъ образцы (въ родѣ „Чувствительнаго путешествія“ — „Voyage sentimental“ — Стерна), но заслуга его тѣмъ не менѣе велика и неоцѣненна. Вслѣдъ за „Письмами“ появилась знаменитая „Бѣдная Лиза“, чувствительная повѣсть, намъ уже мало интересная, возбуждающая почти недоумѣніе, какъ столь мало занимательная повѣсть могла до такой степени увлекать современниковъ. Между тѣмъ, успѣхъ этой повѣсти былъ громаденъ. Окрестности того мѣста, гдѣ, по повѣсти,

жила Лиза, сдѣлались предметомъ посѣщеній, тогдашніе стихотворцы писали элегіи „къ праху бѣдной Лизы“ и похвалы автору, читатели и читательницы плакали надъ печальною судьбою Лизы. „Бѣдная Лиза“ пользовалась извѣстностью и любовью читателей около двадцати лѣтъ. Фактъ этотъ показываетъ, конечно, огромную важность для общества того направленія въ литературѣ, которое создавалъ своею повѣстью Карамзинъ.

Но обыкновенное, истинно человѣческое содержаніе въ литературу не могло придти сразу,—слишкомъ былъ бы необыкновененъ переходъ отъ баснословныхъ героевъ къ обыкновеннымъ людямъ. И литературное содержаніе, отражающее обыкновенную жизнь человѣческаго ума и чувства, въ первое время должно было принять характеръ преувеличенный, неестественный. Для русской литературы это было тѣмъ возможнѣе, что то же явленіе совершалось и за границей, въ западныхъ литературахъ, а въ нихъ русскіе писатели постоянно искали образцовъ, которымъ стремились подражать. Тогда господствовалъ въ западныхъ литературахъ „сентиментализмъ“, чувствительность, довольно далекая отъ истиннаго чувства, преувеличивавшая его до крайней неестественности. Въ карамзинскихъ „Письмахъ“ и „Бѣдной Лизѣ“ основной характеръ есть также сентиментальность, ставшая довольно надолго характеристическою чертой русской литературы. Эту черту Карамзинъ пронесъ чрезъ всю свою дѣятельность, чрезъ рядъ своихъ повѣстей и другихъ сочиненій. Сентиментальности не чужда даже его „Исторія государства Россійскаго“,—великій трудъ, положившій основаніе наукѣ русской исторіи. Въ Карамзинѣ языкъ русскій сдѣлалъ новый шагъ къ простотѣ, ставши выразителемъ „чувствительности“, чувствъ человѣческихъ, хотя и преувеличенныхъ, но въ основѣ своей, конечно, истинныхъ.

Карамзинъ сдѣлалъ первые шаги въ томъ направленіи, которое должно было привести русскую литературу къ выполненію великой задачи всякой литературы — задачи общественнаго самосознанія. Жуковскому принадлежитъ честь перенесенія въ русскую литературу „романтизма“, который тогда составлялъ содержаніе всѣхъ европейскихъ литературъ. Подъ

именемъ „романтизма“ скрывается понятіе совершенно неопредѣленное, бывшее предметомъ многихъ споровъ; остается оно различно понимаемымъ и до нынѣ. Несомнѣнно, однако, одно—то именно, что слово это обозначаетъ такое литературное направленіе, которое отказалось отъ всякихъ стѣсненій въ отношеніи формы литературныхъ произведеній, отъ господствовавшихъ до того времени стѣснительныхъ правилъ, устранивъ въ содержаніи литературы различіе предметовъ достойныхъ и недостойныхъ для изображенія, предметовъ низкихъ и высокихъ, какъ и различіе „слоговъ“—высокаго, низкаго и средняго. Литературы возвращались съ романтизмомъ къ естественности и простотѣ литературныхъ формъ и стремленій, оставивъ „ложный классицизмъ“, видѣвшій въ „древне-классическихъ“, греческихъ и римскихъ, произведеніяхъ образцы, отъ которыхъ отступать не дозволялось ни по внѣшней формѣ, ни даже, частію, по содержанію.

Жуковскій, проникнувшись духомъ нѣмецкой и англійской поэзіи, обладалъ талантомъ передавать произведенія этихъ литературъ съ силой подлинника, давая при томъ русскому языку необыкновенную красоту. Въ то же время, онъ считается отцомъ и „русскаго романтизма“, создавъ такія произведенія, какъ „Людмилла“ и „Свѣтлана“, въ которыхъ нѣсколько чуждый русскому духъ нѣмецкой сентиментальности и романтическихъ нѣмецкихъ представленій сливается съ духомъ русскаго сказочнаго міра. Вліяніе Жуковскаго на современниковъ было громадно. Его чарующій языкъ, цѣлый огромный міръ европейской поэзіи, выражаемый этимъ языкомъ, отраженіе вообще поэтической жизни души человѣческой, въ первый разъ появлявшееся въ русской литературѣ,—все это по справедливости отводило Жуковскому огромное мѣсто. Безкорыстный, не искавшій славы, но проникнутый сознаніемъ важности своего дѣла, поэтъ этотъ былъ блестящимъ явленіемъ, которое въ честныхъ душахъ понынѣ должно возбуждать благоговѣніе.

И. А. Крыловъ.

Между предшественниками, а затѣмъ и современниками Пушкина имя знаменитаго баснописца Ивана Андреевича Крылова блеститъ яркою звѣздою. Изъ многихъ лицъ, его современниковъ, дѣйствовавшихъ на поприщѣ литературы, онъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ не сталъ просто лицомъ только историческимъ, произведенія которыхъ признаются важными въ исторіи литературы, но уже не читаются. Басни Крылова понынѣ остаются и, быть можетъ, останутся навсегда занимательными и полезными, и ихъ будутъ знать не по имени только самые отдаленные потомки, пока живъ будетъ русскій языкъ.

Такое значеніе Крыловскихъ басенъ въ русской литературѣ обусловливается столько же формою ихъ, сколько и содержаніемъ. Басня, повидимому такой легкій и доступный родъ литературныхъ произведеній, на самомъ дѣлѣ представляетъ необыкновенныя трудности. Недаромъ во всемъ мірѣ такъ сравнительно мало замѣчательныхъ баснописцевъ, и въ новыя времена только два имени пользуются дѣйствительно заслуженною славою — Лафонтенъ у французовъ и Крыловъ у насъ.

Басня только тогда получаетъ свой истинно поучительный смыслъ, когда въ ней, въ формѣ аллегоріи, большею частью подъ видомъ животныхъ и вещей неодушевленнаго міра, выражаются настолько ярко и отчетливо дѣла человѣческія, отношенія людей другъ къ другу, слабости и пороки людскіе, что читатель чувствуетъ себя какъ бы лично заинтересованнымъ въ разсказѣ. Но для того, чтобы такой результатъ получался, автору необходимо глубочайшее знакомство съ людьми, съ ихъ общими и индивидуальными свойствами, глубочайшее знакомство съ жизнью, съ отношеніями людей, а для этого необходимъ въ авторѣ большой умъ, соединенный съ многостороннимъ знаніемъ практической жизни. Въ романѣ, въ повѣсти, въ драмѣ, наконецъ, авторъ можетъ характеризовать людей съ ихъ свойствами и отношеніями на многихъ страницахъ и въ разнообразныхъ положеніяхъ, можетъ въ нихъ ограничиться однимъ-двумя характерами, однимъ-

двумя отношеніями людскими, которыя, будучи выражены удачно, могутъ дать автору значительное мѣсто въ литературѣ. Но эти же характеры и эти отношенія баснописецъ, если бы онъ захотѣлъ сдѣлать баснею то же, что дѣлается романомъ или повѣстью, долженъ былъ бы вложить въ форму короткаго изреченія, обнаруживъ при этомъ величайшія свойства ума и вдохновенія. Много ли вы придумаете басенъ, если вашъ умъ одностороненъ и знаніе жизни недостаточно? И какъ трудно найти множество разнообразныхъ формъ, короткихъ разсказовъ изъ міра не людскихъ отношеній, чтобы выразить ваши многостороннія мысли! Этимъ въ значительной степени и объясняется, что басня, какъ форма, повторяется у разныхъ народовъ: и у греческихъ и римскихъ баснописцевъ вы найдете тѣ же разсказы, которые взяты и Лафонтеномъ, и Крыловымъ, какъ и всѣми баснописцами міра.

Русскій умъ склоненъ къ баснѣ, къ аллегорическому изображенію жизни въ ея разнообразныхъ отношеніяхъ. Въ русской литературѣ пользуются заслуженною извѣстностью не одинъ баснописецъ; кромѣ Хемницера и Дмитріева, особенно замѣчателенъ Измайловъ, современникъ и почти соперникъ Крылова. Но слава Крылова затмеваетъ всѣ эти имена. Крыловъ началъ писать басни послѣ цѣлаго ряда малоизвѣстныхъ, но высоко замѣчательныхъ не для своего только времени, сатирическихъ произведеній, которыми онъ развилъ свои геніальныя силы. И въ баснѣ, которая составляетъ вѣнецъ его литературной дѣятельности, онъ является поистинѣ неподражаемымъ. Рожденный и воспитанный въ крайней бѣдности, еще въ дѣтствѣ онъ уже узналъ жизнь и людей. Вырастая, онъ любилъ проводить свободное время на площадяхъ и базарахъ, гдѣ толпился всякій людъ, смотрѣлъ кулачные бои, ходилъ на рѣку, гдѣ собирались водовозы и прачки. Эти народныя сборища послужили для него школой чисто русскаго языка и дали ему многочисленные и многообразные случаи для изученія русскаго человѣка въ его коренныхъ свойствахъ. Владѣя отъ природы необычайно практическимъ и трезвымъ умомъ, русскою сметкою, просто и прямо смотря на явленія окружающей жизни, безъ предвзятыхъ пристрастій или какихъ-нибудь теорій,

Крыловъ, не получившій къ тому же систематическаго образованія и все взявшій изъ непосредственнаго наблюденія жизни, съумѣлъ создать для себя воззрѣнія на общественную русскую жизнь и на характеръ русскихъ людей въ высокой степени проницательныя. Вмѣстѣ съ формою, чарующе прекрасною, эти свойства ума Крылова и дали его баснямъ тотъ характеръ и тѣ свойства, которые сдѣлали имя ихъ автора однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ именъ въ русской литературѣ.

Въ наше время не легко представить себѣ трудности, которыя предстояли Крылову въ его дѣятельности. Русскій языкъ того времени, когда онъ выступилъ въ качествѣ уже баснописца, былъ все еще далекъ отъ простой разговорной рѣчи, и его достоинствомъ, а не недостаткомъ, считалась нѣкоторая вычурность и фразистость, которую мы встрѣчаемъ у тогдашняго главы литературы, Карамзина. Но Крыловъ заговорилъ своимъ необыкновеннымъ языкомъ, чисто разговорнымъ, образнымъ и яркимъ, въ первыхъ же своихъ басняхъ. Его знаменитая басня „Ворона и Лисица", съ содержаніемъ, заимствованнымъ отъ Лафонтена, принадлежитъ къ первымъ его баснямъ, — она написана въ 1808 году. А между тѣмъ какая сила выраженій въ ней, какое, если такъ можно выразиться, психологическое пониманіе описываемаго въ баснѣ происшествія! Какъ удивительно схвачены и какими краткими, но выразительными чертами выражена льстивая натура главнаго дѣйствующаго лица, лисицы. Какими простыми, еще болѣе короткими, но еще болѣе выразительными словами охарактеризована простодушная податливость на лесть вороны! У ней — „отъ радости въ зобу дыханье сперло", и она поспѣшила каркнуть „во все воронье горло" — вотъ и все. Крыловъ для своихъ послѣдователей былъ вліятельнѣйшимъ учителемъ по отношенію къ языку; въ немъ каждый находилъ неизсякаемый источникъ духа и силы русскаго языка.

Крылову ставили въ упрекъ, считали недостатками его басенъ, между прочимъ то, что у него нерѣдко нравоученіе предшествуетъ самому разсказу. Такъ написана и „Ворона и Лисица", начинающаяся, какъ извѣстно, объясненіемъ вреда и гнусности лести. Порицатели этого пріема не безъ основанія

утверждали, что такая форма ослабляетъ впечатлѣніе разсказа, окончаніе котораго уже заранѣе ясно изъ правоученія,—лишаетъ его интереса. Съ точки зрѣнія теоретической и въ примѣненіи къ баснописцамъ меньшей силы мысль эта справедлива. Но Крылову этотъ пріемъ не вредилъ. Какъ извѣстно, перечитываніе истинно художественныхъ произведеній, когда читатель уже отлично знаетъ содержаніе, доставляетъ еще большее удовольствіе, оставляетъ еще большее впечатлѣніе, чѣмъ прочтеніе въ первый разъ, а басни Крылова—всегда истинно художественныя созданія, оставляющія въ читателѣ всегда глубокое впечатлѣніе не внѣшнимъ содержаніемъ, а выпуклостью, яркостью и внутренней значительностью образовъ. Не все ли вамъ равно, будете ли вы видѣть эту великолѣпную фигуру всемірнаго осла, который „уставясь въ землю лбомъ, „*изрядно*!“ говоритъ“, и совѣтуетъ учиться пѣть соловью у пѣтуха,—будете ли вы видѣть его послѣ или прежде нравоученія?

Нужно сказать къ тому же, что Крыловъ, намѣренно ли это у него выходило или нѣтъ, долженъ былъ иногда именно такъ строить свои басни — съ нравоученіемъ впереди, и въ этомъ выражается одна существеннѣйшая черта его, какъ писателя. Дѣло въ томъ, что онъ выбралъ форму басни для своихъ произведеній сознательно, считая ее наилучшею для цѣлей писателя, наиболѣе вліятельною. „Надлежало бы—говоритъ онъ—поставить въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти“. Крыловъ смотрѣлъ на литературу, какъ на средство вліять на людей, и форма басни, короткаго выраженія нравственныхъ правилъ, потому и дорога была ему, что въ нее могло быть вложено нравственное содержаніе. Не разсказъ—главное было для Крылова, а нравственное правило, заключенное въ немъ. И вотъ почему первое и главное, естественно, могло нерѣдко являться у него на первомъ мѣстѣ. И это тѣмъ болѣе, что всякій разсказъ съ различныхъ точекъ зрѣнія можетъ быть понятъ различно, и авторъ могъ заботиться прямо, чтобы его басни не пони-

мались неправильно, и уже впереди давалъ руководящее начало, тотъ нравственный выводъ, который долженъ найти въ его баснѣ читатель.

Не лишнее сказать, позднѣйшая критика показала, что можно разсказы басенъ толковать очень различно, и въ то же время очень невѣрно и пристрастно. Возьмите хотя бы басню „Ворона и Лисица", и вмѣсто ея прямого и яснаго смысла о гнусности лести, къ тому же только вредящей тому, кто любитъ ее, вы можете подставить такое толкованіе ея: авторъ потому рекомендуетъ считать лесть гнусною, что поддаваясь ей, можно потерять кое-что, какъ ворона потеряла сыръ. Такимъ образомъ можно заподозрить автора въ узости нравственныхъ представленій, въ жалкой практичности. Такъ именно и было по отношенію къ Крылову. Нравственное правило, предпосланное баснѣ, должно предохранять отъ подобныхъ ложныхъ толкованій.

Содержаніе басенъ Крылова необыкновенно разнообразно, и оно тѣсно примыкаетъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя совершались тогда. Существовало удивительное мнѣніе, весьма усердно распространявшееся, будто Крыловъ былъ равнодушенъ къ общественнымъ дѣламъ, просто лѣнивъ. Въ мнѣніи этомъ, вышедшемъ изъ того, что Крыловъ былъ человѣкъ безъ политическихъ претензій, нѣтъ, правды. Крыловъ глубоко отмѣтилъ все то, что̀ было злого, составлявшаго вопросъ въ его время. Среди его басенъ вы найдете и политическія, характеризующія тогдашнія дѣла (напр., „Волкъ въ овчарнѣ" — о Наполеонѣ и его обѣщаніяхъ послѣ 1812 г.), и просто нравственныя; многія говорятъ о воспитаніи, многія нападаютъ на фальшивое образованіе, за которымъ скрывалось невѣжество, и пр. и пр. Все это были серьезнѣйшія явленія того времени, на которыя отзывался Крыловъ не холодно, а съ чувствомъ глубоко умнаго человѣка, не увлеченнаго ни теоріями, ни пристрастіями, смотрѣвшаго на жизнь съ высоты, наблюдавшаго ее въ ея общемъ громадномъ теченіи.

Въ Карамзинѣ, Жуковскомъ и Крыловѣ мы находимъ только элементы того, что̀ должно было стать содержаніемъ русской литературы, потому что сентиментализмъ, который общество

должно было неминуемо забыть въ пользу истиннаго чувства, и романтизмъ чуждыхъ литературъ—могли быть только школой для поэтическаго русскаго чувства, а не цѣлію. Исторія литературы помнитъ и другія имена (Богдановича, съ его „Душенькой“, и особенно Батюшкова, соперника Жуковскаго), заслуживающія благодарности за введеніе въ литературу естественности и правды. Но долженъ былъ появиться геніальный человѣкъ, который могъ бы воспользоваться всѣми элементами языка и уже выраженнаго поэтическаго русскаго чувства—и создать національную русскую, родную литературу, отразить въ своихъ произведеніяхъ поэзію родного, русскаго духа. Такимъ геніемъ и былъ Пушкинъ.

Лирика Пушкина.

Лирическія стихотворенія въ ряду художественныхъ произведеній занимаютъ свое особое мѣсто. Они — плодъ мгновенныхъ, минутныхъ настроеній душевныхъ. Уже вслѣдствіе этого они должны отличаться большимъ разнообразіемъ, могутъ быть противорѣчивы другъ другу,—конечно по настроеніямъ, а не по основнымъ убѣжденіямъ. Все, что̀ переживаетъ своею душою поэтъ,—все это онъ можетъ передать въ лирическихъ произведеніяхъ. Сегодня онъ веселъ и смотритъ на міръ Божій радостно,—онъ пишетъ стихотвореніе полное радости и живыхъ ощущеній жизни; завтра ему грустно, тлѣнными и скоропреходящими представляются ему радости жизни,—и это, противоположное первому, настроеніе онъ передаетъ звучными стихами. Для лирической поэзіи, говоря вообще, нѣтъ предѣловъ, нѣтъ ограниченій, въ нее входитъ все, что̀ не чуждо душевной жизни человѣка. Лирика поэта есть лѣтопись духовнаго существованія его, въ нее заноситъ онъ все, что̀ его поразило, тронуло, что̀ такъ или иначе взволновало его духовную природу, его умъ и сердце. И единственнымъ разумнымъ требованіемъ отъ поэта будетъ то, чтобы онъ съ возможною искренностью и полнотой передавалъ полное и искреннее чувство, чтобы „отъ избытка сердца“ говорили его „уста“.

Напрасно было бы искать какой-то особенной непосред-

ственной пользы отъ произведеніи поэта, особенно произведеній лирическихъ. Если для насъ полонъ высокаго поучительнаго смысла простой прозаическій разсказъ о жизни выдающагося человѣка, т.-е. его біографія, то тѣмъ вліятельнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ облагораживающаго значенія исторія душевной жизни поэта, разсказанная имъ самимъ въ лирическихъ произведеніяхъ. Тамъ, въ біографіи, вамъ говорятъ, что герой ея испыталъ такое-то и такое-то чувство— жалости, презрѣнія, негодованія,—и болѣе ничего сказать не могутъ. А поэтъ разскажетъ вамъ, не только *какое* чувство испыталъ онъ, но и *какъ* испыталъ, представитъ вамъ его въ формѣ осязательно ясной, заставитъ самихъ васъ испытать его. Исторія душевной жизни поэта пройдетъ передъ вами не въ сухой формѣ перечня душевныхъ волненій, а вы сами переживете жизнь поэта. И если принять во вниманіе, что истинный поэтъ всегда „натура центральная", наиболѣе впечатлительный и чуткій человѣкъ своего времени, то указываемое значеніе его возрастаетъ до высокой степени. Обыкновенный, менѣе чуткій человѣкъ отзовется только на часть мыслей и чувствъ, которыя волнуютъ современниковъ; другой изъ этихъ обыкновенныхъ людей отзовется на другое, такъ или иначе захватывающее, волнующее его; третій—на третье. Но чуткая натура поэта объединитъ въ себѣ всѣхъ ихъ, отзовется на всѣ вопросы времени, на всѣ чувства и мысли, интересныя для его современниковъ. Въ его лицѣ—все время со всѣми его характеристическими особенностями; онъ—истинное зеркало духовной жизни цѣлаго періода времени. Это придаетъ поэту какъ бы преимущественно временное значеніе. Но великій нѣмецкій поэтъ выразилъ великую и истинную мысль, сказавъ: „кто жилъ для своего времени, тотъ жилъ для всѣхъ временъ". Потому что истинно человѣческое—свойственно всѣмъ временамъ и всѣмъ людямъ; мѣняются только формы, частью содержаніе чувствъ и мыслей, но сущность остается та же. Всегда люди любили и будутъ любить, всегда ненавидятъ, всегда волнуются новыми задачами и запросами отъ жизни. И вся разница въ томъ, что сегодня они стремятся, напр., къ общему благу однимъ путемъ, а чрезъ десятки лѣтъ

поймутъ иначе свою задачу; но самое стремленіе останется вѣчно юнымъ и прекраснымъ, и всегда будетъ понятно людямъ, всегда они отзовутся на него. Пусть читатель иного времени и не найдетъ въ поэтѣ того, что составляетъ особенность его времени, но онъ самъ замѣнитъ современное поэту своимъ современнымъ, лишь бы поэтъ передалъ въ своей поэзіи то, что было дѣйствительно общечеловѣческаго въ современномъ ему. Такъ, тысячелѣтія спустя, мы способны волноваться страстями героевъ великой эпопеи паденія Трои, хотя насъ совсѣмъ не касаются стремленія ихъ, ихъ подвиги и замыслы.

Все сказанное почти въ идеальной степени примѣнимо къ Пушкину. Пушкинъ былъ именно такимъ поэтомъ, который, живя для своего времени, жилъ для всѣхъ временъ. Въ его лирѣ нѣтъ пристрастій, возникшихъ подъ вліяніемъ условій жизни того времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ пристрастій, онъ отозвался на все, что не чуждо человѣку. Въ его стихотвореніяхъ вы найдете и самое обыкновенное, повседневное, чѣмъ не могъ не жить ни онъ, ни его современники; а рядомъ съ этимъ, передъ читателемъ возникаютъ и тревожнѣйшіе, важнѣйшіе по времени, даже иногда по минутѣ, вопросы времени. Въ немъ не было односторонности, онъ искренно отражалъ въ стихахъ и свои личныя чувства, и тревожившіе его вопросы общественные. Сегодня онъ воспѣвалъ свою любовь, завтра обращался къ важнѣйшему тогда вопросу о крѣпостномъ правѣ, затѣмъ къ вопросамъ объ отношеніяхъ Славянства съ его внутренней борьбой къ Западной Европѣ („Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская Годовщина“). Въ этомъ разнообразіи, въ этой разносторонности сказалась богатая поэтическая натура, въ ней — доказательство геніальности поэта.

Есть мнѣніе, что многое въ поэзіи Пушкина, какъ и другихъ поэтовъ, не нужно, излишне, представляетъ „красивыя бездѣлки“. Есть чувства и волненія, говорятъ намъ, которыя достойны пера поэта, и есть чувства, которыя поэтъ можетъ „оставить про себя“. Весьма естественно, если поэтъ вдохновляется вопросами народнаго блага. Но кому нужно знать,

кого онъ любилъ, что онъ чувствовалъ во время товарищескаго пира и т. п.? Ничего не можетъ быть фальшивѣе такого требованія отъ поэта. Личная жизнь, въ ея, конечно, общечеловѣческихъ свойствахъ,—чувства любви, дружбы и пр. въ жизни человѣчества играютъ не меньшую, а гораздо большую роль, чѣмъ исключительныя высокія стремленія и волненія. Представлять эти чувства въ идеальныхъ, лучшихъ свойствахъ ихъ, какъ это дѣлаетъ поэтъ,—великое дѣло, облагораживающее мысли и чувства читателей. Повседневное, кажущееся незначительнымъ, въ сущности составляетъ самую основу жизни. Развѣ есть хоть одинъ человѣкъ, который бы жилъ исключительно и нераздѣльно одною идеею, напр., славы?—Такой человѣкъ былъ бы ненормаленъ психически. Идеи не мѣшаютъ ни любить, ни ненавидѣть, ни дружиться, ни веселиться и печалиться и проч. Точно такъ же и поэтъ, отражающій искренно свою душевную жизнь, не можетъ оставаться въ средѣ только высокихъ общественныхъ идей. Да если бы и было это возможно, вмѣсто ожидаемой пользы получился бы вредъ, потому что высокія общественныя чувства и стремленія возникаютъ на почвѣ личныхъ. Напр., чтобы умѣть любить родину и честь родины, нужно сначала выучиться любить мать, вообще близкихъ, и уважать ихъ. Поэзія, игнорируя личную жизнь, личныя чувства, не развивая и не поддерживая ихъ, строила бы зданіе съ крыши, а не съ фундамента.

Какъ истинный поэтъ, Пушкинъ зналъ и чувствовалъ это. Онъ свободно отдавался своему вдохновенію, куда бы оно ни вело его. И когда къ нему обращалось требованіе „полезныхъ“ произведеній, онъ, въ извѣстномъ сонетѣ „Поэту“, совѣтовалъ „не дорожить любовію народной“, потому что поэтъ „самъ свой высшій судъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ ту „пользу“, которую онъ приноситъ, сказавъ въ „Памятникѣ“, что къ его нерукотворному памятнику „не заростетъ народная тропа“, потому что онъ—„чувства добрыя возбуждалъ“.

Будучи искреннимъ, Пушкинъ оставилъ намъ множество стихотвореній, касающихся прямо его индивидуальной жизни. Въ нихъ, съ лицейской скамьи и до смерти, онъ передавалъ

все, что западало ему въ душу. Мы находимъ въ нихъ, въ цѣломъ рядѣ эпиграммъ, и его негодованіе противъ неправды, и его мысли о неизбѣжномъ концѣ („Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ"), и его радости и печали по поводу самыхъ разнообразныхъ случаевъ, и порывы его любви и пр. Богатая, геніальная природа поэта развертывается передъ вами въ пышной, ослѣпительной красотѣ и силѣ.

Пушкинъ, какъ уже и сказано, чутко отзывался въ своей поэзіи на тогдашніе общественные вопросы. При неясности, при невыработанности идей этого рода, вопросы эти въ то время носили совсѣмъ особый характеръ, для насъ уже нѣсколько чуждый. Пушкинъ выразилъ въ „Демонѣ" сущность этого общественнаго настроенія. Когда ему еще новы были всѣ „впечатлѣнія бытія", онъ вмѣстѣ съ „взорами дѣвъ и шумомъ дубравы", отмѣчаетъ то, что ему сладко волновало кровь. Это были: „возвышенныя чувства,—свобода, слава и любовь, и вдохновенныя искусства". И эта святая вѣра его получаетъ яркое отраженіе въ его стихотвореніяхъ. Какое высокое представленіе о „вдохновенныхъ искусствахъ" въ его „Пророкѣ"! Какая боль за рабство въ его „Анчарѣ"! И какое высокое представленіе о „славѣ", когда онъ совѣтуетъ „не дорожить любовію народной", если цѣною ея утрачивается искренность и свобода поэта!

Пушкину, въ пору зрѣлости его таланта, знакомы были, однако, и сомнѣнія въ истинности его идеаловъ. Въ „Демонѣ" онъ ярко отразилъ эти сомнѣнія, которыя позже въ обществѣ получили большую силу. Демонъ Пушкина „вдохновенье презиралъ", „не вѣрилъ любви, свободѣ, на жизнь насмѣшливо глядѣлъ". Въ этомъ стихотвореніи нѣчто пророческое, оправдавшееся впослѣдствіи цѣлыми общественными теченіями и показывающее, какъ далеко видѣли впередъ проницательныя очи великаго поэта. Въ пору зрѣлости своего генія Пушкинъ обнаружилъ необыкновенно геніальную способность лирически воспроизводить не свое, а чужое для него душевное настроеніе (напр., въ стихотвореніи „Гусаръ"). Въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ" передъ читателемъ раскрывается дивное древнерусское содержаніе, полное прелести необыкновенной.

Мы говорили до сихъ поръ болѣе о содержаніи поэзіи Пушкина. Но „форма“ поэзіи,—то, *какъ, какими средствами* поэтъ выражаетъ это содержаніе,—не второстепенный элементъ въ поэзіи, а наиболѣе важный. Можно и хорошую идею испортить дурною формою, сдѣлать ее непонятною, неясною. Но формы Пушкинской поэзіи неподражаемы.

Пушкинъ обладалъ въ этомъ смыслѣ свойствомъ почти исключительнымъ, состоящимъ въ томъ, что при страстномъ чувствѣ онъ остается недостижимо простъ. Прочтите любое его стихотвореніе, и вы никогда, ни одного слова не найдете у него, которое было бы „эффектно“. Пушкинъ былъ исключительно страстный человѣкъ. Но въ его стихотвореніяхъ свѣтится такое простое, обыкновенное, повидимому, совсѣмъ не выдающееся чувство! Ни однимъ звукомъ не подчеркиваетъ онъ силы его. Естественно, что вы слышите эту чарующую искренность, и если вы не испорчены стремленіями къ громкому, трескучему, то вы невольно преклонитесь передъ великимъ геніемъ Пушкина. Притомъ всякая мысль и чувство облекается у Пушкина въ „образъ“, простой и реальный, что̀ дѣлаетъ идею совершенно ощутительною. Чувство правды и мѣры всюду господствуетъ въ лирикѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи онъ остается понынѣ единственнымъ въ русской литературѣ.

Поэмы Пушкина.

Поэтическія произведенія достигаютъ различными способами — различныхъ цѣлей. Если лирическія стихотворенія имѣютъ своею задачею передать читателю душевныя состоянія поэта, а чрезъ то и наиболѣе сильныя и характерныя душевныя состоянія его современниковъ, то „эпосъ“, произведенія эпическія, напротивъ, стремятся изобразить жизнь въ ея общемъ теченіи, въ дѣйствіи, со всѣми ея подробностями. Отсюда само собою ясно, что лирическое произведеніе будетъ тѣмъ выше, чѣмъ оно ярче изобразитъ личную душевную жизнь поэта, а произведеніе эпическое (поэма, романъ, повѣсть и пр.) будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ вѣрнѣе и не-

зависимѣе оно отразитъ дѣйствительную жизнь. Когда поэтъ изображаетъ свое личное чувство и настроеніе, вы его, конечно, и ищете въ произведеніи; а когда поэтъ изображаетъ вамъ жизнь, для васъ важнѣе не то, какъ поэтъ смотритъ на нее, а какова она есть въ дѣйствительности. И чѣмъ проще и вѣрнѣе отразилась въ душѣ поэта и передана имъ дѣйствительность, тѣмъ и изображеніе ея поучительнѣе и важнѣе для читателя. Въ наше время, впрочемъ, всѣ подобныя раздѣленія поэзіи на роды утратили въ значительной степени свою силу.

Но ко времени Пушкина вошелъ въ обычай, если хотите, въ моду, особый родъ эпоса, небольшія „поэмы", формы и содержаніе которыхъ были превосходно разработаны Байрономъ. Эти „поэмы" въ сущности совершенно отступили отъ цѣлей и обычнаго до того времени содержанія „эпическихъ" произведеній. Сжатыя и сильныя изображенія какого-нибудь факта—жизненнаго или возникшаго въ воображеніи поэта—въ такихъ поэмахъ принимали характеръ не простой передачи ихъ, а скорѣе изложенія чувствъ и мыслей автора по поводу ихъ. „Поэмы" въ сущности были распространенными лирическими произведеніями, — субъективность, личное настроеніе авторовъ, было въ нихъ совершенно необходимымъ свойствомъ, безъ котораго и само произведеніе не имѣло бы значенія. Таковъ, напр., „Кавказскій плѣнникъ", Пушкина. Изображенія дѣйствительности, собственно, тутъ нѣтъ и быть не могло. Голое описаніе того, какъ русскій попалъ въ плѣнъ къ горцамъ и освободился изъ него благодаря любви къ нему черкешенки, не представляло бы интереса. А слѣдовательно, главное содержаніе всей этой поэмы только и заключается въ горячемъ чувствѣ автора ея, вызванномъ этимъ столкновеніемъ равнодушія и разочарованной пресыщенности образованнаго европейца съ непосредственнымъ, живымъ и сильнымъ чувствомъ дикарки, воспитаннымъ на почвѣ естественной жизни среди величавой природы Кавказа.

Въ русской литературѣ Пушкинъ является, строго говоря, единственнымъ геніальнымъ представителемъ этого рода поэзіи; только у него „поэмы" достигаютъ той силы и вы-

разительности чувства, безъ которой „поэма“ перестаетъ быть значительною. И если можно назвать рядъ хорошихъ произведеній этого рода, созданныхъ русскими поэтами, то ихъ источникъ, первообразъ ихъ формъ и содержанія—въ непревзойденныхъ ими поэмахъ Пушкина.

Какъ извѣстно, Пушкинымъ, въ теченіе его недолгой, но плодотворной жизни, написаны поэмы: „Русланъ и Людмила“ (въ 1817—20 г.), „Кавказскій плѣнникъ“ и „Братья-разбойники“ (1821), „Бахчисарайскій фонтанъ“ (1822), „Цыганы“ (1824), „Полтава“ (1828) и „Мѣдный всадникъ“ (1833). Это—списокъ только самыхъ крупныхъ и значительныхъ поэмъ; въ него не вошли шуточные, хотя и превосходные стихотворные разсказы „Графъ Нулинъ“ и „Домикъ въ Коломнѣ“, да болѣе мелкія вещи, какъ „Галубъ“ и т. п., которыя по своему характеру могутъ быть отнесены къ „поэмамъ“. Посмотримъ теперь, что̀ же сказалъ Пушкинъ каждою изъ этихъ своихъ поэмъ.

„Русланъ и Людмила“ написана Пушкинымъ еще въ пору его юности, въ пору крайней молодости его геніальнаго таланта. Обыкновенно произведенію этому не придаютъ особаго значенія; говорятъ, что это — прелестная „вещь“, но что-то въ родѣ „шалости“. Мнѣніе это односторонне. „Русланъ и Людмила“, какъ бы содержаніе этой поэмы ни казалось не серьезнымъ, играетъ весьма большую роль и въ исторіи нашей литературы, и даже для нашего настоящаго момента. Какъ мы выше выясняли, небольшія романтическія „поэмы“ совсѣмъ не эпическія произведенія въ строгомъ смыслѣ, а занимаютъ середину между произведеніями лирическими и эпическими. Вся разница между лирическимъ стихотвореніемъ и „поэмой“ Пушкинской, въ отношеніи отраженія въ нихъ личности поэта, заключается въ томъ, что въ лирическихъ стихотвореніяхъ отражаются мимолетныя, преходящія, противоположныя другъ другу и смѣняющія другъ друга настроенія, а въ болѣе крупной по объему поэмѣ отражается настроеніе поэта болѣе общее, болѣе постоянное направленіе его ума и чувства. Но если мы будемъ искать въ „Русланѣ и Людмилѣ“ такого общаго настроенія, то тотчасъ найдемъ его: въ ши-

рокомъ и яркомъ теченіи оно захватываетъ нашу душу невольно, и *учитъ* насъ, не давая сознавать и ощущать этого. Дѣло въ томъ, что въ „Русланѣ и Людмилѣ", конечно, не нужно искать ни какихъ-либо отвлеченныхъ идей, поучительныхъ мыслей, ни отраженія дѣйствительности, — ничего подобнаго. Но въ этой поэмѣ есть нѣчто болѣе важное,—въ ней „русскій духъ", въ ней „Русью пахнетъ", какъ сказалъ самъ Пушкинъ въ „прологѣ", приписанномъ имъ къ поэмѣ позже, въ 1828 г. Дѣйствительно, въ русской литературѣ нѣтъ ничего болѣе „русскаго", ничего такого, гдѣ бы болѣе „Русью пахло", тою сказочною Русью, которая отражаетъ мечты народныя. И если простыя сказки, не смотря на то, что въ нихъ тоже нѣтъ ни дѣйствительности, ни прямо бросающихся въ глаза „идей", мыслей,—такъ могущественно воспитательно дѣйствуютъ на душу, то такое же вліяніе обнаруживала и обнаруживаетъ понынѣ „Русланъ и Людмила". Современники не даромъ встрѣтили появленіе поэмы съ такимъ восторгомъ; до нея „Русью не пахло" въ русской литературѣ, и понынѣ читающее юношество учится въ поэмѣ тому неуловимому родному, русскому настроенію, которое въ мысль и чувство вноситъ свой живой и дѣятельный элементъ. И позже Пушкина никто не возвышался до подобной поэмы. Конечно, подобное произведеніе было дѣломъ въ то время слишкомъ новымъ и необыкновеннымъ, и неудивительно найти въ немъ слѣды вліяній европейскихъ (Аріоста).

Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" и въ „Цыганахъ" мы находимъ настроеніе, навѣянное Байрономъ. Англійскій поэтъ, разочарованный въ своей родной цивилизаціи, естественно отражалъ это настроеніе въ своихъ великихъ произведеніяхъ съ тою искренностью и увлеченіемъ, которыя увлекли за нимъ много поэтическихъ силъ Европы. Въ Россіи собственно не было ни того просвѣщенія, которое зналъ въ своей странѣ Байронъ, ни тѣхъ золъ, которыя вызывали его горькіе и страстные протесты; но зато все наше образованіе тогда шло такимъ образомъ, что не способствовало знанію русской дѣйствительности, а, напротивъ, сближало съ душевною жизнью чуждыхъ народовъ. Въ обществѣ появлялись даже и разоча-

рованные—не окружающею ихъ картиной русской жизни, которой они не знали, а, такъ-сказать, безпредметно, по примѣру европейцевъ. Естественно, что великій русскій поэтъ, подъ вліяніемъ Байрона, отразилъ это настроеніе въ названныхъ поэмахъ. Но русское чувство, чувство „русскаго духа", съ такой силой выразившееся въ „Русланѣ Людмилѣ", спасало Пушкина отъ простой подражательности въ изображеніи характеровъ разочарованныхъ героевъ: и Кавказскій плѣнникъ, и Алеко въ „Цыганахъ"—не французы, не англичане, не нѣмцы, а русскіе люди, отражающіе не западно-европейское разочарованіе, а просто раздумье передъ тѣми свойствами, возбуждавшей и въ Европѣ отрицательное къ себѣ отношеніе, цивилизаціи, которыя уступаютъ въ нравственности и правдѣ самымъ примитивнымъ нравамъ простой, естественной жизни какихъ-нибудь черкесовъ или цыганъ. Въ молодомъ обществѣ, каково русское, еще начинавшемъ дѣло своего образованія, только такое раздумье и могло возникнуть подъ вліяніемъ Байрона и европейскихъ разочарованій вообще.

Но рядомъ съ этими навѣянными произведеніями, Пушкинъ началъ создавать и другія, которыя показывали здоровый ростъ мысли въ направленіи живомъ, ничего общаго съ разочарованностью не имѣвшемъ. Въ одномъ году съ „Кавказскимъ плѣнникомъ", Пушкинъ написалъ „Братья-разбойники", а въ слѣдующемъ—„Бахчисарайскій фонтанъ", въ которыхъ преобладаютъ простыя человѣчныя мысли. Въ „Братьяхъ-разбойникахъ" Пушкинъ съ удивительною силой таланта показалъ намъ душу разбойника въ ея сущности, а не въ звѣрскихъ проявленіяхъ, показалъ, что и въ ней „дремлетъ совѣсть", которая „проснется въ черный день". И опять Пушкинъ въ этой области простой человѣчной мысли почти не имѣетъ предшественниковъ, имѣя столько послѣдователей. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ"—въ другой формѣ, но также гуманная же мысль вызывается трагическими событіями, созданными страстями человѣческими.

И что всего поразительнѣе въ Пушкинѣ, что показываетъ всю необычайную великость его генія,—въ этихъ разнообразныхъ темахъ, которыя онъ избираетъ, онъ остается всюду

свободенъ и простъ. Берется онъ описать бытъ кавказскаго горца—и передъ читателемъ развертывается прелестная, исполненная жизни картина, если и не полная (не могъ же Пушкинъ знать подробно бытъ черкесовъ!), то рѣшительно запечатлѣнная духомъ именно кавказской жизни, носящая *ея* характеръ и ничей другой. Восточный ли гаремъ передъ нами съ его повелителями—и передъ вами *та* жизнь, не русская, и не иная, а именно жизнь гарема, опять не полная, но съ ея особенностями. Цыганы ли передъ вами—и ихъ именно духъ и характеръ возникаютъ передъ вашими умственными очами.

„Полтава“ и „Мѣдный всадникъ“ показываютъ намъ Пушкина въ пору зрѣлости его ума и таланта проникнутымъ думами о родинѣ, о прошломъ и будущемъ нашего отечества. Мы видимъ воочію величавый геній преобразователя нашей жизни, Великаго Петра, въ великомъ созданіи Пушкина—„Полтава“. Подвигъ великаго царя, конечно, былъ и не могъ не быть связанъ со страшными жертвами, которыхъ онъ требовалъ во имя будущаго. Во времена Пушкина уже являлось осужденіе великаго преобразователя за страданія народа, которыми сопровождались пріобрѣтенія моря и благъ европейской образованности. И вотъ, въ „Мѣдномъ всадникѣ“ этотъ протестъ противъ Петра, по поводу бѣдствія, въ которомъ онъ, какъ основатель Петербурга, играетъ роль косвенно виновнаго,—представляется безумнымъ заблужденіемъ; оно наказывается страшною иллюзіей—страхомъ передъ скачущимъ мѣднымъ великаномъ—памятникомъ Петра...

Въ поэмахъ Пушкина мы видимъ послѣдовательный ростъ его идей, постепенный переходъ отъ западно-европейскихъ вліяній къ своему, русскому. Тотъ „русскій духъ“, который сказался въ поэтѣ вначалѣ, въ „Русланѣ и Людмилѣ“, получилъ преобладаніе и въ концѣ его поэтической дѣятельности.

„Евгеній Онѣгинъ".

Среди произведеній Пушкина „Евгеній Онѣгинъ", романъ въ стихахъ, имѣетъ совершенно особенное значеніе. Художественныя созданія приносятъ неизмѣримую пользу человѣку уже и тѣмъ, что „добрыя чувства" возбуждаютъ въ немъ, въ то же время дѣлая его опытнѣе, давая ему знаніе жизни и людей. Но помимо этой общей пользы, произведеніе литературы можетъ имѣть болѣе частное и опредѣленное назначеніе—отразить тѣ перемѣны, которыя происходятъ въ духовной жизни общества подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій, — отразить и такимъ образомъ дать ихъ понять, сознать. Въ этомъ смыслѣ литература есть не только могущественное средство для общественнаго самосознанія, но и, такъ сказать, совѣсть общества, общественная исповѣдь. Въ литературѣ своей извѣстный народъ или извѣстное общество устами чуткаго и впечатлительнаго поэта, наиболѣе умѣющаго выразить свои мысли и чувства, раскрываетъ передъ глазами всѣхъ и каждаго свои достоинства и свои пороки, отражаетъ глубоко скрытыя и, быть можетъ, еще не вполнѣ выяснившіяся стремленія,—слѣдовательно, не только говоритъ о настоящемъ, но до нѣкоторой степени даетъ понять и будущее, зарождающееся въ стремленіяхъ общества. Поэтъ въ извѣстномъ смыслѣ есть дѣйствительно „пророкъ", и какъ учитель общества, и какъ проницательный умъ, обладающій силой глубоко проникать въ будущее. Въ этомъ смыслѣ „Евгеній Онѣгинъ" занимаетъ въ русской литературѣ необыкновенно высокое положеніе.

Въ тѣ дни, когда талантъ Пушкина развертывалъ свои могучія силы, въ обществѣ русскомъ возникалъ особый родъ людей, особый „типъ", свидѣтельствовавшій о чемъ-то болѣзненномъ въ русской жизни. Въ то время какъ люди, не выдававшіеся изъ своей среды, такъ или иначе приноровлялись къ жизни, узнавали ее и становились въ ней дѣятелями, иногда весьма полезными, —въ это самое время люди богато одаренные, несом-

нѣнно умные, притомъ получившіе значительное, сравнительно съ другими русскими людьми того времени, европейское образованіе, оказывались совершенно безполезными членами въ русскомъ обществѣ. Нужно сказать, что типъ этотъ возникалъ еще только, какъ мы сказали, и общество русское еще не знало его, а если и видѣло его, то смотрѣло на него безъ вниманія, не понимало его. Непониманіе это было вполнѣ естественно и понятно, потому что самое явленіе было ново, еще не успѣло выясниться. И когда, въ лицѣ героя романа, въ Евгеніи Онѣгинѣ, появилось литературное изображеніе этого типа, о немъ возникли самые разнообразные толки. Даже много спустя, знаменитый критикъ Бѣлинскій все еще не могъ дать дѣйствительнаго пониманія его.

Велика была заслуга Пушкина въ томъ, что онъ своимъ проницательнымъ умственнымъ взоромъ съумѣлъ подмѣтить и изобразить новое, важное явленіе русской умственной жизни. Заслуга эта тѣмъ значительнѣе, что въ русской литературѣ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ въ первый разъ сказалось такое живое и дѣятельное отношеніе литературы къ русской общественной жизни. Правда, еще до Пушкина, преимущественно въ фонъ-Визинѣ, въ его комедіяхъ „Недоросль“ и „Бригадиръ“, литература брала уже на себя общественныя задачи. Но тамъ еще не было соединенія художественности, истинности воспроизведенія жизни съ общественнымъ содержаніемъ. Тамъ въ лицѣ Простаковыхъ и имъ подобныхъ осмѣивалось невѣжество, а въ лицѣ Цифиркиныхъ хвалилось просвѣщеніе; но эти Простаковы и Цифиркины не были живыми людьми, а только изображеніями съ предвзятою цѣлію,—авторъ по произволу придавалъ имъ свойства и складъ мыслей. Въ Евгеніи же Онѣгинѣ въ первый разъ (если не считать комедіи „Горя отъ ума“—Грибоѣдова, почти одновременно съ „Онѣгинымъ“ появившейся) передъ читателемъ былъ изображенъ совершенно живой человѣкъ, въ которомъ не были выставлены на передній планъ извѣстныя свойства для осмѣянія ихъ или для восхваленія; все въ немъ было просто и естественно, но вызывало на размышленія. Что такое онъ представлялъ собою—было неопредѣленно и загадочно.

Пушкинъ въ высокой степени правдиво изобразилъ въ Онѣгинѣ образованнаго человѣка своего времени; и понять его было бы, вообще говоря, не трудно, если бы не встрѣчалось къ тому препятствій въ самыхъ условіяхъ жизни и понятіяхъ общества. Онѣгинъ привлекалъ къ себѣ многими своими сторонами—онъ былъ образованнѣе и умнѣе окружающихъ, и современному ему читателю трудно было признать въ изображеніи его осужденіе образованныхъ русскихъ людей тогдашняго времени, не смотря даже на то, что отношеніе къ нему самого Пушкина было несомнѣнно нѣсколько ироническое. Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ Онѣгина поставленъ былъ нѣкоторый вопросъ, требовавшій разрѣшенія,—вопросъ о томъ, почему образованіе не давало Онѣгину ни силы, ни желанія дѣлать въ обществѣ благотворное дѣло.

Изображеніемъ Онѣгина Пушкинъ надолго далъ особое направленіе русской литературѣ. Съ тѣхъ поръ почти до настоящаго момента вопросъ, поставленный Пушкинымъ, сдѣлался живѣйшимъ вопросомъ во всей русской литературѣ. Рядъ русскихъ великихъ писателей неизмѣнно стремился къ тому, чтобы изобразить и осмыслить, разъяснить этотъ загадочный типъ, который изображенъ былъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. Гоголь изобразилъ тотъ же типъ въ Тентетниковѣ въ „Мертвыхъ душахъ“, Лермонтовъ въ Печоринѣ въ „Героѣ нашего времени“, Герценъ—въ Бельтовѣ въ романѣ „Кто виноватъ“, Тургеневъ — въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“, въ Чулкатуринѣ („Дневникъ лишняго человѣка“), въ „Рудинѣ“, въ Лаврецкомъ („Дворянское гнѣздо“), Гончаровъ въ „Обломовѣ“. Затѣмъ въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого, этотъ типъ является въ многообразныхъ развѣтвленіяхъ. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что эта работа литературы принесла огромную пользу русскому общественному самосознанію. Творцу „Евгенія Онѣгина“, Пушкину, который первый открылъ и показалъ литературѣ плодотворный путь, принадлежитъ и первая слава среди русскихъ писателей.

Что же такое представлялъ собою Евгеній Онѣгинъ? Мы выше сказали, что современниками онъ понятъ не былъ,—самосознаніе общества, начатое Пушкинымъ, развивалось по-

степенно. Бѣлинскій, какъ опять замѣчено выше, почелъ нужнымъ защищать даже не хорошія дѣйствія Онѣгина — убійство Ленскаго, пренебреженіе къ окружающимъ и въ томъ числѣ къ радушно встрѣтившей его семьѣ Лариныхъ, неумѣстное высокомѣріе передъ Татьяной въ деревнѣ и еще менѣе умѣстную его любовь, питаемую тщеславіемъ, къ той же Татьянѣ въ Петербургѣ, и пр. Онъ защищалъ Онѣгина, какъ человѣка „образованнаго", что̀ онъ и выражаетъ категорически. Другой знаменитый критикъ, Добролюбовъ, между тѣмъ, прямо записалъ Онѣгина въ разрядъ представителей русской лѣни и бездѣятельности, а знаменитый романистъ Гончаровъ называетъ его, вмѣстѣ съ другими названными выше героями литературныхъ произведеній, просто „паразитомъ". Все явленіе, выраженное Онѣгинымъ, многіе, и между ними Достоевскій, назвали „недугомъ", умственною болѣзнью. Люди различныхъ воззрѣній сошлись на этомъ мнѣніи.

Въ чемъ же состоитъ эта болѣзнь, этотъ недугъ? На этотъ вопросъ своеобразный отвѣтъ данъ представителемъ „почвенниковъ", замѣчательнѣйшимъ критикомъ Аполлономъ Григорьевымъ. Почвенники утверждали, и конечно не безъ основанія, что образованіе только тогда получаетъ общественную цѣнность, только тогда можетъ быть полезно людямъ, когда оно стоитъ въ тѣсной связи съ „почвой", на которой суждено дѣйствовать человѣку въ жизни. Образованіе, которое не имѣетъ корней въ почвѣ, естественно должно засохнуть, поблекнуть безъ слѣда, безъ плода для будущаго. Между тѣмъ все русское образованіе тогда было именно „безпочвенно", и люди, получившіе его, были поистинѣ „безпочвенными". Таковъ именно и былъ Онѣгинъ со всѣми своими потомками: Обломовымъ, Печоринымъ, Рудинымъ и проч.

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрите, какое ненормальное направленіе приняло образованіе у насъ во времена Пушкина и послѣ него. Ребенокъ прежде всего поступалъ въ вѣдѣніе иностранныхъ гувернантокъ, обыкновенно исполненныхъ презрѣнія къ русской жизни, и выучивался отъ нихъ думать на чужомъ языкѣ, а и иногда и презирать родной языкъ и родную жизнь. Въ лучшемъ случаѣ, онъ подвергался вліянію родной

природы и родныхъ людей, которое только умѣряло иностранное вліяніе, не уничтожая его. Ребенокъ росъ, а обстоятельства не измѣнялись. Гувернантку замѣнялъ гувернеръ, „monsieur Abbé, французъ убогій“, по выраженію Пушкина, но онъ, конечно, не былъ лучше гувернантки. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, интереса къ родной жизни не возникало. При томъ же образованный человѣкъ того времени принадлежалъ къ классу высшему, онъ былъ окруженъ крѣпостными, вообще такимъ строемъ жизни, который не могъ не вызывать въ немъ чувства собственнаго превосходства и не вселять сознанія, что русская жизнь дѣйствительно печальна. Потомъ, въ пору серьезнаго развитія, за несуществованіемъ русской литературы и русской науки, человѣкъ того времени, естественно, жилъ умственными интересами опять не русскими, читалъ иностранныя литературы, зналъ иностранныхъ ученыхъ,— и вся Русь представлялась ему страною, лишенною живого ума. Образованный человѣкъ тогдашняго времени былъ всѣмъ чѣмъ угодно, но только не русскимъ человѣкомъ по своимъ понятіямъ и представленіямъ. Онъ былъ оторванъ отъ русской почвы, отъ русской дѣйствительности, и выборы во французской деревушкѣ были для него несравненно интереснѣе, чѣмъ вся жизнь его родной страны во всей своей цѣлости. Языкъ, понятія, бытъ—все было чуждо ему въ родной странѣ, а чужбина была все-таки чужая.

Въ этихъ условіяхъ возникалъ такой душевный строй въ человѣкѣ, что онъ былъ лишнимъ всюду и лишнимъ для себя самого. Человѣкъ есть существо общественное по природѣ, и все, что̀ онъ дѣлаетъ, онъ стремится дѣлать для своихъ ближнихъ и съ своими ближними. Но что̀ могли значить, къ чему служить теоретическія, изъ иностранныхъ книжекъ почерпнутыя, мнѣнія объ общественномъ устройствѣ, когда съ ними человѣкъ являлся въ русскую глухую деревню?.. Интереса къ окружающей жизни нѣтъ, — и скука, и метаніе съ мѣста на мѣсто являются естественнымъ результатомъ. Словомъ, всѣ свойства Онѣгина являются прямымъ слѣдствіемъ его оторванности отъ родной жизни, отличавшейся къ тому

же въ высшей степени печальными, не привлекавшими къ себѣ, сторонами.

Въ то время и долго послѣ, европейское образованіе было идеаломъ и цѣлью стремленій русскаго общества. Естественно, что критическаго отношенія къ этому великому и святому дѣлу быть не могло. Какъ же, слѣдовательно, велико дѣло Пушкина, который своимъ поэтическимъ прозрѣніемъ угадалъ и художественно изобразилъ отрицательную сторону тогдашняго русскаго образованія, указавъ, что̀ въ немъ было ненормальнаго и опаснаго!

Драматическія произведенія Пушкина.

Драма считается высшимъ родомъ словеснаго искусства. И мнѣніе это вполнѣ основательно. Въ романѣ, въ повѣсти, вообще во всякомъ другомъ литературномъ произведеніи авторъ обладаетъ многочисленными и разнообразными средствами передать читателю свою мысль и разъяснить характеры дѣйствующихъ лицъ. Если воображеніе автора не даетъ образа, выражающаго его мысль, онъ можетъ сказать эту мысль просто, ослабивъ этимъ, но не уничтоживъ ея силы; если ему не удается *изобразить* характеръ дѣйствующаго лица, представить его въ дѣйствіи, онъ можетъ предложить читателю свое пониманіе этого характера въ формѣ прозаическаго разъясненія, не нарушая тѣмъ значенія своего произведенія. То, что̀ происходитъ въ душѣ дѣйствующаго лица, черты его душевной жизни, въ повѣсти или романѣ преимущественно разъясненіями и передается, да во многихъ случаяхъ и не можетъ быть иначе передано: авторъ просто говоритъ, что такое-то дѣйствующее лицо чувствовало то-то и то-то, испытывало такія-то мысли, имѣло такія-то намѣренія и желанія.

Совершенно иныя условія представляетъ произведеніе драматическое. Въ немъ авторъ стѣсненъ самою формою его, въ его распоряженіи — только разговоры самихъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ дѣйствія въ данный моментъ. Здѣсь

авторъ уже не можетъ, для объясненія свойствъ дѣйствующаго лица, сослаться на его прошлое, на разныя посторонія данному моменту обстоятельства,—все должно быть включено здѣсь въ *дѣйствіе*, происходящее передъ глазами зрителя (или читателя). Въ драмѣ, въ комедіи, въ трагедіи—нѣтъ ничего, кромѣ настоящаго момента, и если авторъ вынуждается познакомить зрителя съ обстоятельствами посторонними, то можетъ сдѣлать это не иначе, какъ въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ, при чемъ онъ ежеминутно рискуетъ впасть въ неестественность, въ то, что разъясненіе этихъ обстоятельствъ будетъ казаться некстати вложеннымъ въ уста дѣйствующаго лица. Характеры дѣйствующихъ лицъ здѣсь выражаются уже съ гораздо большею трудностью, преимущественно въ ихъ рѣчахъ, а потому каждое слово, сказанное персонажемъ, должно быть взвѣшено авторомъ. Въ драмѣ нельзя, напр., сказать, что такое-то дѣйствующее лицо — человѣкъ мнительный, самолюбивый и т. п., а нужно, чтобы мнительность и самолюбіе эти ясны были изъ словъ и поступковъ его. Драматическое произведеніе имѣетъ цѣлью изобразить жизнь такъ, какъ она происходитъ въ дѣйствительности, какъ она совершается *передъ глазами* наблюдателя. Но въ сценахъ живой дѣйствительности нерѣдко многое остается для васъ непонятнымъ, необъясненнымъ, такъ какъ мы не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ сложились онѣ, а въ драмѣ дѣйствительность должна быть скомбинирована такимъ образомъ, чтобы не только въ ней не оставалось чего-нибудь недоговореннаго, но чтобы тайный смыслъ явленій дѣйствительности, ея „идеи", смотрѣли изъ нея. Ясно, какъ много силы таланта, воображенія, какъ много обдуманности, знанія жизни, пониманія ея нужно для созданія истинно-художественнаго драматическаго произведенія.

Необходимо, однако, сказать слѣдующее. Трудность созданія истинно художественныхъ драматическихъ произведеній стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ современнымъ развитіемъ театровъ, съ ихъ постоянною потребностью все въ новыхъ и новыхъ пьесахъ. И, какъ извѣстно, театральныхъ пьесъ появляется множество. Быстрота, съ кото-

рой онѣ производятся, повидимому, не свидѣтельствуетъ о какихъ либо трудностяхъ. Но пьесы, назначаемыя для театра, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не принадлежатъ не только къ художественнымъ произведеніямъ, но даже и вообще къ литературѣ. Авторы ихъ обыкновенно не заботятся о созданіи типовъ, характеровъ, а придумываютъ только извѣстныя положенія и столкновенія обстоятельствъ, которымъ и придаютъ форму удобную для сцены. Въ подобныхъ пьесахъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, т.-е. главное въ драматическомъ произведеніи, нерѣдко совершенно безцвѣтны и незначительны; характеровъ, поэтому, нѣтъ, о типахъ авторы и не заботятся. Въ нихъ—все возлагается на актеровъ, которымъ самою безцвѣтностью дѣйствующихъ лицъ дается широкій просторъ для сценическаго изображенія. И хорошій актеръ, знающій жизнь, можетъ придать живую физіономію совершенно мертвому лицу, поставленному въ пьесѣ. Такія чисто театральныя произведенія очень удобны для обычныхъ представленій; художественная пьеса требуетъ, чтобы актеръ передалъ мысль автора, изобразилъ характеръ, который данъ *имъ*, а это гораздо труднѣе, чѣмъ играть по своему усмотрѣнію роль, которую авторъ оставилъ недостаточно опредѣленною. Но, повторяемъ, подобныя пьесы принадлежатъ театру, а не литературѣ, и, напротивъ, есть много высокохудожественныхъ драматическихъ произведеній, которыя на сценѣ мало удобны. Таковъ, напр., „Фаустъ“ Гёте. Таковы, нужно сказать, и всѣ драматическія произведенія Пушкина.

Пушкинъ былъ приведенъ къ мысли создать нѣсколько драматическихъ произведеній прежде всего изученіемъ Шекспира, этого величайшаго представителя драматической поэзіи, соединявшаго въ себѣ геніальный умъ съ геніальнымъ художественнымъ талантомъ и давшаго рядъ удивительныхъ произведеній, глубокихъ и поучительныхъ какъ сама жизнь. Самъ Пушкинъ писалъ, что „изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало ему мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи“, и въ 1825 году онъ написалъ своего „Бориса Годунова“. Произведеніемъ этимъ онъ былъ доволенъ. Убѣж-

денный, что публикою оно понято не будетъ, Пушкинъ съ „отвращеніемъ рѣшался выдать его въ свѣтъ“, но „могъ сказать“, что „c'est une oeuvre de bonne foi“. „Писанная мною въ строгомъ уединеніи—говоритъ онъ—вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены всѣ усилія“... „Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые!.. Труды мои были ревностны и добросовѣстны“...

Такъ писалъ Пушкинъ, и внутреннее чувство не обманывало его,—„Борисъ Годуновъ“ былъ свидѣтельствомъ зрѣлости и высокой серьезности его таланта. То, что онъ сказалъ объ этомъ своемъ великомъ призведеніи, есть дѣйствительная и лучшая характеристика его. Въ немъ мы находимъ и „великое и широкое изображеніе характеровъ“, подобное Шекспировскому, и „необыкновенное составленіе типовъ“, и поистинѣ геніальную „простоту“, и „свѣтлое развитіе происшествій“, и „образъ мыслей, и языкъ, угаданный по лѣтописямъ“. Достаточно остановиться на одномъ типѣ лѣтописца, всѣмъ своимъ недолгимъ присутствіемъ въ пьесѣ ярко освѣтившемъ цѣлую огромную сторону русскаго народнаго характера. Онъ пишетъ „еще одно, послѣднее сказанье“, видя въ этомъ „долгъ, завѣщанный отъ Бога“, и его цѣли, его надежды въ томъ исключительно, что

Когда-нибудь монархъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, *безъименный*:
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду.
И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнуе
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ“...

Какія простыя, и въ то же время характерныя, многознаменательныя слова! Въ нихъ Пушкинъ собралъ черты, плѣнившія его въ старыхъ лѣтописяхъ; „умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, совершенное отсутствіе суетности“ — вотъ, по словамъ Пушкина, что составляетъ самыя существенныя свойства изображеннаго имъ лѣтописца, какъ и всѣхъ вообще русскихъ „драгоцѣнныхъ памятниковъ временъ давно минувшихъ“. И это сложное душевное содержаніе исчерпано Пушкинымъ въ немногихъ строкахъ рѣчи лѣтописца, раздумчиво бесѣдующаго съ самимъ собою надъ своимъ трудомъ. Нужно было глубоко заглянуть въ душу человѣка другого времени, чтобы создать такую простую и величавую сцену. Пушкинъ, конечно, изображаетъ время самозванцевъ такъ, какъ его можно было понимать *тогда*, при тогдашнемъ состояніи исторической науки; мы можемъ теперь нѣсколько иначе понимать, по крайней мѣрѣ, частности тѣхъ событій, иное нѣчто видѣть въ самозванцѣ, — но художественный, психологическій смыслъ произведенія Пушкина отъ того не измѣняется и не умаляется.

Бо̀льшая или меньшая степень совершенства изображенія присуща всѣмъ характерамъ дѣйствующихъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ лицъ. Не сценическія достоинства составляютъ главное въ „трагедіи“ Пушкина; едва ли на сценѣ могли бы производить то же впечатлѣніе эти исполненныя мысли, требующія строгаго вниманія рѣчи дѣйствующихъ лицъ, по которымъ можно изучать душу человѣка. Но именно то, что̀ составляетъ и высококое совершенство, и трудность драматическаго произведенія — полное и ясное отраженіе душевныхъ свойствъ множества разнообразныхъ лицъ въ ихъ рѣчахъ, присутствуетъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ въ поражающей степени.

„Борисъ Годуновъ“, какъ извѣстно, въ сущности единственное цѣлое драматическое произведеніе Пушкина. Впослѣдствіи (1830 — 1832) Пушкинымъ написано нѣсколько драматическихъ вещей или отрывочныхъ, или неоконченныхъ. Но ихъ внутреннее достоинство такъ необычайно велико, что они, напр., „Скупой рыцарь“, не уступаютъ „Борису Году-

нову". Прочитайте первую же сцену этого удивительнаго созданія генія. Вся борьба разнообразныхъ чувствъ рыцаря, угнетаемаго болѣзненною скупостью отца, съ такой полнотой проходитъ передъ вами, что кажется вы давнымъ-давно знаете его, понимаете его прошлое, не ошибетесь въ его будущемъ. Въ одномъ монологѣ онъ все выдаетъ вамъ, всю свою благородную душу съ ея отвращеніемъ къ низости и вынужденной мелкой заботѣ о шлемѣ, конѣ—о деньгахъ вообще, какъ источникѣ всего этого. А монологъ отца его въ подвалѣ, передъ открытыми сундуками золота! Душа скупца въ ея мельчайшихъ изгибахъ вся раскрывается передъ вами. Нѣтъ ничего поучительнѣе художественнаго созданія, отражающаго съ такою полнотой душу человѣка въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Сказанное нами о совершенствахъ вышеназванныхъ драматическихъ произведеній Пушкина вполнѣ примѣнимо къ другимъ, изъ которыхъ каждое, однако, отличается удивительною своеобразностью и въ формѣ, и въ содержаніи. Пушкинъ беретъ картины душевной жизни изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ. Въ „Моцартѣ и Сальери" изображается зависть таланта къ генію, доводящая до преступленія; въ „Пирѣ во время чумы"—передъ читателемъ страшная картина внѣшняго разгула, которымъ люди хотятъ прикрыть и отъ себя, и отъ другихъ чувство страха и отчаянія, вызываемые близкою, даже обратившеюся въ привычку, опасностью смерти; въ „Русалкѣ" изображена такая трогательная и трагическая картина любви и гибели отъ нея, а съ другой стороны—мученій преступной совѣсти, и т. д. Даже въ прозаическихъ, не стихотворныхъ, „Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ", необработанныхъ и отрывочныхъ, драматическій геній Пушкина сказался съ великою силой въ томъ смыслѣ, что при чтеніи этихъ сценъ читателя охватываетъ духъ средневѣковыхъ рыцарскихъ временъ съ ихъ оригинальными доблестями и своеобразными жестокими пороками.

Если въ „Скупомъ рыцарѣ", въ „Сценѣ изъ Фауста", въ „Пирѣ во время чумы", въ „Моцартѣ и Сальери", въ „Каменномъ гостѣ" и пр. геній Пушкина развертываетъ свои

силы въ смыслѣ проникновенія въ душу человѣка вообще и изображенія общечеловѣческихъ душевныхъ свойствъ, то въ „Борисѣ Годуновѣ“ и въ „Русалкѣ“ отражается преимущественно русская душа, русскій народъ: въ первомъ произведеніи—въ его исторической дѣятельности, а въ послѣднемъ—въ его будничной дѣйствительности. И то, и другое произведеніе должны быть изучаемы съ указываемой точки зрѣнія,—въ нихъ средство и источникъ проникновенія въ родную духовную дѣйствительность.

Пушкинская проза.

Еще въ 1827 году и даже ранѣе, когда поэтическій геній Пушкина приблизился къ порѣ своего высшаго развитія, великій поэтъ выказалъ склонность къ прозаической рѣчи и написалъ знаменитыя главы неоконченнаго историческаго романа „Арапъ Петра Великаго“. Въ тѣ времена такой переходъ отъ стиховъ къ прозѣ былъ явленіемъ не особенно обыкновеннымъ, потому что рѣчь стихотворная тогда прямо предпочиталась прозаической, поэзія предполагалась принадлежностью преимущественно стиховъ, которые, какъ извѣстно, по-французски и вообще на иностранныхъ языкахъ и назывались именемъ „поэзіи“, въ противоположность „прозѣ“—рѣчи не мѣрной, не стихотворной.

Для Пушкина этотъ переходъ былъ тѣмъ неожиданнѣе, что онъ владѣлъ стихомъ въ совершенствѣ, писалъ стихами съ тою же легкостью, какъ и прозой. Между тѣмъ, за „Арапомъ Петра Великаго“ послѣдовали въ 1830 г. „Повѣсти Бѣлкина“ („Выстрѣлъ“, „Метель“, „Гробовщикъ“, „Станціонный смотритель“, „Барышня-крестьянка“), „Исторія села Горохина“, два года спустя — „Дубровскій“, въ 1833 г. „Капитанская дочка“ Въ то же время занятія исторіей привели Пушкина къ составленію монографіи „Исторія Пугачевскаго бунта“, а изданіе журнала *Современникъ* привело его къ необходимости написать нѣсколько журнальныхъ статей и замѣтокъ. Такъ создалось нѣсколько томовъ Пуш-

кинской прозы, имѣющей весьма важное значеніе въ исторіи русской литературы. Конечно, наибольшее значеніе среди этихъ „прозаическихъ“ произведеній Пушкина принадлежитъ повѣстямъ и романамъ, проникнутымъ роскошною поэзіею.

Съ момента ихъ появленія и, въ сущности, до настоящаго времени на нихъ русская критика смотрѣла и смотритъ съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, приходя и къ двумъ несогласнымъ мнѣніямъ. Одно изъ нихъ, основанное Бѣлинскимъ, гласитъ, что повѣсти Пушкина „недостойны ни таланта, ни имени Пушкина“. Конечно, онъ признаетъ и достоинства въ этихъ произведеніяхъ великаго поэта, свидѣтельствующія о геніальности автора. Такъ, предъ семью главами неоконченнаго „Арапа Петра Великаго“ Бѣлинскому казались „бѣдны и жалки“ даже талантливыя и не лишенныя достоинствъ произведенія другихъ авторовъ того времени; онъ отдаетъ справедливость удивительно вѣрному изображенію въ „Пиковой дамѣ“ старой графини, ея воспитанницы и ихъ отношеній; многія картины и изображенія въ „Капитанской дочкѣ“ кажутся ему „чудомъ совершенства“ по вѣрности, правдивости содержанія и мастерству изложенія и т. д. Словомъ, за Пушкинымъ признается великое превосходство передъ русскими писателями, его современниками и предшественниками, но это не считается даже и похвалой, потому что—„великому не большая честь быть выше пигмеевъ, — а больше его у насъ не съ кѣмъ сравнивать“. Такъ говорилъ Бѣлинскій по поводу собственныхъ своихъ похвалъ „Арапу Петра Великаго“.

Невысокая сравнительно оцѣнка повѣстей Пушкина основывалась на ихъ содержаніи. „Повѣсти Бѣлкина“, напр., сравнивались съ повѣстями Карамзина и объявлялись ниже своего времени; „Барышня-крестьянка“ признавалась разсказомъ неправдоподобнымъ, водевильнымъ, представляющимъ помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія; „Пиковая дама“—не повѣстью, а анекдотомъ, хотя разсказана она мастерски. Во всякомъ случаѣ, „Арапъ Петра Великаго“, „Капитанская дочка“, „Дубровскій“ и „Лѣтопись села Горохина“ считались произведеніями замѣчательными, при чемъ послѣд-

нія два, какъ изображенія тяжелыхъ сторонъ помѣщичьяго быта, даже и содержаніемъ своимъ казались значительными.

Съ иной точки зрѣнія взглянулъ на прозаическія произведенія Пушкина представитель другого критическаго направленія, Ап. Григорьевъ. Именно въ „Повѣстяхъ Бѣлкина", считавшихся наиболѣе слабыми и незначительными по содержанію, онъ увидѣлъ выраженіе особаго, новаго направленія Пушкина, которое критику было необыкновенно симпатично. По его воззрѣнію, Пушкинъ, въ теченіе всего своего литературнаго поприща, своею мыслію и симпатіями постепенно переходилъ отъ навѣянныхъ на него иностранными литературами идеаловъ къ идеаламъ русскимъ, болѣе простымъ и обыкновеннымъ, болѣе свойственнымъ русскому народному характеру. Вмѣсто героевъ въ родѣ кавказскаго плѣнника, Алеко, наконецъ, даже Онѣгина, страдающихъ какими-то непонятными разочарованіями и страданіями, не мирящихся съ обыкновенною долею всѣхъ людей и ищущихъ для себя какого-то исключительнаго положенія, исключительныхъ подвиговъ,—вмѣсто этихъ героевъ Пушкину стали представляться болѣе интересными самые обыкновенные люди, люди милліонныхъ массъ, которые собственно и дѣлаютъ жизнь; стали для него болѣе интересными не выдуманныя, а настоящія, дѣйствительныя, реальныя радости и страданія, наполняющія жизнь обыкновенныхъ людей. Въ „Повѣстяхъ Бѣлкина", какъ и въ другихъ прозаическихъ произведеніяхъ, преимущественно и высказывались эти симпатіи Пушкина къ простому человѣку, къ „мирному" типу людей. Въ этомъ, по воззрѣнію Ап. Григорьева, сказалась русская душа, особенность русскаго характера, наше „типовое", какъ онъ выразился,—стремленіе къ простому и доброму.

Таковы два воззрѣнія на Пушкина, преимущественно высказанныя именно по поводу его прозаическихъ произведеній. Какъ ни противоположны они повидимому, но въ нихъ обоихъ есть черты истины, усматриваемой съ разныхъ сторонъ, и сама противоположность эта есть скорѣе не отрицаніе однимъ воззрѣніемъ такихъ свойствъ въ произведеніяхъ Пушкина, которыя признаются другимъ воззрѣніемъ, а скорѣе

разница воззрѣній на одни и тѣ же свойства, признаваемыя обѣими сторонами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Пушкинѣ дѣйствительно совершался тотъ медленный переворотъ въ воззрѣніяхъ на жизнь и на ея идеальныя стороны, который указывается Григорьевымъ. И самъ же Пушкинъ выразилъ это въ стихахъ (въ „Евгеніи Онѣгинѣ"), гдѣ онъ говоритъ, что прежнія чувства его „прошли иль измѣнились...", что „въ ту пору" ему „казались нужны пустыни, волнъ края жемчужны, и моря шумъ, и груды скалъ, и гордой дѣвы идеалъ, и безъименныя страданья" — вообще — „высокопарныя мечтанья", а что теперь ему нужны „иныя картины":

„Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи"... и проч.

Словомъ, Пушкинъ пережилъ обращеніе отъ „высокопарныхъ мечтаній" къ самой будничной, немножко печальной дѣйствительности. И теперь ему „мила... балалайка да пьяный топотъ трепака передъ порогомъ кабака"... Естественно, что онъ внесъ въ свои беллетристическія прозаическія произведенія эту любовь къ простотѣ, къ обыкновенной жизни, столь сильной и столь иногда страшной, въ ней сталъ онъ находить животрепещущій интересъ. Онъ самъ сознавалъ въ себѣ это стремленіе въ большей степени, чѣмъ хотѣлъ высказать. „Если бы слушался я одной охоты,—говоритъ онъ въ „Барышнѣ-крестьянкѣ",—то непремѣнно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольстія"... За этими полушутливыми словами скрываетси правда.

Новое настроеніе, выразившееся, конечно, и въ стихотвореніяхъ, съ особенной силой должно было сказаться именно въ прозаическихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Сжатая стихотворная рѣчь, въ немногихъ строкахъ выражающая слож-

ныя чувства и душевныя движенія, требуетъ гораздо большаго вдохновенія, и уже потому отдаляется отъ повседневности. Въ стихи вообще трудно укладываются простыя детальныя описанія простыхъ событій; стихи всегда захватываютъ сжато сущность событій, не претендуя на подробный анализъ ихъ. Быть можетъ, именно поэтому вошелъ въ моду и вытѣснилъ все остальное во всѣхъ литературахъ романъ, когда направленіе умовъ стало реальнѣе, когда въ литературахъ являлась потребность „натуралистическаго" описанія жизни, ея анализа. Пушкинъ, въ своемъ стремленіи къ простотѣ изображеній жизни, нужно думать, почувствовалъ потребность къ прозаическому изложенію и далъ въ немъ болѣе рѣзкое отраженіе своего настроенія.

Съ другой стороны, невозможно не признать, что выборъ такихъ сюжетовъ, какъ анекдотическія „Барышня-крестьянка" и „Метель" и др., не всегда былъ удаченъ для Пушкина и ставилъ прозаическія произведенія его ниже стихотворныхъ. Это, однако, можно сказать лишь о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Пушкина. „Арапъ Петра Великаго", этотъ неоконченный романъ, несмотря на свою неоконченность, принадлежитъ къ свидѣтельствамъ, что и въ этомъ родѣ поэтическихъ произведеній Пушкинъ могъ занять недостижимое для другихъ мѣсто. Еще большимъ свидѣтельствомъ тому служитъ „Капитанская дочка,"— произведеніе удивительное, полное невыразимой простоты одновременно съ значительностью содержанія. Исторія переплетается въ ней съ будничною жизнью обыкновенныхъ лицъ въ такой строгой соразмѣрности, что такое изображеніе дѣйствительности выдаетъ тайные законы жизни въ ея двухъ сторонахъ: и въ исторической, общей, и въ частной.

Значеніе прозаическихъ произведеній Пушкина, однако, не въ содержаніи только, не въ фабулахъ, не въ событіяхъ, описываемыхъ въ нихъ. Исторія русской литературы должна придать имъ огромное значеніе въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ данныхъ Пушкинымъ образцовъ, *какъ* должны писаться художественныя произведенія въ прозѣ. Не только до него, а долго и послѣ него, даже до настоящаго времени, въ читающей публикѣ и среди писателей есть склонность къ вычур-

ности въ замыслѣ содержанія и въ изложеніи. Кто не помнитъ Марлинскаго съ его трескучими фразами, полными неестественности, извращавшими дѣйствительность, выражаемую ими, кто не знаетъ какъ великъ былъ его успѣхъ въ публикѣ уже *послѣ* Пушкина? Въ Карамзинѣ, несмотря на его великій умъ и вѣрное чувство мѣры, мы найдемъ подобныя же черты. Герои историческіе являлись въ поэтическихъ произведеніяхъ именно „героями", не похожими на обыкновенныхъ людей, сильныя страсти приподнимались на ходули... Пушкинъ своими небольшими повѣстями въ сущности сдѣлалъ невозможнымъ въ будущемъ развитіе вкусовъ въ этомъ направленіи. И критика вышла на прямой путь отрицанія Марлинскихъ и подобныхъ ему вычурныхъ писателей. По отношенію къ историческому роману заслуга Пушкина въ русской литературѣ огромна. Въ „Арапѣ" и „Капитанской дочкѣ" историческія личности являются совершенно простыми, слабыми и добрыми людьми, нимало не теряя отъ того своего историческаго величія или значенія. Геніальное чувство мѣры указало Пушкину ту необычайно трудно уловимую границу, на которой лицо историческое сливается съ обыкновеннымъ человѣкомъ, и онъ дѣлаетъ ее понятною и для читателя. Лучшіе историческіе романисты русскіе имѣютъ въ Пушкинѣ учителя, урокамъ котораго остаются вѣрны.

Все сказанное о беллетристическихъ произведеніяхъ примѣнимо и вообще къ Пушкинской прозѣ, правдивой и искренней, чуждой эффектовъ и преувеличеній. Такъ написана „Исторія Пугачевскаго бунта", которую Бѣлинскій не даромъ назвалъ „образцовымъ произведеніемъ и со стороны исторической, и со стороны слога".

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

и его „Горе отъ ума“.

Въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ истекающаго вѣка въ русской читающей публикѣ стали расходиться рукописные списки комедіи „Горе отъ ума“, скоро сдѣлавшей имя своего автора, Александра Сергѣевича Грибоѣдова, знаменитымъ. Только десять лѣтъ спустя, въ 1833 г., комедія эта появилась въ печати, не многимъ раньше она была поставлена на сценѣ; но вся образованная Россія и по рукописямъ знала ее наизусть, а отдѣльныя фразы ея сдѣлались пословицами.

Какъ все великое, „Горе отъ ума“ имѣло и враговъ. Тогдашній вліятельный журналъ „Вѣстникъ Европы“, мнившій себя единственнымъ представителемъ европейской образованности въ тогдашней Россіи, отнесся къ комедіи съ полнымъ осужденіемъ, находя нехорошимъ и ея языкъ, тогда какъ этотъ языкъ очень приближается къ разговорному, и ея содержаніе, особенно же неудачнымъ считая ея главнаго героя, Чацкаго. На самомъ дѣлѣ, хотя на комедіи и отражается вліяніе мольеровскаго „Мизантропа“, это было произведеніе необыкновенное, полное оригинальности и самобытности, какъ въ отношеніи языка и формы, такъ и воззрѣній, которыя авторъ вложилъ въ комедію. И именно это-то обстоятельство, что комедія не подходила подъ установившіеся мнѣнія и шаблоны, а была отраженіемъ глубокой самостоятельной духовной, умственной жизни автора, передавала его собственныя,

выношенныя имъ самимъ мысли и сомнѣнія—это-то именно и вызывало, какъ обыкновенно бываетъ, нападенія со стороны людей, считавшихъ себя единственными представителями истины.

Чтобы понять вполнѣ все значеніе безсмертной комедіи Грибоѣдова, нужно принять во вниманіе время, когда она была написана. То было время, когда литература, въ истинномъ смыслѣ этого слова, еще только возникала въ нашемъ отечествѣ, когда еще собирались только матеріалы и средства для нея. Въ Жуковскомъ и Батюшковѣ, главнѣйшихъ тогдашнихъ дѣятеляхъ русской литературы, русская жизнь и русскій умъ еще не получали своего отраженія, въ нихъ преобладалъ заимствованный западно-европейскій романтизмъ; для Пушкина еще только приближалась пора расцвѣта его геніальнаго дарованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность созданія имъ великихъ національныхъ произведеній, которыя должны были лечь въ основаніе всей русской литературы. И въ это-то время появляется „Горе отъ ума“, обладающее всѣми качествами произведенія зрѣлой литературы, совершенно независимое, свободное и по формѣ, и по содержанію.

Авторъ его является передъ нами какъ бы стоящимъ внѣ тогдашнихъ условій литературы. Когда все еще смотрѣло на Западъ, на европейскія литературы, ища тамъ и формъ и содержанія, когда и Пушкинъ еще не освободился отъ подобнаго вліянія, Грибоѣдовъ въ своемъ произведеніи не былъ ни романтикомъ, ни сентименталистомъ, ни чѣмъ-либо инымъ; онъ — самъ-по-себѣ, онъ взрослый и самостоятельный умъ, совершенно свободный отъ заботъ о томъ, какое направленіе—европейское или иное—будетъ въ его произведеніи, онъ просто высказываетъ въ формѣ комедіи то, о чемъ онъ думалъ много и страстно, что̀ заставляло страдать его впечатлительную душу. Если бы подобное произведеніе было написано послѣ Пушкина и Гоголя, когда русская литература уже являлась дѣйствительнымъ отраженіемъ русской жизни и была самостоятельна, оно осталось бы великимъ произведеніемъ, но появленіе его все же не могло бы вызывать удивленія; для своего же момента оно было явленіемъ изумительнымъ, обнаруживающимъ въ своемъ авторѣ необыкновенное дарованіе.

Не для своего только момента, однако, имѣло „Горе отъ ума“ великое значеніе. Прошло значительно болѣе, чѣмъ полвѣка, со времени его появленія, но оно остается свѣжимъ, неувядающимъ и для современнаго читателя, потому что въ немъ, помимо временныхъ чертъ русской жизни, захвачены глубокіе корни душевной жизни вообще, зрѣлище которой всегда будетъ интересно для живого и мыслящаго человѣка.

Въ комедіи, какъ извѣстно, представленъ русскій человѣкъ высшаго сословія, отвыкшій во время долгаго путешествія за границей отъ русской жизни, зрѣлище которой теперь вызываетъ въ немъ страстное негодованіе. Человѣка этого, въ которомъ авторъ отразилъ себя, свои думы, свое негодованіе, критика упрекала въ недостаткѣ ума и такта, страннымъ образомъ считая его въ этомъ отношеніи противоположностью автору, котораго онъ, какъ это всѣ признавали, изображалъ. Даже геніально-проницательный Пушкинъ — и тотъ сказалъ, что Чацкій совсѣмъ не уменъ, въ то время какъ Грибоѣдовъ очень уменъ. Мнѣніе это имѣетъ свои основанія въ положеніи и въ дѣйствіяхъ Чацкаго въ комедіи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ истинно умнаго человѣка, навязывающаго, какъ дѣлаетъ это Чацкій, совсѣмъ некстати свои страстныя мысли завѣдомо неспособному понять его человѣку, и это производитъ на читателя впечатлѣніе противоэстетическое, это кажется некрасивымъ и невѣрнымъ дѣйствительности.

Въ сущности, въ этомъ осужденіи Чацкаго—простое недоразумѣніе, основанное на чисто внѣшнемъ и не важномъ—если хотите—недостаткѣ безсмертной комедіи. Дѣло въ томъ, что самый замыселъ автора дѣлалъ такое положеніе для Чацкаго неизбѣжнымъ. Въ лицѣ Чацкаго авторъ хотѣлъ изобразить человѣка съ извѣстнымъ, очень характернымъ отношеніемъ къ русской тогдашней жизни, и это отношеніе, это негодованіе его при видѣ совершающихся передъ нимъ нелѣпостей, нельзя было выразить иначе, какъ путемъ монологовъ, заставивъ Чацкаго говорить и обнаруживать этимъ путемъ свои мысли и чувства. Чацкій поневолѣ, по самому ходу и характеру комедіи, долженъ быть говорливъ. Но, какъ из-

вѣстно, монологи, длинныя рѣчи, часто съ самимъ собою, въ драматическихъ произведеніяхъ имѣютъ условное значеніе, — ими выражается обыкновенно не то только, что дѣйствующее лицо дѣйствительно должно говорить въ пьесѣ, а то, что оно думаетъ и чувствуетъ въ данный моментъ, потому что другого средства выразить эти думы и чувства въ драматическомъ произведеніи нѣтъ, кромѣ монологовъ. Чацкій именно и занимаетъ въ комедіи такое положеніе, что большинство рѣчей его, которыя онъ не имѣлъ нужды обращать къ дѣйствующимъ лицамъ, должны быть понимаемы именно въ смыслѣ выраженія его думъ и чувствъ, на самомъ дѣлѣ громко не высказанныхъ. Автору необходимо было иногда показать не отношеніе только Чацкаго къ обществу, а наоборотъ — и отношеніе этого общества къ Чацкому и къ его мыслямъ, и въ этихъ случаяхъ монологи Чацкаго по необходимости обращены къ дѣйствующимъ лицамъ. Такой характеръ постройки комедіи необходимо долженъ былъ придать ей нѣкоторую искусственность; она дѣйствительно и существуетъ. Но авторъ въ эту форму вложилъ столько страстнаго чувства, съ такою яркостью и правдивостью изобразилъ нравственную физіономію и общества, и протестующаго лица, Чацкаго, что эта внѣшняя „искусственность“, вытекающая изъ осмысленныхъ и страстныхъ стремленій автора ярче выразить глубочайшее содержаніе, совершенно не напоминаетъ о себѣ, давъ, къ сожалѣнію, только важный поводъ къ обвиненію Чацкаго въ недостаткѣ ума, т.-е. къ недостаточному пониманію этого трагическаго лица въ „комедіи русской жизни“.

Главное содержаніе комедіи Грибоѣдова, такимъ образомъ, заключается въ протестѣ противъ направленій русской жизни во времена автора. Всѣ сцены въ пьесѣ состоятъ или въ изображеніи жизненныхъ явленій, характеризующихъ эти направленія, или въ протестующихъ монологахъ Чацкаго. Чтобы нравственный смыслъ комедіи былъ ясенъ, необходимо представить себѣ то общество, которое нашелъ Чацкій по своемъ возвращеніи изъ-за границы.

Общество это было своеобразно и характерно, и дѣйствительно могло внушать глубокое негодованіе. Его умственный

и нравственный складъ образовался подъ вліяніемъ двухъ, равно неблагопріятныхъ условій. Отъ старинной русской жизни наслѣдственно и по преданію къ нему перешли грубость и беззаконіе, воспитанныя старымъ подъячествомъ и возросшіе подъ вліяніемъ глубоко проѣвшей всю жизнь татарщины и безусловнаго крѣпостничества. Съ другой стороны, увлеченіе европейскимъ просвѣщеніемъ, т.-е., въ сущности, внѣшними формами европейской образованности, создало другое, не менѣе печальное явленіе—презрительное и нерадивое отношеніе ко всему своему, родному. Въ родномъ старинномъ русскомъ далеко не все было худо, и если произволъ и беззаконія были, то, во всякомъ случаѣ, они были не исполненіемъ старинныхъ нравственныхъ правилъ, а противорѣчіемъ имъ. Когда русское общество, отворотившись отъ всего родного, принимало съ Запада внѣшнія формы образованности, оно, конечно, вмѣстѣ со внѣшностью не могло взять и нравственныя основы европейской жизни, и сдѣлалось глубоко безпринципнымъ обществомъ, а потому безнравственнымъ. Въ прошломъ столѣтіи, какъ исторія сохранила въ памяти, въ Россіи совершался безконечный рядъ такихъ жестокостей и ужасовъ со стороны людей высшаго, „образованнаго“ класса, которые прямо указываютъ на безпринципность, на безнравственность, и примѣровъ которыхъ старинная русская жизнь, несмотря на весь свой мракъ, не знала. Въ старину русскіе люди хоть „Бога боялись“, а теперь, подъ вліяніемъ фальшиваго вольнодумства, и это препятствіе къ разгулу личныхъ страстей исчезло. И весь XVIII вѣкъ, со своею внѣшностью европейскаго образованія, былъ тяжкимъ временемъ.

Въ то время, когда писалъ Грибоѣдовъ свое „Горе отъ ума“, еще живо было въ общемъ это страшное зло русской жизни, хотя ростъ истиннаго гуманнаго образованія общества въ это время нѣсколько улучшалъ положеніе дѣлъ. Но все еще грознымъ призракомъ стояло преклоненіе передъ всѣмъ европейскимъ безъ разбора, фальшивая образованность, рядомъ съ господствомъ грубыхъ страстей. Въ такихъ обществахъ развивается чрезмѣрное стремленіе къ земнымъ благамъ, успѣваютъ люди не истинныхъ достоинствъ, а иска-

тельные, льстивые и ловкіе. Все это и проходитъ передъ глазами Чацкаго въ лицахъ Фамусова, Скалозуба, Молчалина и пр. Въ лицѣ Молчалина мы видимъ примѣръ такого страшнаго извращенія нравственныхъ понятій, что самыя подлыя дѣянія низкопоклонства онъ считаетъ своими достоинствами и не стыдится говорить о нихъ.

Чацкій является олицетвореннымъ протестомъ противъ этихъ внутреннихъ глубокихъ золъ русской жизни. Грибоѣдовъ съ геніальною проницательностью угадывалъ, что причины этихъ золъ коренятся далеко не въ одномъ отсутствіи въ русскомъ обществѣ „европейскаго просвѣщенія", какъ тогда думали многіе, и просвѣщеніе это не казалось ему имѣющимъ силу исцѣлять всѣ язвы, — онъ видѣлъ обратную сторону медали—необходимость нравственныхъ устоевъ. И вотъ онъ одинаково протестуетъ какъ противъ „прошедшаго житья *подлѣйшихъ* чертъ", такъ и противъ того, что русскіе люди забыли свою „старину *святую*", и вымѣняли все на иностранный ладъ, на чуждые обычаи, не справляясь о томъ, что̀ хорошо, что̀ дурно. „Какъ можно европейское поставить въ параллель съ національнымъ!"—вотъ общій крикъ тогдашнихъ людей русскаго общества. Смѣлая проповѣдь самобытности и критическаго отношенія къ „европейскому", конечно, должна была вызвать протестъ со стороны любителей европейскаго внѣшняго просвѣщенія, на что̀ выше и указано.

Геніальный критикъ Бѣлинскій указывалъ на то, что Грибоѣдовъ не подчинился вліянію Пушкина. Дѣйствительно, геніальный авторъ „Горя отъ ума" не примкнулъ ни къ какому кружку или направленію, онъ стоитъ одиноко и самостоятельно въ ряду великихъ русскихъ писателей.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Лирика.

Рядомъ съ именемъ Пушкина стоитъ въ русской литературѣ имя Михаила Юрьевича Лермонтова. Убитый на дуэли на 27 году жизни (въ 1841 г.), въ пору расцвѣта своихъ богатыхъ душевныхъ силъ, Лермонтовъ настолько интересовалъ ближайшее къ нему поколѣніе, пользовался въ немъ такимъ вліяніемъ, что, по свидѣтельству Бѣлинскаго, тогда возникалъ вопросъ, не выше ли онъ Пушкина. И до самаго послѣдняго времени удержалась мысль, что содержаніе Лермонтовской поэзіи, ея „точка зрѣнія" на явленія жизни природы и человѣка—выше Пушкинской.

Былъ, однако, высказанъ (Аполлономъ Григорьевымъ) и совершенно иной взглядъ. Признавая въ дарованіи Лермонтова „великую возможность", по выраженію критика, т.-е. допуская, что Лермонтовъ при тѣхъ душевныхъ силахъ, которыя онъ обнаружилъ, *могъ бы* создать величайшія произведенія, еслибы не погибъ такъ рано; признавая далѣе, что Лермонтовъ, какъ лирическій поэтъ, владѣлъ, въ особенности въ послѣднихъ стихотвореніяхъ, „мѣднымъ литымъ стихомъ", и что лучше его не писалъ по-русски никто послѣ Пушкина,—Григорьевъ, смотря съ исторической точки зрѣнія на *дѣло* Лермонтова, взвѣшивая то *слово*, которое онъ завѣщалъ міру, находилъ, что „слово это далеко не такъ вѣско, какимъ оно казалось за нѣсколько лѣтъ назадъ"...

Мы видимъ, что въ прежнихъ критическихъ взглядахъ на Лермонтова главную роль играетъ сравненіе его съ Пушкинымъ, хотя всякія сравненія между собою великихъ писателей считаются вообще (и справедливо) безплодными. Это обстоятельство не случайно. Лермонтовъ можетъ быть понятъ, значеніе его можетъ быть оцѣнено только по отношенію къ Пушкину, по сравненію съ величайшимъ русскимъ поэтомъ.

Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ и по своему дарованію, и по своей всей поэтической дѣятельности представляетъ какъ бы продолженіе Пушкина. Обоихъ поэтовъ связываетъ очевидная общность идей, одни и тѣ же образы и мысли занимаютъ ихъ, одни и тѣ же стремленія дѣлаютъ ихъ родственными другъ другу по духу, но только каждый изъ нихъ вноситъ въ свои созерцанія жизни особыя, своеобразныя свойства и черты. Лермонтовъ не открывалъ новыхъ міровъ для искусства. Говоря проще, онъ не указалъ, какъ Гоголь и какъ, даже, напр., Островскій, новыхъ сторонъ русской жизни или русской мысли; онъ вращается въ кругу все тѣхъ же образовъ и мыслей, которые мы находимъ у Пушкина. И потому-то о немъ невозможно говорить, не говоря въ то же время о Пушкинѣ. Онъ написалъ „Героя нашего времени", но этотъ „герой" — Пушкинскій Онѣгинъ, разсматриваемый съ другой точки зрѣнія; онъ въ прекрасномъ стихотвореніи выразилъ идею Пророка, но эта идея, только иначе, съ геніальною силой выражена Пушкинымъ, и т. д., и т. д. Даже, повидимому, оригинальнѣйшія произведенія Лермонтова, какъ „Демонъ" и „Мцыри",—и тѣ имѣютъ свои первообразы и источники у Пушкина. Этимъ вполнѣ опредѣляется значеніе Лермонтова въ *исторіи* русской поэзіи. Въ ней не могло быть Лермонтовскаго періода, какъ были періоды Пушкинскій и Гоголевскій. И въ этомъ смыслѣ сравненіе Лермонтова съ Пушкинымъ невозможно. Пушкинъ создавалъ свои произведенія вполнѣ самостоятельно, изъ сырого матеріала, возможное назначеніе и употребленіе котораго онъ угадалъ. Онъ былъ начинателемъ и великимъ исполнителемъ русской литературы; Лермонтовъ же былъ работникомъ на готовомъ полѣ, работникомъ съ великими силами, обнаружившимъ высокую само-

бытность и потому двинувшимъ впередъ дѣло Пушкина, но все же только продолжателемъ начатаго уже дѣла.

Но если судить по непосредственному впечатлѣнію, по тому, что̀ произведенія Лермонтова даютъ пережить и перечувствовать, поэзія его, дѣйствительно, соперничаетъ до извѣстной степени съ поэзіей Пушкина. Во всей русской литературѣ нѣтъ, не было, а быть можетъ и не будетъ поэта, который съ такою поражающею силою дѣйствовалъ бы на читателя, какъ Лермонтовъ. Его „желѣзный", по его же собственному выраженію, стихъ вонзается въ душу читателя, возбуждая въ ней сложную игру чувствъ и мыслей. Говоря словами самого поэта (въ стихотвореніи „Сосѣдъ"), когда читаешь его стихотворенія,—

„Въ груди... все оживаетъ вновь,
„И мысли далеко несутся;
„И полонъ умъ желаній и страстей,
„И кровь кипитъ,—и слезы изъ очей,
„Какъ звуки, другъ за другомъ льются"...

Читатель подъ вліяніемъ этой силы не спрашиваетъ себя, какое чувство вызываетъ въ немъ авторъ, опредѣлимо ли, справедливо ли оно (а такой вопросъ, какъ увидимъ, нерѣдко умѣстенъ), — онъ просто не въ силахъ не покориться ему. Разборъ, разсужденіе, анализъ—приходятъ только позже. Намъ приходилось объяснять, что Пушкинъ представляетъ въ этомъ отношеніи нѣчто иное. Несмотря на свою исключительно страстную натуру, въ его стихотвореніяхъ разлито всегда такое ясное, можно сказать—прозрачное, простое, повидимому всѣмъ доступное чувство. У Лермонтова, напротивъ, за рѣдкими исключеніями, чувство носитъ печать какой-то необыкновенной силы и въ то же время неопредѣленности, загадочности. Читателю все кажется, что какъ ни сильно выражено чувство Лермонтовымъ,—онъ все-таки и половины не высказалъ того, что̀ было у него въ душѣ; чувство и мысль поэта кажутся читателю необъятными, безграничными, и въ этомъ, нужно сказать, заключается своего рода очарованіе.

Чтобы понять источникъ этихъ свойствъ Лермонтовской

поэзіи, необходимо обратиться къ исторической сторонѣ дѣла, т.-е. именно къ сравненію нашего поэта съ Пушкинымъ. Пушкинъ отзывался своею истинно поэтическою душою на разнообразнѣйшія явленія жизни природы и человѣка. По самой сущности своей „гармонической" натуры, натуры стройно созданной, онъ отличался поэтическимъ безпристрастіемъ, подобнымъ безпристрастію природы. И потому у него нѣтъ исключительно любимыхъ явленій и исключительно не-любимыхъ, для его поэтическаго описанія и разсмотрѣнія годилось все, что такъ или иначе волновало его нравственное и эстетическое чувство. Лермонтовъ, напротивъ, поэтъ, носящій на себѣ тяжелую печать преобладающей, первенствующей въ немъ, все одной, постоянной думы, одного первенствующаго чувства, которое придаетъ его поэзіи характеръ и силы, и нѣкоторой односторонности. Въ Лермонтовѣ жило чувство постоянной неудовлетворенности, развитое въ немъ къ тому же поэзіею Байрона: міръ казался ему полнымъ огромныхъ противорѣчій разуму и нравственной справедливости и потому возбуждалъ въ немъ безграничное чувство печали. Во всѣхъ явленіяхъ жизни, на которыя онъ обращалъ свое поэтическое вниманіе, онъ искалъ и находилъ печальныя черты, оправдывающія его чувство.

И вотъ, вращаясь среди идей, мыслей и образовъ, тѣхъ самыхъ, которыми жилъ Пушкинъ, Лермонтовъ передѣлывалъ ихъ по своему душевному строю, ихъ отрицательныя черты дѣлалъ предметомъ своего вдохновенія. Пушкинъ видѣлъ въ поэтѣ человѣка, которому Творецъ, одарившій его чуткимъ слухомъ и вѣщими очами, тѣмъ самымъ предписалъ „возстать и, обходя моря и земли, глаголомъ жечь сердца людей". У Лермонтова—это человѣкъ, который именно за то, что онъ „исполнился волею Бога", изгнанъ людьми, угрюмъ, и худъ, и блѣденъ, нагъ и бѣденъ, презираемъ всѣми, и про котораго „старцы дѣтямъ говорятъ":

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
„Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами:
„Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
„Что Богъ гласитъ его устами!"...

Конечно, Лермонтовъ только до нѣкоторой степени правъ въ этомъ стихотвореніи. Самая его личная слава, его вліяніе не вызываютъ ли сомнѣнія въ справедливости его печальнаго взгляда? Пушкинъ, бравшій другую сторону дѣла, умалчивавшій о томъ, что̀ предстоитъ пророку на его трудномъ пути, и только звавшій къ живой и великой дѣятельности, несомнѣнно цѣлостнѣе и справедливѣе Лермонтова.

„Пророкъ“ — характернѣйшее произведеніе Лермонтова. Личное настроеніе, „субъективное“ отношеніе къ явленіямъ жизни, сказывающееся такъ ярко въ этомъ стихотвореніи, въ другихъ еще очевиднѣе. Помните ли, напр., „Послѣднее новоселье“? Фактъ несомнѣнно для поэта отрадный, перевезеніе праха Наполеона I во Францію съ острова Св. Елены, вызываетъ строки страстнаго негодованія поэта противъ тѣхъ, кто собственно не былъ виновенъ въ паденіи Наполеона. „Ты жалкій и пустой народъ!“ —хочется поэту сказать французамъ за то, въ чемъ этотъ народъ исторически виноватъ не былъ.

Во имя какихъ же идеаловъ Лермонтовъ съ такимъ страстнымъ отрицаніемъ относился къ жизни? Лермонтовское направленіе, вѣрнѣе сказать—лермонтовское настроеніе можно охарактеризовать словами: „тоска по невѣдомому идеалу“. Пушкинъ выразилъ собою, такъ сказать, юность русской поэзіи. Въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи онъ самъ говоритъ, что ему „были новы всѣ впечатлѣнья бытія“. Гармоническое отношеніе къ жизни, съ радостью передъ жизнью природы и добрыми сторонами жизни, съ печалью передъ злыми сторонами ея, сдѣлалось его поэтическою натурою. Но, какъ говорится въ томъ же стихотвореніи, уже въ эти „часы надеждъ и вдохновеній“ его „сталъ тайно посѣщать какой-то чудный геній“, который „звалъ прекрасное мечтою“, который „вдохновенье презиралъ“, „не вѣрилъ любви, свободѣ“, „на жизнь насмѣшливо глядѣлъ“. Это былъ „демонъ“ отрицанія даже и добрыхъ сторонъ жизни. И вотъ этотъ-то демонъ, бывшій въ гармонической натурѣ Пушкина случайностью, явленіемъ временнымъ, сдѣлался постоянною поэтическою натурою Лермонтова, его постояннымъ вдохновителемъ. Но это

былъ демонъ не просто отрицанія, въ него элементомъ входила глубокая тоска, вызываемая представленіемъ ничтожества жизни, недостижимостью идеальнаго. Не даромъ уже въ раннемъ посвященіи „Демона“ (1831 г.), Лермонтовъ называетъ это произведеніе свое „простымъ выраженьемъ тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ“...

Личная жизнь Лермонтова съ раннихъ уже лѣтъ слагалась въ обстановкѣ, обнаруживавшей передъ нимъ власть страстей и торжество зла. А по его собственному выраженію, „душа его принадлежала къ тѣмъ, которымъ рано все понятно!“ И вотъ, юношею въ 16 лѣтъ, онъ не хочетъ вспоминать

. . . . . этотъ свѣтъ,
Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ.

И этотъ мотивъ доходитъ по прямой линіи, безъ уклоненій, до послѣднихъ лѣтъ его поэтической дѣятельности, когда были написаны въ „Демонѣ“ стихи:

Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить;
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.

Нужно ли называть рядъ глубокихъ стихотвореній, въ которыхъ развѣтвляется этотъ главный мотивъ.

„Три пальмы“, „И скучно, и грустно“, „Изъ Гейне: Они любили другъ друга“, гдѣ, кстати сказать, идея выражена съ несравненно большею глубиною, чѣмъ у Гейне, „Дума“, „Казотъ“, „Парусъ“, „Тучи“, „Первое января“, „Ночевала тучка золотая“, „Плѣнный рыцарь“, „Дубовый листокъ“, и проч. и проч.—не есть ли это все произведенія, заключающія въ себѣ на частныхъ примѣрахъ глубокія и грустныя указанія на суетное ничтожество жизни, на ея неизлѣчимое

противорѣчіе самымъ простымъ и человѣчнымъ идеаламъ міровой любви и счастья.

Тѣ же идеи присутствуютъ и въ юношескихъ произведеніяхъ (напр., „Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я“, „Ласкаемый цвѣтущими мечтами“, навѣянныя Байрономъ, и проч.). Вся жизнь, во всемъ ея объемѣ, представлялась ему „въ минуты душевной невзгоды“ безполезною и пустою.

Созерцая ничтожество жизни, мучимый имъ, Лермонтовъ невольно останавливался на представителяхъ человѣчества, стоявшихъ выше толпы, проявлявшихъ особенныя силы духа. Не передъ славою онъ преклонялся, а передъ тѣмъ, что считалъ выраженіемъ силы духа. Въ этомъ смыслѣ Бородино, показывавшее, что „были люди въ наше время не то, что нынѣшнее племя—богатыри, не вы“, непосредственно сближается съ посвященными Наполеону I „Послѣднимъ новосельемъ“, „Воздушнымъ кораблемъ“ и т. п., какъ ни различны они кажутся. Это же невольное исканіе явленій жизни и людей, стоящихъ выше ординарности, сказалось и въ кавказскихъ поэмахъ Лермонтова. Впечатлѣнія отъ людей того края, воспринятыя рядомъ съ впечатлѣніями отъ величавой природы, окрашивались въ поэтическомъ воображеніи Лермонтова въ яркія краски. На него не могли, при направленіи его мысли, не оставить глубокаго впечатлѣнія вольная, гордая жизнь горца и мусульманское презрѣніе къ жизни.

Въ лирѣ Лермонтова были, конечно, не одни эти отрицательные звуки. Какъ всякій истинно великій поэтъ, въ самомъ отрицаніи жизни онъ отзывался сердцемъ на все, что „проситъ у сердца отвѣта“, онъ раздѣлялъ всѣ благородныя стремленія и страсти человѣчества. Любовь къ природѣ, пониманіе ея—достигали у Лермонтова высочайшей степени, въ ней онъ находилъ утѣшеніе и успокоеніе отъ своихъ тяжкихъ думъ. Чтобы „постигнуть счастье на землѣ“ и „въ небесахъ увидѣть Бога“, ему нужно было созерцать волнующуюся ниву, съ студенымъ ключемъ, играющимъ по оврагу; тогда только „смирялась души его тревога“. „Ни слава, купленная кровью“, „ни завѣтныя преданья темной старины“, по его словамъ, „не шевелятъ въ немъ отраднаго мечтанья“, а любитъ онъ

молчанье родимыхъ полей, колыханье лѣсовъ, разливы рѣкъ и проч. Въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ родной старинѣ, особенно въ „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ“, Лермонтовъ обнаруживаетъ необыкновенное прозрѣніе въ народную жизнь и въ народный характеръ.

Свойства поэзіи Лермонтова обусловливаютъ сами собой ея долговѣчность. Одни общественные вопросы падутъ, встанутъ другіе. Но стремленіе къ идеальному останется вѣчнымъ свойствомъ человѣческой души. Идеалы же Лермонтова, неопредѣленные, лежащіе за границами возможнаго и дѣйствительнаго, никогда не утратятъ своей новизны и свѣжести. Онъ вліяетъ на читателя не ими, а своимъ непосредственнымъ яркимъ чувствомъ, желаніемъ идеала, стремленіемъ къ нему, а не указаніемъ его. И вѣчное свойство души человѣческой всегда, говоря его собственнымъ выраженіемъ, „дружно откликнется на дружній зовъ“ великаго поэта къ идеалу.

„Демонъ“.

Изо всѣхъ произведеній Лермонтова ни одно не производитъ такого чарующаго, хотя въ то же время еще болѣе неопредѣленнаго впечатлѣнія, какъ „Демонъ“. Оно есть самое характерное произведеніе великаго поэта, въ немъ болѣе всего сказалась сокровенная душевная жизнь его. Мысль о „Демонѣ“ занимала Лермонтова съ юношескихъ лѣтъ и до поры зрѣлаго мужества; первый набросокъ поэмы сдѣланъ, какъ извѣстно, еще въ 1829 году, когда поэту было всего 16 лѣтъ; а такою, какою мы знаемъ ее, она вышла изъ-подъ пера Лермонтова въ 1838 году, послѣ неоднократныхъ передѣлокъ и измѣненій даже самого плана сочиненія. Ни на одномъ произведеніи не сосредоточилъ Лермонтовъ столько усилій своего великаго таланта, какъ на „Демонѣ“, который, можно безъ преувеличенія сказать, занималъ поэта въ теченіе всей его недолгой молодой жизни.

Въ чемъ же состоитъ значеніе характеристичной для на-

шего поэта поэмы, что онъ хотѣлъ сказать ею или сказалъ безъ намѣренія?

Самъ Лермонтовъ назвалъ „Демона“ — „восточною повѣстью“. Но было бы, конечно, ошибкою искать въ этой „восточной повѣсти“ дѣйствительнаго намѣренія автора изобразить Востокъ съ его любопытными и характерными чертами. Своимъ геніальнымъ поэтическимъ умомъ Лермонтовъ глубоко постигалъ поэзію Востока и отразилъ ее въ образахъ сильныхъ, поражающихъ. Помните ли своеобразную прелесть роскошной картины „песчаныхъ степей Аравійской земли“ въ „Трехъ пальмахъ“ и глубокое отраженіе фаталистическаго міровоззрѣнія человѣка тѣхъ странъ? Помните ли изумительныя по силѣ и краткости характеристики странъ „дряхлаго Востока“ въ „Спорѣ“? Этотъ „сонный грузинъ“, въ тѣни чинары льющій пѣну сладкихъ винъ на узорные шальвары; въ дыму кальяна Тегеранъ, дремлющій у жемчужнаго фонтана; „соженная Богомъ“, безглагольная, недвижимая, мертвая страна у ногъ Іерусалима; древній Египетъ, гдѣ — „вѣчно чуждый тѣни моетъ желтый Нилъ раскаленныя ступени царственныхъ могилъ“, — весь Востокъ въ этихъ картинахъ, съ его нѣкогда кипучей, но давно угасшей жизнью и съ его современнымъ глубоко спящимъ „родомъ людскимъ“. Въ „Демонѣ“ съ огромной силой сказалось это удивительное умѣнье поэта проникнуть въ чуждыя европейскому человѣку черты Востока, въ поэмѣ мы находимъ дѣйствительно восточную, собственно кавказскую, природу и дѣйствительно восточнаго человѣка съ его страстями. Но картины кавказской природы и жизни служатъ только фономъ, на которомъ поэтъ изображаетъ нѣчто совершенно чуждое восточному человѣку, вполнѣ европейское и—русское.

Задача Лермонтова была ближе и проще. Въ одномъ изъ „посвященій“ „Демона“, онъ самъ указываетъ все серьезное значеніе своей поэмы. Онъ не хочетъ, чтобы ее принимали „за игру иль сонъ воображенья“, т.-е. за нѣчто легкое, за сочиненіе, доставлявшее своему автору просто занятіе, и категорически заявляетъ, что „Демонъ“ есть „выраженье тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ“, и въ то же время—

„больной души тяжелый бредъ". Въ этихъ немногихъ словахъ — лучшее разъясненіе того, что было побужденіемъ и источникомъ созданія „Демона". Даже самая форма, форма „восточной повѣсти", какъ нельзя больше гармонируетъ съ тѣмъ настроеніемъ поэта, съ тою тоскою, которая томила его „бѣдный умъ". Думается, что мысль, сказавшуюся въ поэмѣ, авторъ не могъ бы, да и не захотѣлъ бы выразить въ формахъ болѣе реальныхъ, изображеніемъ простой, будничной человѣческой жизни.

Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ принадлежалъ къ тѣмъ глубокимъ поэтическимъ натурамъ, для которыхъ не существуетъ легкихъ, быстро смѣняющихся впечатлѣній, которыя глубоко принимаютъ въ душу и неизгладимо хранятъ въ ней то, что западаетъ въ нее. Между тѣмъ жизнь его складывалась такъ, что ему приходилось воспринимать впечатлѣнія въ высокой степени тяжкія, направлявшія мысли его къ отрицанію. Съ одной стороны, его духовный ростъ совершался подъ вліяніемъ европейскихъ литературъ, гдѣ, какъ особенно въ Байронѣ, имѣвшемъ на Лермонтова сильнѣйшее вліяніе, дѣйствительная жизнь анализировалась и отрицалась, а рядомъ создавались великіе, но обыкновенно неопредѣленные идеалы и стремленія, стоявшіе съ жизнью въ полномъ противорѣчіи, трудно примѣнимые къ ней и потому приводившіе къ отчаянію и пессимизму. Съ другой стороны, Лермонтова окружала дѣйствительность, въ высокой степени вызывавшая отрицательное къ себѣ отношеніе, которая была бы мучительна и и не для такихъ впечатлительныхъ натуръ, какъ Лермонтовъ. Личная жизнь и судьба поэта, его семейная обстановка, мало извѣстная, но дозволяющая подозрѣвать свои печальныя стороны, много способствовали ранней грусти поэта, раннимъ мыслямъ его жизни, о бѣдственныхъ сторонахъ ея. Любопытнѣйшею чертою въ слагавшихся воззрѣніяхъ поэта является то, что его отрицаніе дѣйствительности устремлялось не на порядки, не на отношенія людей, а на самыхъ людей, создающихъ эти отношенія. Это придавало его отношенію къ дѣйствительности особенную остроту и ѣдкость. Благо тому, кто вѣритъ въ человѣка—и все дурное въ немъ и въ его отно-

шеніяхъ къ ближнему объясняетъ обстоятельствами. Но кто не вѣритъ въ людей, тому нѣтъ исхода отъ отчаянія и безвѣрія въ будущее. Именно этой-то вѣры и не было у Лермонтова; его люди—„волнъ холоднѣй", т.-е. всѣ вообще люди, не тѣ, которыхъ зналъ и любилъ поэтъ.

На этой почвѣ страстнаго отрицанія вѣры въ людей естественно создалось то, что̀ стало основной чертой и Лермонтовскаго характера, и Лермонтовской поэзіи. Міръ сталъ чуждъ поэту, онъ не находилъ въ немъ ничего достойнаго желаній и стремленій. Если иногда, подъ вліяніемъ зовущихъ впечатлѣній дѣйствительности, и случалось, что, какъ это выражено въ „Сосѣдѣ", умъ поэта былъ „полонъ желаній и страстей" и кровь его „кипѣла",—то только „слезы изъ очей, какъ звуки, лились другъ за другомъ", свидѣтельствуя объ отсутствіи вѣры въ возможность удовлетворить этимъ желаніямъ и страстямъ, а быть можетъ и въ самую законность и разумность ихъ. И вотъ поэтъ создавалъ для себя особый міръ, въ которомъ ему легче жилось и чувствовалось, міръ представленій чуждыхъ жизни. Но не мирился онъ и съ нимъ; онъ вновь возвращался къ земной дѣйствительности, съ тѣмъ чтобы высказать въ страстныхъ стихахъ осужденіе ея и сожалѣніе, что приходится осуждать ее. Во всей поэзіи Лермонтова мы находимъ постоянно только эти мотивы, въ разнообразныхъ формахъ.

Ничтожество людей влекло поэта, какъ это уже сказано, къ явленіямъ противоположнаго характера. Этимъ объясняется столько же преклоненіе его передъ памятью такихъ, выдвинувшихся изъ толпы, людей, какъ Наполеонъ, и такихъ событій, какъ гигантская борьба на поляхъ Бородина, сколько его постоянное обращеніе къ величественной природѣ, безстрастно и величаво совершающей свое предназначеніе. Въ природѣ поэтъ находилъ успокоеніе, его не раздражали ея величавое спокойствіе и сила, столь противоположныя мятущимся страстямъ людскимъ. Поэтъ невольно сравниваетъ природу съ человѣкомъ, и ему милѣе „тучки", у которыхъ „нѣтъ родины" и для которыхъ „нѣтъ изгнанія", какъ и та тучка, которая „ночевала на груди утеса великана", а утромъ рано

умчалась „по лазури весело играя“,—милѣе людей, которые „ничтожной толпою“ проходятъ одинъ за другимъ. Но „бѣдный умъ“ поэта былъ ареною вѣчной борьбы и неудовлетворенности, той „тоски“, о которой онъ самъ говоритъ. Про Лермонтова можно сказать его же собственными словами: „Его душа была изъ тѣхъ, которыхъ жизнь—одно мгновенье невыносимаго мученья“... „Онѣ не созданы для міра, и міръ былъ созданъ не для нихъ!“ Къ этому нужно только добавить что, однако, онѣ живутъ въ мірѣ, и слѣдовательно въ прямомъ и безъисходномъ противорѣчіи съ самими собою.

„Демонъ“ служитъ отраженіемъ душевной жизни и поэтическаго характера Лермонтова. „Простое выраженіе“ тоски, томившей поэта,—все въ немъ. Поэма не представляетъ цѣлаго, съ строго обдуманными и необходимыми частями; въ ней слиты многообразные элементы, въ сущности не стоящіе въ логической связи между собою. Роскошныя картины природы не необходимы для исторіи Демона и Тамары, еще менѣе необходимы описанія кавказской жизни. Даже самая исторія Демона и Тамары не представляетъ послѣдовательнаго цѣлаго, и характеристика Демона мало вяжется съ его любовью и проявленіями этой любви къ Тамарѣ. Но всѣ эти элементы крѣпко спаиваются именно „тоскою“ поэта, которая всюду глядитъ изъ-за стиховъ, придавая своеобразную послѣдовательность и единство всему произведенію. Та же мысль, то же чувство проникаетъ каждую частность, и читатель не чувствуетъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного предмета къ другому. То же стремленіе оторваться отъ ничтожества слышится и въ описаніяхъ роскошной и бурной природы Кавказа, и въ бытѣ смѣлыхъ наѣздниковъ, и на „зубцахъ развалины старинной“ на склонѣ каменной горы, и въ неясномъ, но чарующемъ образѣ Тамары, и въ колоссальной фигурѣ Демона. Роскошный міръ фантазіи, неясный, говорящій загадочными образами, обнимаетъ васъ при чтеніи поэмы. Но она оставляетъ въ васъ горькое впечатлѣніе, потому что и вы проникаетесь тѣмъ же чувствомъ противорѣчія между жизнью и мечтою, которая служила источникомъ и для поэта въ созданіи его образовъ.

Въ „Демонѣ“ находятъ, какъ извѣстно, и свой спеціальный,

особенный, приближающійся къ общественному, смыслъ. Поэтъ хотѣлъ, по общепринятому мнѣнію, изобразить въ „Демонѣ“ тотъ духъ сомнѣнья и отрицанья, который составлялъ характеристичную черту того времени въ цивилизованномъ мірѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ въ „Демонѣ“ отразилъ съ огромной силой многія свойства этого духа. Но представляется вопросъ: разъяснилъ ли онъ этотъ духъ, сказалъ ли по меньшей мѣрѣ,—зло ли онъ, или добро, демонъ ли это искуситель, или болѣе доброе начало? Мы думаемъ, что поэтъ и самъ не рѣшилъ для себя этого вопроса, и образъ его лишенъ опредѣленности. Это, однако, не лишаетъ поэмы необыкновенной, чарующей прелести, и читатель въ каждомъ стихѣ слышитъ зовъ къ идеалу, хотя поэтъ, томимый сомнѣніями и страданіями, самъ принадлежалъ только къ ищущимъ идеала и—не находившимъ его.

„Герой нашего времени“.

Знаменитый романъ Лермонтова, „Герой нашего времени“, представляетъ собою геніально художественное произведеніе, въ смыслѣ формы совершенное. То, что онъ состоитъ изъ ряда какъ бы отдѣльныхъ повѣстей, связанныхъ между собою только главнымъ героемъ, Печоринымъ, не только не нарушаетъ его единства, цѣлостности впечатлѣнія, но способствуетъ ему, усиливаетъ его. Каждою отдѣльною повѣстью Печоринъ ставится въ новое, своеобразное положеніе, окружается другими людьми и другою жизнью, и на новомъ фонѣ каждый разъ выдѣляются рѣзко и своеобразно новыя черты его характера, его свойства. Въ концѣ концовъ вся фигура героя какъ живая стоитъ передъ читателемъ, раскрывая передъ нимъ самыя сокровенныя тайны своей душевной жизни. Вы узнаете Печорина съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ,—и въ его отношеніяхъ къ простому и доброму Максиму Максимовичу, и къ дикаркѣ Бэлѣ, и къ такъ называемому „образованному“ обществу, и къ таинственному будущему, къ „судьбѣ“ (въ „Фаталистѣ“), и къ самому себѣ. Случайный

пріемъ этотъ, который выбралъ Лермонтовъ для изображенія современнаго ему человѣка, далъ ему возможность съ необыкновенною силой развить свое знаніе человѣческой души, какъ она проявилась въ тогдашнемъ поколѣніи. Съ меньшею, конечно, разносторонностью и глубиной, но съ той же яркостью и правдой изобразилъ Лермонтовъ и всѣхъ остальныхъ лицъ своего романа: всѣ они становятся вамъ близко знакомы и понятны. Съ какою простотой и въ то же время правдой схваченъ типическій характеръ Грушницкаго! Какъ трогательна бѣдная княжна Мери, послужившая игрушкой для печоринскаго безсердечія! Въ романѣ своемъ Лермонтовъ проявилъ всю силу своего великаго, геніальнаго поэтическаго дарованія.

Художественное значеніе „Героя нашего времени", такимъ образомъ, совершенно ясно и опредѣленно. Но того же нельзя сказать объ общественномъ значеніи романа. Нравственный смыслъ того явленія, которое Лермонтовъ отразилъ въ Печоринѣ, не ясенъ читателю, ускользаетъ отъ него. И это настолько вѣрно, что критика, въ теченіе долгаго періода времени послѣ того какъ романъ былъ написанъ, не находила вѣрной и опредѣленной точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на Печорина. Подкупленные художественною красотой романа, не находили критическаго, разумнаго отношенія къ герою и читатели. Въ беллетристической литературѣ того времени, когда романъ Лермонтова сталъ всѣмъ извѣстенъ, тянется длинный рядъ подражаній, при чемъ Печоринъ является лицомъ „увлекательнымъ", настоящимъ героемъ. Въ обществѣ тогдашнемъ, естественно, вслѣдъ за литературою, появились подражатели Печорину, облекавшіеся въ таинственность, представлявшіе изъ себя людей томимыхъ таинственными страданіями, которыхъ не можетъ понять холодная толпа.

Были, конечно, и тогда простые люди, которыхъ здравый умъ и человѣческое сердце приводили къ отрицательному отношенію къ Печорину, къ осужденію его страшнаго эгоизма, ничѣмъ не оправдываемаго высокомѣрія, холодности, почти жестокости въ отношеніяхъ къ ближнимъ и пр. Но общее сужденіе было не таково. Даже тогдашній знаменитый кри-

тикъ Бѣлинскій принялъ Печорина подъ свою защиту и страстно напалъ на осуждавшихъ его. Смыслъ его защиты заключался въ томъ, что Печоринъ не хуже другихъ, лицемѣрныхъ только, но не болѣе нравственныхъ людей; зато онъ отличается необычайною искренностью, самоосужденіемъ, знаніемъ того, что̀ въ немъ хорошо и что̀ дурно, безпристрастнымъ анализомъ своихъ недостатковъ и полнымъ отсутствіемъ стремленія представить, если возможно, свои дурныя свойства въ хорошемъ свѣтѣ, въ качествѣ добродѣтелей, какъ это обыкновенно дѣлается большинствомъ людей. Развитіе этихъ свойствъ въ Печоринѣ Лермонтовъ приписывалъ образованности, давшей герою такія преимущества надъ окружающими. Дѣйствительно, сильный умъ Печорина, развитый образованіемъ, имѣетъ подкупающую силу, и особенно долженъ былъ имѣть ее для Бѣлинскаго, страстнаго поборника европейской образованности.

Увлеченіе Печоринымъ не могло долго удержаться, и критики позднѣйшіе, какъ Добролюбовъ и Гончаровъ, отнеслись къ нему уже иначе. Критики зачислили его въ число паразитовъ общественныхъ, людей безполезныхъ для общества съ ихъ таинственными никому не нужными страданіями внутри себя и со зломъ во внѣ, по отношенію къ окружающимъ. Аполлонъ Григорьевъ, замѣчательнѣйшій критикъ періода послѣ Бѣлинскаго, высказалъ свое осужденіе Печорину и увлеченіямъ имъ въ болѣе опредѣленной и доказательной формѣ, хотя и въ нѣсколькихъ только словахъ. „Кто—спрашивалъ онъ—въ настоящее время вѣритъ въ искренность Печорина, кто вѣритъ, что *хорошо*, въ высшемъ моральномъ смыслѣ, „высосать апельсинъ и бросить его“ (какъ выразился Печоринъ по поводу своихъ отношеній къ людямъ),—кто вѣритъ въ величіе улыбки Печорина при смерти Бэлы, въ законность его обхожденія съ Максимомъ Максимычемъ,—кто способенъ сознаться въ раздѣлѣ этихъ мелочныхъ страданій весьма мелочнаго эгоизма? Надобно быть послѣдовательными, милостивые государи,—продолжаетъ Григорьевъ, — надобно вмѣстѣ съ исторіей сознаться, что „герой того времени“ умеръ и не воскреснетъ болѣе, что демонъ, который мучилъ поэта,—не

тотъ, который мучитъ насъ!..“ Аполлонъ Григорьевъ думалъ, что поколѣніе, котораго „грядущее иль пусто, иль темно“, было позади него, въ прошломъ, что оно „состарѣлось подъ бременемъ познанья и сомнѣнья“ и отошло въ вѣчность, не оставивъ послѣ себя ничего. Григорьевъ, такимъ образомъ, отрицаетъ личную нравственную высоту характера Печорина, въ то время какъ вышеупомянутые критики отмѣчаютъ его общественную непригодность. Ореолъ, которымъ окружили Печорина современники, исчезъ быстро и безвозвратно.

Въ каждомъ изъ указанныхъ выше двухъ противоположныхъ воззрѣній, какъ и слѣдуетъ ожидать, господствуетъ односторонность. То, что Печоринъ дѣйствительно умнѣе толпы и несравненно образованнѣе, съ дѣйствительно развитымъ самосознаніемъ, не исключаетъ, конечно, возможности отнестись съ суровымъ осужденіемъ къ его необыкновенному эгоизму и безсердечному отношенію къ ближнему. Наконецъ, самъ авторъ, рисуя наиболѣе образованнаго человѣка своего времени такимъ въ нравственномъ смыслѣ несовершеннымъ существомъ, не долженъ ли былъ прямо указать на отрицательныя стороны тогдашней образованности, неправильно поставленной, не возвышавшей нравственнаго развитія человѣка. Простое сопоставленіе „Героя нашего времени“ съ извѣстною „Думой“, въ которой поэтъ съ горечью высказалъ свое отрицательное отношеніе къ современному ему поколѣнію, именно и подтверждаетъ эту мысль. „Бремя познаній“, какъ съ полною опредѣленностью говоритъ поэтъ, т.-е. именно лучшій результатъ образованности, кажется ему тѣсно связаннымъ съ „сомнѣніями“, и поколѣніе, обремененное этимъ „бременемъ познаній и сомнѣній“, представляется ему фатально осужденнымъ „въ бездѣйствіи состариться“. По всему смыслу „Думы“, поколѣніе, на которое „печально“ смотритъ поэтъ, потому кажется ему такъ безплоднымъ, что „жизнь его томитъ, какъ ровный путь *безъ цѣли*“, что оно „*къ добру и злу постыдно равнодушно*“, т.-е. лишено строгихъ и опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ; потому-то оно и вянетъ „безъ борьбы“ „въ началѣ поприща“, „ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви“, и пр.

„Образованность“ *Печоринская*, во имя которой Бѣлинскій такъ страстно защищалъ героя романа Лермонтова, нужно думать, не была предметомъ восхищенія для самого поэта, и это обстоятельство ставитъ критика, и современную ему публику, увлекавшуюся Печоринымъ, въ положеніе неудобное и фальшивое. Печоринъ—истинное олицетвореніе тѣхъ чертъ, которыя, такъ сказать теоретически, выражены въ „Думѣ“. Именно постыдное равнодушіе къ добру и злу только одно и могло приводить къ злымъ поступкамъ, совершаемымъ Печоринымъ при полномъ сознаніи ихъ гадости. Именно въ бездѣйствіи старѣется Печоринъ, волнуемый своими, никому ненужными, сомнѣніями, и не можетъ онъ не быть въ бездѣйствіи, потому что онъ ни во что не вѣритъ, ничему не видитъ цѣли, ни въ чемъ не находитъ смысла. Въ этомъ—его бѣда, противъ которой безсильно его искреннее и широкое самосознаніе и его образованность. Защищать Печорина во имя его образованности — былъ бы теперь трудъ неблагодарный.

Необходимо замѣтить, что, въ смыслѣ отрицательнаго отношенія къ направленію тогдашняго русскаго образованія, Лермонтовъ является продолжателемъ Пушкина, а его романъ—продолженіемъ „Евгенія Онѣгина“. Не даромъ даже всѣми внѣшними чертами, начиная именами героевъ (Онѣгинъ и Печоринъ—оба отъ близкихъ другъ къ другу сѣверныхъ рѣкъ, Онеги и Печоры) и кончая всѣми подробностями, романы Пушкина и Лермонтова такъ схожи. Но Лермонтовъ только съ большею силой отмѣтилъ злыя стороны явленія, поставивъ въ положеніе Онѣгина—человѣка сухого и злого, каковъ Печоринъ. Все значеніе зла, заключающагося въ типѣ вырастаетъ въ романѣ Лермонтова, выставляется рѣзче, результаты его грубѣе и печальнѣе. Само собой разумѣется, Пушкинъ и Лермонтовъ противъ „постыднаго равнодушія къ добру и злу“, а не противъ образованія, чье бы оно ни было, и лишь бы оно было истинное образованіе, не приводящее къ столь печальнымъ результатамъ... Невозможно не отмѣтить, что Лермонтовъ не безъ сочувствія относится къ своему герою; но это сочувствіе объясняется тѣмъ, что, по его мнѣнію, все поколѣніе было

жертвой недуга, олицетвореннаго въ Печоринѣ, и заслуживало состраданія.

Является вопросъ: неужели же все поколѣніе того времени, когда созданъ былъ „Герой нашего времени", дѣйствительно было „равнодушно къ добру и злу?" Мы знаемъ, что тогда, напротивъ, возникало въ образованномъ обществѣ сильное идейное броженіе, готовились появиться Гоголь, Тургеневъ и весь рядъ крупныхъ дѣятелей, давшихъ Россіи великую литературу; были уже на сценѣ Бѣлинскій, Станкевичъ и пр. Слѣдовательно, суровый приговоръ Лермонтова, что „поколѣніе пройдетъ" безъ слѣда, не бросивши вѣкамъ и мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда, является, если и оправданнымъ, то во всякомъ случаѣ не вполнѣ. И потому на его романъ и на его „Думу" должно смотрѣть какъ на субъективный анализъ, разборъ фальшиваго русско-европейскаго направленія мысли, которымъ, однако, не исчерпывалось *все* содержаніе тогдашней умственной и общественной русской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ и Лермонтовъ своими произведеніями дали понять фальшивыя стороны жизни и тѣмъ предохранили общество отъ безпрепятственнаго ихъ развитія въ немъ.

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

Замѣчательною чертою русской литературы является то, что, во всѣ времена ея исторіи, рядомъ съ поэтами изъ образованныхъ классовъ, возникали поэты изъ простонародья, изъ темной и сѣрой массы русскаго населенія. Можно указать даже на любопытное соотвѣтствіе въ этомъ смыслѣ между поэтами образованными и поэтами „народными“ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Во времена процвѣтанія литературы изъ народа выдвигались поэты великой силы, во времена ея упадка, напротивъ, не отличались выдающимися качествами и народные поэты. Такъ, во времена Пушкина, геніальнѣйшаго русскаго поэта, вышелъ изъ воронежскихъ прасоловъ геніальный Кольцовъ, въ дни Некрасовскихъ стиховъ появился не болѣе какъ Никитинъ, а въ позднѣйшее темное литературное время извѣстны уже совсѣмъ незначительные поэты изъ простонародья. Фактъ знаменательный, показывающій, что жизнь образованныхъ классовъ русскихъ извѣстнымъ образомъ отражалась всегда въ остальномъ народѣ, въ его умственной жизни.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ былъ натурой геніальной. Тѣмъ не менѣе, значеніемъ своей поэзіи онъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ жилъ и дѣйствовалъ, т.-е. писалъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкинскаго періода. И какъ главнѣйшимъ и наиболѣе привлекательнымъ свойствомъ поэзіи Пушкина было въ высокой степени правдивое изображеніе человѣческой души и жизни, современной ему, такъ въ Кольцов-

скихъ стихотвореніяхъ сказалась простая правда духовной жизни простого русскаго люда. Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ глубокаго изученія, въ немъ, и только въ немъ, можно найти народную поэзію и народный складъ мыслей и чувствъ во всей ихъ полнотѣ и опредѣленности.

Позже Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ обществѣ направленій, создавались представленія о крестьянствѣ, какъ о забитомъ страданіями и непосильною работой классѣ людей, несущемъ свою суровую судьбу только, такъ сказать, по привычкѣ и животной малосознательности. Такъ, Некрасовскіе мужики „стонутъ по полямъ и дорогамъ" и повсюду „свѣту Божьяго, солнца не рады"; это—масса „рабовъ", „завидующихъ житью псовъ". Такъ, у Рѣшетникова его герои Подлиповцы въ преувеличенной безсознательности влачатъ жалкое существованіе, полное страданій и лишеній; они, взрослые, способны понимать окружающую ихъ жизнь не въ большей степени, чѣмъ смышленыя дѣти. Самъ сынъ народа, жившій все свое дѣтство и всю молодость среди природы воронежскихъ степей и простого русскаго люда, Кольцовъ, именно поэтому способный сказать бо́льшую правду о немъ, говоритъ нѣчто иное, исправляетъ это одностороннее воззрѣніе. Съ этой точки зрѣнія *содержаніе* поэзіи Кольцова получаетъ несравненный интересъ, огромную важность. Кольцовъ въ его историческомъ значеніи имѣетъ несравненно бо́льшую роль, чѣмъ это думаютъ обыкновенно; онъ—не интересный прасолъ-поэтъ только, не представитель только способности русскаго простонародья постигать тайны поэзіи, какъ ее понимаютъ образованнѣйшіе люди, а и свидѣтель народной душевной жизни, учащій, какъ на нее должно смотрѣть. Свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе и цѣннѣе, что поэзія Кольцова, по своему содержанію и воззрѣніямъ, совершенно сходна съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, съ былинами, сказками, пѣснями.

Остановимся, напр., на представленіяхъ Кольцова о тяжеломъ народномъ трудѣ и объ условіяхъ его, конечно весьма тяжелой, жизни. Поэтъ образованныхъ, т.-е. привилегированныхъ классовъ, Некрасовъ, а за нимъ Никитинъ, не находятъ ни-

чего кромѣ мрачныхъ красокъ для изображенія тягостей народнаго труда и жизни. Описывая, напр., работу женщины въ страдное время, Некрасовъ восклицаетъ:

„Доля ты, русская долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать!“

Въ другомъ стихотвореніи на лицѣ крестьянки поэтъ видитъ печать „тупого терпѣнія и безсмысленнаго, вѣчнаго испуга“. Сама природа, кажется, вооружается противъ народа въ его страдѣ:

„Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палитъ...
Бѣдная баба изъ силъ выбивается...
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую“...

Въ общемъ великая русская страна представляется страной „тупого терпѣнія“ народнаго, страной,

„Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ“...

Загляните въ стихотворенія Кольцова,—и картина народной жизни радикально мѣняетъ свой характеръ. Кольцовъ, конечно, очень хорошо, лучше другихъ русскихъ поэтовъ зналъ тяжесть народнаго труда. Но описывая самыя тяжелыя работы крестьянскія, онъ не впадаетъ въ уныніе и въ скорбь. „Весело на пашнѣ“, „весело я лажу борону и соху“, „весело гляжу я на гумно и скирды“, — вотъ мысли и чувства, которыя онъ находитъ въ зрѣлищѣ народнаго труда. Съ трогательнымъ чувствомъ умиленія говоритъ Кольцовъ объ обстановкѣ труда, о томъ, какъ „выйдетъ въ полѣ травка—вырастетъ и колосъ“, какъ станетъ колосъ „спѣть, рядиться въ золотыя ткани“, какъ „заблеститъ серпъ и зазвенятъ косы“. О неизбѣжныхъ страданіяхъ, связанныхъ съ трудомъ, нѣтъ и помина, и только узнаете вы о немъ развѣ изъ словъ, что „сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ“. Природа, съ своей стороны тоже совершенно мѣняетъ свой характеръ,

свое отношеніе къ работающимъ. Солнце у Кольцова уже не „нещадно палитъ", а только „глядитъ съ горы небесъ", а когда оно „видитъ—жатва кончена", то „холоднѣй оно пошло къ осени". Тѣ „нивы, покосы да ширь поднебесная", которыя такое печальное впечатлѣніе оставляютъ въ поэтѣ образованныхъ классовъ, у Кольцова являются въ прелести поэзіи. Нива у прасола Кольцова

„Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается:
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается"...

Поэзія Кольцова знаетъ народное горе и личное горе. Но съ безграничной энергіей и силой относится поэтъ къ нему. „Горе" его поэзіи—не простое горе, а такое, которое „горами качаетъ"; но—говоритъ поэтъ—„родись терпѣливымъ и на все готовымъ"... Терпѣливость эта и на все готовность, однако, не имѣютъ ничего общаго съ „тупымъ терпѣніемъ и испугомъ"; поэтъ, скорѣе, хочетъ только, чтобы, какъ говорится, человѣкъ не былъ тряпкой передъ горемъ, не „нюнилъ", какъ это случилось именно у позднѣйшихъ поэтовъ. Идеальное отношеніе къ горю, по Кольцову, состоитъ въ томъ, чтобы

...„съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ"...

Поэтъ—представитель не безсильнаго терпѣнія, а разумныхъ, а иногда необыкновенно смѣлыхъ исканій выхода изъ горя и невзгоды. Онъ готовъ „въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться — горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться"... И онъ увѣренъ, что „безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщетъ". Въ немъ живутъ, конечно, и сомнѣнія въ своей силѣ, но онъ глубоко сожалѣетъ, что нѣтъ у него довольно воли,

„Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть,
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать“...

Не то ли же самое находимъ мы въ народныхъ былинахъ? Тамъ, гдѣ, какъ въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ, отражаются черты земледѣльческаго быта,—на первый планъ выступаетъ необычайное народное *уваженіе къ земледѣльческому труду*, являющемуся лучшимъ приложеніемъ народной силы. Въ немъ, въ этомъ трудѣ, былина видитъ нѣчто даже большее, чѣмъ богатырскій подвигъ; послѣдній—только служилое дѣло для земли родной, въ первомъ же—самое основаніе жизни. И вотъ, въ какихъ чертахъ изображаетъ народъ встрѣчу богатыря съ представителемъ земледѣльческаго труда:

Молодой Вольга Святославовичъ
...Выѣхалъ въ раздольице чистò поле.
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ...
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера
Со своей дружинушкой хораброй,
А не могъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга ещѐ другой день
Другой день съ утра до вечера...

Ѣхалъ и третій день до „пàбѣдья“, пока, наконецъ, „наѣхалъ“ пахаря. Былина съ очевиднымъ удовольствіемъ останавливается на картинѣ пахаря. „Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики у ратая шелковые“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былина отмѣчаетъ и тяжесть этого труда: пахарь замѣчаетъ Вольгѣ-богатырю, что „ему надобна Божья помощь крестьянствовати“. Оставляя соху, Микула проситъ Вольгу послать дружинниковъ изъ омѣшниковъ земельку повытряхнуть и бросить сошку „за ракитовъ кустъ“; но ни пять, ни десять дружинниковъ, ни вся дружина не могутъ „сошки

отъ земли поднять". Тогда-то, какъ бы для показанія сравнительной силы земледѣльца

„Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоси:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ"...

Такъ, съ любовью, переводя всѣ имена въ уменьшительныя, описываетъ былина торжество *земледѣльческой силы*. Не только самъ пахарь, но и трудовая кобылка его оказывается представительницею силы, какой не достигнуть другимъ. „Оратая кобылка-то рысью идетъ, а Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ; у оратая кобылка-то грудью пошла, а Вольгинъ-то конь оставается"... говоритъ былина. Она не забыла и всей гордости результатами могучаго труда, также поэзіи, свойственной ему, и на вопросъ Вольги: „какъ-то тебя именемъ зовутъ, какъ величаютъ по отечеству?"—Микула говоритъ:

„Ай же ты, Вольга Святославовичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою,—
Станутъ мужички меня покликивати:
—„Молодой Микулошко Селяниновичъ!"...

И въ трудѣ, и въ жизненной борьбѣ мы находимъ, такимъ образомъ, у Кольцова, какъ и въ былинахъ, глубоко сознательное и ясное разумѣніе, энергію и силу чувства и пониманія цѣлей и результатовъ. Естественно ожидать, что и вся народная душевная жизнь въ стихотвореніяхъ Кольцова предстанетъ передъ вами богатою и разнообразною, такою же, какою она является всюду, во всѣхъ классахъ общества. Дѣйствительно, мы и встрѣчаемъ у него пѣсни, рисующія страсти и пороки человѣческіе, радости и горе, сомнѣнія и вѣрованія.

Конечно, для Кольцова оставались темными многіе вопросы жизни и мысли, давно разрѣшенные для болѣе образованныхъ людей, и потому его „Думы“ иногда отличаются какой-то особенной трогательной наивностью какъ формы, такъ и содержанія. Но и тутъ ясный и необыкновенно сильный умъ Кольцова нерѣдко поднималъ его далеко выше образованной толпы. Совершенно, конечно, напрасно думали, что для него только, для самого поэта, важны были вопросы, навѣянные на него темнотой могилы: „Что слухъ мой замѣнитъ? Потухшія очи? Глубокое чувство остывшаго сердца? Что будетъ жизнь духа безъ этого сердца?“ Очевидно, мысль Кольцова простиралась до тѣхъ предѣловъ, которые только кажутся ясными для образованной толпы. Кольцовъ былъ безконечно правъ, говоря, что умъ нашъ „наобумъ мѣшаетъ съ былью небылицы“. И то, что такъ тревожило Кольцова въ нерѣшенныхъ для него вопросахъ, по существу остается тревожно нерѣшеннымъ и для всѣхъ истинно мыслящихъ людей, мыслящихъ самостоятельно и глубоко.

Невольно становится передъ читателемъ вопросъ, не представляетъ ли жизнерадостное и поэтическое воззрѣніе Кольцова на народъ и на его жизнь нѣкоторой опасности, создавая мысль, что народъ счастливъ и не имѣетъ нужды въ улучшеніи своего быта. Одинъ только отвѣтъ возможенъ на это. Если „горюющее“ о народѣ направленіе литературы было полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно не можетъ претендовать на долговѣчность. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе воззрѣніе Кольцова, что, именно, что народъ русскій—не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы пронесшій идеалы честнаго труда, видящій донынѣ не одну тяжесть его, а и необходимость для жизни, и потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокій и почтительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи.

Что касается формы произведеній Кольцова, то и о ней

можно сказать то же, что о содержаніи. Во времена высокой обработки литературнаго языка, геніальный поэтъ, едва грамотнымъ взявшійся за чтеніе и только позже нѣсколько начитанный, написалъ стихотворенія по языку въ высокой степени замѣчательныя. У него есть стихотворенія почти Пушкинской красоты и силы.

Затѣмъ въ стихахъ Кольцова есть двѣ особенности, которыя даютъ и въ отношеніи формы совершенно особое мѣсто геніальному поэту-прасолу. Во-первыхъ, поразительная, оригинальная сила нѣкоторыхъ его стихотвореній, и сила чисто народная. Во-вторыхъ, большинство его замѣчательныхъ стихотвореній отличается сложною формою, соединяющею характеры стиха народнаго и стиха искусственнаго, развитаго литературою. Соблюдены въ нихъ точно всѣ правила стихосложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ и характеръ народнаго стиха не утраченъ. Это свойство придаетъ стиху Кольцова особенную прелесть и оригинальность.

ГОГОЛЬ.

Въ то время, когда Пушкинъ былъ еще въ расцвѣтѣ своего геніальнаго дарованія, на сценѣ русской литературы появился новый геній, именемъ котораго названъ послѣдовавшій затѣмъ литературный періодъ. Гоголь былъ явленіемъ необыкновеннымъ и дѣйствительно новымъ, давшимъ русской литературѣ оригинальное и новое направленіе и содержаніе.

Бѣлинскій, опредѣляя характеръ и значеніе Гоголя на основаніи первыхъ его произведеній, „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргорода“, появившихся въ тридцатыхъ годахъ истекающаго вѣка, говоритъ: „Отличительный характеръ повѣстей г. Гоголя составляютъ—простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія“. Причину всѣхъ этихъ качествъ знаменитый критикъ видѣлъ въ одномъ источникѣ, въ томъ, что „Гоголь—поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной“. Легко видѣть, что простота вымысла, народность, правда жизни и оригинальность, какъ это замѣчаетъ и Бѣлинскій, суть свойства общія всѣмъ геніальнымъ поэтамъ, что они составляютъ „отличительный характеръ“ настолько же Пушкина и Лермонтова, насколько и Гоголя. Но „комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія“, составляетъ, дѣйствительно, своеобразную черту произведеній именно Гоголя, рѣзко отличающую его отъ всѣхъ русскихъ писателей, бывшихъ до него и послѣ него. Черта эта, съ необыкновенною ясностью и про-

стотой опредѣленная Бѣлинскимъ, состоитъ въ совершенно особенномъ отношеніи поэта къ жизни, ему одному принадлежащемъ, свидѣтельствующемъ о своеобразномъ складѣ ума и чувствъ Гоголя. Поэтическое изображеніе имъ дѣйствительности всегда возбуждаетъ въ васъ неудержимый смѣхъ, повидимому веселый и беззаботный до конца произведенія; но съ послѣдними строками смѣхъ исчезаетъ, уступая мѣсто настроенію печальному и горькому, вызывая мысли о ничтожности людской, о цѣлой массѣ губительнаго общественнаго зла, существующаго въ порядкахъ и въ жизни нашей родины. Изъ-за внѣшняго смѣха передъ вами выдвигается глубокій внутренній смыслъ произведенія, безпристрастное сужденіе философа и моралиста о жизни.

Послѣднее свойство гоголевской поэзіи, раскрытіе ею общественныхъ золъ, принадлежитъ въ большей степени послѣдовавшимъ за „Вечерами" и „Миргородомъ" произведеніямъ: „Ревизору", „Мертвымъ душамъ" и пр. Но и въ этихъ произведеніяхъ беззаботное „комическое одушевленіе" развертывается въ полной своей силѣ, увлекая читателя и не давая ему никакого повода заподозрить автора въ цѣляхъ научить его, заставить задуматься надъ жизнью, надъ общественными порядками и отношеніями; но такъ же неизбѣжно въ концѣ концовъ приходитъ къ читателю грусть и уныніе и тяжелое раздумье. Бѣлинскій совершенно справедливо защищаетъ Гоголя противъ той мысли, будто онъ имѣетъ цѣли обличительныя. Онъ, по мысли знаменитаго критика, просто поэтъ жизни дѣйствительной, а жизнь говоритъ уже сама за себя, сама себя обличаетъ.

Отрицая въ Гоголѣ *цѣли* обличенія, какъ Бѣлинскій, такъ и особенно послѣдующіе, несомнѣнно были подъ вліяніемъ той мысли, что если не Гоголь самъ, то изображенія его обличаютъ русскую жизнь. Этой именно сторонѣ придано было главнѣйшее значеніе, и изъ Гоголя именно, рядомъ съ тѣмъ, что собственно заслуживаетъ наименованія Гоголевской школы, возникла та обличительная литература, которая получила силу въ послѣдующіе годы. Съ этой точки зрѣнія Гоголь представляется творцомъ и источникомъ сознательнаго и критиче-

скаго отношенія къ русской дѣйствительности, такого отношенія, котораго не было до него. Мысль эта сказалась у Бѣлинскаго противопоставленіемъ Гоголя съ Пушкинымъ въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ представитель чистой поэзіи, искавшій все поэтическое, гдѣ бы оно ни было, а Гоголь—представитель исканія поэзіи въ прозѣ жизни. Мысль эта такъ владѣла знаменитымъ критикомъ, что онъ смотрѣлъ на Гоголя, какъ на нѣчто неожиданное въ русской литературѣ, имѣющее мало связи съ предшествовавшею русскою литературой; Пушкинъ представлялся Бѣлинскому несравненно больше обязаннымъ своимъ предшественникамъ, чѣмъ Гоголь имъ же и самому Пушкину.

Въ такомъ воззрѣніи на Гоголя есть односторонность и неполнота. Напрасно было бы смотрѣть на Гоголя, какъ на явленіе независимое въ русской литературѣ. Онъ только дальнѣйшее развитіе, логическое послѣдствіе литературнаго движенія, созданнаго Пушкинымъ. Задолго до Пушкина уже зародилось въ Россіи литературное отрицательное, обличительное направленіе, проявившееся въ „Недорослѣ" Фонъ-Визина, въ сатирическихъ опытахъ Крылова и другихъ, получившее уже огромное значеніе въ комедіи Грибоѣдова, не чуждое, наконецъ, самого Пушкина, затѣмъ Лермонтова, современника Гоголя по началу своей дѣятельности. Такимъ образомъ, Гоголю не представлялось необходимымъ создавать то, что уже было создано, и значеніе его, въ извѣстномъ смыслѣ обличительныхъ, произведеній—иное.

Дѣло въ томъ, что до Пушкина въ русской литературѣ разрабатывались элементы поэзіи, чуждые русской жизни, процвѣтали сентиментализмъ и романтизмъ, а то, что касалось собственно русской дѣйствительности, ея обличенія и исправленія, появлялось въ литературѣ безъ истинной поэзіи, т.-е. не въ свѣтѣ простого, согласнаго съ истиной, изображенія. Произведенія, касавшіяся русской жизни, имѣли характеръ дидактическій, поучительный, имѣли предвзятыя цѣли: обличить, напримѣръ, невѣжество, какъ въ „Недорослѣ", указать пользу образованія и т. п. Пушкинъ, своимъ необычайнымъ геніемъ сразу отрѣшившій русскую литературу отъ всякой

узости, сблизилъ литературу съ дѣйствительностью, съ жизнью, нашелъ поэзію русской жизни въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, сдѣлалъ всякую фальшь въ литературѣ болѣе невозможною, уронивъ все громкое, трескучее, неестественное, и возвысивъ все доброе и простое. Но совершенное имъ дѣло не могло быть во вредъ здоровому и ясному стремленію литературы—критически отнестись къ окружающей жизни, тому направленію, которое съ такой силой выразилось въ комедіяхъ Фонъ-Визина и въ „Горѣ отъ ума" Грибоѣдова. Ясно, что послѣ Пушкина это направленіе должно было воскреснуть съ новой силой, съ новымъ значеніемъ. Не менѣе ясно, что теперь это направленіе не могло уже быть дидактическимъ, поучительнымъ, преслѣдующимъ предвзятыя мысли, проводящимъ узкія тенденціи,—все подобное, съ тѣхъ поръ какъ Пушкинъ практически выяснилъ, въ чемъ состоитъ поэзія, стало невозможнымъ. Долженъ былъ явиться талантъ, способный слить въ себѣ необыкновенную жизненность и правду изображеній дѣйствительности съ тѣми идеями, которыя одушевляли прежнее обличительное направленіе, чтобы получить успѣхъ и значеніе.

Такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ и былъ Гоголь, развившійся, кстати сказать, подъ вліяніемъ почти только одной русской литературы, но своимъ геніальнымъ чувствомъ, очевидно, уловившій внутреннюю нить литературной жизни русскаго общества и съумѣвшій отвѣтить назрѣвшей общественной потребности. Критическое отношеніе къ дѣйствительности не исключаетъ поэзіи, которая есть—правда, по геніальному выраженію геніальнаго нѣмецкаго поэта, и Гоголю досталось на долю показать это. Въ этомъ великая заслуга его передъ литературою, требовавшая геніальнаго дарованія.

Изъ сказаннаго, конечно, ясно, что собственно „обличительное" направленіе, преслѣдовавшее, немного спустя послѣ Гоголя, цѣли именно обличенія, было не дальнѣйшимъ развитіемъ той мысли, которая лежала въ произведеніяхъ Гоголя, а отступленіемъ отъ нея, уклоненіемъ, возвратомъ къ тому времени, когда литература была еще недостаточно совершен-

ною, чтобы соединять въ себѣ правду мысли и художественность изображеній жизни.

Въ произведеніяхъ Гоголя, по самому свойству его дарованія, сообразному съ общими свойствами несовершенной человѣческой природы, должна была сказаться, конечно, и извѣстнаго рода неполнота. Пушкинъ, по свидѣтельству самого Гоголя, такъ опредѣляетъ дарованіе его: „Еще ни у одного писателя не было дара выставлять такъ ярко пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы *крупно* въ глаза всѣмъ". И Гоголь признаетъ это свойство своимъ *главнымъ свойствомъ*. Но если писатель обладаетъ столь замѣчательнымъ свойствомъ крупно выставлять пошлость пошлаго человѣка, не удѣляя не-пошлости въ своихъ произведеніяхъ большого мѣста, то на читателя это должно производить особенное впечатлѣніе, давать ему представленія о жизни особыя, печальныя. Громадна заслуга человѣка, выставляющаго на всеобщее зрѣлище, дающаго сознать всѣмъ ту пошлую мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, имѣя, однако, огромное значеніе въ жизни! Велико дѣло писателя, совершающаго такое дѣло общественнаго самосознанія! Но въ то же время и самъ писатель, одушевляемый этимъ своимъ особеннымъ свойствомъ, невольно изощряетъ свой взглядъ на явленія именно печальныя, носящія печать пошлости; ей онъ отдаетъ преимущественно свое вниманіе. Тутъ нѣтъ неправды, нѣтъ даже односторонности; не односторонность въ картинѣ, изображающей плачъ и не дающей никакого намека на смѣхъ, возможный для того же лица, которое изображено плачущимъ. Говоря о печальныхъ явленіяхъ жизни, изображая ихъ правильно, истинно, часто было бы неумѣстно оговариваться, что рядомъ съ печальными существуютъ и радостныя явленія. Невозможно и отъ Гоголя требовать, чтобы пошлость жизни, имъ приведенная въ сознаніе общества, говорила о добродѣтеляхъ и достоинствахъ въ нашемъ обществѣ. Но невозможно забывать этого относительнаго значенія его произведеній. Заслуга Гоголя сама по себѣ и безъ того огромна. Отъ простого поэтическаго созерцанія жизни, ея золъ и ея добра, творцомъ котораго былъ

Пушкинъ. Гоголь вновь ввелъ въ литературу задачи сознанія реальныхъ жизненныхъ золъ и борьбы съ ними, не нарушая, однако, обязанности для литературы истиннаго изображенія дѣйствительности. Именно въ этомъ смыслѣ онъ вполнѣ — поэтъ жизни дѣйствительной.

Гоголевскія повѣсти.

Гоголь началъ свое великое литературное поприще „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки". За ними непосредственно слѣдовалъ рядъ роскошныхъ повѣстей, извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Арабески и Миргородъ" („Старосвѣтскіе помѣщики", „Вій", „Тарасъ Бульба", „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ", „Невскій проспектъ" и пр.), къ которымъ позже прибавилось уже не многое, завершенное „Шинелью" въ 1842 году. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей были замѣчательно измѣнены къ изданію 1842 года, выигравъ и въ художественности формы, и въ значительности содержанія. Разсматривая эти произведенія Гоголя въ порядкѣ ихъ появленія, невозможно не поразиться необычайно быстрымъ ростомъ и раскрытіемъ геніальнаго таланта ихъ автора, — съ каждымъ новымъ шагомъ великій творецъ „Тараса Бульбы" обнаруживалъ ширь и мощь проникновенія въ законы жизни, мысль его крѣпла, воззрѣнія на дѣйствительность становились серьезнѣе и глубже. Тѣмъ не менѣе, въ общей суммѣ дѣятельности Гоголя, по общепринятому воззрѣнію, повѣсти его имѣютъ не первостепенное мѣсто и значеніе: произведенія позднѣйшія, крупныя, какъ „Ревизоръ" и „Мертвыя души", съ которыми связываются представленія объ общественныхъ заслугахъ, о раскрытіи золъ русской общественной жизни, объ опредѣленіи ея характера, ставятся истиннымъ основаніемъ славы Гоголя, вѣчной славы, неувядающей.

Но если смотрѣть на поэзію не только какъ на средство постановки и рѣшенія общественныхъ вопросовъ, если она должна учить и воспитывать людей въ сферѣ ихъ повседневныхъ душевныхъ движеній, чувствъ и мыслей, составляющихъ

основаніе, почву для мыслей и чувствъ высшаго порядка, каковы общественныя и общеміровыя,—то простыя повѣсти Гоголя, безпритязательныя, но глубокія, вырастутъ въ нашихъ глазахъ до огромныхъ явленій въ русской литературѣ.

„Вечера на хуторѣ", въ которыхъ отразилась родина великаго поэта, Малороссія, дышатъ такою свѣжестью, молодостью впечатлѣній, такою упоительною поэзіей! Читатель переживаетъ въ нихъ съ авторомъ годы молодости, годы радостнаго созерцанія природы и жизни, еще не смущеннаго опытомъ и утомленіемъ, горькими сомнѣніями и разочарованіями. Какъ упоительно прекрасны лѣтній день и лунная чарующая ночь въ произведеніяхъ Гоголя, какъ незлобивъ и мягокъ здѣсь его юморъ, съ которымъ онъ относится къ явленіямъ людской жизни! Вѣчно погруженнымъ въ тяжкія заботы мелкой дѣйствительности, утомленнымъ уже жизнью людямъ—и тѣмъ отрадно на мгновеніе отрѣшиться отъ гнетущихъ и втягивающихъ мелочей и погрузиться въ созерцаніе картины, гдѣ „мѣсяцъ блистательно и чудно плыветъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба", гдѣ въ вышинѣ „торжественно дышетъ" и „величественно догораетъ" ночь, божественная ночь, а также „прекрасна земля въ дивно серебряномъ блескѣ".

Но чѣмъ дальше вы идете съ Гоголемъ, тѣмъ больше и больше начинаютъ звучать иныя струны жизни, развертываются передъ вами иныя перспективы. Народныя повѣрья родной Малороссіи все болѣе и болѣе сообщаютъ повѣствованіямъ „великаго поэта жизни дѣйствительной" свой строгій колоритъ. Такъ, въ „Страшной мести", среди роскошной природы и игриво комической жизни, возбуждающей смѣхъ, передъ вами уже суровая игра страстей человѣческихъ, трагическій мрачный характеръ которыхъ обнимаетъ васъ, томитъ и волнуетъ. Рядомъ съ этимъ глубокія нравственныя основанія жизни выдвигаются на этомъ фонѣ въ одно и то же время мрачнаго и прекраснаго, чарующаго разсказа. „Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ своего брата, какъ Іуда", говоритъ одинъ изъ героевъ трагедіи на судѣ Божіемъ, и изобрѣтаетъ страшную казнь. „Страшна казнь,

тобою выдуманная, человѣче!" сказалъ Богъ, „пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ: но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ, и не будетъ тебѣ Царствія Небеснаго, покамѣстъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!" Вотъ нравственный смыслъ народнаго преданія, облеченнаго въ чудныя формы колоссальною фантазіей Гоголя: изобрѣтающій месть, самъ для себя приготовилъ осужденіе и наказаніе. Попытки въ фантастическомъ родѣ, какъ „Страшная месть" и вскорѣ за нею созданныя „Вій", „Портретъ" по общему замыслу не всегда удавались Гоголю: но они блестятъ такими мощно поэтическими частностями, которыя заставляютъ васъ не замѣчать недостатковъ, и всегда носятъ на себѣ печать высокихъ нравственныхъ законовъ, правящихъ жизнью.

Быстро кончились юношескія мечтанія Гоголя. Его молодыя поэтическія грёзы скоро уступили мѣсто серьезнѣйшимъ и глубочайшимъ мыслямъ о жизни людской, о страшномъ противорѣчіи между идеаломъ человѣка и дѣйствительнымъ человѣкомъ съ неустойчивостью его природы, съ искаженіями въ немъ образа и подобія Божія, которыя поражали въ живой дѣйствительности проницательныя очи поэта. И то, что у поэта „тоски по идеалу", Лермонтова, оставалось безъ опредѣленія, получило у Гоголя реальнѣйшее выраженіе. Гоголь не тоскуетъ противорѣчіемъ между дѣйствительностью и идеаломъ, но прямо указываетъ, ярко изображаетъ это противорѣчіе, какъ оно проявляется въ жизни.

Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" это противорѣчіе выражено въ удивительно простыхъ и задушевныхъ формахъ. Съ геніальнымъ чутьемъ истины, великій поэтъ не остановился на какихъ-либо глаза рѣжущихъ извращеніяхъ человѣческой природы. Нѣтъ, онъ беретъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ изъ обыкновенныхъ людей, даже можно сказать лучшихъ людей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ,— но, Боже, какое поразительное ничтожество въ ихъ жизни! Эти два старичка, живущіе безъ интересовъ, облагораживающихъ человѣческое существованіе, безъ умственной дѣятельности, стали рабами плотскихъ привычекъ, подобные растеніямъ. Души ихъ спятъ безпробудно и, казалось-бы, разбуди ихъ—жизнь

ихъ сразу сдѣлается содержательною и истинно человѣческою. Великая и простая мысль вложена въ это произведеніе Гоголя,—та мысль, что не тѣлесная, а духовная жизнь есть истинно человѣческая жизнь, что ничтожество грозитъ тому, кто пренебрежетъ интересами духа въ пользу плоти.

Какъ бы для освѣщенія той же идеи съ другой стороны, Гоголь рядомъ съ „Старосвѣтскими помѣщиками" создалъ „Тараса Бульбу". Въ этой роскошной эпопеѣ, отразившей съ необыкновенной яркостью внутреннее содержаніе, внутренній духъ исторической борьбы Малороссіи противъ Польши за вѣру и самобытность свою, Гоголь обнаружилъ свой великій талантъ съ совершенно новыхъ сторонъ. Какое проникновеніе въ духъ народа, въ отдаленную историческую эпоху, когда духъ этотъ принялъ формы грозныя и рѣшительныя! И вся она, эта эпопея, можетъ служить доказательствомъ того, какая сила дается человѣку высокими интересами существованія, вѣрою, идеей отечества, вопросами не временнаго, а вѣчнаго существованія духа человѣческаго. Что̀ такое этотъ простѣйшій Бульба, бьющійся со своими дѣтьми на кулачки, деспотически не обращающій вниманія на чувства матери, пьющій горилку и ничего знать не хотящій, кромѣ военнаго ремесла? Что̀ такое его дѣти съ ихъ семинарскою премудростью, такъ дорого доставшеюся имъ при поощреніи березовыми гостинцами? Что̀ такое вся эта Сѣчь Запорожская съ ея разгуломъ и вѣчнымъ бражничаньемъ? Но идея превращаетъ Тараса Бульбу въ величаваго героя, грознаго и твердаго, какъ скала, умѣющаго среди безграничныхъ предсмертныхъ мученій заботиться не о своемъ бренномъ существованіи, а о судьбѣ товарищей, отъ которыхъ онъ ждетъ продолженія своего дѣла. И сынъ его Остапъ, проникнутый тою же идеею, является передъ нами гигантомъ, когда онъ, предъ смертными страшными муками только объ одномъ молитъ Бога, чтобы „не услышали нечестивые, какъ мучится христіанинъ", въ то время, какъ братъ его, Андрій, отринувшій эту идею, не устоявшій передъ искушеніемъ временнаго счастія, погибаетъ жалко и низко. Какъ подъ вліяніемъ все той же идеи, могуча и величава вся Сѣчь, съ ея выставляемымъ на показъ

презрѣніемъ къ богатству, къ тѣмъ побрякушкамъ, которыми тѣшится человѣчество! Чарующая форма, полная жизненной правды и движенія, той художественности, до которой возвышаются только геніальнѣйшіе поэты, представляетъ великую форму для великой идеи—о несущественности временнаго существованія человѣка передъ вѣчными задачами жизни.

Возьмете ли вы „Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ", вы и тамъ найдете ту же великую идею въ ея развитіи. Въ герояхъ этой повѣсти, приниженныхъ безъидейнымъ существованіемъ, авторъ показываетъ, что даже искалѣченнымъ нравственно людямъ не чужда потребность идеаловъ существованія, что и они ихъ ищутъ и, не будучи въ состояніи найти, замѣняютъ призраками, ложными идеалами. Сущность повѣсти въ томъ, что герои ея, погруженные въ самые мелкіе и пошлые интересы плотской жизни, хотятъ тѣмъ не менѣе быть носителями нѣкотораго рода „чести", за которую готовы отдать все—и состояніе, и душевное спокойствіе. Названіе „гусака"—вотъ чего не могъ вынести одинъ изъ героевъ, и безконечная разорительная тяжба съ врагомъ, бывшимъ другомъ, наполняетъ все его существованіе. Не въ томъ смыслъ этой повѣсти, что до какого ничтожества можетъ унизитъся человѣкъ, не обличеніе человѣческой природы,—а тотъ смыслъ, что и въ самой униженной душѣ живутъ потребности высшихъ духовныхъ идеаловъ, безъ которыхъ жизнь пошла и безцвѣтна.

Та же мысль, въ еще болѣе глубой формѣ, проводится въ позднѣйшей „Шинели". Какъ, повидимому, ни приниженъ Акакій Акакіевичъ, но въ немъ до мелочей проявляется это исканіе идеальныхъ сторонъ существованія. Погруженный въ свое вѣчное и безмысленное писанье, онъ и въ немъ ищетъ чертъ, открывающихъ ему, такъ сказать, пути къ идеалу: помните ли, съ какою любовью онъ стремится выводить буквы, подмигивая себѣ и любуясь ими. Наконецъ, его увлекаетъ „идея" новой шинели, она становится его идеаломъ: въ это пустое дѣло онъ влагаетъ всю свою душу—и гибнетъ за него. Но въ смыслѣ широкомъ, не происходитъ ли въ немъ тотъ же душевный процессъ, который совершается въ душѣ вели-

каго дѣятеля *великой* „идеи“, гибнущаго за нее. Недаромъ Гоголь видитъ въ душѣ Акакія Акакіевича „*привычную* идею новой шинели“; за этими шутливыми словами скрывается великая истина. Вотъ почему Акакій Акакіевичъ говоритъ своимъ видомъ и жизнью: „я братъ твой“, въ укоръ непонимающимъ его. Не осужденіе природы человѣческой и въ этой повѣсти Гоголя, а отраженіе лучшихъ свойствъ ея, низведенныхъ жизнью до комическаго.

Въ „Портретѣ“, какъ ни неудачна эта повѣсть, показывается, что въ самопожертвованіи за высшіе интересы человѣкъ находитъ больше счастья, чѣмъ въ удовлетвореніи временныхъ потребностей жизни, — судьба художника, героя повѣсти, говоритъ намъ объ этомъ. Въ „Невскомъ проспектѣ“ изображается тотъ случай, когда надежды на торжество высшихъ стремленій обманчивы, когда красота внѣшняя скрываетъ внутреннее безобразіе, и тамъ, гдѣ вы надѣетесь найти идеалъ, жизнь приготовитъ для васъ поражающій обманъ. И за подобные обманы гибнутъ. Но не отдадите ли вы предпочтеніе обманувшемуся идеалисту-художнику Пискареву передъ реальнымъ юношей поручикомъ Пироговымъ?..

Во всѣхъ повѣстяхъ Гоголя звучитъ мысль высокая и прекрасная, какъ и формы, въ которыя поэтъ облекаетъ ее. Въ этомъ смыслѣ общественное значеніе ихъ, не обличительное, а идейное, огромно. Въ литературномъ смыслѣ повѣсти Гоголя были источникомъ новаго направленія въ литературѣ, убившимъ возможность писать выдуманныя хитросплетенія, которыми полна была русская литература, несмотря на то, что Пушкинъ уже далъ высокіе примѣры повѣсти. Гоголь обратилъ литературу къ изображенію будничной дѣйствительности и къ идеямъ, которыя въ ней находятся. Съ тѣхъ поръ повѣсть перестала быть просто развлекающимъ чтеніемъ и получила высокій характеръ поучительнаго изображенія жизни.

„Ревизоръ“.

Почти въ началѣ своего литературнаго поприща, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, Гоголь написалъ свою безсмертную комедію — „Ревизоръ“. Ею онъ дѣлалъ новый и притомъ огромный шагъ впередъ по тому пути, на который должна была вступить вся русская литература. Уже современники не могли не почувствовать необыкновенно оригинальныхъ и важныхъ свойствъ новаго произведенія Гоголя, не могли не угадывать, по крайней мѣрѣ, его великаго общественнаго значенія. „Ревизоромъ“ русская литература окончательно сближалась съ жизнью, съ дѣйствительностью, выступала на служеніе ея ближайшимъ интересамъ.

И до геніальной комедіи Гоголя русская драматическая литература, какъ она ни была бѣдна и малосодержательна, не стояла далеко отъ дѣйствительной жизни. Это можно сказать, напр., уже о „Ябедѣ“ Капниста. Комедіи Фонъ-Визина „Бригадиръ“ и „Недоросль“ уже прямо преслѣдовали общественныя задачи, ратуя за просвѣщеніе, бичуя невѣжество и непониманіе необходимости образованія. „Горе отъ ума“ съ необыкновенной силой отразило недостатки московскаго и вообще русскаго общества. Но строго говоря, это все было только подготовленіемъ къ тому пути, на который вывелъ русскую литературу „Ревизоръ“. Про комедіи Фонъ-Визина можно сказать, что если онѣ и были, хотѣли быть близкими къ жизни, то жизнь не была близка къ нимъ. Персонажи ихъ — не живые люди съ плотью и кровью, а придуманныя олицетворенія караемыхъ авторомъ пороковъ, — скорѣе каррикатуры, чѣмъ типическія изображенія. Словомъ, комедіи Фонъ-Визина не были художественными картинами жизни, въ нихъ не жизнь со своими дѣйствительными свойствами учила читателей и зрителей, а научалъ самъ авторъ, придумывая для своего поученія подходящихъ смѣшныхъ персонажей; онѣ еще въ строгомъ смыслѣ не принадлежали искусству, литературѣ художественной. „Горе отъ ума“ было уже художественное

и великое произведеніе, но оно примыкало по своимъ свойствамъ ко всей тогдашней литературѣ въ томъ отношеніи, что не затрогивало близко общественныхъ отношеній, общественной дѣятельности персонажей. Какъ Онѣгинъ и Печоринъ, Чацкій характеризуется въ немъ, какъ психологическій типъ, какъ извѣстнымъ образомъ думающій и чувствующій образованный русскій человѣкъ; Фамусовъ—опять такой же психологическій типъ, опять представитель извѣстныхъ мнѣній и чувствъ, таковы же и Молчалинъ и всѣ другія лица комедіи. Изъ ихъ душевныхъ и умственныхъ свойствъ вы можете только догадываться, каковы они въ общественной дѣятельности, въ отношеніяхъ къ высшимъ и низшимъ. Притомъ все это люди одной среды, среды высшей въ русскомъ обществѣ, и жизнь массъ людскихъ, стоявшихъ отъ нихъ въ общественной зависимости, не является въ комедіи, какъ и во всей тогдашней литературѣ. Положеніе этой массы не обрисовывается передъ вами, не характеризуется отношеніемъ къ высшимъ классамъ.

„Ревизоръ" Гоголя сразу ставитъ васъ именно на эту послѣднюю точку зрѣнія. Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій—это уже не только психологическое лицо, извѣстнымъ образомъ думающее и чувствующее, а и *городничій*, именно въ этомъ своемъ званіи показывающій себя зрителямъ въ театрѣ и читателямъ. Жена его и дочь, любопытныя и въ высокой степени поучительныя лица, однако же опять являются передъ вами не просто только людьми извѣстнаго склада, а женою и дочерью именно городничаго, которыхъ характеръ и дѣйствія обусловливаются, какъ это и бываетъ непремѣнно въ дѣйствительной жизни, общественнымъ положеніемъ ихъ. И таковы всѣ безъ исключенія лица безсмертной комедіи Гоголя: таковъ смотритель училищъ Лука Лукичъ Хлоповъ, таковъ судья Ляпкинъ-Тяпкинъ, таковъ почтмейстеръ Шпекинъ, таковы полицейскіе Свистуновъ, Пуговкинъ и Держиморда. Всякій является передъ вами не только просто человѣкомъ извѣстныхъ свойствъ и качествъ, а въ своемъ общественномъ мѣстѣ и положеніи. Съ чутьемъ истиннаго геніальнаго художника Гоголь беретъ весь этотъ чиновный уѣздный міръ въ самый

любопытный моментъ пріѣзда къ нимъ ревизора, когда ихъ и душевныя, и общественныя свойства должны проявиться съ наибольшею силой и ясностью, когда всплываютъ наверхъ и ихъ личныя влеченія, и страхъ передъ карой закона, ограничивающій эти влеченія. Передъ нами уже не уединенный классъ русскаго общества съ его образованіемъ или отсутствіемъ образованія—обычный предметъ тогдашнихъ произведеній литературы,—а, такъ сказать, общій, уѣздный городъ, общая обширная русская жизнь въ ея общественномъ характерѣ и освѣщеніи.

Несмотря на этотъ, въ глаза бьющій, живой и характернѣйшій общественный смыслъ комедіи, несмотря на то, что въ ней городничій, почтмейстеръ, учитель, уѣздный лѣкарь, купцы и полицейскіе обрисовываются именно въ ихъ общественномъ положеніи, въ общественной дѣятельности,—лица комедіи представляютъ собою высоко-художественные персонажи, каждое съ печатью индивидуальности, личности съ опредѣленнымъ характеромъ и темпераментомъ. Общественный смыслъ такъ тѣсно сливается съ художественнымъ значеніемъ въ этой великой комедіи, что раздѣлять ихъ невозможно. Жизнь сама говоритъ за себя въ произведеніи Гоголя, а не авторъ, и если изъ него выходитъ рѣзкое поученіе, если въ немъ яркое обличеніе, то на всѣ указанія въ этомъ смыслѣ одинъ отвѣтъ: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива". Всѣ эти свойства комедіи были такъ новы въ русской литературѣ, такъ неожиданъ былъ упрекъ обществу русскому, что оно растерялось. Понятны всѣ вопли, поднявшіеся тогда противъ комедіи, понятно возбужденіе, поднятое ею. Общество увидѣло себя не въ своей только душевной жизни, а и въ томъ, какъ эта душевная жизнь лицъ отражается на жизни ближнихъ—и ужаснулось. Литература, повторяемъ, сдѣлала такой шагъ „Ревизоромъ" къ сближенію съ жизнью, который долженъ былъ послужить основою для всей дальнѣйшей литературы русской.

Таково литературно-общественное значеніе „Ревизора". Это значеніе было бы или слишкомъ не полно, или только временно, комедія сослужила бы свою службу обличенія въ свой моментъ—и была бы забыта, оставшись, какъ комедіи

Фонъ-Визина, литературно-историческимъ памятникомъ, еслибы она не была произведеніемъ высоко-художественнымъ, открывающимъ не временныя только явленія общественной жизни, а и общіе законы душевной жизни человѣка. Но каждое изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Гоголя представляетъ собою цѣлый міръ, полное олицетвореніе извѣстнаго момента душевной жизни.

Обыкновенно первенствующее значеніе въ комедіи дается зрителями и читателями Хлестакову, онъ прежде всего привлекаетъ на себя вниманіе, все сосредоточивается около него. Но еще Гоголь самъ сказалъ, что Хлестаковъ совсѣмъ не главное лицо въ „Ревизорѣ". Дѣйствительно, этотъ вѣчно лгущій фантазёръ въ той картинѣ общественной жизни, которую нарисовалъ Гоголь, явленіе случайное, временное: онъ пріѣзжаетъ и потомъ уѣзжаетъ, промелькнувъ въ своеобразномъ мірѣ уѣзднаго города какъ метеоръ. Все значеніе его въ томъ, что онъ, также по случайному поводу, выдвинувшему его на сцену, всколыхнулъ повидимому сонное, но полное до дна чудищами болото. Самый характеръ его, необыкновенно тонко и проницательно созданный поэтомъ, имѣетъ служебное значеніе, а не первенствующее. Будь онъ серьезнѣе и глубже, ему невозможно было бы сыграть ту роль, которая ему предназначена. Нужно было именно легкомысленнаго и пустого лгуна, самого себя тѣшащаго тѣми фантазіями, которыя ему приходятъ въ голову, чтобы тонкій по-своему уѣздный міръ принялъ его въ своемъ страхѣ за ревизора и чтобы самъ онъ безпечно, ничего не обдумывая, могъ поддаться на эту роль важной персоны. Хлестаковъ — не главное, не существенное лицо въ идеѣ комедіи, а служебное.

Главное въ комедіи Гоголя—уѣздный чиновный міръ въ его отношеніяхъ къ своимъ обязанностямъ, къ своему долгу. И главное лицо въ этомъ мірѣ—городничій, но только въ этомъ мірѣ, а не во всей комедіи, гдѣ весь уѣздный міръ, во всей своей цѣлости, со всѣми своими персонажами, имѣетъ существенное значеніе. Городничій очерченъ Гоголемъ съ необыкновенной художественной ясностью, и полонъ поражающаго смысла. По первому впечатлѣнію, вызываемому всей

комедіей, городничій, какъ и другіе персонажи, представляются какими-то кровопійцами. Но это обманъ, иллюзія, которая тотчасъ же исчезаетъ, какъ скоро вы приглядываетесь ближе и внимательнѣе къ нему. Совсѣмъ не злодѣи, не злые люди всѣ эти уѣздные заправилы, а, напротивъ, люди добродушные и простые по натурѣ, только своею нелѣпою общественною ролью производящіе злое впечатлѣніе. Не говоря уже о такихъ уѣздныхъ „философахъ", какъ Амосъ Федоровичъ, отыскивающій „тонкую и больше политическую причину" въ появленіи къ нимъ ревизора, и говорящій о „сотвореніи міра" такъ, что „просто волосы дыбомъ поднимаются": не говоря о почтмейстерѣ, наслаждающемся въ письмахъ описаніемъ „разныхъ пассажей" и получающемъ изъ нихъ „назидательность",—самъ городничій, лицо наиболѣе рѣзкое и хищническое, совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія „злодѣя". Этотъ мужъ, которому грозитъ глупая кокетка-жена, который мечтаетъ о генеральствѣ, производитъ впечатлѣніе истинно комическое. Лично онъ только смѣшонъ, но не страшенъ,—и совсѣмъ не злобенъ.

Такое впечатлѣніе остается до тѣхъ поръ, пока вы не входите въ предѣлы его общественнаго значенія. Но здѣсь онъ сразу превращается въ нѣчто въ огромной степени злое и вредное. Какое-то страшное противорѣчіе лежитъ между его пустою натурой и зломъ, которое онъ представляетъ собою. Въ чемъ же это противорѣчіе? Отвѣтъ ясенъ,—въ страшномъ отсутствіи у него истинныхъ нравственныхъ представленій о жизни, о роли его въ ней. Городничій, какъ въ сущности и всѣ остальныя лица комедіи, не имѣетъ никакого нравственнаго общественнаго воспитанія: они не знаютъ и не хотятъ знать своихъ обязанностей къ ближнимъ, надъ которыми имъ вручена власть. На этой почвѣ отсутствія нравственныхъ и общественныхъ понятій естественно возрастаетъ полный разгулъ личныхъ инстинктовъ, развивается мелкій эгоизмъ, передъ которымъ все остальное гнется, и самодурство, не знающее предѣловъ. Традиціонно развивалось такое отношеніе къ общественнымъ дѣламъ въ средѣ этихъ людей, и каждый, получая должность, думалъ, что онъ получаетъ „доходное мѣсто",

а не принимаетъ на себя общественный долгъ, получаетъ власть, возможность распоряжаться людьми, а не обязанность заботиться о благѣ людей. И вотъ, добродушный, не злой по натурѣ человѣкъ становился бичемъ подчиненныхъ ему людей, а легкомысленная, пустая жена становится для него побужденіемъ всюду искать возможности взять что-нибудь въ свое гнѣздо. Такова картина общественной жизни, которая изображена въ „Ревизорѣ".

Внутренній смыслъ геніальной комедіи такъ великъ, нравственная идея ея такъ значительна, что полное отсутствіе въ ней отраженія хотя бы какихъ-нибудь хорошихъ сторонъ русской души уже не поражаетъ васъ. Эта односторонность является вамъ какъ неизбѣжное условіе критическаго, комическаго воззрѣнія на жизнь, составляющаго основаніе всей комедіи.

„Мертвыя души".

„Мертвыя души" Гоголя принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ русской литературы. Истинный поэтъ, „поэтъ жизни дѣйствительной", Гоголь, подобно Пушкину, создавалъ изображенія жизни безъ предвзятыхъ намѣреній, не стараясь къ художественнымъ образамъ, говорящимъ сами за себя, присоединять свои собственныя личныя заключенія, мнѣнія объ изображаемомъ, предоставляя нравственному чувству каждаго опредѣлять, что̀ хорошо и что̀ дурно въ немъ, въ этомъ изображаемомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ это всегда и бываетъ, созданные имъ образы высоко поучительны и важны, потому что представленія о добрѣ и злѣ присущи совѣсти каждаго, и никто не способенъ въ буйномъ легкомысліи Ноздрева, въ страшной душевной изуродованности Плюшкина, въ преступномъ любостяжаніи самого Чичикова и пр.—видѣть что-нибудь доброе, заслуживающее одобренія.

Есть родъ понятій высшихъ, выходящихъ за предѣлы личной нравственности, понятій о благѣ общественномъ, идущемъ не въ интересахъ узкопонятыхъ личныхъ. Но и тѣ, кто жи-

ветъ въ сферѣ этихъ высшихъ понятій, находятъ въ изображеніяхъ Гоголя ту же высокую поучительность, потому что персонажи Гоголя сами за себя говорятъ и въ отношеніи ихъ общественнаго значенія. Въ томъ-то и сила истинно художественнаго произведенія, безпристрастно рисующаго жизнь, что оно всякому доступно въ той или другой мѣрѣ, всякаго оно учитъ такъ, какъ учитъ самое зрѣлище жизни. Но произведеніе искусства, нужно прибавить, можетъ сильнѣе дѣйствовать и научать, чѣмъ жизнь, потому что послѣдняя своею сложностью и желаніемъ людей скрыть свои пороки часто закрываетъ отъ наблюдателя свои сокровенныя стороны, а созданіе искусства именно эти-то сокровенныя стороны и стремится открыть во всей ихъ полнотѣ, во всемъ значеніи.

Когда „Мертвыя души" появились, критикою и образованными читателями имъ придано было значеніе главнымъ образомъ общественное, въ нихъ видѣли обличеніе русской жизни, ея общественную характеристику. То, что это великое твореніе могло принести читателю въ смыслѣ его нравственнаго личнаго улучшенія, не возбудило почти никакого вниманія. Съ этой точки зрѣнія „Мертвыя души", какъ провозгласилъ геніальный критикъ Бѣлинскій, были признаны произведеніемъ только русскимъ, только для Россіи имѣющимъ значеніе, но отнюдь не для всего человѣчества, потому что только Россія отразилась въ немъ и можетъ научиться въ немъ познавать себя и понять, что необходимо для улучшенія ея общественнаго быта. Мнѣніе это показываетъ направленіе тогдашнихъ русскихъ умовъ, озабоченныхъ неустройствомъ русской жизни, желаніемъ улучшеній, прогресса въ ней. По существу же оно несомнѣнно односторонне.

Будучи произведеніемъ чисто русскимъ, „Мертвыя души", тѣмъ не менѣе, имѣютъ значеніе для всего человѣчества. Духъ человѣческій въ своихъ основныхъ свойствахъ вездѣ одинаковъ, всюду люди поражаются тѣми же пороками, тѣми же болѣзнями и неправильностями развитія, и типы Гоголя, какъ Чичиковъ, Ноздревъ, Плюшкинъ, Собакевичъ, подобно типамъ Шекспира и другихъ великихъ поэтовъ міра, составляютъ отраженіе общихъ душевныхъ немощей человѣческихъ.

Что за дѣло, что шекспировскій Гамлетъ—англичанинъ, что таковы же Лиръ и Макбетъ. По нимъ вы научаетесь вообще понимать человѣческую душу. Въ русской литературѣ отмѣчены не разъ тѣ же душевныя особенности, что и у нихъ, въ рядѣ такихъ національно русскихъ произведеній, какъ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда", и „Степной король Лиръ" Тургенева, „Леди Макбетъ одного изъ русскихъ уѣздовъ" Лѣскова, и т. п. И что за дѣло, что Плюшкинъ — русскій? Развѣ не тѣ же самыя свойства разовьются у француза, у англичанина и нѣмца, съ національными лишь особенностями, если они подпадутъ подъ вліяніе страшной скупости? Главное дѣло въ томъ, что Гоголь съ необыкновеннымъ, геніальнымъ прозрѣніемъ умѣлъ заглянуть въ самые глубокіе тайники душевной жизни человѣка, и это придаетъ каждому его образу одинаково великій интересъ какъ для русскаго, такъ и для всякаго другого человѣка, а національныя особенности душевнаго склада придадутъ въ глазахъ иностранца еще большую характеристичность этому образу, выдѣлятъ передъ нимъ такія свойства, которыя въ родныхъ, знакомыхъ ему, близкихъ формахъ прошли бы для него незамѣченными. И если, напр., велико значеніе образа Плюшкина для русскихъ, то еще больше его значеніе общечеловѣческое, міровое. Гоголь писалъ въ такое время, когда русская литература еще мало обращала на себя вниманіе иностранцевъ, и притомъ вниманіе предубѣжденное, а позже иныя задачи и теченія мысли вошли въ обращеніе—въ моду, если хотите. И потому только Гоголь не пользуется большой міровой популярностью, которой онъ заслуживаетъ и которая, быть можетъ, еще предстоитъ ему.

Общественное значеніе „Мертвыхъ душъ" громадно. Онѣ были великимъ актомъ общественнаго самосознанія. До нихъ вся огромная, широкая Русь, провинціальная, основная, почти еще не находила отраженія и характеристики въ литературѣ. „Мертвыя души" выводятъ васъ на широкія, безграничныя поля, гдѣ „какъ точки, какъ значки" стоятъ „непримѣтные города" и гдѣ, въ этихъ селахъ и непримѣтныхъ городахъ, сформировались оригинальные типы людей съ своеобразной жизнью. Передъ вами вся необозримая даль, грустью пора-

жающая, съ пѣснью, въ которой „что-то зовущее и манящее". Несложившееся что-то, большое, огромное, но неупорядоченное проходитъ передъ вами въ поразительныхъ формахъ.

Но это общественное значеніе великаго произведенія Гоголя имѣетъ свою условную сторону. Русская жизнь, разсматриваемая съ самой критической стороны, имѣетъ въ себѣ два элемента, которые прекрасно указалъ Некрасовъ устами одного изъ своихъ героевъ. Съ одной стороны Русь—„черна, куда ни погляди", а съ другой—„но не проѣлъ до сердцевины ее порокъ". Въ произведеніи Гоголя „чернота" Руси выставлена во всей своей силѣ; но тѣхъ элементовъ, которые показали бы, что „до сердцевины не проѣлъ ее порокъ"—этихъ элементовъ въ немъ нѣтъ, или они отмѣчены въ такихъ туманныхъ и отдаленныхъ формахъ, что разглядѣть ихъ трудно. Описавши Русь въ такихъ формахъ, въ какихъ она является въ „Мертвыхъ душахъ", Гоголь испугалъ многихъ, любившихъ свою родину, и самъ испугался размѣровъ той пошлости и безмыслія, которыя онъ нашелъ на Руси. Русскіе, вообще склонные къ нѣсколько неумѣренному самоосужденію, согласились признать характеристику Гоголя правильною; въ ней они видѣли стимулъ къ заботамъ о самоисправленіи, объ улучшеніи жизненныхъ отношеній.

Смиренно склонилась Русь передъ приговоромъ Гоголя, сохраняя, однако, въ душѣ именно ту надежду, что „сердцевина" здорова и обѣщаетъ ей великую будущность. Однако же, приходится признать, что есть въ характеристикѣ Гоголя извѣстная односторонность, неполнота. Глубокій русскій критикъ Аполлонъ Григорьевъ высказалъ убѣжденіе, что Гоголь, какъ малороссъ, „не зналъ Великой Россіи". Гоголь глубоко смотрѣлъ въ русскую жизнь, какъ проницательный поэтъ, но по самому свойству своего великаго таланта, отмѣчавшаго все комическое, уродливое, все противорѣчащее нравственнымъ и общественнымъ идеаламъ, не обращалъ вниманія на то доброе въ русской жизни, что̀ сокровенно горѣло въ ней. Русскій народъ въ „Мертвыхъ душахъ" вообще мало появляется на сцену, какъ не появляется и все то русское, народное, что̀ сохранялось и въ интелигенціи, хотя частію.

Гоголь не отмѣтилъ того духа мысли и нравственной справедливости, которую народъ въ своихъ историческихъ страданіяхъ пронесъ незыблемо чрезъ вѣка испытаній. Это было и не дѣло Гоголя, повторяемъ, це въ свойствахъ его таланта, дозволившаго ему только въ молодости, рядомъ съ комизмомъ, внести въ описаніе дорогой его матери-Малороссіи какой-то чарующій элементъ сыновней любви и привязанности. Все, чѣмъ стала Русь сильна и могуча, что̀ помогло ей нравственно побѣдить нахлынувшую на нее татарщину и раскинуть свое вліяніе на огромное пространство между двумя міровыми океанами,—все это остается внѣ поэтическихъ задачъ Гоголя. Мы должны быть благодарны всякому таланту за разоблаченіе нашихъ золъ и недуговъ, но должны помнить и то, что были другіе великіе таланты, приподнявшіе завѣсу надъ великою Русью съ другой стороны. Такъ, гр. Левъ Толстой, напр., нашелъ идеальнѣйшія стороны русской души и подъ наноснымъ соромъ человѣческихъ пороковъ, общихъ всѣмъ людямъ.

Задача Гоголя въ „Мертвыхъ душахъ" исчерпывается изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ русской жизни. Сознавая это, пораженный, онъ видѣлъ въ этомъ какую-то вину за собою передъ отчизною, желалъ поправить дѣло, указать идеальныя стороны русской жизни. Но намѣренно поэтъ безсиленъ создать что-нибудь, что̀ не согласуется съ природой его таланта. Результатомъ стремленій Гоголя появились въ неоконченной второй части „Мертвыхъ душъ" идеальные персонажи дочери генерала Бетрищева Уленьки, пріобрѣтательнаго Костанжогло, генералъ-губернатора и пр. Но всѣ подобные персонажи — образы безъ лицъ, не живыя созданія фантазіи, а мертвыя воплощенія теоретической придуманности. Совершенно ясно читателю, что Гоголь не видалъ въ жизни такихъ персонажей, психологически не изслѣдовалъ ихъ, а просто придумывалъ для изображенія извѣстныхъ добродѣтелей, чтобы снять съ себя тяжкій упрекъ въ томъ, что ничего не видѣлъ онъ добраго въ русской жизни, что разрушалъ будто бы вѣру въ родную страну, въ то, что въ ней есть задатки хорошаго будущаго. Но придумывая, поэтъ шелъ совсѣмъ не въ ту сторону, не тамъ искалъ идеальныхъ сторонъ русской души.

Больной и надломленный, въ это время онъ уже и не былъ въ силахъ подвергнуть русскую жизнь и русскую душу новому анализу; всѣ усилія его остались тщетными, — памятникомъ его тревожныхъ, боязливыхъ, недовѣрчивыхъ думъ о характерѣ и полезности его великой дѣятельности.

Со стороны литературной, съ точки зрѣнія художественнаго замысла и исполненія, „Мертвыя души" представляютъ явленіе поразительное, особенно если смотрѣть на него съ точки зрѣнія исторической, принимая во вниманіе время ихъ появленія и мѣсто, литературу въ тогдашнемъ ея состояніи. И форма, и содержаніе ихъ необыкновенно оригинальны, самостоятельны. Произведеніе Гоголя подобно развѣ только Сервантесовскому „Донъ-Кихоту", только въ немъ можно бы найти образецъ для „Мертвыхъ душъ".

Во времена Гоголя былъ еще въ полной силѣ „романтизмъ". Романъ въ то время и позже не обходился безъ любви, которая составляла основаніе всего произведенія, по крайней мѣрѣ внѣшнее основаніе. Гоголь задумалъ широкую картину жизни, лишенную совершенно обычныхъ романическихъ свойствъ, картину путешествующаго человѣка, передъ которымъ, какъ въ движущейся панорамѣ, проходятъ явленія русской жизни. Гоголь самъ чувствовалъ необычность задуманнаго имъ плана и невольно остановился на томъ, какъ назвать свое произведеніе. Всѣ обычные титулы рѣшительно не подходили къ нему: „романъ", „повѣсть", „разсказъ" — можно ли было поставить эти слова на книгѣ Гоголя? И онъ справедливо назвалъ ее „поэмой", — понятіемъ широкимъ, обнимающимъ всѣ роды повѣствованій. Гоголь самъ сознается, что сюжетъ его произведенія данъ ему Пушкинымъ. Но, очевидно, только съ великими силами Гоголя можно было придать этому сюжету столь оригинальную форму. Пушкинъ могъ дать сюжетъ лишь въ совершенно общихъ чертахъ, и заслуга Гоголя нимало не умаляется этимъ заимствованіемъ сюжета, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія исполненія имъ замысла.

Оригинальный замыселъ Гоголя открылъ передъ нимъ такое огромное поле для изображенія русской дѣйствительности, какого не представилъ бы никакой другой родъ по-

этическаго произведенія. Передъ читателемъ развертывается душу захватывающая картина жизни. Изумительное разнообразіе характеровъ, носящихъ, однако, общія родовыя, русскія черты, знакомятъ васъ съ самыми разнообразными проявленіями русской духовной природы. Русская натура, какъ извѣстно, широка, какъ необозримы поля нашей родины. Ужъ если русскій человѣкъ веселъ, то веселъ безгранично; скученъ,—такъ скученъ до глубокой печали: онъ не знаетъ середины. Если онъ порочень, то порокъ его принимаетъ формы огромныя: если раскаивается, его раскаяніе переходитъ въ подвигъ, въ самоуничиженіе, въ самопожертвованіе. Если онъ предался какой-нибудь страсти, то страсть эта владѣетъ имъ безгранично. Русская широта въ нѣкоторомъ смыслѣ есть податливость, способность не устоять, всецѣло подчиниться извѣстному вліянію, извѣстной страсти. И вотъ у Гоголя передъ нами раскрывается цѣлая галерея персонажей, изъ которыхъ каждый, дѣйствительно, подчиненъ преобладающему настроенію, выдавая загадку русской натуры. Ужъ если скупецъ русскій человѣкъ, то это Плюшкинъ, „заплатанный"..., какъ его называютъ мужики, всѣмъ пожертвовавшій своей страсти—семьею, своимъ комфортомъ, душевнымъ спокойствіемъ, и пр. Въ Маниловѣ передъ нами весь неумный мечтатель, ничего, кромѣ неумной мечты не знающій. Въ Собакевичѣ—разсчетливый стяжатель, ужъ ничего не желающій другого. Въ Петрѣ Петровичѣ Пѣтухѣ—русскій чревоугодникъ, опять не знающій мѣры своей страсти. Въ самомъ Чичиковѣ—повидимому скромный и тихій, а въ сущности упорный „хозяинъ-пріобрѣтатель", не знающій преградъ себѣ ни въ законѣ, ни въ совѣсти: а вѣдь онъ, по опредѣленію самого Гоголя, не злодѣй какой-нибудь, а просто „плутоватый человѣкъ", ловкій „хозяинъ-пріобрѣтатель".

Въ свѣтѣ великой власти страстей надъ русскимъ человѣкомъ Русь и представляется столь „черною". Въ этомъ смыслѣ характеристика, данная ей Гоголемъ, — величаво геніальна.

„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

На ореолъ, окружающій великое имя Гоголя, „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ набросили нѣкоторую тѣнь. Первое появленіе ихъ было встрѣчено недоумѣніемъ. Бѣлинскій, бывшій тогда въ апогеѣ своей славы, написалъ рѣзкую статью и кромѣ того извѣстное письмо, прямо обвиняющее Гоголя. Казалось непонятнымъ, какъ творецъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ могъ сойти на путь проповѣди, не стоящей, повидимому, ни въ какой связи съ его предшествующею дѣятельностью, даже прямо противорѣчащей ей. Впослѣдствіи объясняли поступокъ Гоголя душевною болѣзнью, разрушившею до извѣстной степени его великія умственныя силы. Страннымъ казался его торжественный слогъ: выраженія въ родѣ „всякъ“, вмѣсто „всякій“, давали поводъ къ порицанію. Еще страннѣе казались его совѣты помѣщику обзывать своихъ крестьянъ „неумытыми рылами“. Самая проповѣдь, обращенная къ „рабовладѣльцу“, совѣты, какъ поступать съ „рабами“, казались непонятными въ Гоголѣ.

Недовольство, даже негодованіе тогдашнихъ порицателей Гоголя понятно. Они видѣли въ немъ „пророка“, разоблачителя золъ, гнетущихъ Россію, порицателя существующихъ въ ней порядковъ и характера жизни. Они считали его *своимъ*, наиболѣе яснымъ сторонникомъ прогресса русской жизни, проповѣдникомъ необходимости просвѣщенія для нашего отечества. И вдругъ этотъ великій поэтъ, въ такихъ живыхъ образахъ отразившій темныя стороны русской жизни, въ письмахъ своихъ совсѣмъ не ратовалъ за прогрессъ въ смыслѣ усвоенія Россіею европейскаго быта, совѣтовалъ учить грамотѣ мужика только въ случаѣ его большой къ тому охоты, говорилъ: „ругни его“ (мужика) и проч. и проч. Что общаго между разоблаченіемъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Сквозникъ-Дмухановскихъ—и этими совѣтами, этими наставленіями, обращенными уже не къ одному лицу, а къ цѣлому обществу, разъ письма были преданы печати? Отъ Гоголя ожидали не

того,—не проповѣди о томъ, какъ владѣть рабами, а проповѣди объ уничтоженіи крѣпостного права, тѣмъ болѣе, что типы помѣщиковъ, выведенные имъ же самимъ въ великихъ созданіяхъ, громко говорили о тлетворномъ вліяніи рабства не только на крестьянъ, но и на самихъ помѣщиковъ.

Тогда, конечно, не могли понять, зачѣмъ Гоголю пришло на умъ публиковать его частныя письменныя бесѣды съ друзьями. Порицатели его не безъ основанія могли опасаться, что авторитетный голосъ великаго писателя будетъ принятъ и приводимъ въ доказательство того, что не нужно спѣшить съ реформою русской жизни, что все въ Россіи на своемъ мѣстѣ и въ порядкѣ, котораго нарушать не слѣдуетъ. Но на томъ разстояніи, которое отдѣляетъ насъ отъ времени написанія и опубликованія писемъ Гоголя, мы можемъ спокойнѣе и безпристрастнѣе отнестись къ этой книгѣ великаго „поэта жизни дѣйствительной". Многое, что̀ тогда возбуждало негодованіе и опасенія, представляется намъ въ иномъ свѣтѣ.

Самыя письма Гоголя даютъ ясное представленіе о причинахъ, вызвавшихъ въ немъ новый строй мыслей, и почему онъ придалъ имъ такое значеніе, что не только писалъ частнымъ лицамъ, но и напечаталъ ихъ. Гоголь былъ боленъ, при смерти. Какъ натура въ высшей степени впечатлительная, онъ, естественно, вынесъ тяжкія впечатлѣнія отъ этой близости вѣчности, и не могъ уже отъ нихъ отрѣшиться. А въ смертныя минуты человѣкъ долженъ испытывать могущественное влеченіе отнестись безпристрастно къ фактамъ жизни, къ страстямъ, волнующимъ человѣчество. И многое, что̀ казалось такимъ привлекательнымъ и важнымъ, неизбѣжно превращается въ мелкое и ничтожное, а что̀ казалось несущественнымъ — вырастетъ въ неизмѣримо великое. Самый простой примѣръ пояснитъ эту мысль, могущественно высказанную другимъ геніальнымъ писателемъ, гр. Л. Толстымъ, въ его „Смерти Ивана Ильича". Представимъ себѣ человѣка, всю жизнь потратившаго на собираніе богатствъ, въ ущербъ своему нравственному совершенствованію, въ ущербъ добрымъ и справедливымъ отношеніямъ къ ближнимъ. Не будетъ ли этотъ человѣкъ на смертномъ одрѣ, если онъ вспомнитъ и крити-

чески отнесется къ своей жизни, понимать всю тщету своихъ стремленій при жизни? И какъ онъ будетъ жалѣть, если онъ человѣкъ съ сердцемъ и умомъ, о тѣхъ страданіяхъ, которыя доставлялъ своимъ ближнимъ изъ-за этихъ богатствъ, которыя становятся безполезными ему, напрасными! Умирая, человѣкъ лучше можетъ понять значеніе нравственныхъ основъ жизни, чѣмъ при жизни, когда онъ волею-неволею является слугою своихъ страстей и пороковъ, своихъ увлеченій тщетными благами.

Чрезъ такое тяжелое испытаніе прошелъ и Гоголь. Многое въ его мнѣніяхъ поколебалось. И вотъ онъ, подобно, впрочемъ, послѣдующимъ русскимъ геніальнымъ писателямъ, Достоевскому, Л. Толстому, пришелъ къ мысли о главной, огромной роли въ жизни—нравственности, нравственнаго личнаго развитія человѣка. Подъ вліяніемъ религіознаго настроенія, вызваннаго смертнымъ часомъ, столь бывшимъ близко къ нему, онъ развилъ широко эту мысль; она получила въ немъ широкое развитіе, побѣждающее все остальное. Онъ зналъ глубоко жизнь и русскую, и иныя; видѣлъ, какъ безсильны, безъ нравственнаго совершенствованія людей, всякія политическія и общественныя формы создать болѣе человѣчныя отношенія между людьми. Понятно, что тотъ общественный и политическій смыслъ, который придавали его произведеніямъ, охлаждалъ его къ этимъ послѣднимъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ о томъ, что „нужно любить Россію", — такъ это письмо и озаглавлено,—а его произведенія, рисующія ее въ столь мрачныхъ краскахъ, должны были казаться ему ведущими къ противоположному. И онъ относился къ нимъ критически, хотѣлъ исправить свою „ошибку", обѣщалъ, что онъ не будетъ изображать больше „все бѣдность, да бѣдность, да несовершенства человѣческія", что въ произведеніяхъ его зазвучатъ „иныя струны". Вотъ объясненіе одного изъ „преступленій", въ которомъ обвиняли Гоголя,— того именно, что онъ отказался отъ своихъ великихъ произведеній.

Съ совершившимся переворотомъ въ своихъ воззрѣніяхъ, Гоголь оставался все тѣмъ же благороднымъ и гуманнымъ

человѣкомъ, лично нравственнымъ выше даже, чѣмъ прежде. И тѣмъ же онъ остался великимъ умомъ, но только преданнымъ мысли о тщетности житейскихъ стремленій, посѣтившей его въ близости смерти. Просмотрите его письма, и сколько благороднаго и искренняго найдете вы въ нихъ! Его отрицаніе собственной поэтической дѣятельности исходило изъ источника благороднаго. Онъ зналъ относительную силу печатнаго слова, но онъ отрицательно относился къ тому „заколдованному кругу познаній, который нанесенъ журналами въ видѣ скороспѣлыхъ выводовъ, опрометчивыхъ показаній, выставленныхъ сквозь лживыя призмы всякихъ партій“: боялся и за доброе вліяніе своихъ сочиненій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не относился отрицательно къ литературѣ и поэзіи, и въ письмѣ „о чтеніи русскихъ поэтовъ передъ публикою“ сожалѣетъ о томъ, что „наши поэты до сихъ поръ почти неизвѣстны публикѣ“, совѣтуетъ читать ихъ именно на начинавшихся тогда литературныхъ вечерахъ, вмѣсто новыхъ произведеній, незначительныхъ, къ которымъ онъ относилъ и свои. Цѣлыя большія письма посвящены Гоголемъ объясненію нашихъ поэтовъ, полному ума и пониманія,—о Карамзинѣ, о театрѣ, о „просвѣщеніи“ и т. п. Гоголь часто высказываетъ въ нихъ весьма глубокія мысли. Такъ, говоря о просвѣщеніи, онъ замѣчаетъ: „просвѣтить не значитъ научить или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь“, — мысль глубокая и выраженная съ необыкновенной ясностью.

Многія письма его посвящены такимъ предметамъ, какъ тотъ, что „нужно любить Россію“, „нужно проѣхаться по Россіи“, т.-е. узнать ее, испытать отъ нея живыя впечатлѣнія.

Но есть у Гоголя другія письма, которыя и послужили главнымъ образомъ къ осужденію и недовольству ими многихъ. Онъ говоритъ о роли „женщины въ свѣтѣ“, о томъ, „чѣмъ быть жена можетъ для мужа въ простомъ домашнемъ быту“, что долженъ дѣлать „занимающій важное мѣсто“ и пр. и пр., наконецъ, какъ долженъ вести себя „помѣщикъ“. Въ письмахъ этихъ Гоголь на первый взглядъ является не возвы-

шающимся надъ обычною, избитою житейскою моралью. Казалось, что не Гоголю бы заниматься вопросами въ родѣ того, какъ должна жить и дѣйствовать, напр., свѣтская женщина. Но присмотритесь ближе къ этому письму—и вы ничего не найдете въ немъ, кромѣ въ сущности благородныхъ совѣтовъ вести своего мужа по пути чести, съ указаніемъ, что многіе честные люди совершали несправедливыя дѣянія „отъ расточительности женъ". Объясненіе происхожденія и значенія этихъ писемъ въ томъ, что Гоголь, какъ настоящій „поэтъ жизни дѣйствительной", не является въ нихъ теоретикомъ—проповѣдникомъ новыхъ порядковъ жизни, а совѣтчикомъ, какъ жить при данныхъ порядкахъ, которыхъ вѣдь не могла же измѣнить, положимъ, та одна дама, которой онъ писалъ о жизни „въ свѣтѣ". Глубокій знатокъ даннаго состоянія общества, онъ давалъ свои совѣты и мнѣнія, какъ *при немъ*, при этомъ порядкѣ жить и поступать. Но это не значитъ, чтобы онъ былъ противникомъ улучшенія жизни, порядковъ въ ней.

Это свойство писемъ Гоголя всего рѣзче и яснѣе на томъ, которое озаглавлено „Русскій помѣщикъ", и которое болѣе всего и навлекло на автора порицаній. Оно писано человѣку, „непремѣнно положившему себѣ быть помѣщикомъ". На вопросъ его: какъ ему слѣдуетъ поступать,—какой смыслъ имѣлъ бы совѣтъ совсѣмъ не быть помѣщикомъ? И Гоголь, исходя изъ этой практической стороны дѣла, прежде всего утѣшаетъ своего друга, что ужъ не непремѣнно къ нему отнесутся враждебно крестьяне. Онъ признаетъ, что добрыя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ исчезли, что въ этомъ виноваты помѣщики, но справедливо думаетъ, что русскаго человѣка можно привязать къ себѣ, дѣлая ему добро и научая его добру. Что же совѣтуетъ Гоголь дѣлать для этого? „Будь патріархомъ, самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ", пишетъ Гоголь. Онъ рекомендуетъ помѣщику обѣдать, при началѣ работъ, вмѣстѣ съ мужиками, и вмѣстѣ съ ними выйти на работу, да и въ работѣ „быть передовымъ". Само собою разумѣется, что въ этомъ совѣтѣ ничего недобраго нѣтъ, но много практическаго смысла. Не совѣтуетъ Гоголь бить мужика; „но умѣй пронять его хорошенько словомъ; ты же на мѣт-

кія слова мастеръ. Ругни его при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ". При той грубости отношеній, которыя существовали между помѣщиками и крестьянами, подобные совѣты ни въ какомъ случаѣ не могли принести вреда—и были только узкопрактичны.

Гоголя упрекали, что онъ былъ противъ грамотности народа. Но онъ говорилъ не то. „Учить народъ грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ". И онъ совѣтуетъ учить того, кто имѣетъ охоту, но не длятого, чтобы сдѣлать его плутомъ-конторщикомъ, а чтобы дать ему возможность читать священныя книги. Такого желающаго онъ совѣтуетъ „воспитать какъ сына". Любопытна забота Гоголя о томъ, чтобы помѣщикъ сумѣлъ привязать къ себѣ священника, вліять на него и побуждать учить народъ проповѣдями. Очевидно, Гоголь могъ желать вліянія на священника только со стороны хорошаго человѣка.

Приведенное письмо рѣзко выдается изъ другихъ своею, такъ сказать, безцеремонностью. Но изъ него нельзя вывести, чтобы Гоголь былъ противникомъ освобожденія крестьянъ,—въ немъ только мнѣніе Гоголя, что если ужъ быть *практическимъ помѣщикомъ*, то слѣдуетъ поступать указываемымъ имъ практическимъ образомъ.

Русская литература послѣ Гоголя.

Почти непосредственно послѣ Гоголя русская литература получила широкое и сильное развитіе. Слѣдовавшіе другъ за другомъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь были въ извѣстномъ смыслѣ явленіями единичными, исключительными, стоявшими на недосягаемой высотѣ въ сравненіи со своими литературными современниками. Послѣдніе не вносили въ литературу ничего своеобразнаго и новаго, чего нельзя было бы найти у названныхъ геніальныхъ представителей времени,—они были простыми спутниками на пути, который пролагали геніальные

руководители ихъ. Послѣ Гоголя на литературной аренѣ почти одновременно появились блестящею плеядою замѣчательные писатели: Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, потомъ Островскій, Писемскій, Л. Толстой и др., — изъ которыхъ каждый представлялъ явленіе самостоятельное, независимое отъ другихъ. Всѣ они въ большей или меньшей степени считали себя, однако, учениками Пушкина и Гоголя, дѣятелей предшествующихъ. И они создали цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, имѣющихъ міровое значеніе и давшихъ русской литературѣ видное мѣсто среди литературъ западно-европейскихъ. Не равные талантами, не одинаковаго образа мыслей, независимые отъ частныхъ направленій русской общественной мысли, они, при всей своей самостоятельности по отношенію къ литературнымъ современникамъ, тѣмъ не менѣе отличаются извѣстною солидарностью въ общемъ, представляютъ всѣ вмѣстѣ неразрывное цѣлое, характеризующее эпоху, въ которую они жили и дѣйствовали.

Чтобы понять во всей совокупности явленій эту эпоху расцвѣта русской литературы, обнимающую собою главнымъ образомъ три десятилѣтія, начиная съ половины сороковыхъ годовъ, и захватывающую собою, въ лицѣ геніальнаго гр. Л. Толстого, и періодъ позднѣйшій, когда на литературной сценѣ появились уже другіе дѣятели, съ другими задачами и съ другими талантами,—необходимо имѣть въ виду нижеслѣдующее.

Литература каждаго даннаго народа складывается и создается, конечно, не произвольно, не волею отдѣльныхъ личностей, а условіями исторической жизни и индивидуальными свойствами народа, его темпераментомъ и складомъ ума. Какъ отдѣльный человѣкъ можетъ думать и чувствовать только то и такъ, что̀ и ка́къ внушается ему окружающей его жизнью, сначала его близкими людьми, а потомъ и личнымъ опытомъ,— такъ и литература, т.-е. мысль всего общества, получаетъ свое основаніе въ мысли предшествовавшихъ поколѣній, а затѣмъ уже въ своей самостоятельной пытливости, зависящей, однако, отъ того, что̀ сдѣлано предшественниками. Литературную жизнь извѣстной эпохи жизни народа, отличающейся новымъ, не

заимствованнымъ отъ предшествовавшихъ эпохъ направленіемъ, можно сравнить съ жизнью извѣстнаго поколѣнія. Но какъ же живетъ оно, такое поколѣніе?

Естественно и неизбѣжно его физическая и умственная жизнь подчиняется опредѣленному порядку: какъ отдѣльный человѣкъ, оно сначала учится, потомъ безъ критики и провѣрки принимаетъ мысли, которыя оно слышитъ. Но настаетъ пора горячей юности и возмужалости, когда новы „всѣ впечатлѣнья бытія", и оно съ увлеченіемъ и проснувшейся мыслью жадно приглядывается къ жизни, ищетъ опыта, новыхъ ощущеній и мыслей, не опредѣляя въ отдѣльности своей будущей практической дѣятельности, задачъ, которыя ему предстоитъ выполнить. Въ эту пору для него нѣтъ еще тяжелыхъ сомнѣній, все еще его непосредственно интересуетъ и манитъ къ себѣ, чаруетъ то, надъ чѣмъ позже оно остановится съ раздумьемъ и разочарованіемъ, отталкиваетъ то, что̀ позже возбудитъ чувство симпатіи, а не отвращенія. Но настанетъ пора серьезнаго мужества, опредѣленныя цѣли и задачи выдвинутся передъ нимъ,—и жизнь его будетъ складываться строже, опредѣленнѣе—и у̀же, оно будетъ не просто отдаваться жизни, не впечатлѣній отъ жизни искать, а преслѣдовать опредѣленныя частныя цѣли, близко разсматривать жизнь, анализировать ее и стараться ее устроить и улучшить. Настанетъ, наконецъ, и старость: свѣтлыя краски жизни поблекнутъ передъ нимъ, многое, что̀ его увлекало и тревожило, покажется ему тщетнымъ, не имѣющимъ той цѣны, которую оно придавало ему, горькое раздумье смѣнитъ прежнія увлеченія, обнаружится неисполнимость того, что̀ казалось такъ доступнымъ, выяснится сила препятствій къ достиженію идеальныхъ стремленій, которая не казалась страшною...

Присмотритесь ближе къ жизни русской литературы, и вы тотчасъ же найдете характернѣйшія и рѣзко выраженныя черты этого процесса. Съ преобразованіями Петра, Россія была выведена на дорогу европейскаго просвѣщенія, дотолѣ ей незнакомую почти. Настала совершенно новая эпоха, люди которой и представляютъ для насъ именно то новое вѣковое поколѣніе, которое мы взяли въ примѣръ. Весь прошлый во-

семнадцатый вѣкъ былъ въ сущности временемъ нарожденія и роста новаго поколѣнія, еще переживавшаго свой младенческій періодъ, въ то время какъ старое поколѣніе постепенно вымирало, медленно, но вѣрно очищая мѣсто наступавшему. И что же дѣлало это новое поколѣніе, носившее въ себѣ зародыши новой умственной жизни? Мы видимъ, что оно, въ лицѣ Третьяковскаго, Ломоносова и пр., еще только, такъ сказать, учится говорить, образуетъ языкъ, беря элементы его, какъ и элементы мысли, у старшихъ родственниковъ, изъ родной старины и отъ старшихъ братьевъ, европейскихъ народовъ, съ которыми живетъ теперь общею умственною жизнью. Потомъ наступаетъ пора умственной, т.-е. литературной, жизни, которая представляетъ простое отраженіе чужой умственной жизни, жизни старшихъ братьевъ. Въ лицѣ Сумарокова, даже Державина, Карамзина, Жуковскаго, отрокъ-поколѣніе говоритъ то, что говорятъ старшіе, повторяетъ европейскіе псевдо-классицизмъ, сентиментализмъ и романтизмъ: онъ не лишенъ индивидуальности, самостоятельности, но это самостоятельность отроческая, входящая только элементомъ въ общее теченіе мысли.

Но поколѣніе быстро растетъ, и въ Пушкинѣ и Грибоѣдовѣ мы встрѣчаемъ уже юношу, приближающагося къ мужеству. Характернѣйшею чертою юности всегда было нѣкоторое исканіе независимости отъ предыдущаго поколѣнія, протестъ противъ его притязаній на умственное подчиненіе молодого поколѣнія,—и этотъ протестъ нашелъ яркое и рѣзкое выраженіе въ „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова. Положительная сторона юношеской свѣжести и отзывчивости новой Россіи, новаго русскаго поколѣнія, говоря нашимъ сравненіемъ, выразилась всецѣло въ Пушкинѣ. На всю жизнь въ ея совокупности, на „всѣ впечатлѣнья бытія“, онъ отозвался страстнымъ поэтическимъ языкомъ, живымъ чувствомъ и глубокою русскою мыслью. Поэтъ—представитель юности русской мысли обнаружилъ геніальную мощь и пытливость, и его гимны жизни, впечатлѣніямъ которой онъ страстно отдавался, запечатлѣны тою грустью, которая свидѣтельствовала не о подчиненіи только болѣе возмужалой европейской мысли, а о самобытномъ и

строгомъ отношеніи къ жизни. Его „Евгеній Онѣгинъ“ и позднѣйшія зрѣлыя произведенія говорятъ намъ о возмужалости мысли, о выходѣ ея изъ непосредственно-юношескихъ воззрѣній. Лермонтовъ есть также представитель этого юношескаго періода новой русской мысли. Но онъ представляетъ другую сторону ея. Къ жаждѣ жизни, свѣжей и молодой, въ немъ съ необычайною силою сказалось сомнѣніе въ жизни, юношеское и уже потому тяжкое, почти болѣзненное. Это не грустное раздумье и разочарованіе испытавшаго жизнь человѣка, а крикъ острой боли, вызванный скорѣе угаданнымъ, чѣмъ выведеннымъ изъ опыта и анализа, отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни. Его протестъ, его жалобы устремлены не противъ отжившаго поколѣнія и сошедшаго со сцены, а противъ выступавшаго, противъ того „нашего поколѣнія“, отъ котораго онъ не ждалъ „ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“, и на которое онъ смотрѣлъ потому „печально“.

Пытливая юная русская мысль, жадно искавшая жизни, прозрѣвала въ будущемъ не одно доброе. Она постепенно мужала, наступало время болѣе спокойнаго, мужественнаго анализа жизни, не крика боли отъ зла жизненнаго, а прямого разсмотрѣнія этого зла, опредѣленнаго указанія его,—и появился Гоголь. „Поэтъ жизни дѣйствительной“, проницательный цѣнитель ея, онъ въ нѣсколькихъ картинахъ, полныхъ правды, далъ общее представленіе о томъ противорѣчіи, которое отличало дѣйствительность отъ идеала. Но это было именно только общее представленіе, общая широкая картина, которая указывала, на что̀ и ка̀къ нужно смотрѣть въ разнообразныхъ слояхъ жизни, чтобы выдѣлить въ ней вопросы, подлежащіе рѣшенію. Картина была не лишена односторонности, но именно это и было нужно, чтобы ярко бросалась въ глаза печальная правда дѣйствительности, ея несогласіе съ идеаломъ жизни. Гоголь не указалъ *въ частности* тѣхъ явленій, которыя только и ставили практическіе вопросы. И въ „Мертвыхъ душахъ“, и въ „Ревизорѣ“ передъ нами нѣчто такое, что̀ повергаетъ, если хотите, въ отчаяніе, но не говоритъ, съ какого конца нужно взяться за дѣло, чтобы указываемое ими зло исчезло изъ русской жизни.

Что же предстояло дальнѣйшему литературному движенію? Очевидно, дѣло было указано, пути намѣчены. Пушкинъ выучилъ правдивому воззрѣнію на явленія дѣйствительности. Гоголь указалъ, что̀ изображать, гдѣ искать и ка́къ искать служенія литературы обществу. Литературѣ предстояло не общія картины рисовать, а вдаться въ болѣе частныя явленія жизни, въ частныя сферы ея, и тамъ опредѣленно указывать противорѣчія идеаламъ, откуда бы являлась возможность видѣть и мѣры, необходимыя для исправленія жизни. Дѣло это болѣе практическое и доступное. Таланты должны были уже не дорогъ искать, а прямо примѣнять свои силы. И мы видимъ, что люди далеко не одинаковыхъ дарованій принялись тогда независимо другъ отъ друга за одно и то же дѣло, пошли въ одномъ направленіи. Геніальный Тургеневъ, напр., и талантливый Григоровичъ—одинаково вышли на дорогу изображенія крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ господствовавшему надъ нимъ сословію: поднимался практическій вопросъ. Тотъ же Тургеневъ, Гончаровъ, да и другіе устремили свое вниманіе на практическую разгадку типическаго представителя новаго русскаго поколѣнія, того самаго, котораго изобразили Пушкинъ въ Онѣгинѣ, Лермонтовъ въ Печоринѣ, Гоголь въ Тентетниковѣ. Литература угадывала огромное значеніе этого типа въ русской жизни, потому что имъ опредѣлялось, что̀ можетъ сдѣлать русская образованность для дальнѣйшей русской жизни. Достоевскій съ поразительною глубиною сталъ всматриваться въ различное зло русской жизни въ разныхъ слояхъ общества, со всѣми послѣдствіями, которыми зло это отражается — на отдѣльныхъ, но типическихъ личностяхъ. Это зло онъ видѣлъ не въ неустройствахъ только общественныхъ, а и въ направленіяхъ русской общественной мысли. Островскій открылъ въ купеческой и вообще простонародной русской жизни оригинальный умственный и нравственный бытъ, полный старинныхъ русскихъ преданій и новѣйшихъ вѣяній отъ образованныхъ классовъ. Всѣ эти писатели и другіе, ихъ спутники на литературномъ пути, одушевлены были одними и тѣми же, въ существенномъ, идеалами. Эта практи-

ческая возмужалость умственной жизни новаго русскаго поколѣнія получила господство и преобладаніе.

Таковъ путь, которымъ прошла наша литература: таковъ процессъ, пережитый ею. Имъ, въ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, и опредѣляется и характеризуется русская литература послѣ Гоголя.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Кто изъ русскихъ читателей не соединяетъ съ именемъ Ивана Сергѣевича Тургенева представленіе о лучшихъ дняхъ своей духовной жизни, о лучшихъ чувствахъ и благородныхъ порывахъ, волновавшихъ его! Въ русской литературѣ, богатой великими дарованіями, были поэты, которымъ исторія отведетъ болѣе видное мѣсто, но едва ли кто изъ нихъ съ такою безконечною нѣжностью касался душевныхъ струнъ читателя, вызывалъ такія симпатичныя душевныя движенія. Среди того поколѣнія, которому Тургеневъ былъ сверстникомъ, онъ былъ истиннымъ „властителемъ думъ", съ благородною твердостью и безъ лицепріятія отвѣчавшимъ на вопросы, выраставшіе тогда, и этимъ нелицепріятіемъ, въ концѣ концовъ, даже возстановившимъ противъ себя теоретиковъ и доктринёровъ. Примѣръ—„Отцы и дѣти", и судьба этого прекраснаго произведенія русской литературы. Какъ всякій человѣкъ и всякій поэтъ, онъ, конечно, не могъ избѣжать увлеченій, наприм., въ „Наканунѣ", гдѣ идеализированы лица, быть можетъ, не совсѣмъ заслуживающія идеализаціи. Но и эти увлеченія его носятъ печать такой благородной правдивости и непреклоннаго служенія истинѣ, что изображенія дѣйствительности остаются вполнѣ вѣрными, и увлеченія автора не мѣшаютъ вамъ разглядѣть ихъ настоящій характеръ и историческое значеніе.

Тургеневъ вышелъ на литературное поприще, или, вѣрнѣе, нашелъ въ немъ свою дорогу въ такую эпоху, которая не допускала уже служенія только красотѣ, эстетическимъ побу-

жденіямъ. То непосредственное отношеніе къ жизни, которое въ той же мѣрѣ свойственно литературѣ каждой страны, каждаго народа, какъ и отдѣльному человѣку въ послѣдовательномъ развитіи его поэтической мысли,—та эпоха, когда для литературы еще „новы всѣ впечатлѣнья бытія", говоря словами величайшаго ея представителя, Пушкина, отошла уже въ историческое прошлое. И Тургеневъ, отдавъ дань отжившему романтизму въ своихъ стихотвореніяхъ, пошелъ по пути, какой указывало ему время. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отказался ни отъ чего и все принесъ съ собою въ литературу, что̀ было прекраснаго и благороднаго въ литературной, поэтической непосредственности предшествовавшаго цвѣтущаго періода. Не даромъ онъ считалъ себя „ученикомъ Пушкина", а не Гоголя, и не Лермонтова. Пушкинъ, этотъ величавый геній русской литературы, „на все отозвался сердцемъ своимъ, что̀ проситъ у сердца отвѣта", что̀ вѣчно тревожитъ умъ и чувство человѣка, нисколько не заботясь о томъ, входитъ ли предметъ его вдохновенія въ число временныхъ задачъ и вопросовъ, которыми увлекалась общественная мысль: точно такъ же и Тургеневъ, своею чуткою натурою угадывая общественное настроеніе, большею частью относился къ нему свободно, постоянно отзываясь на тѣ вѣчныя движенія человѣческой души, которыя, какъ поэтъ, онъ носилъ въ самомъ себѣ. И этимъ именно, а не отвѣтами только на вѣянія времени, онъ былъ дорогъ огромному большинству читателей. Тургеневъ былъ прежде всего поэтъ, въ самомъ истинномъ значеніи этого слова, а не пропагандистъ какихъ-либо общественныхъ идей и убѣжденій своего времени.

Это настроеніе и направленіе поэтическаго таланта Тургенева доказывается почти единственною въ своемъ родѣ его любовью къ природѣ, необыкновенно чуткимъ пониманіемъ эстетическихъ вліяній, которыя она обнаруживаетъ на душу человѣка. Помните ли восхитительныя, полныя жизни описанія Тургеневымъ природы Полѣсья? Помните ли чудную картину солнечнаго заката въ „Лишнемъ Человѣкѣ", когда его созерцаютъ только что расцвѣтающая женская душа и наивный человѣкъ, самъ безконечно влюбленный въ эту дѣвушку и ду-

мавшій въ порывѣ чувствъ ея найти отвѣтъ на свои собственныя чувства? Природа дышала для Тургенева почти живыми чувствами, и когда онъ хотѣлъ изобразить обаяніе страстнаго пѣнія въ „Пѣвцахъ“, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ сравнить его съ впечатлѣніемъ глубоко-поэтической картины, въ которой бѣлая чайка, сидящая на берегу морскомъ, распростираетъ свои крылья навстрѣчу восходящему солнцу. Это сравненіе высказано Тургеневымъ такими мощными, полными поэтической правды, словами, что читатель отдается ему во власть и какъ бы дѣйствительно слышитъ чудные звуки родной пѣсни.

Совершенно то же самое въ сферѣ вообще всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Тургеневъ не пренебрегаетъ самыми простыми, ничего въ себѣ не заключающими величаваго или исключительнаго, душевными движеніями. И какими простыми, немногими, и въ то же время многозначительными словами умѣлъ онъ выразить сложное чувство, глубоко трогающее читателя, вызывающее на глаза невольныя слезы. Въ томъ же „Лишнемъ Человѣкѣ“ есть всего только три строчки, въ которыхъ отражается, однако, цѣлая огромная драма. Мы говоримъ о томъ мѣстѣ, гдѣ Тургеневъ описываетъ ласки „порочнаго“ отца, однако же неизмѣримо больше любимаго сыномъ, чѣмъ „высокодобродѣтельная мать“, отъ „добродѣтели“ которой никому не живется легче. Помните ли, какъ этотъ „порочный“ отецъ ласкаетъ и цѣлуетъ тайкомъ сына своими „дрожащими губами“, и какъ, въ теченіе всей своей жизни, сынъ не можетъ вспомнить этихъ сценъ своего дѣтства безъ того, чтобы рыданія не рвались изъ груди его. Такихъ картинъ, полныхъ жизни, самой простой и обыкновенной, но многозначительной, разсѣяно множество повсюду въ Тургеневскихъ произведеніяхъ, представляющихъ именно поэтому неиссякаемый источникъ благороднѣйшихъ впечатлѣній для читателя. И если бы въ произведеніяхъ Тургенева ничего другого не было,—этого одного было бы достаточно, чтобы упрочить за нимъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ во всей русской—и въ міровой литературѣ.

Въ Тургеневѣ современники его искали и находили, и цѣ-

пили въ то же время и нѣчто иное. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ эпоху, когда, какъ мы сказали, простое, непосредственное отношеніе къ природѣ и жизни было уже поколеблено. Въ обществѣ русскомъ, въ глубинахъ его духовной жизни, совершались перевороты, возникали новыя направленія мысли, нарождались и формировались новые типы людей подъ вліяніемъ развивавшагося въ разнообразныхъ русскихъ слояхъ европейскаго просвѣщенія. Тургеневъ былъ чуткимъ инструментомъ, тотчасъ же звучно отзывавшимся на всѣ подобныя явленія русской духовной жизни. Направленіе умовъ еще только обозначалось, а онъ уже въ яркой картинѣ представлялъ его читателямъ со всѣми его характерными особенностями. Еще нарождался только новый типъ русскаго человѣка, а Тургеневъ уже знакомилъ съ нимъ общество, представлялъ его въ самыхъ характерныхъ чертахъ. Каждый его романъ, каждая повѣсть была для читателей какъ бы откровеніемъ: то, что каждому изъ нихъ случалось встрѣчать и видѣть по частямъ, безъ сознанія его соотношенія къ общей умственной жизни русской, вдругъ выростало передъ его глазами въ сложномъ и прекрасномъ образѣ, который самъ говорилъ о своемъ значеніи въ жизни.

Какое поразительное впечатлѣніе производили на читателей такіе образы, какъ Рудинъ, Базаровъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Лишній Человѣкъ и проч., и проч.! Мы, для которыхъ то время стало прошлымъ, уже не можемъ съ полною силою представить себѣ все необыкновенное вліяніе, которое производили на русское общество созданныя Тургеневымъ картины еще скрытаго для обыкновенныхъ глазъ умственнаго движенія въ тогдашней Россіи. Но и для насъ поразительна эта необыкновенная чуткость художника, его поэтическая прозорливость. Если художникъ умѣлъ съ такой силой улавливать еще только нарождавшіяся и крѣпнувшія явленія, то, само собой разумѣется, ему легче было изображать людей обыкновенныхъ русскихъ, съ типическими особенностями въ нихъ русской натуры. И въ произведеніяхъ Тургенева передъ нами русская натура развертывается въ яркихъ образахъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, съ своими достоинствами

и недостатками. Нужно ли перечислять произведенія нашего художника, въ которыхъ эта черта его таланта проявилась со всею своею силой? Достаточно назвать „Живыя мощи", „Смерть", „Вешнія воды", чтобы дать о ней совершенно ясное представленіе.

Нерѣдко приходится слышать, что Тургеневъ въ силѣ психологическаго анализа и изображенія уступаетъ другимъ нашимъ писателямъ,—напр., Достоевскому. Это мнѣніе не лишено основаній, но его нельзя преувеличивать. Тургеневъ отличается отъ Достоевскаго, если говорить ужъ объ этомъ колоссѣ художественной психологіи, главнымъ образомъ своимъ методомъ скорѣе, чѣмъ сущностью. Достоевскій знакомитъ васъ съ психологіей человѣческой русской души совершенно иначе, чѣмъ Тургеневъ: онъ, такъ сказать, погружаетъ васъ самихъ на дно „моря страстей", передъ вами непосредственно вырастаютъ чудища этого моря, грозящія вамъ смертельными объятіями; вы съ ужасомъ смотрите на нихъ, трепещете при ихъ приближеніи, вы сами дышете ихъ атмосферой, задыхаетесь—и нерѣдко не въ состояніи наблюдать и разобраться въ законахъ, движущихъ этою жизнью. Тургеневъ же, если продолжать сравненіе, ставитъ васъ въ безопасное мѣсто, на палубу крѣпкаго корабля, и освѣщаетъ то же самое дно морское яркимъ электрическимъ сіяніемъ; вы видите то же, но только безъ ощущенія близости страшныхъ чудовищъ—и спокойно созерцаете, что̀, конечно, не мѣшаетъ вамъ постигать характеръ той жизни на ея глубинѣ. Но для читателя очаровательно то, что Тургеневъ прекрасно зналъ истинную силу своего таланта и умѣлъ выходить изъ представлявшихся затрудненій. Такъ, когда онъ заставляетъ Рудина краснорѣчиво говорить о своей заграничной жизни въ домѣ Ласунской, онъ не влагаетъ самой этой рѣчи въ уста героя, обходитъ ее, чего не сдѣлали бы Л. Толстой и Достоевскій; но онъ умѣетъ схватить и обрисовать общее впечатлѣніе отъ нея — и читатель остается удовлетвореннымъ.

Величавому таланту такой силы, какою владѣлъ Тургеневъ (художникъ притомъ вдумчивый и проницательный)—такому таланту было бы несвойственно отсутствіе художествен-

наго такта и художественной мѣры. И его произведенія, дѣйствительно, совершенны въ смыслѣ цѣлостности и законченности: въ нихъ никогда нѣтъ ничего лишняго и ничего недоговореннаго. Притомъ онъ отличается чарующей красотою, силой и образностью языка. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ онъ представляетъ, послѣ Пушкина, почти исключительное явленіе среди великихъ русскихъ художниковъ слова. Онъ зналъ, какъ много значитъ языкъ въ художественномъ произведеніи, и тщательно отдѣлывалъ его, какъ скульпторъ отдѣлываетъ каждую малѣйшую часть своей статуи. Не даромъ Тургеневъ завѣщалъ въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ" — беречь русскій языкъ, какъ великое достояніе русскаго народа. За то, если въ произведеніи Тургенева вы измѣните какое-либо выраженіе, то вы не рѣдко тотчасъ же почувствуете, что мысль, высказанная имъ, измѣняется, теряетъ цѣнные оттѣнки, измѣняетъ свой характеръ. Стройною чредою текутъ мысли Тургенева и такою же стройною чредою сопутствуютъ имъ ихъ образныя формы.

„Записки охотника".

Привычное представленіе, которое соединяется съ „Записками охотника" Тургенева, есть представленіе о рядѣ художественныхъ очерковъ, проникнутыхъ одною идеею, направленныхъ къ одной цѣли, именно къ доказательству несправедливости существовавшаго тогда крѣпостного права. Самъ Тургеневъ неоднократно высказывался въ этомъ именно смыслѣ. Но какъ ни вѣско свидѣтельство самого художника, въ представленіи этомъ необходимо признать нѣчто преувеличенное.

Дѣятельность каждаго писателя неизбѣжно проникнута, конечно, одною идеею, всѣ его произведенія всегда носятъ печать его личности съ его характеристичными стремленіями,—и только въ этомъ смыслѣ можно признать за „Записками охотника" приписываемое имъ значеніе. Самая исторія ихъ происхожденія какъ нельзя лучше доказываетъ это. Послѣ довольно большого ряда стихотвореній и стихотворныхъ раз-

сказовъ, да еще двухъ-трехъ повѣстей, Тургеневъ, уже почти рѣшившійся оставить литературное поприще, написалъ и отдалъ въ *Современникъ*, перешедшій тогда въ руки Панаева и Некрасова, небольшой очеркъ „Хорь и Калинычъ", который и былъ напечатанъ въ „Смѣси", — очевидно ему большого значенія не придавалось. Неожиданный громкій успѣхъ его вернулъ Тургенева къ литературѣ и къ ряду подобныхъ же очерковъ. Такимъ образомъ начало „Записокъ охотника", какое бы ни придавали имъ значеніе, было случайностью.

Но и затѣмъ въ доброй половинѣ ихъ нѣтъ даже того характера, который имъ приписывается. Какимъ образомъ могли быть орудіемъ въ борьбѣ противъ крѣпостного права такіе очерки, какъ „Ермолай и мельничиха", — описаніе охоты съ плоховатой собакой и странноватымъ дворовымъ на птицъ, сопровождаемой невольнымъ купаньемъ по случаю непригодности къ плаванію по озеру взятаго суденышка, и т. п.? Еще менѣе къ этой роли могутъ быть пріурочены разсказы въ родѣ „Гамлета Щигровскаго уѣзда", въ которыхъ крѣпостное право не имѣетъ почти ровно никакого отношенія ни къ самой фабулѣ разсказа, ни къ деталямъ его. Въ самомъ „Хорѣ и Калинычѣ" довольно трудно найти хотя бы отдаленный намекъ на несправедливость тяжелой личной зависимости отъ произвола владѣльца. Хорь, какъ онъ ни не свободенъ, повидимому совсѣмъ не чувствуетъ гнета крѣпостного права, — онъ богатъ, сохраняетъ рѣзкія индивидуальныя черты силы и твердости характера и совсѣмъ не похожъ на „раба". Его пріятель Калинычъ — просто мужицкая художественная натура, человѣкъ мало-практичный, прямо почти противоположный Хорю. Читатель не видитъ въ разсказѣ рѣшительно ничего, что̀ говорило бы о ихъ крѣпостной неволѣ...

Выводъ этотъ самъ собою представляется уму читателя, какъ скоро онъ отнесется къ „Запискамъ охотника" съ подобающею критикою. Есть, однако, въ этихъ прекрасныхъ очеркахъ такіе элементы, которые до весьма большой степени оправдываютъ воззрѣніе на нихъ, возникшее, конечно, позже, и давшее основаніе самому автору принять его, по которому „Записки охотника" являются какъ бы выдѣленными

изъ остальныхъ произведеній Тургенева, имѣющими спеціальный характеръ борьбы, направленной противъ крѣпостного права.

Дѣло въ томъ, что въ полной своей совокупности онѣ представляютъ яркую картину жизни русской деревни—крестьянъ и помѣщиковъ, и жизни притомъ преимущественно духовной, а не матеріальной, не бьющей въ глаза собственно ея экономическими отношеніями. Въ этой картинѣ народъ является передъ читателемъ такимъ мощнымъ и полнымъ силъ элементомъ русской жизни, что невольно *могъ* наводить на мысль о несправедливости духовной и особенно матеріальной опеки надъ нимъ; а помѣщики въ той же картинѣ—далеко не безупречные люди, т.-е. самые обыкновенные, притомъ со слѣдами вліянія на нихъ рабовладѣльческой беззаботности и легкомыслія, испорченности жизнью безъ труда—не мирятъ съ мыслью, что въ ихъ рукахъ, въ ихъ полной власти и произволѣ тысячи и десятки тысячъ тѣхъ крестьянъ. Тургеневъ былъ только художникъ въ этой картинѣ, а совсѣмъ не проповѣдникъ. Онъ далъ только вѣрную картину дѣйствительности, а уже эта дѣйствительность могла наводить на мысли о крѣпостномъ правѣ. Каждый очеркъ самъ по себѣ подобнаго обширнаго значенія, конечно, имѣть не могъ; но вмѣстѣ они говорили сочувственными мыслями тѣмъ, кто искалъ этихъ мыслей. Тургеневъ, какъ истинный художникъ, не могъ преслѣдовать тенденціозныхъ цѣлей, но его сочувствіе было на сторонѣ несвободнаго народа — и оно сказалось въ его изображеніяхъ. Въ этомъ только смыслѣ онъ и могъ самъ говорить о своей „борьбѣ" противъ несправедливаго общественнаго устройства, противъ стѣсненій, наложенныхъ на свободное развитіе талантливаго и сильнаго русскаго племени. И то, что говоримъ мы, относится только къ половинѣ очерковъ, а ни въ какомъ случаѣ не ко всѣмъ, а это обстоятельство прямо указываетъ на отсутствіе въ нихъ преднамѣренной, прямой тенденціи.

Но это самое свойство „Записокъ охотника", о которомъ мы говоримъ, ихъ изящество, художественность, дѣлаетъ ихъ драгоцѣнными и для насъ, для потомковъ. Если бы онѣ, дѣй-

ствительно, имѣли значеніе только орудія борьбы и пропаганды, время поставило бы ихъ въ разрядъ историческихъ явленій, любопытныхъ и поучительныхъ для историка, но значительно утратившихъ интересъ для обыкновенныхъ читателей. Крѣпостное право давно не существуетъ, и что же поучительнаго и живого не историческаго нашли бы мы въ томъ орудіи, которое направлено было когда-то противъ него? „Записки охотника" превращались бы въ литературное явленіе момента, для него существовавшее и вмѣстѣ съ нимъ отошедшее въ историческое прошлое. Но разъ это художественныя произведенія, изъ которыхъ только могла быть извлечена тенденція, они получаютъ значеніе болѣе вѣчное, позднѣйшіе потомки найдутъ въ нихъ столько же поучительнаго, сколько и современныя имъ поколѣнія. Въ этомъ для насъ ихъ главнѣйшее значеніе.

Художественное значеніе „Записокъ охотника", значеніе правдивой картины русской жизни, необычайно велико. Тургеневу удалось подмѣтить самыя характерныя черты русской души, и, быть можетъ, всего болѣе онѣ находятъ для себя выраженіе именно въ „Запискахъ охотника". Многія позднѣйшія произведенія имѣли уже въ нихъ свои основные, наиболѣе существенные элементы. Что такое, напримѣръ, Чулкатуринъ, этотъ „лишній человѣкъ", какъ не простое видоизмѣненіе „Гамлета Щигровскаго уѣзда"? И тотъ, и другой одинаково родоначальники длиннаго ряда Тургеневскихъ героевъ, вооруженныхъ, повидимому, средствами для полезной дѣятельности въ обществѣ, но слабыхъ волею, почти безъ борьбы уступающихъ мѣсто другимъ на общественной аренѣ, въ виду непризнанія ихъ обществомъ, хотя имъ, конечно, хорошо извѣстно, что всякое общество трудно мирится со всякими новаторами и носителями непривычныхъ для него идей. И тотъ, и другой въ то же время всѣмъ своимъ умственнымъ направленіемъ, характеромъ образованія (что особенно относится къ „Гамлету Щигровскаго уѣзда") лишены почвы въ своемъ обществѣ и находятъ ее развѣ только въ какихъ-нибудь родовыхъ „Овечьихъ-водахъ", гдѣ имъ пред-

ставляется полная возможность дарового прозябанія на крѣпостномъ трудѣ.

„Записки охотника“ естественно распадаются на три рода очерковъ. Одинъ изъ нихъ всецѣло принадлежитъ характеристикѣ русскихъ народныхъ массъ, и въ нихъ съ наибольшею силою отражена русская душа, та естественная, прирожденная русская душа, которая не прошла подъ многообразными вліяніями европейскихъ идей. Изученіе этихъ очерковъ съ указываемой стороны представляетъ несомнѣнную важность,— въ нихъ можно найти если не рѣшеніе, то важные элементы для рѣшенія многихъ явленій нашей жизни, какъ исторической, такъ и современной. Очерки Тургенева показываютъ намъ въ основѣ русской души, напримѣръ, характернѣйшее отрицательное отношеніе къ „земнымъ благамъ“, вообще къ плотской жизни, и связанное съ нимъ какое-то спокойное, почти фаталистическое отношеніе къ смерти. Быть можетъ, народъ вынесъ подобныя *чувства* (а не сознательныя мысли) изъ своихъ вѣковыхъ испытаній. Какое значеніе могли получить въ глазахъ народа богатства, роскошь, удобства жизни, когда одно нашествіе толпы татаръ, одна суровая война съ окружающими враждебными народами превращали въ прахъ результаты многолѣтнихъ усилій? И какую цѣну могла имѣть жизнь, подверженная суровымъ лишеніямъ и опасностямъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ? На почвѣ бѣдствій вырастаетъ вѣра, которая, со своею надеждою на загробную награду за страданія, становится драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ души, и русскій человѣкъ, готовый жить, пока живется, смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти.

Тургеневъ нарисовалъ удивительную картину этого смиренія передъ неизбѣжнымъ фактомъ смерти: умирающій русскій человѣкъ жалѣетъ не объ утрачиваемыхъ наслажденіяхъ жизни, заботится не о себѣ, а почти исключительно о томъ, чтобы перейти въ другой міръ съ соблюденіемъ, такъ сказать, всѣхъ порядковъ, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія. Такъ относятся у Тургенева къ жизни и смерти самыя дѣловитыя русскія натуры, исполненныя повидимому практическихъ стремленій. Но что же говорить о натурахъ художественныхъ, болѣе

беззаботныхъ въ практической, дѣловой жизни? Наиболѣе сильный образъ, говорящій объ этихъ свойствахъ русской души, мы находимъ въ очеркѣ „Живыя мощи". Тургеневъ отразилъ въ своихъ очеркахъ и ту русскую способность къ глубочайшимъ увлеченіямъ, къ неизмѣримой силѣ чувства, къ беззавѣтнѣйшей преданности любимому дѣлу. Въ „Пѣвцахъ" мы неожиданно находимъ въ натурахъ, повидимому примитивныхъ и грубыхъ, поразительную мощь сложныхъ душевныхъ движеній, а рядомъ съ этимъ все-таки пренебрежительное отношеніе къ практическому, дѣловому, разсчитанному существованію, приближающееся къ какому-то оригинальному безпутству и легкомыслію. Но въ этомъ же свойствѣ кроется объясненіе историческаго величія нашего отечества, сыны котораго всѣмъ способны пожертвовать для высшаго блага, для высшей идеи.

Второй родъ очерковъ изображаетъ высшіе слои русскаго народа. Одни изъ нихъ характеризуютъ русскую помѣщичью жизнь, не особенно близко, впрочемъ, касаясь отношеній помѣщиковъ къ подвластнымъ имъ крестьянамъ. Главная основная ихъ черта — характеристика жизни людей, соціальными условіями поставленныхъ въ исключительную возможность жить безъ дѣятельности, почему въ средѣ ихъ развиваются искусственные интересы, занятія безъ строго опредѣленныхъ цѣлей и, наконецъ, въ результатѣ, паденіе нравственныхъ представленій объ ихъ общественныхъ обязанностяхъ и правахъ. Третій родъ очерковъ посвященъ изображенію типовъ, появлявшихся тогда въ русской жизни подъ вліяніемъ недостаточнаго, притомъ чуждаго, просвѣщенія. Таковъ очеркъ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда". Но эти послѣдніе, какъ отчасти и вторые, по своему характеру уже примыкаютъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Тургенева.

Повѣсти Тургенева.

Повѣсти Тургенева никогда не играли такой *общественной* роли, какъ его романы, а также маленькіе разсказы, составившіе въ ихъ общности „Записки охотника". Но въ ли-

тературномъ смыслѣ въ дѣятельности Тургенева повѣсти занимаютъ огромное мѣсто; въ нихъ едва-ли не съ большей силой выразился весь чарующій талантъ этого художника слова. Въ большинствѣ повѣстей присутствуетъ необыкновенно глубокая психологія, и въ смыслѣ уясненія русскаго характера онѣ наиболѣе богаты содержаніемъ. Въ романахъ Тургенева на сценѣ преимущественно исключительные люди и исключительныя явленія жизни; въ „Запискахъ охотника"—своя спеціальная задача, хотя она и не проведена вполнѣ послѣдовательно. Въ повѣстяхъ же Тургенева — простая русская жизнь, простые русскіе люди въ ихъ самой обыкновенной обстановкѣ. И если справедливо, что жизнь народа, душа его, должны быть изучаемы не въ исключительные только моменты и не въ исключительныхъ явленіяхъ, то повѣсти должны занимать въ общей суммѣ дѣятельности Тургенева несравненно бо̀льшую роль, чѣмъ имъ обыкновенно отводится.

Не всѣ, конечно, повѣсти могутъ претендовать на такое большое значеніе, но несомнѣнно значительное большинство ихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ „Андрей Колосовъ", „Бреттёръ", „Три портрета", „Жидъ", „Пѣтушковъ"—написаны раньше „Записокъ охотника". Онѣ появились и въ печати раньше „Хоря и Калиныча". Можно только удивляться, что онѣ не обратили на себя тогда же болѣе пристальнаго вниманія: въ нихъ сказывались по крайней мѣрѣ ясные задатки Тургеневскаго дарованія. Въ нихъ есть еще неровности, невыдержанность въ цѣломъ и въ частностяхъ, но присутствуютъ уже глубоко затронутые русскіе характеры. Такова, напр., повѣсть „Андрей Колосовъ", дышащая свѣжестью молодой жизни; и даже „Пѣтушкокъ", этотъ первый изъ Тургеневскихъ слабыхъ передъ женскою любовью персонажей, заслуживаетъ гораздо бо̀льшаго вниманія, чѣмъ ему давалось.

Повѣсти Тургенева сами собою естественно распадаются, по ихъ характеру, на нѣсколько категорій. Однѣ изъ нихъ отданы исключительно характеристикѣ русскихъ людей, русской души—характеристикѣ до Тургенева не бывалой. Среди нихъ особенно выдается повѣсть „Яковъ Пасынковъ". Этотъ нѣжный юноша, скромный при большомъ умѣ, поражаетъ

младенческой чистотою души, поистинѣ „прекраснодушіемъ", совсѣмъ въ прямомъ смыслѣ, безъ малѣйшей ироніи. И едва-ли можно ошибиться, сказавъ, что въ Пасынковѣ можно найти объясненіе и „прекраснодушія" „людей сороковыхъ годовъ". Про это свойство русскихъ мыслящихъ людей нашего прошлаго возникали и невыгодные толки: говорилось о „прекраснодушіи", какъ о результатѣ рабовладѣльческой, крѣпостнической беззаботности, позволявшей предаваться мечтаніямъ и толкамъ на готовыхъ хлѣбахъ. Но Яковъ Пасынковъ былъ, можно сказать, образцовой и безусловной бѣдности. „Отецъ его, бѣдный отставной майоръ, привезъ его, семилѣтняго мальчика, къ нѣмцу (въ частный пансіонъ), заплатилъ за него за годъ впередъ, уѣхалъ изъ Москвы, да и пропалъ безъ вѣсти..." Круглый сирота, заброшенный всѣми, съ которымъ товарищи обращались небрежно, глядя на него свысока, но тѣмъ не менѣе любя его, —этотъ бѣднякъ выросъ, разумѣется, при только отрицательномъ вліяніи крѣпостнической среды. Однако, онъ не ожесточился, не вышелъ въ жизнь съ холоднымъ сердцемъ; напротивъ, лучше человѣка и представить невозможно. Съ нимъ случилось несчастіе при его положеніи: онъ влюбился въ дѣвушку, которая никакъ ужъ не могла сдѣлаться его женой. Но онъ находитъ въ себѣ силы самоотверженно помогать другому, также неудачно влюбившемуся въ ту же дѣвушку, утѣшать въ горѣ ее самое и, глубоко затаивъ въ сердцѣ свое чувство, съ участіемъ видѣть счастіе дѣвушки, любившей другого. Это золотое сердце съ нѣжностью заботилось только объ одномъ, чтобы способствовать счастію ея, и о любви его она узнала уже послѣ его смерти. Въ этой натурѣ было необыкновенно много прирожденной деликатности, которую вы и видите съ начала и до конца его существованія въ отношеніи ко всѣмъ людямъ.

Съ какой неподражаемой тонкостью изображенъ этотъ психологическій типъ Тургеневымъ! Затѣмъ во всемъ длинномъ рядѣ повѣстей вы встрѣчаете разнообразные русскіе характеры, существенная черта которыхъ всегда безыскусственная гуманность и снисходительность къ ближнему, равнодушное отношеніе къ земнымъ благамъ и внутренняя высокая честность

натуры. Есть, конечно, и характеры иные. Въ „Бреттерѣ“ Лучковъ, безпощадный дуэлистъ, въ высокой степени рельефно обрисованный Тургеневымъ, натура уже жестокая безъ цѣли и смысла, но тоже совершенно русская, „ни въ чемъ середины не знающая“.

Многія повѣсти Тургенева посвящены почти исключительно характеристикѣ русской любви. Среди русскихъ писателей Тургеневъ остается въ извѣстномъ смыслѣ единственнымъ, передающимъ это чувство со всѣмъ его обаяніемъ. А рядомъ съ этимъ онъ же одинъ глубоко понялъ и указалъ неспособность русскаго человѣка сопротивляться этому чувству, хоть сколько-нибудь контролировать его разумомъ. Въ этомъ смыслѣ характернѣйшая повѣсть въ письмахъ: „Переписка“. Герой ея, Алексѣй Петровичъ С..., характернѣйшій и поучительный примѣръ. Прежде всего Тургеневъ съ изумительной глубиной рисуетъ въ немъ исканіе чувства: то ему кажется, что онъ влюбленъ въ одну, то, подъ вліяніемъ охлажденія этого увлеченія, онъ мечтаетъ о сестрѣ ея, въ пользу которой располагаетъ его и умъ. Но случайная встрѣча съ танцовщицей и внезапная невольная и всемогущая любовь къ ней дѣлаетъ его рабомъ ея, рабомъ вполнѣ безкорыстнымъ. Онъ хорошо понимаетъ всю низменность натуры этой женщины, ея ограниченный умъ и холодность чувства, и все-таки не можетъ вырваться изъ когтей своего чувства: по его собственному выраженію, онъ и умираетъ рабомъ.

Глубина ли это чувства, или что-нибудь другое? Тургеневъ даетъ на это отвѣтъ иной. Въ „Вешнихъ водахъ“, очаровательной повѣсти о молодой, искренней и счастливой любви русскаго человѣка къ красавицѣ-итальянкѣ, мы встрѣчаемся съ явленіемъ почти непонятнымъ. Героя, столь искренно и горячо, повидимому, любившаго, беретъ первая смѣлая замужняя женщина — и увозитъ съ собою. Такимъ образомъ разъясненіе того, что случилось въ „Перепискѣ“, мы находимъ въ слабости воли русскаго человѣка — свойствѣ, послужившемъ, какъ извѣстно, не одному Тургеневу для объясненія многихъ серьезныхъ и значительныхъ явленій русской жизни. Но въ повѣстяхъ, посвященныхъ любви, встрѣчается

у Тургенева любовь и безъ этого элемента. Въ „Асѣ", напротивъ, доказательство какъ разъ противоположнаго свойства, полнаго умѣнья сладить со своимъ чувствомъ,—но только у дѣвушки. Вообще женщины Тургенева въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказываются несравненно сильнѣе волею, чѣмъ мужчины, и Пасынковъ въ этомъ смыслѣ является въ Тургеневскихъ повѣстяхъ рѣшительнымъ исключеніемъ.

Но самое удивительное произведеніе Тургенева этого рода, которое онъ и самъ считалъ чуть ли не лучшимъ изъ всего имъ написаннаго, это „Первая любовь". Дѣйствительно, трудно себѣ представить, гдѣ могъ художникъ взять такое богатство красокъ, какое мы видимъ въ „Первой любви". Самая тема принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ художественнаго психологическаго анализа. Въ „Первой любви" передъ нами не та настоящая любовь, которую многіе знаютъ по опыту, какъ чувство мучительное и сладкое, а совершенно невинное, младенчески-чистое чувство, ранній расцвѣтъ душевный. И эта первая любовь изображена Тургеневымъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ, ясностью и простотой, вызывающими невольное удивленіе.

„Дневникъ лишняго человѣка" по своему сложному характеру стоитъ внѣ категорій, на которыя можно раздѣлить Тургеневскія повѣсти. Въ немъ изображены любовь и мученія ревности съ тѣмъ же талантомъ, какъ и въ другихъ разсказахъ. Но одною своею стороною „Дневникъ лишняго человѣка", подобно „Гамлету Щигровскаго уѣзда" въ „Запискахъ охотника", примыкаетъ къ тѣмъ большимъ романамъ Тургенева, которые получили значеніе характеристикъ общественныхъ вопросовъ и новыхъ умственныхъ вѣяній. Въ Чулкатуринѣ передъ нами не просто любящій человѣкъ, а представитель обширнаго класса русскихъ людей,—не даромъ имя „лишнихъ людей" сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для многихъ героевъ русской литературы, въ которыхъ „отразился вѣкъ, и современный человѣкъ изображенъ". Подробный анализъ этого характера показалъ бы, что „лишній человѣкъ", изображенный въ 1850 году, вмѣстѣ съ „Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда", написаннымъ раньше годомъ, служитъ пред-

вѣстникомъ „Рудина“. Въ воображеніи Тургенева постепенно, конечно, складывался образъ „Рудина“, и два названные героя были первыми попытками художественно осмыслить этотъ типъ въ своеобразной Тургеневской формѣ, отличной отъ той, въ которой изображали его Пушкинъ и Лермонтовъ въ Онѣгинѣ и Печоринѣ.

Въ 1852 г. Тургеневъ написалъ „Муму“. Въ этомъ трогательномъ разсказѣ о собачкѣ, составлявшей единственное утѣшеніе для глухонѣмого крестьянина и безсердечно сгубленной капризною барыней, выразилось то же свойство таланта автора, которое сказалось со всею своею силою въ „Запискахъ охотника“. По своему характеру и смыслу, эта повѣсть могла именно тамъ занять видное мѣсто. Глухонѣмой Герасимъ, вынесшій въ совсѣмъ своеобразной формѣ гнетъ господскаго произвола, стоитъ именно въ длинной галлереѣ лицъ изъ народа, которыя проходятъ передъ читателями въ „Запискахъ охотника“, протестуя противъ приниженія ихъ личности рабствомъ.

Въ послѣдніе въ относительномъ смыслѣ годы дѣятельности Тургенева, среди его повѣстей и разсказовъ явились фантастическіе, вызывавшіе отрицательное къ себѣ отношеніе. Еще позднѣе, на закатѣ дней знаменитаго романиста, появились „Пѣснь торжествующей любви“ и „Клара Миличъ“, казавшіяся еще болѣе безполезными въ литературѣ—и для читателей. Рядъ фантастическихъ разсказовъ начался послѣ „Призраковъ“ и „Довольно“, которые можно было принять за простыя аллегоріи, разсказомъ „Собака“. На немъ мы и остановимъ какъ на примѣрѣ вниманіе читателей, для разъясненія значенія подобныхъ повѣстей. Читатели помнятъ, конечно, содержаніе его. Нѣкій помѣщикъ, Порфирій Капитонычъ, вдругъ слышитъ по ночамъ подъ своей кроватью собаку. Это обстоятельство оказалось, по разъясненію какого-то раскольничьяго праведника, предзнаменованіемъ, приглашеніемъ помѣщика завести собаку, и этой послѣдней предстояло два раза спасти своего хозяина отъ страшной опасности. Въ такой обнаженной формѣ, въ голой фабулѣ, конечно, разсказъ представляется страннымъ и неимѣющимъ ни цѣли, ни зна-

ченія. Но прочитайте самый разсказъ Тургенева, и впечатлѣніе получится совершенно иное, на васъ повѣетъ духомъ совершенно особенной жизни, тутъ же, въ нашемъ отечествѣ существующей рядомъ съ вами. Едва ли возможно отрицать прямую пользу отъ хотя бы минутнаго отрѣшенія отъ самодовольной ограниченной сферы мыслей, въ которыхъ вы живете, и едва ли безполезно познакомиться съ духовнымъ настроеніемъ, совершенно *реально* существующимъ въ другой средѣ, но около васъ. Вѣдь мы изучаемъ былины русскаго народа, внѣшнему содержанію которыхъ не вѣримъ. Пушкинъ приписывалъ сказкамъ, которыя слышалъ отъ своей няни, огромное и плодотворное на себя вліяніе; внѣшнему содержанію ихъ онъ тоже не вѣрилъ. И Тургеневъ, конечно, не думалъ заставить васъ вѣрить правдивости и реальности разсказа о собакѣ; но онъ съ неподражаемымъ искусствомъ и прозрѣніемъ въ духъ русскаго народа разсказалъ намъ одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, подобные которому всѣ мы слыхали болѣе или менѣе,—и вы побывали въ сферѣ мыслей и чувствъ русскаго народа. Такое же значеніе имѣетъ и „Пѣснь торжествующей любви", съ необыкновеннымъ талантомъ переносящая васъ въ сферу чувствъ и мыслей итальянцевъ стариннаго времени. Подобныя духовныя путешествія, какъ и путешествія физическія въ страны, чуждыя вамъ, имѣютъ очень важное значеніе для жизни человѣческаго духа, но только трудно опредѣляемое и не сразу сознательно ощущаемое.

„Рудинъ".

Рудинъ—одинъ изъ интереснѣйшихъ и значительнѣйшихъ русскихъ типовъ, изображенныхъ Тургеневымъ. Вся русская литература представляетъ не много примѣровъ такого яркаго и осмысленнаго изображенія явленій русской жизни. Нужно сказать, однако, что въ то время, когда Тургеневъ создавалъ свою повѣсть, типъ этотъ не былъ безусловною новостью въ русской литературѣ. Пушкинскій Онѣгинъ, Лермонтовскій Печоринъ были проявленіями этого же типа, но только въ дру-

гомъ освѣщеніи и съ нѣсколько иными темпераментами героевъ. Уже написанъ былъ и напечатанъ „Сонъ Обломова", ясно обрисовывавшій характеръ и значеніе героя Гончарова, изображенъ былъ съ огромною силою Гоголевскаго генія и Гоголевскій Тентетниковъ, соединявшій въ себѣ черты всѣхъ названныхъ героевъ, но только въ примѣненіи къ самому заурядному человѣку, безъ малѣйшихъ романтическихъ прикрасъ. Все это было уже налицо въ русской литературѣ. И если изображеніе Тентетникова не было еще распространено печатью, о немъ уже могли быть тѣ или другія представленія. Тѣмъ не менѣе, „Рудинъ" былъ произведеніемъ для своего времени совершенно оригинальнымъ и самостоятельнымъ. Родственность выше названныхъ героевъ, принадлежность ихъ къ общему типу не была тогда еще вполнѣ ясна, по обстоятельствамъ того времени, а Тургеневъ вложилъ въ своего героя такія самостоятельныя черты, которыя дѣлали его мало похожимъ на Пушкинскаго и Лермонтовскаго героевъ. Притомъ Рудинъ былъ человѣкъ болѣе поздняго періода, болѣе молодого русскаго поколѣнія, чѣмъ Онѣгинъ и Печоринъ, нѣсколько отличный отъ этихъ послѣднихъ.

Тургеневъ взялъ своего героя съ совершенно новой точки зрѣнія, чѣмъ предшествовавшіе великіе русскіе писатели. И Онѣгинъ, и Печоринъ представлены романтическими героями, разочаровавшимися въ жизни, на манеръ до нѣкоторой степени героевъ Байрона. Но собственно говоря, Онѣгинъ, въ правдивости изображенія исключающій всякую мысль о предвзятости и занимающій въ этомъ смыслѣ первое мѣсто между изображеніями многочисленной русской семьи „лишнихъ" людей, не даетъ яснаго представленія о причинахъ своей разочарованности, и только при внимательномъ анализѣ можно открыть сущность его духовной природы. Печоринъ же былъ повтореніемъ его, съ разоблаченіемъ отрицательныхъ, злыхъ сторонъ типа. Между тѣмъ Тургеневъ не далъ своему Рудину никакой даже внѣшности разочарованія: онъ взялъ его идеалистомъ—и тѣмъ не менѣе Рудинъ оказался настолько же безплоднымъ въ практической дѣятельности на общественную

пользу, какъ и его разочарованные предшественники. Художнику предстояло рѣшить неотразимый вопросъ: въ чемъ же причина этой странной бездѣятельности? И онъ, художественно изображая дѣйствительный типъ, невольно обставилъ его такими житейскими условіями, которыя поясняли его. Вслѣдствіе этого въ романѣ получился нѣкоторый элементъ тенденціи, замѣтный и для читателя.

Герой появляется передъ нами во всеоружіи ума и краснорѣчія въ деревенской гостиной московской барыни, претендующей на высшій аристократизмъ. Его обаяніе такъ сильно, что при его приближеніи Наташа встаетъ передъ нимъ, какъ будто бы онъ былъ, по ироническому замѣчанію автора, „путешествующій принцъ". Только одинъ Пигасовъ, очевидно видавшій виды, не поддается его вліянію. Но вскорѣ наступаетъ разочарованіе. Рудинъ оказывается просто краснобаемъ, не способнымъ ни къ какой практической дѣятельности. Благородныя слова на языкѣ—и довольно мелкіе помыслы внутри: желаніе и привычка первенствовать въ кружкѣ, который онъ избиралъ для себя. Авторъ чувствуетъ необходимость хоть нѣсколько пояснить своего героя, и вотъ Лежневъ разсказываетъ его идеалистическіе подвиги еще во времена студенчества.

Очевидно, Тургеневъ хотѣлъ намекнуть, что Рудинъ не теперь только таковъ передъ нами, а что онъ всегда таковъ по своей натурѣ, по натурѣ русскаго человѣка, возросшаго въ бездѣятельной помѣщичьей средѣ. Въ чемъ же сказалась эта русская натура? Во-первыхъ, въ необыкновенной способности усвоять, но не вырабатывать идеи и теоріи, усвоять безъ труда, слѣдовательно поверхностно, безъ всякой глубины знанія. Во-вторыхъ, въ полной беззаботности насчетъ примѣненія этихъ идей и теорій къ жизни, въ нежеланіи знать окружающую дѣйствительность. Энтузіазмъ и пылъ героя въ головѣ, а не въ сердцѣ и нервахъ: онъ „холоденъ какъ ледъ". Въ-третьихъ, какъ объясненіе всего предыдущаго—онъ просто лѣнивъ, и предпочитаетъ жить на чужой счетъ, занимая деньги, чѣмъ искать полезной практической дѣятельности. Вотъ нѣсколько основныхъ свойствъ рудинской натуры. Ему невольно противопоставляется скромный дѣятель, боящійся крас-

ныхъ словъ и дѣлающій свое маленькое дѣло — Лежневъ. Отсюда выводилось ясное и простое заключеніе, что Тургеневымъ сказано: „побольше дѣла, вмѣсто словъ" — лозунгъ послѣдующаго поколѣнія.

Въ заключительной сценѣ съ Лежневымъ въ губернской гостинницѣ, картина, однако, нѣсколько мѣняется. Тургеневъ влагаетъ въ уста Лежнева многое, что смягчаетъ читателя въ его отношеніи къ Рудину. Здѣсь читатель узнаетъ, что не такъ ужъ лѣнивъ Рудинъ, какъ казалось, что въ видахъ практической дѣятельности онъ способенъ былъ долгое время прожить въ тяжелыхъ трудахъ въ какой-то землянкѣ. Далѣе оказывается, что онъ не способенъ въ видахъ практической жизни сдѣлать ничего, что носило бы печать непорядочности—неблагородство въ поступкахъ чуждо его натурѣ. Наконецъ, Лежневъ говоритъ, что и „хорошее слово—тоже дѣло"... Съ чутьемъ истиннаго художника Тургеневъ угадалъ всю односторонность своей первой характеристики и, оставивъ ее на отвѣтственности извѣстнаго сорта умовъ изъ дѣйствующихъ лицъ, далъ другую, которую тоже отдалъ на отвѣтственность другого лица. Таковъ тенденціозный элементъ романа, уступившій, однако, художественному чувству дѣйствительности. Но, въ концѣ концовъ, вопросъ о томъ, что такое Рудинъ, какія причины вызвали подобное явленіе въ русской умственной жизни—остался не разрѣшеннымъ. Передъ читателемъ было яркое художественное изображеніе, смыслъ котораго ускользалъ.

Тогда еще не наступило время для рѣшенія этого вопроса. Но вскорѣ появилось воззрѣніе, о которомъ мы уже говорили, а именно, что Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ,—вообще всѣ подобные герои — „безпочвенники": что ихъ безсиліе происходитъ оттого, что они чуждымъ просвѣщеніемъ, игнорировавшимъ нашу родную дѣйствительность и наполнявшимъ душу чуждыми идеями и идеалами, непримѣнимыми на родинѣ, оттѣснялись съ родной почвы — и лишались всякой иной, почему и являлись съ праздно-вращающимися словами на устахъ и съ „умами, кипящими въ дѣйствіи пустомъ", говоря словами Пушкина. И если теперь, въ иное время, послѣ долгаго

историческаго опыта, вы съ этой точки зрѣнія взглянете на „лишнихъ“ русскихъ людей, выведенныхъ тогда литературою, то невольно согласитесь, что въ воззрѣніяхъ „почвенниковъ“ была огромная доля правды, и они вамъ сразу поясняютъ чрезвычайно многое въ исторіи умственныхъ движеній русскихъ. Рудинъ, разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, объясняется, по крайней мѣрѣ, въ доброй половинѣ своихъ свойствъ. Его время было временемъ усвоенія русскимъ обществомъ европейскаго просвѣщенія и европейскихъ идеаловъ. Съ дѣтства въ рукахъ иностранцевъ, онъ выучился иностраннымъ языкамъ и иностраннымъ понятіямъ, но совершенно не познакомился съ родной дѣйствительностью. Изъ Германіи, о которой онъ говорилъ такъ увлекательно у Ласунской, онъ вывезъ „плоды учености туманной“, говоря выраженіемъ Пушкина, и ворохъ идей и теорій, никакого отношенія къ русской суровой и печальной дѣйствительности не имѣвшихъ.

Нужно думать, что вначалѣ онъ искренно, съ энтузіазмомъ увлекался этими идеями и теоріями. Но опытъ на русской почвѣ долженъ былъ показать ему, что его теоретическимъ знаніямъ и представленіямъ нечего дѣлать на его родинѣ, какъ впрочемъ и всюду безъ знанія жизни. Сердце его не могло уже раздѣлять энтузіазма, вызываемаго теоретическими построеніями, и вотъ вамъ уже „умъ съ сердцемъ не въ ладу“, и вотъ вамъ человѣкъ съ головнымъ энтузіазмомъ, но съ тайными сомнѣніями, холодившими сердце и кровь. Въ этомъ отличіе Рудина отъ его предшественниковъ — онъ дальнѣйшій фазисъ развитія типа. Онъ добръ, благороденъ, полонъ возвышенныхъ мыслей на чужой образецъ — и абсолютно не находитъ себѣ поля дѣятельности, бросаясь съ одного на другое. Нѣтъ сомнѣнія также, что благородное слово его — доброе дѣло, которое оставитъ благотворное вліяніе на всѣхъ, кого онъ встрѣтитъ на своемъ пути.

Рудинъ въ романѣ не только центральная фигура, но почти единственная, сосредоточивающая на себѣ вниманіе, если не считать Наташи. Съ остальными персонажами въ различныхъ видахъ и положеніяхъ вы встрѣчаетесь и въ другихъ произведеніяхъ Тургенева. Но Наташа должна остано-

вить на себѣ вниманіе уже потому, что она постоянно противопоставлялась Рудину. О ней говорили, какъ о доказательствѣ превосходства русской женщины надъ мужчиною и т. п.; подобнаго противопоставленія не чуждъ и самый романъ. Въ дѣйствительности идеализированная Тургеневымъ личность Наташи далеко не можетъ имѣть того значенія, какое ей приписывается.

Нѣтъ сомнѣнія, что она способна къ благороднымъ помысламъ и душевнымъ движеніямъ; но этимъ все и кончается. Встрѣчая Рудина „въ блескѣ ореола" идей и идеаловъ, она увлекается и идеалами, и имъ одновременно не умѣя отдѣлить одного отъ другихъ. Это, конечно, благородно,—однакоже чисто по-женски. Когда, поставленный въ комическое положеніе занимающаго деньги гостя, на ея страстный порывъ и готовность идти за нимъ всюду на цѣлую жизнь, онъ, помятый жизнью и, какъ мы уже говорили, имѣя умъ съ сердцемъ не въ ладу, заговариваетъ о „матушкѣ", о ея несогласіи на бракъ ихъ, она быстро разочаровывается, бросая ему въ лицо: „трусъ!" И это все еще хорошо и прекрасно, хотя совсѣмъ напрасно было бы видѣть во всемъ этомъ что-то геройское. Но вотъ что *не* прекрасно: съ отъѣздомъ Рудина покинули Наташу и всѣ идеи и идеалы, которые такъ увлекали ее. Говорятъ, что она разочаровалась и въ „словахъ" Рудина; но зачѣмъ же опять сливать его личность съ его проповѣдью? Нужно было имѣть умъ, чтобы раньше разглядѣть ложь его идеаловъ и не увлекаться ими, или же, разочаровавшись въ личности Рудина, умѣть отдѣлить отъ него его идеи. И чѣмъ же отличается дальнѣйшая судьба Наташи? Сначала она страдала... хотя, по правдѣ, мы не знаемъ, въ чемъ состояли ея страданія — Тургеневъ ограничился объ этомъ одною фразою. А затѣмъ она вышла замужъ за мѣстнаго „рыцаря", обожавшаго ее — и „будетъ имъ командовать", потому что „она умнѣе его"... Появленіе Рудина и его идей въ средѣ, окружающей Наташу, прошло, въ сущности, безслѣдно для нея, напрасно возмутивъ на время ея обыденное существованіе.

„Дворянское гнѣздо“.

Среди произведеній Тургенева „Дворянское гнѣздо“, быть можетъ, самое великое и многозначительнѣйшее. Въ немъ нѣтъ какихъ-либо спеціальныхъ типовъ, какъ Рудинъ и Базаровъ, но каждое лицо есть типъ, исполненный съ величайшею точностью и тонкостью. Единственный романъ, который можетъ быть противопоставленъ ему изъ всего написаннаго Тургеневымъ, это—„Отцы и дѣти“.

Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ развертывается общая внутренняя картина тогдашней русской дворянской среды, и картина подробная, съ многообразными элементами, входящими въ нее. Тургеневъ писалъ этотъ романъ при такомъ настроеніи, въ которомъ звучали чисторусскія струны: русскіе типы и русскіе идеалы занимали его въ то время, увлекали его, и въ этомъ смыслѣ многими страницами и образами, какъ увидимъ, онъ становился въ нѣкоторое противорѣчіе съ другими, и болѣе ранними, и позднѣйшими своими произведеніями. И кто знаетъ? быть можетъ, именно художественное созерцаніе русской жизни и русскихъ бытовыхъ характеровъ, выведенныхъ въ романѣ, и создало это настроеніе, довело его до высшаго развитія, неожиданно для самого художника.

Каждое лицо романа настолько типично и полно значенія, что заслуживаетъ пристальнаго вниманія. Главное лицо его, его герой, Лаврецкій, представляетъ типъ чисто-русскаго человѣка, смягченнаго просвѣщеніемъ, со всѣми его достоинствами и тѣневыми сторонами. Это самый простой и обыкновенный человѣкъ. Присмотритесь же къ его дѣйствіямъ, къ его душевнымъ основамъ. Ему измѣняетъ жена; мало того, она, по общепринятому воззрѣнію, позоритъ его, становясь „притчею во языцѣхъ“ почти въ буквальномъ смыслѣ, предметомъ скандальной хроники въ Парижѣ. А онъ? Нечего и говорить, что онъ страдаетъ страшно. И тѣмъ не менѣе, ни бѣшеныхъ порывовъ, ничего кричащаго и громкаго: свои страданія онъ оставляетъ про себя. Онъ еще не состоитъ подъ властью теорій, не думаетъ о „свободѣ женщины“, о ея „пра-

вахъ" — и тѣмъ не менѣе, сколько мягкости и справедливости въ его отношеніяхъ къ этой женѣ, разрушившей всю его жизнь. Конечно, онъ оставляетъ ее, но не мститъ ей: ея несправедливость не даетъ ему и мысли о возможности и съ его стороны несправедливости; возвращая ей всѣ свои права на нее, онъ, однако, не торгуется своими обязанностями и, какъ женѣ, отдаетъ ей то, что̀ ей принадлежитъ по ея законнымъ отношеніямъ къ нему. Даже болѣе: когда онъ уже любитъ другую и, получивъ ложную вѣсть о смерти жены, надѣется поправить свою жизнь, а эта жена съ театральнымъ паѳосомъ и внутреннимъ холодомъ является неожиданно къ нему просить „прощенія", — и тогда онъ не измѣняетъ своей роли. Зная, что жизнь его теперь уже безповоротно разбита, хорошо понимая всю „театральность" поступковъ жены, онъ, однако, не считаетъ себя въ правѣ быть орудіемъ ея дальнѣйшей безпорядочной жизни, открываетъ ей путь возвращенія къ благородной и честной жизни, принимаетъ ее.

Конечно, жена его, этотъ ядовитый цвѣтокъ тепличной петербургской жизни, скоро возвратилась къ своимъ страстямъ и распущенности. Но онъ не ускорилъ этого момента и пережилъ свою новую мучительную любовь молча и безъ ропота, не допуская возможности поставить любимую дѣвушку въ фальшивое и тяжелое положеніе, не допуская даже мысли о томъ. Эта вѣрность своему долгу, это отрѣшеніе отъ своей личности — чисто-русскія величавыя черты, неизмѣримо превосходящія заботу главнымъ образомъ о себѣ, отстаиваніе непремѣнно своихъ правъ. Въ тѣ времена, по существовавшимъ понятіямъ, русскій благородный человѣкъ не могъ и не долженъ былъ поступать иначе: самъ онъ былъ виноватъ въ неосмотрительномъ выборѣ жены, самъ разбилъ свою жизнь, и уже не имѣлъ ни малѣйшаго права рисковать счастьемъ и спокойствіемъ другихъ. Видѣть въ Лаврецкомъ одного изъ тѣхъ русскихъ слабыхъ людей, которыхъ такъ часто изображалъ Тургеневъ, — нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній: твердость воли познается не въ умѣньи во что бы то ни стало достигнуть удовлетворенія своихъ страстей, а въ умѣньи

отказаться отъ него—это сказано давно и останется вѣчною истиной.

Рядомъ съ Лаврецкимъ передъ нами Лиза. Это опять существо совершенно простое, обыкновенное, съ крупными русскими чертами, необыкновенно симпатичное именно этой простотой, не ей одной принадлежащей, а вообще русской натурѣ. Полная чистой вѣры и сознанія своихъ обязанностей въ мірѣ — обязанностей простыхъ и ясныхъ для совѣсти и разума, она идетъ въ жизни тернистымъ путемъ, не отказываясь отъ личнаго счастья, насколько оно возможно безъ нарушенія счастья другихъ, но и не носясь съ нимъ, не выставляя своей личности какъ что-то такое, чему счастье непремѣнно должно быть дано. Полюбивъ всею душою Лаврецкаго, между прочимъ прямо за его незаслуженныя страданія, она отдалась своему чувству навѣки, не понимая возможности отнестись къ этому чувству иначе, какъ къ священному долгу, наложенному на нее судьбою. Жизнь ея стала-было расцвѣтать въ тѣ немногіе дни, когда Лаврецкій могъ думать, что онъ свободенъ. Но вотъ появляется на сцену жена Лаврецкаго, и Лиза первая, съ внутреннимъ тяжелымъ горемъ, но съ твердостью и сознаніемъ своего долга, требуетъ отъ него, чтобы онъ не закрывалъ для своей жены выхода на путь чести. О себѣ, о своихъ правахъ, о своемъ счастьи она не думала, не ставя ихъ святотатственно выше долга, какъ она его понимала. Но чувству своему она не измѣнила: Богъ не судилъ ей счастья съ любимымъ человѣкомъ, — и она ушла въ монастырь. Такова простая, безхитростная исторія душевной жизни чистой дѣвушки, полной самоотверженнаго сознанія своихъ обязанностей.

Мы видимъ, что въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" Тургеневъ отозвался поэтически на тѣ чувства, которыя лежали издавна въ основѣ русской жизни. И не въ однихъ главныхъ лицахъ романа выказалъ Тургеневъ такое отношеніе къ русскимъ людямъ,—оно послѣдовательно проведено чрезъ все произведеніе. Старушка бабушка Лизы, проникнутая тѣми же, что и она, идеями, вѣрнѣе: учительница Лизы въ этой сферѣ идей—существо немножко ворчливое: но кругомъ нея расцвѣтаетъ

жизнь и каждое лицо становится радостнѣе. Между тѣмъ мать Лизы, женщина болѣе поздняго поколѣнія, съ претензіями на европейское просвѣщеніе, скорѣе зло разливаетъ вокругъ себя, чѣмъ добро; съ ней жить не легко. Но особенно характерно выразилось настроеніе Тургенева въ изображеніи Паншина, „просвѣщеннаго" петербургскаго чиновника западническихъ убѣжденій и благороднѣйшихъ *на видъ* представленій о свободѣ человѣческой, конечно полнаго полупрезрительнаго отношенія къ русской жизни, на почвѣ которой онъ возращаетъ свои либеральныя убѣжденія. Тургеневъ, самъ „западникъ", заставляетъ Лаврецкаго вступить въ споръ съ этимъ просвѣщеннымъ европейцемъ, теоретикомъ либерализма и прогресса,—и разбить его на всѣхъ пунктахъ, къ великому удовольствію бабушки. Не въ этомъ одномъ, впрочемъ, Тургеневъ выражаетъ свое отношеніе къ Паншину. Оставаясь вполнѣ правдивымъ художникомъ, изображая психологически совершенно понятный и вѣрный самому себѣ характеръ, онъ надѣляетъ Паншина далеко не возбуждающими симпатіи чертами. Паншинъ въ сущности добрый малый, человѣкъ очень не глупый, вполнѣ приличный. Но онъ — теоретикъ, какъ и подобаетъ быть послѣдователю теоретическихъ построеній, не свѣренныхъ съ живою жизнью, и, въ качествѣ таковаго, отличается, какъ это всегда бываетъ съ теоретиками, замѣчательною сухостью сердца. Естественно, что при черствости сердца и преобладаніи надъ всѣмъ теоретической мысли, онъ мало склоненъ признать права на существованіе за благороднѣйшими чувствами, разъ они не подходятъ подъ теоріи, признаваемыя имъ неподлежащими сомнѣнію. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ получается замѣчательный субъектъ, носящій въ себѣ типическія черты всѣхъ ему подобныхъ: онъ прежде всего эгоистъ и, какъ эгоистъ-теоретикъ, на первомъ планѣ держитъ знамя своихъ собственныхъ страстей. И вотъ, въ то время, какъ страдаютъ и Лиза, бывшая временно предметомъ его мечтаній, но лишившая его всякой надежды на взаимность, и Лаврецкій, устроившій свои дѣла съ женою на условіи ея постоянной жизни въ деревнѣ, что могло пріучить ее къ порядочности, — въ это самое время, съ полнымъ забве-

нiемъ внутренней порядочности. Паншинъ появляется постояннымъ гостемъ у распущенной женщины въ упомянутой деревнѣ. Тамъ эти отпрыски сухой петербургской почвы, сразу понявшiе другъ друга и принадлежность свою къ общей имъ средѣ, сошлись на „любви къ музыкѣ“ и на распѣванiи дуэтовъ. Кончается все это, конечно, тѣмъ, что жена Лаврецкаго, нарушая всѣ условiя съ мужемъ, уѣзжаетъ въ Петербургъ, куда уѣхалъ и Паншинъ еще раньше, по истеченiи срока своего отпуска.

Тургеневъ не часто выражалъ въ поэтическихъ образахъ свое отношенiе къ нерусскимъ людямъ. Но, напр., въ повѣсти „Два прiятеля“, онъ выставилъ французскаго офицера въ чрезвычайно несимпатичномъ свѣтѣ, сухимъ и черствымъ, и безъ внутренней порядочности. Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ есть тоже нѣчто подобное: француженка, горничная Лаврецкой, является здѣсь въ крайне рѣзкомъ, несимпатичномъ освѣщенiи, и, къ удивленiю читателя, и Лаврецкая, и Паншинъ, представители идей европейскаго просвѣщенiя, имѣютъ какъ бы нѣчто общее съ этой представительницей народа просвѣщенной европейской страны. Но зато нѣмецъ - музыкантъ, идеалистъ съ младенческой душой и умомъ мужа, является рѣшительнымъ сторонникомъ Лизы и Лаврецкаго, этихъ представителей простой и безхитростной русской нравственности.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, какое значенiе имѣетъ „Дворянское гнѣздо“ въ общемъ ходѣ умственной жизни русской. Характеренъ фактъ, что именно этотъ романъ положилъ въ свое время главное основанiе поэтической славѣ Тургенева!

„Наканунѣ“.

Истинный и великiй художникъ, Тургеневъ не могъ въ той или другой мѣрѣ не отдать дани своему времени—увлеченiями въ сторону идей, господствовавшихъ, или, вѣрнѣе, начинавшихъ властно получать господство въ русскомъ обществѣ. Романъ „Наканунѣ“ былъ именно такою данью, прiятною современникамъ, но которую потомки могутъ цѣнить уже иначе.

Тургеневу, какъ правдивому художнику, не свойственно было изображать тенденціозно выдуманные образы, односторонне и преднамѣренно собирать и соединять въ своемъ произведеніи факты и явленія, имѣющіе доказать предположенную авторомъ заранѣе мысль, и всѣ персонажи романа „Наканунѣ" проникнуты жизненною правдою; съ этой стороны онъ остался истиннымъ художникомъ. Но эти живые, полные правды, образы говорящіе сами за себя гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы сказать словами, а не изображеніемъ самъ авторъ, не свободны отъ извѣстнаго идеальнаго колорита, наложеннаго авторомъ именно только словами, показывающими отношеніе къ нимъ съ его стороны.

Болгаринъ Инсаровъ, центральная фигура романа, имѣетъ значеніе почти идеала. Въ сопоставленіи съ нѣсколькими русскими людьми, по Тургеневскому обыкновенію слабыми волею и бездѣятельными, хотя и очень талантливыми, какъ, напр., художникъ Шубинъ, Инсаровъ представленъ мощною фигурою, полною страшной энергіи и беззавѣтной преданности патріотической идеѣ. Но въ томъ-то и состоитъ великое значеніе художественнаго образа, что онъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ истину, что бы авторъ ни говорилъ о немъ, въ какія бы краски онъ его ни облекалъ. И если мы вглядимся въ личность Инсарова, впечатлѣніе получится отъ него нѣсколько иное, чѣмъ то, которое навѣваетъ романъ. Въ числѣ положительныхъ свойствъ Инсарова несомнѣнно нужно назвать замѣчательную энергичность. Но энергія его имѣетъ своимъ источникомъ не одну его натуру, но и страшную, безпредѣльную ненависть къ притѣснителямъ его страны, кровавые подвиги которыхъ онъ съ дѣтства видѣлъ своими собственными глазами. Ненависть эту впиталъ онъ въ себя съ молокомъ матери—и въ ней нашелъ свой патріотизмъ, свою любовь къ родинѣ, т.-е., собственно, страстное желаніе выгнать изъ нея ненавистныхъ притѣснителей. А это, нужно замѣтить, далеко еще не та святая любовь къ родинѣ, полная безкорыстія и преданности къ ней, которую можно идеализировать, это еще не преданность идеѣ родины. Вообще, неотразимо представляется вопросъ, возможно ли, чтобы изъ такого злого источника, какъ

ненависть, могли возникать незапятнанныя чувства и идеи. Естествененъ скорѣе отрицательный отвѣтъ, и личность Инсарова оправдываетъ это предположеніе. Онъ суровъ и безпощаденъ, несомнѣнный деспотъ, даже эгоистъ, въ томъ смыслѣ, что передъ его чувствомъ ненависти все должно преклониться, онъ все ей подчиняетъ, и не признаетъ ничего, что̀ пошло бы противъ нея.

Съ тѣхъ поръ, какъ написанъ романъ Тургенева, успѣло много уйти воды въ море жизни, и мы теперь знаемъ, что такое эти суровые и безпощадные „освободители Болгаріи". Современная исторія этой страны даетъ хорошіе комментаріи къ личности Инсарова, къ тѣмъ свойствамъ ея, о которыхъ мы сказали. А затѣмъ, что̀ же мы видимъ въ немъ? Да кромѣ этого — ничего. Въ романѣ Тургенева герой прикрытъ со всѣхъ другихъ сторонъ таинственнымъ покрываломъ: мы не узнаемъ ни свойствъ его ума, ни направленія его мысли, ни свойствъ его сердца и настроенія душевнаго, — ничего, что̀ такъ важно въ характеристикѣ человѣка, что̀ и составляетъ „типъ". Можно, вѣдь, ненавидѣть притѣснителей родины, вслѣдствіе этого быть энтузіастическимъ приверженцемъ освобожденія ея — и оставаться звѣремъ, способнымъ принести той же родинѣ неизмѣримо больше печали, чѣмъ радости. И можно ли этого человѣка возводить въ идеалъ въ странѣ, люди которой съ такимъ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ, въ годъ Отечественной войны и позже на крымскихъ берегахъ, жертвовали своею жизнью, кровью и имуществомъ, исключительно въ силу священнаго долга передъ родиной, и умѣли въ то же время проявлять чувство жалости и справедливости какъ къ побѣжденному, такъ и къ побѣждавшему врагу. Каждый русскій солдатъ могъ бы служить Инсарову примѣромъ болѣе возвышенныхъ чувствъ безстрашія и самоотверженности. И какой смыслъ можетъ имѣть сопоставленіе Инсарова съ художникомъ Шубинымъ, напримѣръ? Положенія ихъ совершенно различны, и дѣятельности ихъ не совпадаютъ. Если бы Шубина облачить въ тѣ же свойства, какія имѣлъ Инсаровъ, дать ему безпредѣльную ненависть къ чему-либо, упорную единственную идею, онъ казался бы среди мирной

своей обстановки просто маньякомъ, въ лучшемъ случаѣ—лицомъ комическимъ. Если же въ немъ, дѣйствительно, присутствуютъ и слабость воли, и чрезмѣрная русская уступчивость, и вѣчное недовѣріе къ своему же собственному дѣлу, и слишкомъ мирное увлеченіе своимъ художествомъ, то какое же все это имѣетъ отношеніе къ Инсарову съ его идеями? Елена, конечно, могла отвертываться отъ подобныхъ ему и предпочитать Инсарова — это ея дѣло, но правда не на сторонѣ Инсарова и Елены.

Елена — другая центральная фигура романа. Ею авторъ какъ бы говоритъ, что женская любовь, которая почитается такимъ счастьемъ, дается не тому, кто мирнымъ обывателемъ среди маленькаго дѣла проводитъ свою жизнь, а герою, какъ Инсаровъ, хотя геройство этого послѣдняго Елена видѣла близко, по правдѣ сказать, только въ сценѣ съ пьянымъ нѣмцемъ, котораго герой блистательно повергъ въ воду. Дѣло идетъ, притомъ, о любви такой дѣвушки, которая можетъ составить предметъ безпредѣльнаго чувства и дать рѣдкое счастье. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по всему смыслу романа.

Елена, дѣйствительно, принадлежитъ къ идеальнымъ русскимъ натурамъ, носящимъ на себѣ въ существенномъ многія тѣ же типическія черты, что и Лиза „Дворянскаго гнѣзда". Основная черта ея характера все та же безграничная преданность долгу, уничтоженіе передъ нимъ своей личности. Разъ придя къ ясному пониманію, чему она можетъ отдать свою любовь и всю жизнь свою, она не колеблясь уже вступаетъ на тотъ путь, который открывается передъ ней. Но только выросла она среди теченія другихъ, новыхъ идей, принадлежитъ другому времени и другому направленію, и внѣшнія черты ея жизни тѣмъ измѣняются до неузнаваемости. То было время благородныхъ стремленій къ *дѣятельности* въ обществѣ, вырастали идеалы „новыхъ людей", которые кореннымъ образомъ должны были отличаться отъ людей обыкновенныхъ. На почвѣ идеализированныхъ представленій о политической жизни Европы, каждый человѣкъ начиналъ считать себя призваннымъ ставить и рѣшать общественные „вопросы", и не только рѣшать ихъ теоретически, но и требовать практи-

ческаго примѣненія своихъ мнѣній. Идеальныя стремленія этого рода создали совершенно особыя отношенія къ жизни, къ дѣйствительности. Человѣкъ въ тѣсной сферѣ личной жизни, какъ бы ни была полезною для общества его дѣятельность, уже не считался дѣятелемъ общественнымъ—для послѣдняго необходимы были публичность и широкое, видное для всѣхъ поприще. Это была эпоха широкихъ замысловъ, необъятыхъ задачъ. „Развитые люди“ носили въ своихъ головахъ не подлежащія сомнѣнію и критикѣ сѣмена „счастія всего человѣчества“, и только наиболѣе благоразумные соглашались ограничить свои задачи „счастіемъ“ своего отечества, родной страны. Когда писалось „Наканунѣ“, это, конечно, благородное, но дышавшее общественной русской молодостью направленіе еще только назрѣвало, но Тургеневъ, съ обычной своей чуткостью, уже угадалъ его наступленіе. И Елена является въ романѣ уже съ печатью своеобразныхъ особенностей новѣйшихъ идеаловъ и новѣйшей нравственности.

Инсаровъ былъ, повидимому, именно такой человѣкъ, который олицетворялъ собою „новаго“ человѣка, общественнаго дѣятеля, казался героемъ. Сфера его дѣятельности была для Елены областью не извѣстною, частности этой дѣятельности были для нея закрыты, и эта таинственность именно должна была вліять особенно обаятельно, вводила въ область какъ бы „чистой идеи“. Будь Инсаровъ вполнѣ открытымъ, со всѣми своими практическими, частными пріемами борьбы, въ которыхъ много было, конечно, элементовъ интриги, вражды, соревнованія и т. п., и въ которыхъ ясно выразился бы для наблюдателя характеръ героя, какъ просто человѣка, — ореолъ чистаго борца за свободу, украшавшій его чело, могъ бы значительно потускнѣть. Но ничего этого не было—и Елена отдала Инсарову безповоротно свое чистое сердце.

Былъ тутъ, въ этой любви, и чисто женскій элементъ, допускающій сближеніе Елены съ Наташей въ „Рудинѣ“: она смѣшивала „идеи“ и стремленія человѣка съ самой личностью его, тогда какъ можно увлекаться идеями, и совершенно не увлекаться личностью человѣка, исповѣдующаго ихъ. Она, конечно, не знала, что можно проповѣдывать съ полной искрен-

ностью и стойкимъ убѣжденіемъ превосходныя идеи, и быть въ то же время человѣкомъ лично дурнымъ и тяжелымъ, неспособнымъ составить ничье счастье. И Еленѣ, если бы Инсаровъ остался жить,—кто знаетъ?—можетъ быть, пришлось бы перенести горькія разочарованія.

Увлеченіе Елены исходило изъ источника чистаго. Можно сказать, что она отдавалась идеалисту и его идеямъ, а не человѣку. Тургеневъ подчеркнулъ это обстоятельство, заставивъ ее послѣ смерти мужа отдаться дѣлу, которому, по ея представленіямъ, онъ служилъ всю свою недолгую жизнь. Такъ и слѣдовало по новому кодексу нравственности, входившему тогда въ моду среди развитыхъ и „новыхъ" людей. По тому же кодексу, носившему печать полнѣйшаго космополитизма и ученій о свободѣ человѣка, она безъ сожалѣнія и безъ борьбы оставила домъ, родину и все, чѣмъ жила до тѣхъ поръ, въ пользу дѣла, въ которое вѣрила. Къ сожалѣнію, Тургеневъ ничего не говоритъ намъ, насколько дѣйствительность оправдала ея вѣру. Мы, однако, знаемъ, что той самой родинѣ Елены, которую она бросила, не найдя въ ней удовлетворенія своимъ стремленіямъ, пришлось пожертвовать жизнью и кровью тысячъ своихъ сыновъ за это самое дѣло, столь дорогое для нея — и снести черную неблагодарность. Такъ исторія опровергла *идеализацію* жизненнаго и съ художественною правдою изображеннаго явленія, столь увлекавшаго Тургенева и его современниковъ.

„Отцы и дѣти".

Въ тѣ дни, когда въ русскомъ мыслящемъ обществѣ начинала преобладать мысль о необыкновенномъ умственномъ прогрессѣ новаго поколѣнія, вступавшаго въ шестидесятые годы; когда, казалось, мы „созрѣли" (фраза, осмѣянная Добролюбовымъ); когда возникъ культъ естественныхъ наукъ и положительныхъ знаній и основаннаго на нихъ общественнаго образованія,—въ русской литературѣ появился тургеневскій романъ „Отцы и дѣти", изображавшій несовсѣмъ нормальный

ходъ нашего прогресса. Это былъ громъ, упавшій среди яснаго и тихаго дня. Впечатлѣніе его было необычайно какъ на общество, такъ и на литературу,—недаромъ появленіе его вызвало и страстные толки, и еще болѣе страстную полемику въ тогдашней журналистикѣ, въ критической литературѣ.

Нужно сказать, что вліяніе его объясняется не одною новостью сюжета и главнаго героя его, Базарова, но и необыкновенною художественностью. Въ двухъ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ достигъ необыкновенной высоты, обнаружившей во всемъ объемѣ его огромный талантъ,—въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и въ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Послѣднее произведеніе въ глазахъ современниковъ имѣло то преимущество, что въ немъ сразу обнаружились два свойства тургеневскаго дарованія: и необыкновенная художественность изображенія, и та чуткость къ теченіямъ въ русской общественной мысли, которая дозволяла художнику подмѣчать и ярко изображать не однѣ только установившіяся формы быта и мысли, а только еще нарождавшіяся и не окрѣпшія явленія. Изображая явленія новыя, и не всегда устанавливая для себя смыслъ ихъ, какъ въ „Рудинѣ“ и особенно въ „Наканунѣ“, Тургеневъ могъ становиться тенденціозенъ въ той или другой степени, могъ и колебаться въ объясненіи и изображеніи факта, и это неизбѣжно отражалось на той внутренней и важнѣйшей художественности, которая однозначаща съ соединеннымъ понятіемъ жизненной правды и полноты, всесторонности. Но „Отцы и дѣти“ написаны твердою рукою, безъ малѣйшихъ колебаній, съ очевиднымъ полнымъ высшимъ сознаніемъ. Романъ этотъ поражаетъ стройностью фабулы и всѣхъ деталей, полонъ пластичности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубины психологическаго созерцанія.

Базаровъ — типъ необыкновенно сложный, и въ то же время, въ изображеніи тургеневскомъ—яркій и ясный. Прежде всего онъ русскій человѣкъ до мозга костей: онъ „ни въ чемъ середины не знаетъ“, говоря словами современнаго Тургеневу поэта, — и потому-то его отрицаніе получаетъ такой острый характеръ. Базаровъ ни передъ чѣмъ не остановится, не будетъ трусливо стремиться примирить привычное старое

съ новымъ, разъ ему умъ и совѣсть диктуютъ невозможность компромисса и уступокъ старому воззрѣнію. Такіе характеры и умы свойственны нашей родинѣ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ публицистовъ русскихъ, Герценъ, долго преклонявшійся передъ Западомъ, но, послѣ близкаго знакомства съ бытомъ и съ *обычнымъ*, а не теоретическимъ строемъ мысли европейскихъ народовъ, отмѣтившій въ нихъ яркую способность и стремленіе къ всяческимъ компромиссамъ и примиреніямъ непримиримаго, невольно воскликнулъ: „Россія никогда не будетъ золотою серединою". Эти слова примѣнимы къ Базарову.

Русскій человѣкъ онъ и въ другомъ смыслѣ. Онъ не принадлежитъ къ той полуобезличенной средѣ русской интеллигенціи, которая все свое образованіе получила изъ рукъ иностранцевъ-учителей, научилась мыслить по европейскимъ теоріямъ, только по отвлеченіямъ отъ живой дѣйствительности, да еще притомъ дѣйствительности чуждой, и потому нерѣдко утрачивала связь съ родиной, не пріобрѣтши никакихъ другихъ прочныхъ связей. Базаровъ, напротивъ, человѣкъ русской жизни, выросшій подъ ея непосредственными вліяніями, съ дѣтства узнавшій суровую русскую дѣйствительность со всѣми ея мрачными сторонами; въ этомъ смыслѣ онъ сынъ русскаго народа не по происхожденію только.

Эти духовныя русскія свойства героя при извѣстныхъ условіяхъ получили бы иное развитіе и направленіе. Но судьба привела его въ сферы мысли, которыя неизбѣжно создавали изъ него то, чѣмъ онъ сдѣлался. Въ наукѣ того времени и въ естествознаніи преимущественно, господствовало крайнее матеріалистическое направленіе, которое широкою волной захватывало и всѣ другія сферы мысли; подъ вліяніемъ ихъ должна была увянуть всякая вѣра въ Базаровѣ, и онъ провелъ свое отрицаніе въ этой области послѣдовательно до конца.

Въ общественной жизни вліянія были, между тѣмъ, печальны. Русская народная жизнь, издавна заброшенная интеллигенціей, представляла безпорядочный хаосъ многообразныхъ золъ на ея поверхности, а тѣ внутренніе корни ея, на которыхъ могла еще созидаться нравственная жизнь и обще-

ственный порядокъ, естественно, были въ глазахъ Базарова простымъ суевѣріемъ. Жизнь интеллигентныхъ классовъ, народа не знавшихъ и, по замѣчанію Базарова, толковавшихъ „объ искусствѣ и безсознательномъ творчествѣ", вмѣсто практической дѣятельности въ пользу народа, тогда какъ „грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ",—эта жизнь представляла Базарову еще большее поле для отрицанія. Въ концѣ концовъ, вокругъ себя онъ не находилъ ничего, на чемъ бы онъ могъ остановиться безъ отрицанія. И опять во всѣхъ смыслахъ онъ довелъ свое отрицаніе до конца. Не даромъ онъ, основываясь на личномъ знакомствѣ съ русской жизнью, предлагаетъ Павлу Кирсанову найти въ ней хоть одно явленіе русской жизни, которое не вызывало бы безпощаднаго приговора.

Но любопытнѣйшею чертою его мысли и характера, тонко замѣченнаго и отмѣченнаго Тургеневымъ, является то, что его мучаетъ отсутствіе чего-нибудь, на чемъ бы онъ могъ остановиться съ довѣріемъ. Въ различныхъ мѣстахъ романа невозможно не видѣть, что Базарова гнететъ скрытая тоска. Какъ умъ сильный и послѣдовательный, онъ ясно видитъ всю шаткость и того, что̀ ему дано, какъ нѣчто достовѣрное: онъ мало вѣритъ даже въ свою медицину и во всю ту науку, которая послужила ему исходною точкою для безпощаднаго анализа явленій жизни и мысли. И на науку онъ кладетъ печать недовѣрія и отрицанія. Онъ то лихорадочно работаетъ, то совершенно опускаетъ руки. Эта тоска и недовѣріе даже къ своему дѣлу приводятъ его къ признанію одного въ жизни—матеріальнаго наслажденія. Но эта-то матеріальная жизнь Базарова, какъ настоящую русскую натуру, не можетъ удовлетворить; напрасно онъ говоритъ о ней съ оттѣнкомъ даже цинизма — она внушаетъ ему только одно явное презрѣніе. Недобрую штуку сыграло съ этимъ сильнымъ человѣкомъ матеріалистическое направленіе, поселивъ въ немъ странную раздвоенность и несогласованность душевныхъ элементовъ. Тургеневъ чутко угадалъ это и изобразилъ съ поражающею правдою. Базаровъ—лицо глубоко трагическое и мало годится въ идеалы, какимъ его хотѣлъ понимать Писаревъ, и еще менѣе въ каррикатурные образы русскаго молодого поколѣнія

того времени, какъ его хотѣли понимать противники Писарева.

Исторія любви Базарова къ Одинцовой служитъ яркимъ комментаріемъ къ сдѣланной выше его характеристикѣ. Онъ не признаетъ ничего „романтическаго", ничего такого, что не можетъ быть прямо изслѣдовано и наблюдено. Онъ смѣется надъ возможностью „загадочнаго взгляда", разъ его нельзя найти въ анатоміи глаза; по его мнѣнію—все это „романтизмъ, гиль, художество". Такъ же онъ смотритъ и на любовь: анатомія тоже не можетъ ему дать никакихъ признаковъ и основъ „романтической" любви. И вдругъ эта самая „романтическая" любовь обнаруживаетъ на немъ всю власть. Тщетно онъ борется съ фактомъ, онъ долженъ признать, что любитъ „глупо, безумно". Печальная трагическая картина раздвоенности возникаетъ передъ нами: по матеріалистическимъ воззрѣніямъ онъ не долженъ любить, но натура, натура русская, глубокая, чуждая увлеченіямъ одной чувственностью, влечетъ его къ глубокому „романтическому" чувству, какъ и отсутствіе предметовъ для вѣры поселяетъ въ его душѣ глубокую скрытую тоску.

Въ лицѣ Базарова—„дѣти". Молодого Кирсанова можно и совсѣмъ не брать во вниманіе, какъ блѣдное подражаніе герою, скоро къ тому же исчезнувшее, а каррикатурныя фигуры Ситникова и свободомыслящей Кукшиной показываютъ только, что „матеріализмъ" сильнаго Базарова можетъ стать источникомъ простой распущенности и мелкой развращенности для неумныхъ и пустыхъ. Но что же такое „отцы"? Смыслъ роли, которую они играютъ въ романѣ, совершенно не оправдываетъ той мысли, будто бы Тургеневъ въ спорѣ перемѣняющихся поколѣній былъ на сторонѣ „отцовъ". „Старички Кирсановы" въ томъ видѣ, какъ они изображены художникомъ, говорятъ нѣчто иное. И главное—они никакъ не меньше во многихъ отношеніяхъ „отрицатели", только чуть-ли не отъ самихъ себя они скрываютъ это свойство своихъ представленій о жизни. Они столь же мало вѣруютъ, какъ и Базаровъ, но считаютъ вѣру необходимой для народа, для поддержанія его нравственности. Не много находятъ они и живой дѣятельности въ обществѣ, на которой они стано-

вились бы съ довѣріемъ и знаніемъ, и создаютъ для себя искусственные идеи и идеалы. Это особенно рѣзко сказывается на Павлѣ Кирсановѣ, поставившемъ своею жизненною задачею условную и даже болѣе внѣшнюю порядочность, джентльменство, въ чисткѣ ногтей видящемъ, т.-е. собственно до безсознательности желающемъ видѣть—чуть-ли не свое высшее призваніе. И какъ легко уступаетъ онъ Базарову въ спорѣ объ основахъ и учрежденіяхъ русской жизни, очевидно, самъ внутренно сомнѣвающійся, но заглушающій въ себѣ сомнѣнія въ правотѣ своихъ воззрѣній. Даже болѣе мягкій братъ его, не умѣющій управиться съ хозяйствомъ и создающій себѣ интересъ въ игрѣ на віолончели, обнаруживаетъ тѣ же черты.

Такія „дѣти", какъ Базаровъ, только и могли возникнуть на почвѣ такихъ „отцовъ", противоположность между ними далеко не такъ велика, какъ это кажется. Тотъ духъ матеріализма, который обуялъ Базарова, далеко имъ не чуждъ, но они не имѣютъ смѣлости провести его открыто и послѣдовательно до конечныхъ выводовъ. Базаровъ является ихъ смѣлымъ разоблаченіемъ. И потому-то, можетъ быть, умный Павелъ Кирсановъ, только не хотѣвшій сознаться самому себѣ въ раздвоенности своей жизни и фальшивости своихъ интересовъ, чувствовавшій, что Базаровъ видитъ ихъ насквозь,—потому-то онъ такъ и не взлюбилъ нашего героя. Въ романѣ „Отцы и дѣти" указывается, такимъ образомъ, не одна противоположность смѣнявшихся поколѣній, а и внутренняя родственность ихъ, послѣдовательная преемственность ихъ духовной жизни.

„Новь", романъ Тургенева.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что романъ „Новь" написанъ Тургеневымъ подъ вліяніемъ тѣхъ упрековъ, которые доходили до него съ родины. Широко распространялось мнѣніе, что, живя почти исключительно за границей, онъ потерялъ до значительной степени нравственныя связи съ отече-

ствомъ и уже не понимаетъ происходящаго въ немъ. Тотъ самый художникъ, который съ такою изумительною чуткостью угадывалъ назрѣвавшія на родинѣ умственныя теченія и съ такою художественностью отражалъ въ своихъ произведеніяхъ нарождавшіяся подъ вліяніемъ ихъ типы русскихъ людей, — этотъ самый художникъ уже не въ состояніи — говорили — изобразить даже совершенно выросшее движеніе, искавшее связи интеллигенціи съ народомъ, стремившееся разбудить народъ отъ тысячелѣтняго сна. Не этими словами говорили тогда о Тургеневѣ и о „народничествѣ", но общій смыслъ былъ именно этотъ. Говорилось это, конечно, со стороны тѣхъ, кто сочувствовалъ нароставшему и развивавшемуся движенію, кто считалъ это движеніе плодотворнымъ и кто былъ оскорбленъ тѣмъ отношеніемъ къ нему, къ многимъ его дѣятелямъ, которое сказалось со стороны Тургенева еще въ „Дымѣ". Отвѣтомъ на все это и былъ романъ „Новь".

Эти обстоятельства не могли не сказаться на художественной силѣ новаго произведенія. Прежде Тургеневъ, дѣйствительно, предугадывалъ явленія русской жизни, облекалъ ихъ въ живые образы уже въ то время, когда русское общество ихъ не видѣло еще; теперь онъ изображалъ явленіе всѣмъ ясное, по-своему каждымъ обсуженное. И какъ бы правдиво ни изобразилъ онъ его, удовлетворить никого онъ уже не могъ. Произведеніе его было не откровеніемъ, какъ прежде, а сужденіемъ, которое, какъ сужденіе отдѣльнаго лица между многихъ, имѣвшихъ тоже свое сужденіе, не могло не вызвать несогласія почти со всѣхъ сторонъ.

Съ другой стороны художникъ въ Тургеневѣ не могъ не испытывать вліянія такого положенія: онъ зналъ существующія мнѣнія о явленіи, которое намѣревался изобразить, переписывался о немъ съ нѣкоторыми лицами. Передъ нимъ долженъ былъ становиться вопросъ: что скажутъ о его будущемъ изображеніи? Онъ могъ предугадывать вражду со стороны однихъ, нежелательное восхваленіе со стороны другихъ, тѣхъ именно, кому онъ не могъ сочувствовать, съ кѣмъ боялся быть солидарнымъ. Люди, жившіе въ то время, когда писался и появился романъ „Новь", хорошо знали опредѣленныхъ личностей и

опредѣленныя направленія, о которыхъ идетъ рѣчь. Тургеневъ былъ сторонникъ прогресса въ европейскомъ смыслѣ и гуманности, а онъ заслужилъ бы аплодисменты со стороны партіи, совершенно противоположной, если бы изобразилъ явленіе въ краскахъ сатирическихъ, какъ это попытался сдѣлать въ „Дымѣ". Трудно въ подобныхъ условіяхъ сохранить свободу сужденія и полную, безупречную правдивость. На свободу художественнаго творчества Тургенева наложены были тяжелыя цѣпи,— это съ полной ясностью сказалось на всемъ строѣ романа до его деталей.

Не много нужно пристальнаго вниманія, чтобы увидѣть ясно и опредѣленно, что „Новь" написана какъ бы по программѣ. Въ великихъ свободныхъ произведеніяхъ искусства типы и образы никогда не говорятъ съ педантической опредѣленностью, что̀ означаетъ такой-то и такой-то образъ; согласныя съ жизнью, съ дѣйствительностію, въ которой всегда найдутся загадочныя стороны, они содержатъ эти послѣднія и въ себѣ. Опредѣленный смыслъ, поучительность нескрываемая бываютъ удѣломъ произведеній характера холоднаго, дидактическаго, не ладящаго съ поэзіей, какъ образы Митрофанушки, Простаковыхъ и т. п., уже своими именами указывающихъ намѣренія автора. Тургеневъ былъ великій художникъ, грубые пріемы этого рода для него не существовали. Тѣмъ не менѣе каждое лицо его романа такъ рельефно выдаетъ мысль автора, вложенную въ него, что для читателя оно перестаетъ быть просто изображеннымъ типомъ, а говоритъ прямо опредѣленною мыслью. Содержаніе всего романа можно было бы предугадать, зная, при какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями онъ писался.

Въ томъ революціонномъ движеніи съ хожденіемъ въ народъ и съ стремленіями поднять его къ заявленію своихъ человѣческихъ правъ, Тургеневъ по чисто-теоретическимъ основаніямъ опредѣлилъ главнѣйшія свойства. Въ немъ, конечно, должны были принять горячее участіе люди властолюбивые и самолюбивые и сильные волей, которые не нашли нигдѣ въ другой сферѣ удовлетворенія страсти — повелѣвать и первенствовать. Сюда должны были примкнуть также люди ни-

чтожные, которые на всякомъ другомъ мѣстѣ ими бы и оставались, въ то время какъ здѣсь, въ „партіи“, они чувствовали себя выше „толпы“, провозвѣстниками новой жизни человѣчества. Наконецъ сюда же должны были придти жертвы, люди искренно увлекшіеся великодушными идеями о всеобщемъ счастіи человѣчества, имѣющемъ замѣнить современный человѣческій міръ горя, тяжелыхъ несправедливостей и безчеловѣчія. Наиболѣе упорными и твердыми среди этихъ фанатиковъ и энтузіастовъ должны были оказаться люди ограниченные, мало способные разсуждать, а слѣдовательно сомнѣваться. Изъ послѣдняго разряда должны были выходить тѣ, на которыхъ всею тяжестью обрушивалось движеніе: о нихъ именно и могъ сказать Паклинъ: „Индійцы бросаются подъ колесницу Джаггернаута, она ихъ давитъ, и они умираютъ въ блаженствѣ; у насъ есть тоже свой Джаггернаутъ (народъ)... Давитъ-то онъ насъ давитъ, но блаженства не доставляетъ“...

Все это именно и есть въ романѣ Тургенева, такъ что съ внѣшней стороны онъ представляется полнымъ изображеніемъ представленій автора. Въ дѣйствительности, съ внутреннихъ сторонъ, это не такъ. Многія лица лишены истинной индивидуальности, даже просто скрыты отъ читателя въ какой-то загадочной дали. Таковъ, напр., пресловутый Василій Николаевичъ, приказаніямъ котораго повинуются безпрекословно всѣ революціонные персонажи романа. Тургеневъ съ преобладающимъ вниманіемъ остановился на личностяхъ именно энтузіастическихъ: герой его—Неждановъ, героиня—Маріанна. Неждановъ принадлежитъ къ числу людей сердца, но въ то же время и ума, это — не тупой человѣкъ, безъ всякой критики относящійся къ дѣлу. На вопросъ Маріанны, замѣчательный ли человѣкъ таинственный Василій Николаевичъ, котораго онъ видѣлъ всего раза два... мелькомъ, онъ отвѣчаетъ: „Какъ тебѣ сказать? Теперь онъ голова—ну, и орудуетъ. А безъ дисциплины въ нашемъ дѣлѣ нельзя: повиноваться нужно“... „И *это* все вздоръ“, думается ему въ этотъ же самый моментъ.

Неждановъ—лицо, охарактеризованное наиболѣе. Что касается остальныхъ лицъ, какъ Маркеловъ, Машурина и дру-

гіе, то они обрисованы лишь слегка, чертами, показывающими ихъ умственную скудость и упрямство тупыхъ головъ. Мы говоримъ, конечно, вообще о нѣкоторой програмности романа „Новь". Великій талантъ умѣетъ выходить изъ рамокъ, стѣсняющихъ его; всего стѣснительнѣе эти границы въ наиболѣе свободномъ и капризномъ искусствѣ, въ музыкѣ, но програмныя произведенія Бетховена блещутъ, тѣмъ не менѣе, всею силою его генія. И Тургеневъ въ большой степени преодолѣлъ тѣ трудности, которыя ему представлялись; его фигуры дышатъ жизнью и правдой. Тѣмъ не менѣе, колоритъ намѣренности изображенія лежитъ на общей постройкѣ романа и даже на отдѣльныхъ сценахъ. Даже самая первая сцена, вступленіе въ романъ, гдѣ передъ читателемъ появляются Машурина, Остродумовъ, Паклинъ и Неждановъ, невольно внушаетъ мысль, что авторъ рекомендуетъ своихъ героевъ, желая обратить особенное вниманіе на ихъ занятія и жизнь, потому что это необходимо для него, для дальнѣйшаго теченія романа, а не для простой истинности изображенія. Только одинъ маленькій Паклинъ глядитъ на васъ въ этой сценѣ независимымъ отъ намѣреній автора, живымъ и типическимъ лицомъ.

Неждановъ, какъ главное лицо романа по намѣреніямъ автора, характеристиченъ для читателя всѣми деталями своего нравственнаго облика. Имъ авторъ подсказываетъ читателю выводы значительные и важные. Прежде всего вы узнаете, что Неждановъ натура по своему складу художественная, артистическая, и уже поэтому брезгливая ко всему нечистому, оскверняющему душевную непорочность. Онъ далеко не глупый человѣкъ, и скептическій элементъ въ его энтузіастическомъ самопожертвованіи идеѣ весьма значителенъ. Этотъ обыкновенный, но хорошій человѣкъ завоевываетъ безусловно симпатіи читателя. Но именно по этому его отношеніе къ революціонному движенію, въ которое онъ попалъ, и обратно отношеніе этого движенія къ нему являются говорящими многое. Вы видите, что то дѣло, которому онъ отдаетъ себя, деспотически лишаетъ его всего, что ему такъ дорого по его натурѣ. Вы чувствуете, что возврата для него—нѣтъ, а между

тѣмъ простое раздумье его, стремленіе обсудить, на что и за что онъ идетъ, невозможно для него: онъ жертва „дѣла“ фатальная, обреченная на безропотность. Всякій человѣкъ „партіи“, какая-нибудь Машурина или тупой Маркеловъ являются безпощадными, они требуютъ во имя „дѣла“ исполненія того, что, можетъ быть, только имъ представляется необходимымъ для дѣла. „Сперва надо *здѣсь* свою обязанность исполнить“—значительно говоритъ Машурина Нежданову по поводу его публикаціи о томъ, что онъ ищетъ кондиціи въ отъѣздъ, словно какъ онъ самъ—вещь, ни своей воли, ни своихъ потребностей не имѣющая. Этотъ деспотизмъ бросается въ глаза съ перваго взгляда. Въ силу его Неждановъ гибнетъ безсмысленно, самъ понимая эту безсмысленность. Это—второе, что прямо говоритъ въ романѣ само за себя, т.-е. отсутствіе яснаго смысла въ дѣйствіяхъ партіи, насколько они выражаются въ дѣйствіяхъ героя. „Господи! какая чепуха“! думаетъ Неждановъ въ рѣшительный моментъ, когда проповѣдуетъ народу революціонную проповѣдь передъ кабакомъ и въ кабакѣ. Сцена эта, кстати сказать, полна жизни и движенія; все знаніе народа русскаго, которымъ такъ богатъ былъ Тургеневъ, здѣсь выливается въ формахъ ясныхъ и отчетливыхъ до мельчайшихъ деталей. Смыслъ сцены не оставляетъ сомнѣній.

Тургеневъ не сказалъ, очевидно, большого комплимента „нови“ русской земли, тѣмъ побѣгамъ мысли, которые получали въ жизни русскаго общества такое страшное значеніе. Но сдѣлалъ онъ это въ формахъ крайне осторожныхъ. Завзятый „радикалъ“ русскій могъ сказать, конечно, что Тургеневъ ошибается; но не могъ упрекнуть его даже такъ, какъ упрекали за Базарова. „Люди партіи“ не могли оскорбиться, потому что художникъ остановилъ свое вниманіе только на натурѣ „артистической“, къ такому суровому дѣлу не сродной. Къ тому же онъ сравнительно безпощаднѣе отнесся къ противоположнымъ общественнымъ дѣятелямъ въ лицѣ Сипягина, Калломейцева и другихъ, къ которымъ примѣнена вся мѣра сатирическаго негодованія. Съ другой стороны, и тѣмъ, кто смотрѣлъ на „движеніе“ совсѣмъ съ безпощадно отрицатель-

ной стороны, тоже не въ чемъ было упрекнуть Тургенева, потому что сочувствія „дѣлу“ и „идеямъ“ онъ не обнаружилъ, а только участливо отнесся къ одной невольной жертвѣ увлеченія. Но и довольнымъ имъ было быть нечѣмъ. Какъ мы сказали выше, при этихъ условіяхъ Тургеневъ не удовлетворилъ никого.

Дидактическій, програмный характеръ романа сказался, между прочимъ, въ личности Соломина. Это такой же практическій и честный дѣятель, какъ Тушинъ въ „Обрывѣ“ Гончарова, ограничивающій свою роль скромной, полезной дѣятельностью въ своей сферѣ, данной ему судьбою, и не мечтающій осчастливить все человѣчество. Въ романѣ нѣтъ для него другого смысла, какъ тотъ, что въ подобныхъ личностяхъ Тургеневъ указываетъ на возможный, достижимый идеалъ истинно-полезнаго дѣятеля.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

Страданіе и боль всегда обязательны для широкаго сознанія и глубокаго сердца. Истинно великіе люди должны ощущать на свѣтѣ великую грусть...

„Прест. и наказ.“.

Литературная судьба Ѳедора Михайловича Достоевскаго поразительна своимъ непостоянствомъ. Бѣлинскій встрѣтилъ его появленіе на литературной сценѣ отзывомъ восторженнымъ, признавъ въ немъ талантъ необыкновенный и самобытный, принадлежащій къ тѣмъ, „которые признаются и постигаются не вдругъ“. Но уже одно изъ слѣдующихъ же произведеній Достоевскаго, „Хозяйка“, заставило его усомниться въ вѣрности своихъ первоначальныхъ заключеній. Добролюбовъ видѣлъ въ Достоевскомъ уже только „слабое, но вѣрно направленное художественное чутье“. Позднѣйшія критическія мнѣнія о произведеніяхъ Достоевскаго еще рѣзче выражаютъ совершенно различныя отношенія къ нему со стороны различныхъ читателей. Несомнѣнно, однако, что восторжествовало въ концѣ концовъ первое мнѣніе Бѣлинскаго, и въ настоящее время даже для непримиримѣйшихъ противниковъ Достоевскаго ясно, что русская литература имѣла въ немъ талантъ безпримѣрный, которому суждено оставить въ дальнѣйшемъ развитіи русской литературной мысли глубочайшіе слѣды.

Такое признаніе основывается, однако, почти исключительно на непосредственномъ чувствѣ мощи таланта Достоевскаго, отрицаніе которой стало невозможнымъ. Но пониманіе смысла и значенія, которыя присущи произведеніямъ Достоевскаго, остается, и, быть можетъ, долго еще останется въ русской критической литературѣ въ состояніи зачаточномъ. Еще много людей, которые не усомнятся видѣть въ покойномъ геніальномъ творцѣ „Преступленія и наказанія" противника „прогресса", врага „реформъ" и т. п.—и только.

Произведенія Достоевскаго принадлежатъ къ такимъ литературнымъ явленіямъ, которыя, по самому своему существу, не могутъ не вызывать самаго разнообразнаго къ себѣ отношенія со стороны современниковъ. Пройдутъ еще многіе годы, когда вопросы и страсти времени все еще будутъ мѣшать свободному и безпристрастному анализу ихъ. Причина этого заключается столько же въ необыкновенной своеобразности таланта Достоевскаго, сколько въ рѣдкой исключительной независимости его глубокаго и проницательнаго ума. А нужно сказать, что произведенія его всегда суть результаты дѣятельности не однихъ художественныхъ стремленій, а и глубокой мысли, вѣчно и страстно занятой важнѣйшими вопросами человѣческаго существованія.

Своеобразность таланта Достоевскаго, о которой мы сказали, состоитъ въ томъ, что сфера его созерцаній—не внѣшняя жизнь, а духовная, внутренняя, и почти только одна она. Жизненныя явленія интересовали его по стольку, по скольку они суть результаты душевной дѣятельности людей. Вся жизнь человѣческая складывалась для его умственнаго взора по законамъ не быта, не общественнаго устройства, не обычаевъ, вообще не внѣшнихъ условій существованія, а по законамъ душевной жизни человѣчества, законамъ вѣчнымъ и непреоборимымъ, которые только съ бо̀льшею или меньшею силой отражаются и въ бытѣ, и общественномъ устройствѣ. Законамъ духа Достоевскій, по свойству своихъ художественныхъ созерцаній, отдавалъ мѣсто первенствующее, безмѣрно важнѣйшее. Внѣшніе законы человѣческой жизни, бытъ, учрежденія —играли для него роль совершенно второстепенную.

Отсюда непосредственно вытекали два неизбѣжныя слѣдствія.

На всемъ протяженіи времени, въ которое совершалась художественная дѣятельность Достоевскаго, русская литература носила характеръ „натуралистическій“, стремясь отражать въ себѣ бытъ, внѣшнія условія общественной жизни, и на основаніи создаваемыхъ ею художественныхъ картинъ, внушать читающему обществу мысли о несовершенствахъ послѣдней и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя къ ней желательны и необходимы. Критика стала „реальною“, разсматривающею даже не то, вѣрно ли отражена въ томъ или другомъ художественно-литературномъ произведеніи общественная жизнь, а какіе поучительные выводы можно извлечь изъ данныхъ художественныхъ образовъ. Нерѣдко авторъ романа или повѣсти, по незнанію ли жизни, или подъ вліяніемъ предвзятыхъ представленій, „сочинялъ“ въ своемъ произведеніи тѣ явленія жизни, которыя должны были „проводить“ извѣстную мысль, давать извѣстные выводы, или, по крайней мѣрѣ, выбирая изъ жизни дѣйствительные факты, ставилъ ихъ въ такія соотношенія, которыя должны были наталкивать на желательные автору выводы. А дѣйствительность богата самыми разнообразными явленіями, и добрыми, и злыми, и изъ нея можно всегда подобрать рядъ связныхъ явленій для доказательства какой угодно мысли. Если авторъ былъ болѣе или менѣе талантливъ, критика не сомнѣвалась слѣдовать за нимъ, обостряя или ослабляя по своему усмотрѣнію тѣ заключенія, которыя можно было вывести изъ произведенія. Понятно, что Достоевскій, изображая преимущественно душевные процессы и сторонясь, по свойству своего дарованія, отъ изображенія внѣшней, бытовой стороны жизни, не „выдерживалъ“ „реальной“ критики. Къ нему не примѣнимы были тѣ требованія, которыя предъявлялись къ произведеніямъ „натуралистическимъ“. А если эти требованія предъявлялись къ нему, то естественно получался выводъ о его „слабомъ художественномъ чутьѣ“. Такимъ образомъ, своеобразность таланта Достоевскаго, оригинальные пути, избираемые имъ, при общемъ направленіи русской литературы прямо вели къ тому, что онъ

долго оставался не понятъ. Въ немъ тоже хотѣли видѣть „натуралистическаго“ писателя, и естественно не удовлетворялись имъ. Таково первое изъ намѣченныхъ выше слѣдствій.

Во-вторыхъ, самъ Достоевскій необходимо долженъ былъ увеличивать это недоразумѣніе. Нужно сказать, что всякое, хотя бы самое „натуралистическое“, но болѣе или менѣе художественное литературное произведеніе не есть въ полномъ смыслѣ слова отраженіе настоящей дѣйствительности. Оно — только синтезъ ея. Дѣйствительность совершается подъ многочисленными, сплетающимися, перекрещивающимися вліяніями и уже не идетъ съ полной послѣдовательностью по строго логическому пути. Законы жизни можно открыть только, какъ и въ природѣ, путемъ изолированія извѣстныхъ причинъ и слѣдствій отъ другихъ вліяній, вотъ какъ для изученія законовъ электричества нужно изолировать извѣстный аппаратъ отъ дѣйствія земного электричества, наприм., путемъ стеклянной подстановки. А художественное произведеніе всегда стремится указать именно законъ жизни. Поэтому герои и событія въ немъ всегда изолируются, т.-е., вмѣсто существующихъ въ дѣйствительности многочисленныхъ причинъ и вліяній, они подчиняются одному или нѣсколькимъ немногимъ вліяніямъ, дѣйствіе которыхъ только въ этомъ случаѣ можетъ получить ясное и яркое выраженіе.

Достоевскій, какъ истинный художникъ, болѣе чѣмъ кто-нибудь долженъ былъ слѣдовать этому творческому процессу. Но, быть можетъ, ничто такъ не измѣнчиво и не постоянно, какъ душевная жизнь человѣка, если разсматривать ее въ непрерывномъ, такъ сказать хронологическомъ, рядѣ душевныхъ движеній. Поэтому, чтобы изобразить законъ душевной жизни въ его полномъ проявленіи, писатель необходимо долженъ нѣсколько уклониться отъ дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ она совершается вовнѣ. Мысль, напр., овладѣвающая всѣмъ существомъ человѣка, развивается и зрѣетъ всегда годами, постепенными наслоеніями, постоянно прерываемая. Ею человѣкъ занятъ нерѣдко только мимолетными мгновеніями. Такому же закону подчинено и развитіе чувства. Но художникъ, взявшійся изобразить подобный процессъ, неиз-

бѣжно вынуждается создать въ своемъ произведеніи какъ бы искусственную обстановку и быстроту, въ которой это чувство или эта мысль могли бы развиваться безпрепятственно. Только такимъ образомъ онъ и можетъ дать ясное представленіе о законѣ душевной дѣятельности. Такъ именно всегда и поступалъ Достоевскій. Его дѣйствующія лица, подчиненныя немногимъ главенствующимъ душевнымъ процессамъ, ходятъ, слушаютъ, говорятъ не такъ, какъ это бываетъ въ дѣйствительности, въ той банальной, непослѣдовательной дѣйствительности, которую мы видимъ физическими, неумственными глазами, а какъ они дѣйствовали бы при безпрепятственномъ логическомъ развитіи тѣхъ душевныхъ процессовъ. Событія, описываемыя въ его романахъ, мотивируются не тѣмъ, что они дѣйствительно должны или могутъ случаться при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, а исключительно тѣмъ, что они даютъ просторъ развитію душевнаго процесса, или являются результатомъ этого послѣдняго въ томъ видѣ, какъ онъ совершился бы свободно, внѣ условій обычной непослѣдовательной дѣйствительности. Все это и лицамъ, и событіямъ въ произведеніяхъ Достоевскаго придаетъ внѣшній видъ какой-то болѣзненной неестественности, зловѣщей фантастичности, на что столько разъ и указывалось. Съ точки зрѣнія теоріи натуралистической литературы и рельаной критики, эти свойства произведеній Достоевскаго должны были казаться огромными недостатками, и только мощь геніальнаго таланта могла спасти его произведенія отъ полнаго непризнанія.

Выше мы сказали уже, что произведенія Достоевскаго создавались столько же при участіи художественныхъ созерцаній, сколько и живой мысли. Умъ Достоевскаго, проницательный, глубокій и необыкновенно впечатлительный, постоянно былъ занятъ разрѣшеніемъ вопросовъ, вызванныхъ развитіемъ умственной и общественной жизни нашей. Но, какъ художникъ-психологъ, онъ принималъ возникающія въ обществѣ теченія мысли и проникающія въ него теоріи общественнаго характера иначе, чѣмъ другіе. Извѣстную мысль, извѣстную теорію онъ своимъ художественнымъ чувствомъ предполагалъ приросшею къ сердцу адепта ея, ставилъ ее главенствую-

щимъ элементомъ въ душевной жизни этого человѣка—и художнически наблюдалъ, къ какимъ результатамъ должна повести она въ своемъ послѣдовательномъ и нормальномъ развитіи въ душѣ до своихъ естественныхъ предѣловъ.

Этотъ пріемъ служилъ Достоевскому пробнымъ камнемъ, по которому онъ опредѣлялъ жизненное достоинство умственныхъ настроеній нашего общества. Его художественныя произведенія суть образное выраженіе тѣхъ выводовъ, которые онъ получалъ,—выраженіе тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно убѣдительнѣе, нагляднѣе всякихъ разсужденій. Въ этомъ именно и заключается все огромное значеніе произведеній Достоевскаго. Разсужденія же въ родѣ того, что онъ видѣлъ „человѣка“ въ каждомъ униженномъ и оскорбленномъ, могли имѣть смыслъ и примѣненіе развѣ только къ первому періоду его литературной дѣятельности.

Идеи и типы, изображенные Достоевскимъ, стоятъ въ тѣсной связи съ особенностями его таланта, о которыхъ мы сказали. Идеи его — основанныя на законахъ души человѣческой разоблаченія ненормальности, противоестественности, по представленіямъ Достоевскаго, умственныхъ настроеній, получавшихъ господство въ русскомъ обществѣ; типы—суть психологическія изображенія людей, подвергшихся серьезному и глубокому ихъ вліянію. При этомъ изображеніе индивидуальныхъ свойствъ даже главныхъ дѣйствующихъ лицъ, придающее такую яркую иллюзію дѣйствительности лицамъ и событіямъ вообще въ художественныхъ произведеніяхъ, не составляло предмета особенныхъ заботъ Достоевскаго. Что касается до второстепенныхъ персонажей, то они у Достоевскаго образуютъ обыкновенно только обстановку, фонъ, на которомъ развиваются психологическія картины, относящіяся къ главнымъ лицамъ.

Выводы, къ которымъ приходилъ Достоевскій, были далеко не свѣтлаго свойства и глубоко поражали его впечатлительную душу. Всѣ его, особенно позднѣйшія, произведенія носятъ на себѣ печать „великой грусти“, которую, по его собственному выраженію, вложенному въ уста Раскольникова, „должны ощущать великіе люди“. Грусть эта имѣетъ характеръ до

такой степени острый, что многимъ не подъ силу поднимать ея страшное бремя: есть люди, почти не могущіе читать Достоевскаго.

Было бы излишнимъ останавливаться на оцѣнкѣ мнѣній Достоевскаго, получавшихъ отраженіе въ его произведеніяхъ. Если и допустить, что онъ, какъ человѣкъ, ошибался во многомъ, то это нисколько не можетъ уменьшать его значенія, какъ художника. Истина, какъ вѣчный идеалъ, недостижима, и въ человѣкѣ важно только искреннее и честное стремленіе къ ней... А Достоевскій былъ искрененъ и честенъ въ высочайшей степени, до безусловной неуступчивости. Его художественныя изображенія, если бы изъ нихъ кто и не согласился сдѣлать прямыхъ и строгихъ выводовъ, зовутъ къ осторожному и осмотрительному отношенію къ тѣмъ душевнымъ настроеніямъ, жертвой которыхъ становились герои его произведеній. Притомъ Достоевскій по сущности своихъ воззрѣній никогда не былъ враждебенъ развитію общественной мысли и общественныхъ учрежденій, какъ это ему хотѣли приписать. Въ нашей критической литературѣ, помнится, встрѣчается мысль, что Достоевскому была просто ненавистна идея общественной реформы; въ дѣйствительности ничего подобнаго приписывать ему невозможно, и приведенная мысль есть простое несоотвѣтствіе истинѣ.

Не идея общественной реформы была ненавистна Достоевскому, имѣвшему смѣлость, вопреки общему теченію, думать и говорить, что истинный залогъ общественнаго блага—въ духовномъ, въ нравственномъ развитіи людей, безъ котораго всегда будутъ искажены и сдѣланы безсильными самыя лучшія общественныя учрежденія. Ему, не видѣвшему спасенія въ перенесенныхъ къ намъ изъ Европы и служившихъ предметомъ страстныхъ увлеченій разнообразныхъ теоріяхъ соціальнаго характера, „ненавистны“ были только абсолютная вѣра въ общественныя реформы—безъ мысли и заботъ о „реформахъ“ духовнаго свойства, необдуманная и опасная надежда на эти реформы, какъ на всеобщее и всеисцѣляющее средство для людей и обществъ, хотя бы они погибали въ не-

пробудномъ снѣ нравственнаго разврата и разложенія. Но вѣдь это—совершенно иное дѣло.

Первые опыты творчества Достоевскаго.

Все сказанное выше въ полной мѣрѣ примѣнимо только къ болѣе позднему періоду литературной дѣятельности Достоевскаго—періоду не ранѣе, по крайней мѣрѣ, возвращенія его изъ Сибири, послѣ тяжкихъ испытаній. Въ тѣ дни, когда для него были еще „новы впечатлѣнья бытія", онъ, какъ всякій еще слишкомъ молодой, неиспытанный ни жизнью, ни самостоятельной мыслью, человѣкъ, не могъ, конечно, имѣть самостоятельныхъ, строго продуманныхъ и прочувствованныхъ убѣжденій—и, какъ это всегда бываетъ, принялъ сердцемъ гуманныя идеи, проникавшія тогда въ русское общество, въ ихъ общей и неопредѣленной формѣ. А талантъ его, говоря словами Бѣлинскаго, „при всей его огромности, еще былъ такъ молодъ, что не могъ высказаться и выказаться опредѣленно".

Естественно, что первые шаги Достоевскаго въ литературѣ должны были носить печать большей или меньшей зависимости отъ существовавшаго тогда общаго настроенія нашей литературы. Знаменитый критикъ русскій прямо причислилъ его къ писателямъ, „болѣе или менѣе обязаннымъ Гоголю направленіемъ и характеромъ таланта". Первыя два произведенія Достоевскаго: „Бѣдные люди" и „Двойникъ" обязаны Гоголю и своимъ содержаніемъ: Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ явно сродни герою „Шинели" Акакію Акакіевичу, а г. Голядкинъ—Поприщину („Записки съумасшедшаго").

Но въ этомъ изображеніи уже представленныхъ литературою типовъ Достоевскій обнаружилъ такую самостоятельность, что Бѣлинскій нашелъ между лицами романовъ Достоевскаго и повѣстей Гоголя разницу не меньшую, чѣмъ между двумя совершенно различными персонажами послѣдняго—Акакіемъ Акакіевичемъ и Поприщинымъ. Въ чемъ состояла эта разница, Бѣлинскій не указалъ, да по тому времени и не могъ указать. Между тѣмъ, именно въ ней лежитъ узелъ вопроса.

Дѣло въ томъ, что Достоевскій, сознательно ли, нѣтъ ли, но являлся, какъ это ясно изъ самыхъ произведеній его, не только не подражателемъ Гоголя, но въ извѣстномъ смыслѣ протестующимъ противникомъ ему.

Акакій Акакіевичъ и Макаръ Алексѣевичъ—люди совершенно одной и той же среды и одинаковаго положенія. Но въ первомъ Гоголь изобразилъ существо необыкновенно бѣдное какими бы то ни было духовными силами: умомъ, волею, чувствами,—существо, вызывающее только развѣ жалость и... смѣхъ, хотя бы въ концѣ концовъ и „горькій". Въ Акакіи Акакіевичѣ передъ нами человѣкъ искалѣченный и забитый жизнью до такой степени, что всѣ духовные интересы его, его идеалы, сходятся на „предвѣчной идеѣ" новой шинели да на стремленіи красиво выводить буквы. Всѣ права его на признаніе въ немъ „человѣка" только въ томъ и выражены въ „Шинели", что онъ говоритъ смѣющимся надъ нимъ сослуживцамъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?"—слова, „преклоняющія на жалость", за которыми слышались другія слова: „я братъ твой!"

Макаръ Алексѣевичъ совершенно другой человѣкъ, и признаніе за нимъ достоинства человѣка должно быть основано не на этой общей принадлежности къ роду человѣческому, а на его личныхъ, чисто человѣческихъ свойствахъ. Конечно, его понятія, столь осмѣянныя нѣкогда Добролюбовымъ, устарѣлы, не „современны" и не „либеральны". Но въ источникѣ они могли быть—и дѣйствительно были чисты: въ „его превосходительствѣ" видѣть законъ своей жизни, а въ „крестикѣ"—свидѣтельство своихъ заслугъ онъ могъ по незнакомству съ теоріей отрицанія авторитетовъ и изъ предположенія, что „его превосходительство", вообще начальство, больше его знаютъ и понимаютъ... Да и нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ него понятій, которыя съ трудомъ даются даже предводителямъ общественной мысли въ университетахъ... А затѣмъ, Макаръ Алексѣевичъ надѣленъ такою чуткою, живою и сострадательною душой, что передъ нимъ низки и грязны другіе персонажи романа, обладающіе, нужно думать, большимъ развитіемъ: Быковъ, потомъ живущій въ одной съ Макаромъ

Алексѣевичемъ квартирѣ „литераторъ", именуемый Бѣлинскимъ „жалкою писакой", и проч.

Въ Покровскомъ и Горшковѣ, которые суть только разновидности и дополненія къ Макару Алексѣевичу, Достоевскій затрогиваетъ и другую важную сторону жизни такихъ бѣдняковъ, какъ Акакій Акакіевичъ и Макаръ Алексѣевичъ,— сторону, которой Гоголь не коснулся. Акакій Акакіевичъ посвоему благоденствуетъ, и если бы не „предвѣчная идея новой шинели", быть можетъ, мирно благоденствовалъ бы и дальше. Покровскій и Горшковъ вводятъ насъ въ бѣдственную сторону жизни „бѣдныхъ людей",—и поразительно видѣть, что, несмотря на свои несчастія, они остаются нравственно чистыми людьми. Въ этой борьбѣ человѣческихъ свойствъ противъ гнета жизни, — борьбѣ, описываемой Достоевскимъ столь страстными и острыми—„огненными" чертами, и заключается глубокій трагическій элементъ, проникающій весь романъ.

Любопытно обстоятельство, что Достоевскій заставляетъ своего героя прочитать „Шинель" и такимъ образомъ познакомиться съ своимъ литературнымъ прототипомъ. Смущенный безпощадной вѣрностью, съ которой описана вся его внѣшняя жизнь, Макаръ Алексѣевичъ чувствуетъ себя обиженнымъ и униженнымъ, отраженнымъ не вполнѣ, лишеннымъ тѣхъ человѣческихъ достоинствъ, какія сознаетъ въ себѣ. „Позвольте, маточка,—пишетъ онъ Варенькѣ:—всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Какъ гражданинъ считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели... Все это вы по совѣсти должны бы были знать, и *онъ* (Гоголь) долженъ бы былъ знать; ужъ какъ взялся описывать, такъ долженъ бы былъ *все* знать... Ну, добро бы онъ подъ конецъ хоть... что-нибудь смягчилъ..., что вотъ, дескать, при всемъ этомъ онъ былъ добродѣтеленъ, хорошій гражданинъ, такого обхожденія отъ своихъ товарищей не заслуживалъ..." Макару Алексѣевичу кажутся не важными такія обстоятельства въ жизни Акакія Акакіевича, что тотъ нуждается, чаю не пьетъ" и т. п. „А точно всѣ и должны ужъ такъ непре-

мѣнно чай пить!"—восклицаетъ онъ, справедливо сознавая, что отъ питья чая въ человѣкѣ не прибудетъ человѣческаго достоинства.

Невольно рождается вопросъ, не скрывается ли за личностью Макара Алексѣевича робкій протестъ самого Достоевскаго, конечно не безъ умысла включившаго этотъ эпизодъ съ „Шинелью" въ свой романъ. По крайней мѣрѣ, изъ писемъ его къ брату, писанныхъ еще въ то время, когда не появилось въ печати ни одного произведенія его, можно заключить, что Гоголь не представлялся ему недостижимымъ идеаломъ писателя. „Вотъ ты самъ увидишь, хуже ли это „Тяжбы" Гоголя", говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ въ 1845 году. „Тебѣ онъ („Двойникъ") понравится даже лучше „Мертвыхъ Душъ", я это знаю", говорится въ письмѣ отъ 1 февраля 1846 года. „Во мнѣ находятъ новую оригинальную струю, состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезомъ, т.-е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое; Гоголь же беретъ прямо цѣлое, и оттого не такъ глубокъ, какъ я". Подобныя строки приписывались „самохвальству" и „наивному увлеченію"; но въ нихъ могло сказаться молодое чутье своихъ силъ рядомъ съ элементомъ робкаго критическаго отношенія къ Гоголю.

Естественно можетъ возникнуть вопросъ, правъ ли былъ Достоевскій, влагая въ Акакія Акакіевича (или, что то же, въ Макара Алексѣевича) высокія человѣческія свойства, и не вѣрнѣе ли свидѣтельство Гоголя о страшной приниженности и бѣдности духовной стороны въ этомъ „*одномъ* чиновникѣ", служившемъ „въ *одномъ* департаментѣ", какъ выражается геніальный творецъ „Шинели", намекавшій тѣмъ, что онъ изображаетъ бѣдняка, мелкаго чиновника вообще, какъ типъ, безъ различія мѣстъ и лицъ. „Онъ (Достоевскій) не поражаетъ тѣмъ знаніемъ жизни и сердца человѣческаго, которое дается опытомъ и наблюденіемъ: нѣтъ, онъ знаетъ ихъ и притомъ глубоко знаетъ, но à priori, слѣдовательно, чисто поэтически, творчески", замѣтилъ Бѣлинскій. „Его знаніе есть талантъ, вдохновеніе". А Гоголь, при своемъ огромномъ талантѣ, зналъ жизнь также и по опыту, и по наблюденію, и это

обстоятельство какъ бы подчеркиваетъ значеніе поставленнаго нами вопроса. На самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ, въ сущности, празденъ: въ дѣйствительности были и бываютъ, конечно, разные Акакіи Акакіевичи—и такіе, какого изобразилъ Гоголь, и подобные Макару Алексѣевичу, какъ вообще во всякомъ человѣческомъ обществѣ, хотя бы самомъ образованномъ, бываютъ люди и умные, и глупые, и добрые, и злые, и обладающіе богатствомъ душевныхъ силъ, и бѣдно надѣленные ими. Но характеристично то, что Достоевскій избралъ для своего изображенія героя, совершенно отличнаго отъ Гоголевскаго Акакія Акакіевича. Онъ какъ бы хотѣлъ сказать, и не только сказать, но и силою анализа души человѣческой показать, что бѣдность, неразвитость ума, отсутствіе знаній и т. п. еще не лишаетъ человѣка драгоцѣнныхъ человѣческихъ качествъ, присущихъ душѣ человѣческой, и что, наоборотъ, извѣстная степень развитія и „современной образованности", какъ у Быкова и у „литератора", еще не ручаются за большое развитіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ душевнаго міра людей. Здѣсь въ зародышѣ передъ нами уже общая идея Достоевскаго, получившая въ позднѣйшихъ произведеніяхъ сильное и широкое развитіе.

Повѣсть „Двойникъ" стоитъ въ такомъ же отношеніи къ „Запискамъ сумасшедшаго", какъ „Бѣдные люди" къ „Шинели", и между господиномъ Голядкинымъ и Поприщинымъ есть и большое сходство, и еще бо́льшее различіе Въ Поприщинѣ геніальною кистью художника изображено постепенное паденіе разсудка человѣка подъ вліяніемъ одной гнетущей смутной мысли. Но этотъ герой Гоголевской повѣсти самъ не сознаетъ вполнѣ этой мысли, и только когда онъ является передъ нами Фердинандомъ, королемъ Испанскимъ, мы смутно понимаемъ, какъ много въ душѣ его постепенно скопилось горькаго полусознательнаго чувства собственнаго униженія, которое въ сумасшествіи и должно было выразиться въ горделивомъ признаніи себя не только не чѣмъ-нибудь, а прямо королемъ.

Въ господинѣ Голядкинѣ подобный же душевный процессъ представленъ болѣе наглядно. Вѣчныя терзанія по по-

воду собственнаго униженія заставляютъ нашего героя представлять себѣ непрестанно, какъ онъ долженъ былъ бы вести себя, чтобы не терпѣть болѣе этого униженія. Упорно устремленное въ этомъ направленіи болѣзненное воображеніе въ концѣ концовъ создаетъ ему „господина Голядкина младшаго", вѣчно сопутствующаго ему въ минуты душевныхъ сомнѣній и терзаній и изображающаго собою точный протестъ противъ поведенія его самого, „господина Голядкина старшаго", такъ сказать, поправку къ нему, составляющую предметъ его тайныхъ мечтаній. Болѣзненное раздвоеніе воли, чувства и сознанія придаетъ его галлюцинаціямъ страшную реальность. Какъ только господинъ Голядкинъ старшій чувствуетъ себя въ положеніи унизительномъ, передъ нимъ воображеніе создаетъ господина Голядкина младшаго, представляющаго обидный по своей противоположности ему образъ гордаго человѣка, который въ унизительное положеніе себя ужъ не поставитъ. Напрасно господинъ Голядкинъ утѣшаетъ себя, что онъ „самъ по себѣ", что онъ „ходитъ не въ маскѣ", „не интриганъ", дѣйствуетъ открыто и идетъ прямою дорогою,—его грызетъ сознаніе фатальной противоположности господину Голядкину младшему, доводитъ его до непріятностей съ послѣднимъ, и герой нашъ, галлюцинируя, представляетъ одинъ за двоихъ эту ссору совершенно реально, сочиняя письма къ нему и обратно отъ него къ себѣ.

Господинъ Голядкинъ ближе къ намъ, проще, понятнѣе, чѣмъ Поприщинъ, по мотивамъ и теченію своего умственнаго разстройства. Въ русской критической литературѣ есть свидѣтельство болѣе или менѣе извѣстнаго спеціалиста-психіатра, что Достоевскій съ изумительною вѣрностью и проницательностью угадывалъ болѣзненные процессы въ душѣ человѣческой, предупреждая даже наблюденія и научные выводы и обобщенія; это въ частности примѣнимо и къ исторіи помѣшательства Голядкина. Въ „Двойникѣ" авторъ обнаружилъ необыкновенную силу психическаго анализа и талантъ огромный и сильный. Молодость и неопытность послѣдняго сказались, однако, въ значительной растянутости повѣсти, въ „неумѣньи владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ соб-

ственныхъ силъ", какъ выразился Бѣлинскій. Уже поэтому ясно, что „Двойникъ" не принадлежитъ къ литературнымъ произведеніямъ, которыя читаются для развлеченія, для препровожденія времени, и если уже во времена его появленія были читатели, находившіе его „скучнымъ", то и въ наше время такихъ читателей, какъ нужно думать, найдется не мало.

Разсмотрѣнными двумя произведеніями и ограничилась условная зависимость Достоевскаго отъ Гоголя. Теперь онъ самъ выбираетъ темы непосредственно изъ впечатлѣній дѣйствительности, и тутъ-то въ полной мѣрѣ сказывается вся молодость таланта его. Передъ его впечатлительной душой проходилъ весь огромный міръ душевной жизни человѣка, и, чтобы остановиться на тѣхъ или другихъ впечатлѣніяхъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ смысла и значенія, нужно было имѣть руководящія идеи. Мелкое дарованіе, конечно, обошлось бы въ этомъ случаѣ идеями заимствованными, взятыми напрокатъ, къ которымъ и пріурочило бы тотъ или другой рядъ испытанныхъ отъ жизни впечатлѣній. Но Достоевскій былъ талантъ огромный и самобытный, и такой исходъ былъ для него невозможенъ. Между тѣмъ даже личныя условія существованія, не говоря уже о внутренней потребности, дѣлали для него невозможнымъ не писать. Въ результатѣ получился рядъ произведеній, которыя не могли укрѣпить его уже зародившуюся славу.

Первымъ такимъ произведеніемъ, появившимся въ печати, была повѣсть „Господинъ Прохарчинъ". И вотъ какъ отозвался о ней Бѣлинскій. „Въ ней сверкаютъ искры таланта, но въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ разсмотрѣть читателю... Не вдохновеніе, не свободное наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то въ родѣ... какъ бы это сказать? — не то умничанья, не то претензіи... иначе она не была бы такою вычурною, манерною, непонятною, болѣе похожею на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, нежели на поэтическое созданіе"... Такъ писалъ геніальный критикъ вслѣдъ за появленіемъ повѣсти.

Собственно говоря, не отсутствіе вдохновенія и свободнаго наивнаго творчества было причиною этой и слѣдующихъ повѣстей, а то, что Достоевскій, влекомый свойствами своего таланта только къ изображенію душевныхъ движеній, едва ли сознательно могъ бы отвѣтить на вопросъ, что̀ онъ намѣревается сказать, ясенъ ли ему самому его герой. Нужно согласиться съ мнѣніемъ Добролюбова, что Прохарчинъ—мономанъ, преслѣдуемый мыслью о непрочности, о необезпеченности своего положенія и потому превратившійся въ копителя денегъ, откладывающаго „на черный день" въ свой тюфякъ звонкую монету. Но онъ не выношенъ авторомъ и обрисованъ весьма неполными чертами, такъ что читатель не можетъ представить себѣ душевнаго процесса, который вывелъ героя на гибельную путь и привелъ къ жалкой смерти.

„Романъ въ девяти письмахъ", слѣдовавшій затѣмъ, не блеститъ даже глубиною психическаго анализа, въ которомъ Достоевскій чувствовалъ себя въ своей сферѣ. Это просто анекдотъ, въ которомъ и занимательнаго не много. Онъ не носитъ на себѣ печати того горькаго юмора, „смѣха сквозь слезы", который составлялъ силу Гоголя и признанъ былъ Бѣлинскимъ и за Достоевскимъ, это просто „юмористическій" разсказъ въ банальномъ значеніи этого слова—родъ литературы, совершенно несвойственный Достоевскому, никогда и позже, во времена наибольшаго расцвѣта его таланта, не дававшійся ему. Романъ этотъ доказываетъ, что Достоевскій искалъ дороги и пробовалъ себя въ разныхъ родахъ.

Въ „Хозяйкѣ" Достоевскій возвращается къ своему истинному роду литературы, къ глубокому психическому анализу. Самъ авторъ ожидалъ отъ этой повѣсти чрезвычайно многаго. „Я", говоритъ онъ въ письмѣ къ брату, „пишу мою „Хозяйку". Уже выходитъ лучше „Бѣдныхъ людей". Перомъ моимъ водитъ родникъ вдохновенія, выбивающійся прямо изъ души". Дѣйствительно, повѣсть можетъ служить доказательствомъ, что не „вдохновенія", не „наивнаго творчества" не хватало Достоевскому: она написана съ глубокимъ, захватывающимъ чувствомъ, въ ней разлита какая-то горячая атмосфера, свѣтящаяся знойнымъ и фантастическимъ свѣтомъ.

Но... но бѣда въ томъ, что понять въ ней что-либо съ опредѣленностью и ясностью почти невозможно. „Не только мысль, даже смыслъ этой, должно быть, очень интересной повѣсти остается и останется тайной для нашего разумѣнія, пока авторъ не издастъ необходимыхъ поясненій и толкованій на эту дивную задачу его причудливой фантазіи“, писалъ Бѣлинскій. Извѣстный критикъ Анненковъ призналъ повѣсть порожденною „душнымъ затворничествомъ, четырьмя стѣнами темной комнаты, въ которой заперлась отъ свѣта и людей болѣзненная до крайности фантазія“, освобожденная „отъ труда наблюденія“ и отказавшаяся отъ „того художественнаго чутья, которое указываетъ матеріалы годные и не годные для созданія“. Добролюбовъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ дававшій повѣстямъ Достоевскаго толкованія, сообразныя съ его публицистическими цѣлями,—не нашелся ничего сказать о „Хозяйкѣ“.

Анненковъ былъ, безъ сомнѣнія, правъ, указавъ причину поразительныхъ недостатковъ повѣсти—въ незнаніи авторомъ живой дѣйствительности, въ отсутствіи опыта и наблюденій. Съ той общей точки зрѣнія на талантъ Достоевскаго, которую мы разъяснили выше, происхожденіе повѣсти, однако, понятно. Авторъ хотѣлъ дать психологическую картину быстраго развитія страстной любви, обставивъ ее фантастическимъ колоритомъ въ духѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ и преданій, въ любви къ женщинѣ съ какою-то темною преступною исторіей,—и не сумѣлъ справиться съ огромной по существу задачей.

Нельзя, однако, не замѣтить, что повѣсть носитъ на себѣ печать огромнаго таланта. Достоевскій сумѣлъ чисто художественнымъ чутьемъ угадать тотъ характеръ, который носитъ на себѣ русская настоящая любовь—характеръ какого-то фатальнаго и непреоборимаго горя скорѣе, чѣмъ радости, чего-то печальнаго, но неизбѣжнаго. Русская любовь, насколько она отражается въ русскихъ пѣсняхъ, всегда соединяется съ глубокой грустью. Именно потому-то Достоевскій, быть можетъ безъ сознательнаго намѣренія, но съ чутьемъ истиннаго художника, заставилъ Ордынова влюбиться въ купчиху, притомъ чуть ли не въ раскольницу, однимъ словомъ, въ на-

стоящую чисто-русскую женщину старинно-русскаго склада (что̀ вызвало насмѣшки со стороны Бѣлинскаго, поставившаго вопросъ о цвѣтѣ ея зубовъ). Достоевскій заставилъ ее даже говорить стариннымъ колоритнымъ языкомъ русскихъ городскихъ пѣсенъ. Помутившая ея разумъ загадочная преступная исторія, соединенная съ исторіей купца съ „магнетическими взглядами", разсказана краткими, но острыми чертами, опять-таки съ соблюденіемъ яркаго фантастическаго колорита русскихъ преданій. Потому-то Бѣлинскій нашелъ повѣсть „сильно потертою лакомъ русской народности". Несомнѣнно, что Достоевскій писалъ „Хозяйку" съ страстнымъ увлеченіемъ, и если изъ нея не вышло „повѣсти", то въ ней нельзя не видѣть лирическаго порыва, нѣчто въ родѣ глубоко волнующей музыкальной импровизаціи безъ ощутимаго смысла и безъ ясно опредѣленнаго содержанія. Повѣсть „Хозяйка" лучше всего доказываетъ, что существенное направленіе таланта Достоевскаго заключалось не въ публицистическихъ задачахъ, которые тогда ему приписывали.

Полный неуспѣхъ повѣсти глубоко поразилъ Достоевскаго. При этомъ все разраставшаяся язва необходимости работать къ сроку изъ-за средствъ къ жизни подтачивала его художественныя силы. Вмѣсто глубокаго психологическаго анализа въ повѣстяхъ Достоевскаго появляются элементы чисто-анекдотическаго свойства или публицистическаго характера въ духѣ убѣжденій его друзей. Какъ ни мастерски писалъ онъ, какъ ни многозначителенъ былъ его талантъ, въ повѣсти „Ползунковъ"—въ разсказѣ о томъ, какъ ловко провелъ начальникъ подчиненнаго, попытавшагося эксплоатировать его чѣмъ-то въ родѣ современнаго шантажа,—серьезнаго смысла и значенія искать было трудно. Еще меньше можно было видѣть его въ чисто-анекдотическомъ разсказѣ о томъ, какъ старый ревнивый мужъ, стремившійся изобличить невѣрность жены, попалъ въ комическое и невѣроятное положеніе—въ чужую квартиру подъ кровать („Чужая жена и мужъ подъ кроватью").

Въ „Слабомъ сердцѣ" искали, какъ было обыкновенно въ тѣ времена до восьмидесятыхъ годовъ, и находили публицистическую струю на тему сочувствія бѣдному юношѣ, сошедшему

съ ума вслѣдствіе того, что, увлеченный любовью, онъ не успѣлъ переписать своему начальству къ сроку какое-то дѣло, которое къ тому же и срочнымъ не оказалось. Добролюбовъ даже отмѣтилъ Васю Шумкова, какъ одного изъ „забитыхъ" людей. Какъ бы ни былъ хорошъ смыслъ повѣсти, но безъ художественнаго выполненія она всегда останется безъ значенія и безъ вліянія, а въ „Слабомъ сердцѣ" недостатки художественнаго выполненія весьма значительны. Авторъ, очевидно, желалъ въ этой повѣсти воротиться къ анализу душевной жизни, но фабула ея такъ искусственна, что облечь ее въ живыя формы духовной жизни представлялось почти немыслимымъ. Передъ нами все время человѣкъ, исполненный заботы о дѣлѣ, пишущій, наконецъ, ночью—и вдругъ оказывающійся сумасшедшимъ. Трудно понять, какимъ образомъ эта забота, перемежающаяся съ радостями свиданій съ невѣстой и восхищенія ею, приводитъ юношу къ потерѣ разсудка, а авторъ не показываетъ намъ этого. Слишкомъ неестественный характеръ имѣетъ въ описаніи Достоевскаго также дружба Васи съ Аркадіемъ Ивановичемъ. Остается, слѣдовательно, важнѣйшею во всей повѣсти публицистическая мысль, приписываемая ей. Но, серьезно говоря,—кто же виноватъ во всей разсказываемой въ повѣсти исторіи, кромѣ „слабаго сердца" героя!

Разсказы „Честный воръ" и „Елка и свадьба", незначительные по объему, въ публицистическомъ смыслѣ имѣютъ болѣе цѣнности. Первый изъ нихъ изображаетъ бѣдняка и пьяницу, совершающаго кражу, и въ то же время остающагося душевно-чистымъ человѣкомъ. При этомъ авторъ обрисовываетъ это лицо настолько тонкими психологическими чертами, что вы узнаете его душевный складъ и ощутительно понимаете, какъ онъ, подъ вліяніемъ непреоборимой жажды вина, съ болью душевной и съ полнымъ сознаніемъ порочности своего поступка, крадетъ у своего благодѣтеля. Въ „Елкѣ и свадьбѣ" проводится старинная мысль о ненормальности неравнаго по возрасту брака, и проводится изображеніемъ факта, дѣйствительно возбуждающаго отвращеніе,—но и только.

Переходный періодъ дѣятельности.

Талантъ Достоевскаго росъ и развивался, и среди блѣдныхъ повѣстей начинаютъ появляться произведенія, въ которыхъ звучатъ все громче и громче серьезныя ноты. Въ томъ же году, когда напечатаны были „Ползунковъ“ и „Слабое сердце“, появились „Бѣлыя ночи. Сентиментальный романъ. Изъ воспоминаній мечтателя“. Романъ этотъ, по содержанію кажущійся незначительнымъ, разсказывающій просто „романическую“ исторію, по выполненію своему далеко оставляетъ за собою все, что̀ написано Достоевскимъ прежде, за исключеніемъ „Бѣдныхъ людей“ и „Двойника“. Въ немъ уже нѣтъ ни приподнятаго тона, какъ въ „Хозяйкѣ“, ни этой неполноты въ разработкѣ, какъ въ „Слабомъ сердцѣ“,—все въ немъ просто и естественно въ психологическомъ смыслѣ, и глубина душевнаго анализа удивительна. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ немъ нужно признать не то лицо, отъ котораго ведется разсказъ, а случайно встрѣченную имъ дѣвушку, возбудившую въ немъ сначала жалость, а потомъ и любовь, хотя и онъ, собственно его душевное состояніе, мѣстами очерчивается, какъ рѣзцомъ ваятеля, съ любовью и великимъ искусствомъ. Вообще романъ блеститъ отдѣлкою частностей, а общее его содержаніе поистинѣ трогательно. Большого успѣха романъ не имѣлъ, критика о немъ молчала; но это объясняется исключительно тѣмъ, что въ то время уже требовались „гражданскія“ темы, и душевныя терзанія дѣвушки, думающей, что она оставлена любимымъ ею человѣкомъ и потому съ горестью принимающей любовь другого изъ благодарности за сочувствіе его къ ея горю, не могли интересовать критику. Бѣлинскій одинъ могъ бы замѣтить талантливый романъ, но его уже не было.

Послѣдовавшая затѣмъ повѣсть „Неточка Незванова“, при тѣхъ же совершенствахъ детальнаго выполненія, могла привлечь къ себѣ вниманіе и большой серьезностью содержанія. Исторія развитія дѣтской души, подвергшейся страшнымъ жизненнымъ испытаніямъ — тема значительная и труд-

ная: но Достоевскій съ такою свободой вращался въ этой трудной сферѣ, какъ будто бы самъ онъ прожилъ жизненнымъ опытомъ маленькой несчастной дѣвочки. Какъ всѣ художественно-литературныя произведенія психологическаго характера, „Неточка Незванова“ поучительна своими безчисленными частностями, которыя призываютъ къ серьезному къ нимъ вниманію, къ изученію ихъ. Достоевскій обнаружилъ въ этой „исторіи одной женщины“ величайшее мастерство обрисовки и глубокое пониманіе дѣтской души. Какая, напр., тонкая черта подмѣчена—быть можетъ, просто творчески угадана—въ томъ, что Неточка привязывается къ дурному, безпутному отчиму за то только, что мать ея, несчастное, обездоленное мужемъ, существо, относится къ нему грубо; она по неопытности не понимаетъ истинныхъ отношеній и считаетъ отчима обижаемымъ.

Къ сожалѣнію, повѣсть осталась неоконченною, вслѣдствіе разразившейся надъ Достоевскимъ катастрофы, и общій смыслъ ея навсегда для насъ утраченъ. Слѣдуетъ еще сказать, что въ повѣсти съ замѣчательной типичностью очерчены, хотя только нѣсколькими бѣглыми штрихами, нѣкоторыя второстепенныя лица: отчимъ Неточки, княжна Катя, князь и др. Въ крѣпости Достоевскій написалъ „Маленькаго героя“, который появился въ печати только восемь лѣтъ спустя, въ 1857 году. Въ разсказѣ этомъ опять передъ нами дѣтская душа съ своеобразными молодыми волненіями, которыя очерчены съ удивительнымъ мастерствомъ. По своему содержанію и по выполненію разсказъ нѣсколько напоминаетъ Тургеневскія повѣсти, напр., „Первую любовь“, появившуюся позже. Достоевскій вступалъ уже въ періодъ таланта, переходящаго къ зрѣлости. Неизвѣстно, какое направленіе принялъ бы этотъ талантъ, и что имѣла бы русская литература въ Достоевскомъ, но дѣятельность его прервалась надолго, почти на цѣлое десятилѣтіе, богатое событіями чрезвычайной важности какъ для внутренней, такъ и внѣшней жизни нашего отечества.

Тяжелый опытъ, вынесенный Достоевскимъ въ средѣ преступниковъ, долженъ былъ, конечно, обнаружить могуществен-

ное вліяніе на его жизненныя воззрѣнія, сдѣлать ихъ серьезнѣе, значительнѣе. Позже мы увидимъ, что, сохранивъ гуманное направленіе, полученное имъ съ идеями сороковыхъ годовъ, въ частномъ примѣненіи ихъ къ жизни Достоевскій значительно разошелся съ своими прежними товарищами. Обнаружилось это съ полной ясностью, однако, не сразу, и по первымъ произведеніямъ его, появившимся въ печати, могло быть замѣчено и понято новое настроеніе Достоевскаго развѣ только немногими, наиболѣе проницательными умами. Русская критика по крайней мѣрѣ долго еще видѣла въ Достоевскомъ того же самаго писателя, какимъ знала его въ сороковые годы; для нея онъ долго оставался главнымъ образомъ писателемъ, „въ разныхъ видахъ и случаяхъ представившимъ недостатокъ уваженія къ человѣку другихъ людей", какъ выразился Добролюбовъ.

„Дядюшкинъ сонъ. — Изъ мордасовскихъ лѣтописей" по своему характеру былъ совсѣмъ не въ духѣ Достоевскаго. Широкая картина внѣшняго быта русскаго сплетническаго городка, съ яркимъ юмористическимъ колоритомъ, не подходила подъ свойства таланта его, сильнаго главнѣйшимъ образомъ въ анализѣ душевной жизни человѣка. И поэтому естественно, что произведеніе это не удалось Достоевскому. Изъ біографическихъ данныхъ мы узнаемъ, что „Дядюшкинъ сонъ" и даже „Село Степанчиково" были результатомъ не вдохновенія, не душевной потребности отразить вовнѣ свой внутренній міръ мыслей и представленій. У Достоевскаго не было никакихъ средствъ къ жизни, и литературное „ремесло" было его единственной надеждой, а между тѣмъ отъ него одна изъ редакцій требовала уплаты или „отработки" стариннаго долга, и гонораръ ему платили незначительный. И вотъ онъ пишетъ двѣ названныя повѣсти, сознавая и высказывая въ письмѣ, что онѣ могутъ быть „только что сносны". Послѣднюю изъ нихъ одинъ журналъ отказался даже помѣстить.

„Село Степанчиково", между тѣмъ, далеко не заслуживаетъ отрицательнаго къ себѣ отношенія: въ немъ сказался тотъ самый Достоевскій, который такъ силенъ былъ въ анализѣ психологическихъ явленій, притомъ обнаружившій свое

новое направленіе. Главное, центральное лицо повѣсти, Ѳома Ѳомичъ, есть уже психологическій типъ, созданный по тому закону литературно-художественнаго творчества, который мы старались разъяснить въ общей характеристикѣ Достоевскаго. Событія въ повѣсти кажутся почти невѣроятными, во всякомъ случаѣ, крайне преувеличенными, но это именно потому, что дѣло идетъ въ ней о логическомъ и послѣдовательномъ развитіи душевнаго, доводимаго до его послѣднихъ предѣловъ, процесса, для котораго второстепенными условіями повѣсти и предоставляется полный просторъ. „Личность эта (Ѳома Ѳомичъ)“, говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ критиковъ, „представляетъ замѣчательный, съ психологической глубиной воспроизведенный нашимъ авторомъ переходъ изъ положенія человѣка оскорбленнаго и униженнаго—въ положеніе человѣка оскорбляющаго, при представившейся возможности забрать власть въ свои руки... Онъ съ какимъ-то наслажденіемъ продѣлываетъ надъ другими то, что самъ вынесъ: загнанность его прежняго положенія развила въ немъ эгоизмъ до послѣднихъ предѣловъ“.

Мнѣніе это нельзя не признать справедливымъ. Но едва ли можно согласиться съ критикомъ въ томъ, будто „въ концѣ повѣсти“ Ѳомѣ Ѳомичу представляется возможность подняться нравственно,—будто бы отъ него зависитъ „разстроить бракъ добряка-полковника съ гувернанткой и тѣмъ отомстить ему за обузданіе его самоуправства, а онъ великодушно содѣйствуетъ этому браку“... Ѳома Ѳомичъ, въ дѣйствительности, просто извернулся, понявъ, что его дальнѣйшее самодурство поведетъ къ самымъ печальнымъ для него результатамъ—и почелъ за лучшее притвориться добрымъ геніемъ. Этою очевидною необходимостью совершенно устраняется упрекъ въ непослѣдовательности развитія изображеннаго психологическаго процесса. Объясненіе принятой Достоевскимъ на себя задачи дано и имъ самимъ косвенно въ повѣсти,—въ характеристикѣ Ѳомы Ѳомича, съ его „безграничнымъ самолюбіемъ“, подавленнымъ прежними неудачами „и соединеннымъ съ полнымъ ничтожествомъ“.

„Только что сносныя“ повѣсти, конечно, не могли воз-

становить того писательскаго значенія Достоевскаго, которое далъ ему Бѣлинскій. Но появляются „Записки изъ Мертваго дома“—и Достоевскій снова занимаетъ необыкновенно выдающееся мѣсто среди русскихъ писателей. „Записки изъ Мертваго дома“ такъ понятны по своему смыслу и значенію, что не нуждаются ни въ какихъ разъясненіяхъ. Эта широкая картина каторжной жизни, съ длинной вереницей тяжелыхъ характеровъ, людей, изъ которыхъ каждый былъ дѣйствующимъ лицомъ въ страшной жизненной драмѣ,—занимаетъ исключительное мѣсто въ русской литературѣ. „Записки изъ Мертваго дома“ не были, однако, въ настоящемъ смыслѣ слова художественнымъ произведеніемъ, онѣ были просто описаніемъ дѣйствительныхъ фактовъ, и значеніе Достоевскаго, какъ художника, оставалось еще пока неяснымъ.

Появившійся въ печати нѣсколько раньше первыхъ главъ „Записокъ“ романъ „Униженные и оскорбленные“ далъ поводъ Добролюбову, какъ уже выше замѣчено, признать въ Достоевскомъ лишь „слабое“, но только „вѣрно направленное художественное чутье“, на томъ основаніи, что многія лица романа, напримѣръ, лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, князья молодой и старый, даже Наташа и Нелли—безцвѣтны и говорятъ языкомъ автора. „Эта бѣдность и неопредѣленность образовъ, эта необходимость повторять самого себя, это неумѣнье обработать каждый характеръ даже настолько, чтобы хоть сообщить ему соотвѣтственный способъ внѣшняго выраженія“, писалъ знаменитый критикъ-публицистъ,—„все это, обнаруживая, съ одной стороны, недостатокъ разнообразія въ запасѣ наблюденій автора, съ другой стороны, прямо говоритъ противъ художественной полноты и цѣльности его созданій“...

Съ этимъ мнѣніемъ Добролюбова согласиться безусловно не возможно. Какъ художникъ-психологъ, Достоевскій, изображая главнѣйшимъ образомъ душевные процессы безъ обрисовки реальныхъ индувидуальныхъ чертъ своихъ персонажей, только по внѣшности могъ казаться для „натуралистическаго“ критика неумѣющимъ „обработать характера“. Напротивъ того, душевная жизнь Наташи, съ ея любовью, похожею на

жалость, и душевными терзаніями при неизбѣжныхъ результатахъ этой неудачной любви, задуманы и исполнены Достоевскимъ съ неподражаемой глубиной. При этомъ, конечно, для него были излишни и внѣ его задачи описанія, „какъ она жила съ Алешей“ и „какой процессъ совершился въ душѣ ея съ первыхъ дней этой новой жизни до того дня, когда она высказываетъ рѣшеніе, что съ Алешей должна разстаться“, чего требовалъ Добролюбовъ. Быть-можетъ, Достоевскаго и не интересовали подобные вопросы, лежали внѣ нравственной мысли его романа. Еще глубже и значительнѣе задуманъ психологическій характеръ Нелли. Добролюбовъ находилъ, что романъ „ненужнымъ образомъ двоится между исторіей Наташи и исторіей маленькой Нелли“, что этимъ нарушается „стройность впечатлѣнія“. Но Достоевскій никогда и не вліялъ „стройностью“ впечатлѣнія, его значеніе — въ силѣ впечатлѣнія. Мнѣніе Добролюбова указываетъ только на великое различіе его воззрѣній на художественныя произведенія отъ воззрѣній самого Достоевскаго.

Съ точки зрѣнія психологическаго романа, какіе создавалъ геніальный творецъ „Преступленія и наказанія“, Нелли съ своею исторіею такое же необходимое лицо романа, какъ и Наташа съ своею. Нелли — это возможное, почти обязательное послѣдствіе такой любви, какой отдалась Наташа, и картина ея душевныхъ страданій сама собою поясняетъ нравственно значеніе этой любви. Человѣкъ не имѣетъ права слѣдовать только своимъ влеченіямъ, если они отразятся столь гибельнымъ образомъ, какъ отразились на Нелли. Въ лицѣ же Наташи мы видимъ, что ненормальное, не подчиненное закону высшей правды и справедливости, удовлетвореніе своихъ стремленій обязательно связано съ душевными муками, какія она и пережила, — наказаніе за нарушеніе этого закона лежало уже въ самой сущности этого нарушенія. Вотъ мысль, которая явно сквозитъ въ романѣ Достоевскаго. Показавъ только въ перспективѣ, въ образѣ Нелли, послѣдствія, какія могли выйти изъ уступки Наташи своимъ влеченіямъ, и освободивъ отъ нихъ самоё Наташу, Достоевскій смягчилъ суровый смыслъ своего романа, выказавъ этимъ свой художе-

ственный тактъ: соединеніе исторіи Наташи съ исторіей Нелли въ одно цѣлое производило бы слишкомъ угнетающее, чрезмѣрное впечатлѣніе, которое вызывало бы въ читателѣ прямо реакцію, противодѣйствіе. Онъ, однако, намекнулъ, что исторіи эти не такъ далеки другъ отъ друга: Нелли и мать ея были такими же жертвами отца, какъ Наташа была жертвою сына.

Второстепенными лицами романа Достоевскій выразилъ мысль не менѣе ясную и опредѣленную, ту именно, что наказаніе за нарушеніе законовъ высшей правды лежитъ не въ побочныхъ обстоятельствахъ, не въ добрыхъ или злыхъ людяхъ, которые соприкасаются съ даннымъ фактомъ: отецъ Алеши — дурной и развратный человѣкъ, самъ Алеша душевно чистъ, какъ ребенокъ, но отъ этого результаты почти не измѣнялись; отецъ и мать Наташи были слишкомъ добрые люди, но это не избавило Наташу отъ неизбѣжныхъ страданій.

Не нужно думать, что нашъ авторъ намѣренно и съ прямою цѣлью проповѣди вложилъ эту мысль въ свой романъ: она вошла въ него невольно. „Слезы человѣческія, которыми пропитана земля отъ коры до центра“, всегда глубоко трогали Достоевскаго, и подъ вліяніемъ страшныхъ жизненныхъ впечатлѣній въ его воображеніи возникали мучительные образы душевныхъ страданій, которые онъ и передавалъ бумагѣ, а смыслъ этихъ образовъ могъ лежать въ нихъ безъ воли и намѣреній автора. Въ современной роману критикѣ высказано было наивное предположеніе, что „въ намѣреніи нашего романиста было—сдѣлаться адвокатомъ самостоятельности (émancipation) женщинъ“... Мы видимъ, что Достоевскій преслѣдовалъ цѣли совершенно иныя—онъ шелъ противъ моднаго тогда теченія...

Въ произведеніяхъ, написанныхъ послѣ романа „Униженные и оскорбленные“, настроеніе Достоевскаго сказалось, однако, далеко не сразу. Два изъ нихъ, носящія характеръ „юмористическихъ“, именно: „Скверный анекдотъ“ и „Крокодилъ“, собственно говоря, едва-ли достойны имени автора „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Осмѣяніе комически-несерьезнаго „либерализма генерала“, принесшаго и себѣ

вредъ, и непріятность другимъ, которыхъ онъ думалъ осчастливить своимъ появленіемъ на свадьбѣ мелкаго подчиненнаго,—задача слишкомъ банальная, именно только анекдотъ. „Крокодилъ", съ немаловажною персоной, попавшей въ его желудокъ и предающейся въ немъ мечтаніямъ о наступившей для него извѣстности, о всеобщемъ интересѣ къ нему,—этотъ „Крокодилъ", полный темныхъ намековъ на дѣла того времени, когда онъ писался, на извѣстное лицо, попавшее въ бѣду, сопряженную съ ореоломъ „мученичества за убѣжденія",—даже и не анекдотъ...

Повторяемъ, Достоевскій совершенно былъ не въ своей роли — въ роли юмориста. Но „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ", „Записки изъ подполья" и написанныя уже послѣ „Преступленія и наказанія", о которыхъ, однако, слѣдуетъ сказать здѣсь,—„Игрокъ" и „Вѣчный мужъ" имѣютъ въ исторіи литературной дѣятельности Достоевскаго свое значеніе, и именно раскрываютъ передъ нами душевное настроеніе автора. Въ нихъ—думы автора о разнообразныхъ жизненныхъ вопросахъ и отношеніяхъ. „Зимнія замѣтки", представляющія, въ сущности, отчетъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя вынесъ авторъ въ заграничномъ путешествіи отъ европейской жизни, не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ и объясненіяхъ. Читатель самъ воочію видитъ, что Достоевскаго не увлекали видѣнные имъ *формы* европейскаго прогресса, что за внѣшними формами тамошней жизни онъ чуялъ и пытался ближе разглядѣть ихъ духовное содержаніе въ его настоящемъ смыслѣ и свѣтѣ. То же можно сказать и про „Записки изъ подполья", но только въ нихъ трактуются выношенныя уединеніемъ мрачныя думы вообще о вопросахъ человѣческаго существованія, и въ этихъ думахъ постоянно сквозитъ мысль, что нельзя сторониться отъ жизни ни въ свой уголъ, ни въ какія-нибудь теоріи, что результатомъ такого устраненія всегда будутъ явленія болѣзненныя. И какъ всегда, авторъ обнаруживаетъ свою мысль изображеніемъ преимущественно душевныхъ процессовъ, совершающихся въ герояхъ.

„Игрокъ" и „Вѣчный мужъ" суть уже опять художественныя картины душевныхъ движеній, изображенія душев-

ныхъ типовъ. Первое произведеніе только потому не обратило на себя пристальнаго вниманія, что въ немъ отсутствуютъ вообще „современные вопросы". Ихъ, впрочемъ, пытались найти, и одинъ критикъ нашелъ въ „Игрокѣ" изображеніе, т.-е. собственно обличеніе „подначальнаго положенія учителя" съ тяжестью трудового хлѣба, которое положеніе будто бы и заставило его предаться страсти къ игрѣ. Въ дѣйствительности герой разсказа такъ мало думаетъ „о тяжести трудового хлѣба" и „попыткахъ счастья", что какъ будто спѣшилъ отдѣлаться отъ крупной, выигранной имъ, суммы, которая совершенно могла бы обезпечить его на всю жизнь,—и спѣшитъ вполнѣ сознательно.

Въ „Игрокѣ" изображенъ, и изображенъ кистью истинно неподражаемою, типъ игрока съ его душевной стороны, притомъ игрока русскаго, съ размашистою, широкою натурою,—игрока не для выигрыша ни въ какомъ случаѣ, а для острыхъ ощущеній игры, совершенно такою же натурою, какая сказалась въ генеральской теткѣ. Душевный процессъ развитія этой страсти и составляетъ существенный предметъ повѣсти. Остальныя дѣйствующія лица—канва, фонъ, представляющій поводы и просторъ этому процессу. Герой начинаетъ играть изъ желанія вывести изъ затрудненія любимую дѣвушку, а оканчиваетъ совершеннымъ забвеніемъ обо всѣхъ даже просто человѣческихъ обязанностяхъ по отношенію къ ней, какъ и ко всему на свѣтѣ. Характеры второстепенныхъ персонажей только очерчиваются болѣе или менѣе, насколько это можетъ служить къ усиленію и выясненію главной мысли.

Въ „Вѣчномъ мужѣ" авторъ попытался заглянуть въ душу ревниваго мужа глубже, чѣмъ съ насмѣшливымъ отношеніемъ къ „рогоносцу". Едва-ли Достоевскій „желалъ возбудить какъ бы сочувствіе къ ревнивцу, пытался выставить въ немъ что-то трагическое", какъ сказано однимъ изъ позднѣйшихъ критиковъ Достоевскаго. Трагическое, конечно, лежало въ сущности судьбы ревнивца, такъ же какъ есть трагикомическое въ его непремѣннѣйшемъ стремленіи имѣть около себя близкое существо, въ намѣреніи тотчасъ же жениться по смерти жены, несмотря на прежній горькій опытъ,—

но сочувствія къ герою Достоевскій не вызываетъ. Типическій образъ этого героя очерченъ не вполнѣ и не ярко. Читатель тѣмъ не менѣе чувствуетъ, какая буря запоздалой мстительности и скорби поднята въ душѣ „ревнивца“ разоблаченіемъ невѣрности его покойной жены. На нравственную мысль разсказа наводитъ образъ его малютки-дѣвочки, осужденной такъ страшно страдать отъ порочныхъ наклонностей матери, что она и умираетъ вслѣдствіе нестерпимыхъ душевныхъ терзаній, мыслей и чувствъ, такъ рано вызванныхъ въ ней ея положеніемъ. Думали-ли невѣрная жена и ея сообщники, какіе результаты будетъ имѣть ихъ нравственная распущенность? И въ какого безсознательнаго и безжалостнаго звѣря для малютки превратится этотъ добрякъ-мужъ, котораго они дѣлали „смѣшнымъ“, по грубому и банальному воззрѣнію сборища легкомысленныхъ людей.

Повѣсти и небольшіе романы Достоевскаго, разсмотрѣнные выше, составляютъ не первостепенную сторону литературной дѣятельности Достоевскаго. Можно сказать, что въ нихъ только собирались элементы для болѣе полныхъ по изображенію и значенію образовъ, въ которыхъ позже сказались опредѣленно воззрѣнія автора на законы душевной жизни человѣка и связанныя съ ними явленія общественной жизни. Оттого-то въ повѣстяхъ его неоднократно и въ разнообразныхъ формахъ и положеніяхъ появляются одни и тѣ же лица, которыя какъ бы стремятся постепенно къ большему и большему выясненію. Такъ, у него неоднократно,—въ „Неточкѣ Незвановой“, въ „Маленькомъ героѣ“, въ „Нелли“, — типическія изображенія дѣтей, въ которыхъ несчастія жизни вызываютъ слишкомъ раннее развитіе ума и чувства, получающее вслѣдствіе этого направленіе болѣзненное и ненормальное. Авторъ какъ бы призываетъ тѣхъ, кто „имѣетъ уши, чтобы слышать“, къ охранѣ молодого дѣтства отъ тяжелыхъ, гнетущихъ впечатлѣній. Повторяется у Достоевскаго типъ циничнаго, бездушнаго развратника въ Быковѣ въ „Бѣдныхъ людяхъ“ и въ князѣ Волконскомъ въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“. Затѣмъ есть типъ человѣка, котораго сознаніе своей приниженности и стремленіе подняться изъ нея при-

водитъ къ извращенію или къ потерѣ разсудка, это—Голядкинъ, Ѳома Ѳомичъ въ „Селѣ Степанчиковѣ“, Ефимовъ въ „Неточкѣ“. Наконецъ, въ различныхъ произведеніяхъ Достоевскаго, въ Варенькѣ „Бѣдныхъ людей“, въ Настенькѣ „Села Степанчикова“, въ Наташѣ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, обрисованъ по существу одинъ и тотъ же типъ, только поставленный въ различныя въ различныхъ повѣстяхъ условія жизни и личнаго темперамента.

„Преступленіе и наказаніе“.

Въ „Преступленіи и наказаніи“, этомъ первомъ своемъ геніальномъ романѣ, Достоевскій обнаруживаетъ, наконецъ, всю огромную силу своего таланта, а рядомъ съ этимъ и всю исключительную силу своего сознательнаго созерцанія совершавшихся предъ нимъ общественныхъ явленій. Главное содержаніе романа—опять душевный процессъ, душевная драма, совершающаяся во внутреннемъ мірѣ Раскольникова и другихъ персонажей. Попрежнему второстепенныя лица, по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, блѣдны, очерчены не вполнѣ, событія происходятъ въ условіяхъ какъ бы искусственныхъ, нагромождаются одно на другое по внѣшности безъ достаточной мотивировки; рядъ странныхъ и фантастическихъ случайностей на пространствѣ двухъ-трехъ дней придаетъ ходу романа характеръ малоестественный, съ точки зрѣнія обыденной дѣйствительности. Но читатель, даже критикъ, не обращаютъ уже на это никакого вниманія: душевный процессъ, сопровождаемый соотвѣтствующими дѣйствіями во внѣ, совершается передъ ними съ такой неумолимой послѣдовательностью, и въ этомъ смыслѣ такъ реаленъ и правдивъ, что для протеста противъ неестественности, преувеличенности и чего-либо другого подобнаго въ изображеніяхъ романа не остается мѣста. Внутренній смыслъ романа, мучительный и для автора, и для читателя, такъ ясенъ и простъ, что только глаза, затемненные искусственно и намѣренно могутъ не видѣть его. Романомъ ставится вопросъ общественной и въ то

же время личной жизни человѣка, имѣющей страшное и неотразимое значеніе. Ближайшій анализъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ вполнѣ обнаруживаетъ идею романа.

Раскольниковъ — психическій типъ человѣка, живущаго душевною жизнью нашего времени, но типъ, возведенный почти въ отвлеченіе. Авторъ создаетъ ему изъ дѣйствительности такой образъ жизни и въ его прошломъ, и въ настоящемъ, который фатально ведетъ его на тотъ путь, который грозитъ ему гибелью. Раскольниковъ въ дѣтствѣ воспринимаетъ почти исключительно впечатлѣнія тяжелыя, толкающія на дорогу отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности. Каковы эти впечатлѣнія, можно судить по тому сну, который онъ видитъ на Петровскомъ островѣ передъ преступленіемъ. Изъ этого же сна ясно, что душѣ его окружающею жизнью внушена была безконечная жалость къ разнообразнымъ видамъ страданія, которыя довелось ему видѣть. Образованіе дало ему возможность познакомиться съ разнообразными теоріями, возникшими преимущественно въ Европѣ на почвѣ стремленій избавить людей отъ страданій, и молодой человѣкъ естественно долженъ былъ сердцемъ прилѣпиться къ нимъ. Среди этихъ теорій могли встрѣтиться и такія, которыя противорѣчили самой природѣ человѣка, самымъ естественнымъ, глубоко лежащимъ въ сознаніи, законамъ человѣческаго существованія, которыхъ нельзя переступить безнаказанно. Однойто изъ такихъ теорій Достоевскій и подчиняетъ своего героя, всѣмъ своимъ прошлымъ подготовленнаго къ принятію ея. Уединеніе и жизнь въ гнетущей духъ обстановкѣ, въ его гробоподобной комнатѣ,—не причина, а только условіе безпрепятственнаго развитія его душевнаго процесса. Раскольниковымъ овладѣваетъ мысль, что съ благородной цѣлью, съ тѣмъ, чтобы получить возможность быть полезнымъ обществу и человѣчеству, дозволительно убить ближняго сознательно. Онъ—личность вполнѣ благородная по инстинктамъ, прирожденнымъ ему, „и даже съ зачатками великодушія“, какъ ему говоритъ слѣдователь Порфирій, обладающій притомъ рѣдкими качествами—силою воли и тою смѣлостью, которая не дозволяетъ рознить съ дѣломъ мысль, разъ она становится не-

преложнымъ убѣжденіемъ. А Раскольниковъ крѣпко убѣжденъ въ своей „идеѣ“, въ своей „проклятой мечтѣ“, былъ убѣжденъ въ ней и послѣ преступленія, на каторгѣ, о чемъ категорически заявлялъ Сонѣ.

Для объекта своего преступленія онъ выбираетъ одно изъ зловредныхъ существъ, жадную старуху-процентщицу, приносящую обществу, людямъ, только одинъ вредъ — обстоятельство, которое, казалось бы, должно было придать исполненію его „идеи“ особенное оправданіе, а накопившееся въ немъ „злобное презрѣніе“ къ людямъ, такъ легкомысленно создающимъ массу всяческаго зла,—совершенно облегчить ему это исполненіе. Несмотря на все это, уже самая мысль о томъ, что „идея“ получитъ фактическое осуществленіе, превращаетъ идею въ „*проклятую* мечту“, вызываетъ въ Раскольниковѣ страшное отвращеніе. „Неужели же, неужели же я буду...“, думаетъ онъ, и съ ужасомъ и омерзѣніемъ представляетъ себѣ безобразную картину будущаго преступленія.

Но съ мыслью, разъ она сливается съ плотью и кровью человѣка, шутить нельзя: онъ совершаетъ свое безобразное дѣло—убиваетъ двухъ *по теоріи*, хотя и долженъ при этомъ бороться съ другою силою въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Мысль, теорія—временно торжествуетъ, но только затѣмъ, чтобы немедленно уступить побѣду другому началу, господствующему въ душѣ человѣка. Начало это—нравственное чувство. Тщетно и во время преступленія, и до, и послѣ него, разсудокъ, умъ увѣряютъ и такъ уже убѣжденнаго Раскольникова, что дѣло его ничего дурного въ себѣ не заключаетъ — нравственное чувство протестуетъ противъ этого и подвергаетъ героя нестерпимымъ страданіямъ. Этотъ процессъ борьбы теоретической мысли съ нравственнымъ чувствомъ изображенъ Достоевскимъ съ такою реальностью, что читатель съ ужасомъ отвращаетъ взглядъ отъ страшной картины, освѣщенной нестерпимымъ зловѣщимъ свѣтомъ...

Мысль, выраженная образомъ Раскольникова, очевидна: Достоевскій какъ бы говоритъ имъ, этимъ образомъ, что умъ, какъ бы онъ ни былъ логиченъ, еще не все, что есть въ человѣческой душѣ нѣчто иное, высшее, съ чѣмъ умъ долженъ

считаться, и приближеніе къ истинѣ нуждается въ помощи этого послѣдняго элемента быть можетъ въ еще большей степени, чѣмъ въ холодной логикѣ. Страшный образъ Раскольникова явился въ душѣ Достоевскаго плодомъ горькихъ думъ о господствовавшихъ тогда направленіяхъ русской мысли, о времени, когда, по воззрѣніямъ его, „все помутилось", когда „цитировалась фраза, что кровь освѣжаетъ", когда находили адептовъ самыя безобразныя теоріи и мысли, противорѣчившія самымъ необходимѣйшимъ началамъ личной и общественной нравственности. Теоріи подобнаго рода могли иногда касаться явленій незначительныхъ, въ родѣ отрицанія того или другого платья или прически, и въ этомъ смыслѣ могли остаться практически безобидными; но опасно было, по мысли Достоевскаго, самое направленіе умовъ, теоретическое, удалявшееся отъ живой жизни,—и онъ, съ чувствомъ истиннаго художника-психолога, остановился не на осмѣяніи подобныхъ увлеченій, а создалъ характеризующую это направленіе драму, „дѣло фантастическое, мрачное, нашего времени случай-съ, когда помутилось сердце человѣческое, когда вся жизнь проповѣдуется въ комфортѣ".

Идея Раскольникова находитъ поясненіе и дополненіе въ другихъ лицахъ романа. Они, подобно ему, тоже не представляютъ изъ себя реальныхъ типовъ, въ смыслѣ личностей, въ которыхъ сосредоточены и собраны воедино извѣстныя черты характеровъ, и которымъ индивидуальными чертами придана иллюзія вполнѣ дѣйствительныхъ людей. Они тоже суть только олицетворенія душевной жизни, душевныхъ процессовъ. Достоевскій вообще не избѣгалъ въ своихъ образахъ антитезъ, противоположеній, и нѣкоторыя лица романа являются именно такими противоположеніями Раскольникову.

Одно изъ интереснѣйшихъ лицъ этого рода—Свидригайловъ. Это человѣкъ по своей натурѣ способный къ благороднымъ душевнымъ порывамъ, обладающій притомъ большимъ умомъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ на практикѣ глубоко развратный и распущенный. Что онъ по натурѣ человѣкъ способный къ благороднымъ душевнымъ движеніямъ и поступкамъ, показываетъ все его поведеніе. Вспомните его отношеніе къ Сонѣ

и сиротамъ Мармеладовымъ, его поступокъ съ невѣстой, окончаніе сцены съ Авдотьей Романовной. Его умъ доказывается уже тѣмъ, что онъ глубоко, въ самомъ источникѣ понимаетъ преступленіе Раскольникова. „У насъ въ образованномъ обществѣ особенно священныхъ преданій, вѣдь, нѣтъ", говоритъ онъ сестрѣ послѣдняго. „Теперь все помутилось"... „Русскіе люди вообще широкіе люди, широкіе, какъ ихъ земля, и чрезвычайно склонны къ фантастическому, къ безпорядочному; но бѣда быть широкимъ безъ особенной геніальности"... Онъ прекрасно понимаетъ значеніе и своихъ безнравственныхъ поступковъ, и все-таки совершаетъ ихъ, при чемъ въ душѣ его гнѣздится непрестанно глубокая, неизлѣчимая тоска, и отъ этой-то тоски онъ, съ какимъ-то горькимъ презрительнымъ чувствомъ, быть можетъ, болѣе всего и развратничаетъ.

Что же за причина, создающая этотъ странный характеръ? Именно то, что въ душѣ его не заложено ничѣмъ, кромѣ развѣ холоднаго разсудка, хоть какихъ-нибудь устойчивыхъ нравственныхъ основъ. Если въ Раскольниковѣ, при живомъ нравственномъ чувствѣ въ немъ, умъ приводитъ къ противоестественной мысли, къ „безобразной мечтѣ" и преступленію, то въ Свидригайловѣ, при слабомъ, или, вѣрнѣе— затертомъ и заброшенномъ нравственномъ чувствѣ, умъ, пониманіе, оказывается безсильнымъ дать нравственную основу для его отношеній къ людямъ. Именно въ этомъ смыслѣ онъ дополняетъ мысль, вложенную въ образъ Раскольникова. Напротивъ, простое, непосредственное чувство въ Сонѣ, при ея далеко не блестящемъ умѣ и отсутствіи почти всякаго образованія, дѣлаетъ ее истинно человѣчною личностью, способной положить душу за ближняго. Подобныя сопоставленія никогда не бываютъ въ художественныхъ произведеніяхъ произвольны и напрасны, въ нихъ — все равно, сознательно или нѣтъ—сказываются представленія авторовъ о мірѣ человѣческихъ отношеній. Теперь представляется вопросъ, кого бы вы предпочли видѣть въ общественной жизни болѣе вліятельными: образованныхъ ли и умныхъ Свидригайловыхъ и теоретиковъ Раскольниковыхъ, или людей, подобныхъ простодушной Сонѣ?

Было бы дико думать, что Достоевскій—противникъ образованія, ума, знаній, и сторонникъ невѣжества и наивнаго простодушія; онъ противникъ только такихъ теоретическихъ направленій ума, такихъ настроеній душевныхъ, которыя приходятъ въ столкновеніе съ нравственными основами, лежащими уже въ самой душѣ человѣка, и создаютъ печальныя явленія въ родѣ Раскольниковыхъ и Свидригайловыхъ. Онъ не *противъ* образованія, а только *за* нравственныя основы жизни. Острый характеръ его проповѣди обусловливался только тѣмъ, что въ обществѣ нашемъ создавалось игнорированіе развитія нравственнаго чувства въ людяхъ, вѣра въ то, что чувство это обязательно сопутствуетъ умственному развитію, является результатомъ его, прямымъ и непосредственнымъ. Противодѣйствіе этому настроенію общественной мысли и было предметомъ и цѣлью художнической проповѣди Достоевскаго. Какъ это очевидно читателю, по своему внутреннему смыслу, вся дѣятельность Достоевскаго, начиная съ „Бѣдныхъ людей", шла уже въ этомъ направленіи, хотя и въ чертахъ сначала невыяснившихся. Въ „Преступленіи и наказаніи" передъ нами только проповѣдь путемъ изображенія отрицательныхъ явленій, какъ и въ послѣдующихъ романахъ: положительные типы Достоевскій намѣчаетъ въ первый разъ съ нѣкоторой опредѣленностью лишь въ „Братьяхъ Карамазовыхъ".

Разсматривать другихъ лицъ, появляющихся въ „Преступленіи и наказаніи",—Мармеладова, его жену, Авдотью Романовну, ея жениха, мать Раскольникова и пр., надобности особенной нѣтъ: всѣ они не представляютъ явленій сложныхъ и загадочныхъ и вполнѣ понятны.

„Идіотъ". „Бѣсы". „Подростокъ".

Три романа, появившіеся послѣ „Преступленія и наказанія", — „Идіотъ", „Бѣсы" и „Подростокъ" — представляютъ собою разработку различныхъ сторонъ того же самого идейнаго содержанія, которое было предметомъ „Преступленія и наказанія". Въ „Идіотѣ" князь Мышкинъ пред-

ставляетъ изъ себя, въ сущности, то же, что Соня въ „Преступленіи и наказаніи“, но, конечно, въ иныхъ условіяхъ пола и жизненныхъ обстоятельствъ. Онъ — больной человѣкъ, едва излѣченный отъ извѣстнаго рода идіотизма и еще страдающій отъ падучей болѣзни, и этому обстоятельству, быть можетъ, обязанъ тѣмъ, что зло житейское не успѣло обнаружить на немъ своего тлетворнаго вліянія. Этотъ „идіотъ“, благодаря своей младенческой чистотѣ душевной и свободѣ непосредственнаго чувства, умнѣе многихъ окружающихъ его, къ которымъ ко всѣмъ примѣнимы Лермонтовскія слова: „изъ нихъ едва ли есть одинъ тяжелой пыткой не измятый, до преждевременныхъ добравшійся морщинъ безъ преступленья иль утраты!“

Рядомъ съ княземъ Мышкинымъ въ романѣ — типъ, появляющійся въ первый разъ въ произведеніяхъ Достоевскаго: русская широкая натура, одинъ лишь намекъ на которую сказался въ отдаленной перспективѣ въ „Хозяйкѣ“. Это—купеческій сынъ Рогожинъ. Князь Мышкинъ и Рогожинъ, между исторіями которыхъ, какъ въ упрекъ Достоевскому могли бы замѣтить критики, „двоится дѣйствіе романа“, но которые только вдвоемъ, въ сопоставленіи, и выражаютъ идею его,— суть два главныя дѣйствующія лица. Остальныя лица, съ ихъ сложными, переплетающимися между собою жизнями, составляютъ необходимую атмосферу, въ которой должно выражаться значеніе въ жизни главныхъ героевъ. Атмосфера эта необходима для того, чтобы они жили передъ читателемъ своимъ душевнымъ процессомъ, какъ вода необходима для жизни рыбъ, воздухъ — для человѣка. Окружающая героевъ жизнь есть только условіе для ихъ существованія, и естественно, что она характеризуется лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія жизненной роли героевъ.

Между этими второстепенными персонажами есть, впрочемъ, лицо, которое авторъ стремился возвести въ типъ, именно Настасья Филипповна. Это по натурѣ нравственно-чистое и умное существо, но падшее—и потому глубоко несчастное, прямая противоположность Сонѣ Мармеладовой и отдаленно сродни Свидригайлову. Она играетъ немаловажную

роль въ романѣ, ее одновременно любятъ и князь, и Рогожинъ. Вся суть и значеніе дѣйствій, развивающихся въ романѣ, въ томъ, что нравственно-чистый и непосредственная натура—князь всюду, куда ни появится, вноситъ безъ проповѣди, безъ словъ, какой-то призывъ къ добру и правдѣ, а Рогожинъ, преданный влеченію своихъ страстей, обнаруживаетъ совершенно противоположное вліяніе, хотя по существу онъ истинно добрый и хорошій малый въ хорошемъ значеніи этихъ словъ. Это противоположное вліяніе двухъ героевъ съ особенною силою отражается на Настасьѣ Филипповнѣ; вліяніе князя зоветъ ее къ нравственной жизни, вліяніе Рогожина—къ гибели. Изъ боязни сгубить князя, она уступаетъ вліянію послѣдняго, и жалко гибнетъ жертвою его безумной, удержа не знающей страсти. Князь Мышкинъ, пораженный катастрофой, вновь впадаетъ въ свою первоначальную болѣзнь. Неподчиняющаяся никакому нравственному руководству страсть Рогожина, этой русской безудержной натуры, вноситъ, такимъ образомъ, фатальное разложеніе въ жизнь всего, что имѣло несчастіе соприкоснуться съ ней. Таково въ общихъ чертахъ нравственное содержаніе романа.

Романъ „Бѣсы", по своему общему характеру и по идеѣ, лежащей въ немъ, есть дальнѣйшая своеобразная разработка задачи, лежащей въ „Преступленіи и наказаніи". Въ этомъ послѣднемъ, какъ мы видѣли, изображается психологическое развитіе въ форму фактическаго дѣйствія одной теоріи, „теорійки, какъ всѣ", по выраженію слѣдователя Порфирія. Но эта теорія—одна изъ многихъ, примѣръ характеризующій тогдашнее направленіе русской мысли, безъ отношенія къ какой-либо общественной группѣ людей. Въ „Бѣсахъ" Достоевскій предпринялъ изображеніе той среды, въ которой подобныя теоріи составляли предметъ практической дѣятельности, руководили всей жизнью людей и не были случайностью, какъ у Раскольникова. По рѣзко отрицательному отношенію автора къ умственному и нравственному направленію, которое выразилось въ этой средѣ, романъ не могъ не принять рѣзко тенденціознаго оттѣнка. Въ противоположность мнѣнію, появлявшемуся въ критической литературѣ,

„Бѣсы“ въ художественномъ смыслѣ значительно уступаютъ другимъ романамъ Достоевскаго. Въ немъ уже значительно меньше глубокаго психологическаго анализа, анализа душевныхъ движеній, объясняющихъ, какъ изображенные въ романѣ персонажи приходятъ къ ихъ дѣйствіямъ. Кирилловъ, напр., подчиненъ нелѣпой теоріи, которая выражается въ полномъ отрицаніи жизни, и осуществляетъ въ дѣйствительности эту теорію, убивая себя, но душевный процессъ, приведшій его къ ней, и муки, вынесенныя имъ при инстинктивномъ чувствѣ противорѣчія этой теоріи нравственному чувству, остаются намъ неизвѣстными. Кружокъ подобныхъ людей совершаетъ убійство,—но при этомъ нѣтъ и помину о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, какія вынесъ Раскольниковъ. Молодой Верховенскій продѣлываетъ рядъ изумительныхъ мерзостей, но въ немъ мы не находимъ и тѣни — не говоримъ: сомнѣній и страданій,—а даже просто чего-нибудь похожаго на совѣсть. Та общая черта произведеній Достоевскаго, что въ самомъ преступномъ и, повидимому, погибшемъ окончательно человѣкѣ онъ видѣлъ и изображалъ „душу живую“ „человѣка“, слабо проявляется въ „Бѣсахъ“. Можно подумать, что „нигилисты“ совершенно перестали быть обыкновенными людьми съ человѣческими чувствами, мыслями, увлеченіями, страстями, сомнѣніями и разочарованіями.

„Подростокъ“, по внѣшнему своему содержанію столь отличный отъ предыдущихъ романовъ, тѣмъ не менѣе своимъ внутреннимъ смысломъ стоитъ съ ними въ тѣсной связи, и въ русской критической литературѣ справедливо было замѣчено, что „Подростокъ“, очевидно, вышелъ изъ того же самаго настроенія, въ которомъ писались „Бѣсы“. Въ предшествующихъ романахъ отразились уродливыя явленія въ области русскихъ умственныхъ настроеній, какъ факты уже существующіе; но откуда происходили эти явленія, какъ они создавались, — отвѣта полнаго и яснаго не было. Не было, собственно, *образныхъ* выраженій душевныхъ процессовъ, изъ которыхъ, какъ прямое слѣдствіе, истекали тѣ умственныя настроенія, читатель долженъ былъ довольствоваться короткими поясненіями въ родѣ высказаннаго въ „Преступленіи и

наказанія", что „у насъ, вѣдь, особенно священныхъ преданій нѣтъ", или же, въ лучшемъ случаѣ, видѣть намеки на разсматриваемыя причины въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыя ставилъ авторъ своихъ героевъ. Между тѣмъ мысль о ясномъ художественномъ изображеніи лежащихъ въ самой жизни причинъ ненормальнаго развитія многихъ русскихъ умовъ, очевидно, давно тревожила автора. Уже въ повѣстяхъ, какъ мы видѣли, Достоевскій неоднократно берется за изображеніе противоестественныхъ условій, въ которыхъ росли русскія дѣти. Все написанное имъ до того времени, однако, носило не общій характеръ. Случаи въ тѣхъ произведеніяхъ (напр. въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ", Нелли) брались слишкомъ исключительные и важные только вообще, для сознанія общихъ законовъ развитія дѣтскаго ума въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ жизни. Образы, возникавшіе въ душѣ Достоевскаго подъ вліяніемъ указываемой мысли, и выразились, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, въ „Подросткѣ".

Герой этого романа, Долгоруковъ, родился и выросъ, собственно говоря, въ такихъ условіяхъ, которыя общи для всей русской жизни. По крайней мѣрѣ добрая половина русской интеллигенціи провела въ подобныхъ же условіяхъ свое дѣтство и молодость. Авторъ лишь нѣсколько обостряетъ его положеніе тѣмъ, что Долгоруковъ—незаконный сынъ помѣщика, хотя и носитъ фамилію крѣпостного человѣка этого помѣщика (какъ, замѣтимъ, напр., извѣстный несчастный поэтъ Полежаевъ). Обстоятельство это, конечно, не безъ значенія, но въ жизни другихъ русскихъ людей могли встрѣчаться другія какія-нибудь обстоятельства, болѣе или менѣе равносильныя этому, разъ въ обществѣ нѣтъ твердыхъ нравственныхъ принциповъ, а есть, напротивъ, легкое отношеніе къ своей и чужой жизни.

Какими же путями идетъ развитіе Подростка? Не важное въ сущности обстоятельство его незаконнорожденности доставляетъ ему рядъ страданій, указывающихъ, конечно, на грубость общественныхъ нравовъ. Но самое страданіе имѣетъ развивающую силу, направляющую къ добру, и при другихъ добрыхъ, элементахъ, способную сформировать человѣка. На

Подросткѣ мы видимъ, однако, что въ окружающей его жизни, даже въ отцѣ онъ не находитъ того, что указало бы ему добрые жизненные пути. Можно сказать, что вокругъ него какая-то нравственная пустыня. А онъ, между тѣмъ, принадлежитъ къ натурамъ ищущимъ, стремящимся, онъ не можетъ удовлетвориться этой пустотой. И вотъ онъ создаетъ себѣ „идею", обдумываетъ ее, составляетъ планъ ея выполненія. Читатель съ изумленіемъ узнаетъ, что „идея" эта, вполнѣ соотвѣтствующая идейной пустотѣ окружающей жизни,—сдѣлаться вторымъ Ротшильдомъ, скапливая деньги по грошамъ, отказывая себѣ во всемъ не безусловно необходимомъ. Въ „идеѣ" этой есть только одинъ смыслъ: путемъ ея выполненія герой нашъ сладострастно мечтаетъ возвратить себѣ все то, въ чемъ ему отказываетъ жизнь,—уваженіе къ себѣ въ обществѣ, удовлетвореніе своего стремленія къ добру, и проч. Но онъ вступаетъ въ жизнь съ чувствами и инстинктами, столь же изуродованными ненормальной жизненной обстановкой какъ уродлива и его „идея".

Не то-ли же самое было съ Раскольниковымъ въ самой сущности душевнаго процесса? Жизнь встрѣчаетъ нашего Подростка такою сложною цѣпью сталкивающихся интересовъ, не руководимыхъ никакими нравственными правилами, что онъ рѣшительно теряется, не умѣя отличить добра отъ зла. Онъ не можетъ даже путемъ разглядѣть своего родного отца, представляющаго изъ себя странную смѣсь злыхъ дѣлъ съ благородными инстинктами и иногда помыслами, ни своей собственной семьи, съ которою онъ связанъ узами крови, не говоря уже о другихъ личностяхъ романа. Читатели, конечно, не нуждаются въ выпискахъ изъ романа или указаніяхъ на мѣста его, въ которыхъ изображается эта сумятица жизни, повергающая въ вѣчное недоумѣніе нашего героя,—романъ передъ ихъ глазами. Да для подобной цѣли пришлось бы, притомъ, выписать весь романъ.

Жизнь имѣла, однако, и не могла не имѣть другого вліянія на Подростка: она тянула, манила его къ себѣ, и онъ, дѣйствительно, погружается въ волны ея, то въ одну, то въ другую, безотчетно, не разсуждая о нравственномъ смыслѣ

своихъ дѣяній, доходя даже до близости съ положительными негодяями, а „идеѣ“ своей оставляя область пока мечтаній. Будь онъ болѣе силенъ мыслью и имѣй для него призывъ жизни меньшее обаяніе, онъ, съ своей потребностью „идеи“ въ душѣ, могъ бы додуматься, какъ Раскольниковъ, до болѣе серьезной, но не меньше праздной по результатамъ мысли, которая могла бы окончательно сгубить его. Странные, мрачные характеры, выведенные въ романѣ Достоевскимъ, какъ всегда въ его произведеніяхъ, составляютъ только фонъ, на которомъ изображается душевная жизнь нашего героя.

„Братья Карамазовы“.

„Великіе художники не повторяются“ — вотъ обычная фраза, неоднократно примѣнявшаяся и къ Достоевскому. Но смыслъ ея относителенъ и имѣетъ ограниченное значеніе. Напротивъ, всѣ великіе художники, какъ люди, живущіе сильною внутреннею, духовною жизнью, вкладываютъ во всѣ безъ исключенія произведенія свои въ сущности одну и ту же главенствующую мысль, которая составляетъ средоточіе ихъ воззрѣній и чувствъ, и у всѣхъ ихъ есть главенствующій образъ. Такъ, у Тургенева всѣ главные герои въ сущности— „лишніе люди“. Такъ и у Достоевскаго всѣ персонажи—измученные люди, измученные не непосредственно жизнью, „средою“, принижающею и оскорбляющею, а скорѣе ихъ собственною душевною жизнью, поставленною на ненадежныхъ и фальшивыхъ основаніяхъ, въ зависимости, конечно, отъ дѣйствительности. У Достоевскаго болѣе, чѣмъ у кого-либо другого, образы повторяются, какъ и признавали многіе критики. Достоевскій вынашивалъ въ своей душѣ эти образы съ душевной болью, и муки его творчества поистинѣ могутъ быть сравнены съ муками рожденія. Какъ поэтъ глубоко сознательный, онъ пытался схватить смыслъ возникавшаго въ немъ образа, пытался выразить его вполнѣ и, неудовлетворенный, снова отдавался той же творческой работѣ.

Романъ „Братья Карамазовы“, составляющій, вмѣстѣ съ

„Преступленіемъ и наказаніемъ“, вершины, до которыхъ поднималась его творческая мысль, представляетъ изъ себя въ этомъ смыслѣ какъ бы соединеніе всего, что было сдѣлано Достоевскимъ раньше. Всѣ тѣ образы, которые мучили воображеніе Достоевскаго на протяженіи всей его литературной дѣятельности, сошлись въ этомъ романѣ. Но въ прежнихъ произведеніяхъ они стояли каждый особнякомъ, со своимъ индивидуальнымъ смысломъ и значеніемъ; здѣсь же каждый изъ нихъ—только элементъ, изъ суммы которыхъ слагается обширная картина жизни, обнаруживающая ихъ соотношеніе одного къ другому, возводящая ихъ къ общему средоточію. И въ этой огромной картинѣ, можно сказать, нѣтъ центральной личности,—почти всѣ персонажи разработаны болѣе или менѣе подробно и детально съ ихъ своеобразною у каждаго душевною жизнью.

Центральную фигуру хотѣли видѣть въ Алешѣ Карамазовѣ, этомъ „раннемъ человѣколюбцѣ“, котораго самъ Достоевскій, повидимому, стремился сдѣлать главнымъ героемъ; но критика должна была сознаться, что, быть-можетъ, изъ всѣхъ значительныхъ лицъ романа онъ—наименѣе яркій образъ. По мысли автора, „Алеша—новый человѣкъ, грядущій въ нашъ русскій міръ; онъ—герой будущаго романа“, по выраженію одного изъ критиковъ, и обрисованъ только „самыми легкими штрихами“. „Но въ ту минуту“, говоря словами того же критика, „когда русское общество стало жадно всматриваться въ эту новую и пока загадочную фигуру, занавѣсъ опустился: въ темную могилу унесъ угасшій писатель свѣтлый образъ Алеши, мелькнувшій передъ нами зарницею“. Кстати сказать, внѣшніе „недостатки“ остаются все тѣ же и въ этомъ романѣ. На протяженіи нѣсколькихъ дней нагромождается въ немъ цѣлая масса событій, странныхъ и, повидимому, мало мотивированныхъ; но это, какъ выяснено выше, только для обнаруженія у дѣйствующихъ лицъ душевныхъ процессовъ, которые и развиваются стройно и послѣдовательно.

Передъ нами цѣлая семья Карамазовыхъ — отецъ и четыре брата, изъ которыхъ одинъ, Смердяковъ, незаконнорожденный. Всѣ они, какъ люди одной крови, по своимъ ду-

шевнымъ качествамъ и темпераменту чрезвычайно сходны: всѣ натуры русскія, широкія, „какъ ихъ земля“, характеры тяжелые, склонные къ фантастическому, страстные энтузіасты по крови и инстинктамъ, больше чувственные, чѣмъ чувствующіе глубоко, всѣ не лишены значительнаго ума и прирожденнаго инстинкта добра. И въ то же время по своей жизни, по направленію ума и поступкамъ, между ними существуетъ глубочайшее, непримиримое, повидимому, различіе.

Отецъ, Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ,—глубоко развращенный человѣкъ, дальнѣйшее развитіе образа Свидригайлова, циникъ и „сладострастникъ“, вся жизнь котораго есть служеніе своей плоти. Цинизмъ его доходитъ до той черты, за которой человѣкъ уже перестаетъ быть человѣкомъ. Тонкія психологическія черты, обнаруживаемыя анализомъ Достоевскаго, показываютъ, однако, что только привычка, застарѣлость въ порокѣ, искоренила въ немъ протестъ души противъ непрестаннаго нравственнаго паденія, но что было время, когда и онъ былъ доступенъ благороднымъ влеченіямъ, какъ и наиболѣе подходящій къ нему по внѣшнему поведенію сынъ его Дмитрій.

У такого отца, естественно, дѣти прошли въ дѣтствѣ въ еще бо̀льшей степени ту школу воспитанія, какую анализировалъ Достоевскій въ своихъ болѣе раннихъ произведеніяхъ и затѣмъ въ „Подросткѣ“. Отъ художника-психолога читатель, конечно, ждетъ разъясненія, откуда могло взяться такое нравственное паденіе, какъ въ отцѣ Карамазовѣ, гдѣ причины его, и Достоевскій безъ разсужденій и разъясненій, а прямо художественнымъ образомъ даетъ ясный отвѣтъ: причина эта—въ полномъ безвѣріи, въ отсутствіи какой-либо вѣры въ душѣ отца Карамазова и тѣсно связаннаго съ вѣрою нравственнаго чувства. Нравственное чувство всегда живетъ въ душѣ человѣка, рождаясь вмѣстѣ съ нимъ, но безвѣріе безконечно затемняетъ это чувство, лишаетъ его почвы и корней. Какъ бы ни былъ безнравственъ человѣкъ, въ глубинѣ души его всегда есть, однако, граница, которой онъ не можетъ переступить, не вызвавъ протеста со стороны своего же нравственнаго чувства; но тогда въ человѣкѣ является злоб-

ное желаніе замять, уничтожить, заглушить его, и отсюда цинизмъ, хвастовство этимъ цинизмомъ, чувство близкое къ мести и злобѣ. Таковъ именно отецъ Карамазовъ, годами воспитавшій въ себѣ подобныя чувства. Вспомните сцену— злобную сцену!—продѣланную имъ въ кельѣ старца Зосимы. И единственно, чѣмъ онъ выражаетъ жалкій остатокъ въ себѣ человѣческаго чувства, это то, что, несмотря на всю свою развращенность, онъ невольно склоняется передъ душевною чистотою Алеши.

Дмитрій Карамазовъ есть только молодое и еще не окончательно загрязненное повтореніе отца своего. Онъ впослѣдствіи и сдѣлался бы такимъ, если бы нѣкоторыя жизненныя обстоятельства не обнаружили на немъ остраго и безконечно вліятельнаго впечатлѣнія. Когда къ нему является дѣвушка, съ отвращеніемъ и ужасомъ готовая пожертвовать всѣмъ для спасенія чести отца, Дмитрій Карамазовъ, неожиданно для себя, очутился передъ тою границей порока, которой перейти невозможно, и онъ, молча, съ глубокимъ поклономъ, отдаетъ дѣвушкѣ крупныя для него деньги, необходимыя для спасенія ея отца. Въ этотъ моментъ настоящаго человѣческаго поступка въ душѣ его возникаетъ такое свѣтлое чувство счастія, что онъ готовъ былъ убить себя, зная, что не испытаетъ ничего лучшаго въ жизни. Въ глубинѣ души, втайнѣ даже отъ самого себя, человѣкъ всегда сознаетъ свое паденіе и скорбитъ о немъ, и, если въ немъ вспыхиваетъ надежда на обновленіе, онъ радостно склоняется передъ нею. Это именно и случилось съ Дмитріемъ Карамазовымъ. Съ своими распущенными привычками, онъ, конечно, не могъ не подчиняться попрежнему своей страстной натурѣ, остался кутилой и мотомъ и даже развратникомъ, но свѣтлый моментъ неизгладимо жилъ въ его душѣ, и онъ никогда уже не палъ бы такъ глубоко, какъ его отецъ, несмотря на безумныя отношенія къ Грушенькѣ, въ исканіи любви которой онъ является соперникомъ отцу, къ Катеринѣ Ивановнѣ и ко всѣмъ, кто встрѣтился бы ему на его жизненномъ пути. Образомъ Мити Карамазова Достоевскій показалъ великое уваженіе свое къ

нравственной природѣ человѣка и всю силу нравственнаго чувства для личной и общественной жизни.

Карамазовъ Иванъ, напоминающій собою Раскольникова и Базарова, есть типъ протестующій, все анализирующій и почти все отрицающій, и этотъ умственный протестъ и анализъ составляютъ его главенствующую страсть. Въ бесѣдѣ съ Алешей въ трактирѣ онъ обнаруживаетъ передъ нами всю душу, и мы видимъ, какъ много думалъ онъ своимъ безпокойнымъ и глубокимъ умомъ о несчастіяхъ и страданіяхъ, наполняющихъ міръ, о—говоря его собственными словами—„слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра". Онъ не отрицаетъ на словахъ Высшее Существо, но зло, господствующее въ мірѣ, представляется ему несогласимымъ противорѣчіемъ съ идеей вѣчной правды, которая должна бы осуществляться въ мірѣ, созданномъ этимъ Существомъ. Онъ не хочетъ признать, видѣть „гармонію" въ томъ, что зло наказывается, потому что наказаніе за причиненное и уже невознаградимое страданіе есть новое страданіе, только увеличивающее сумму бѣдствій въ мірѣ. И въ душѣ его возникаетъ ропотъ на Бога, „бунтъ", по выраженію Алеши. Между тѣмъ и простить за причиненіе страданій, страшные примѣры которыхъ онъ приводитъ, онъ не согласенъ. Непосредственное чувство правды и добра, нравственное чувство, естественно, затемняется этими противорѣчивыми попытками ума разрѣшить грозные и неразрѣшимые вопросы человѣческаго существованія, а зло представляется ему столь огромнымъ въ мірѣ, что, какъ онъ выражаетъ это легендою „Великій Инквизиторъ", по его мнѣнію „Единый Безгрѣшный", если бы Онъ вторично пришелъ въ міръ, подвергся бы вторично казни, при чемъ палачи Его дѣлали бы свое жестокое дѣло во имя Его же. Этотъ „бунтъ" ума, подавляющій непосредственное нравственное чувство, какъ и безвѣріе, безсиленъ сдѣлать Ивана Карамазова человѣчнымъ, нравственнымъ, и въ этомъ, нужно думать,—основная мысль, которую стремился выразить Достоевскій его образомъ.

Лакей отца Карамазова и въ то же время сынъ его отъ безобразной идіотки Елизаветы Смердящей, въ чувственномъ

вниманіи къ которой выразился весь безграничный цинизмъ его,—Смердяковъ, представляетъ изъ себя больное и злобное существо, уже по природѣ своей и обстоятельствамъ жизни наклонное почти исключительно ко злу. А между тѣмъ, этотъ Смердяковъ обладаетъ умомъ и особенно уваженіемъ къ уму: онъ благоговѣетъ передъ Иваномъ Карамазовымъ, и его безграничный, страстный эгоизмъ, воспитанный душевнымъ одиночествомъ, уступаетъ передъ этой привязанностью. Зараженный безвѣріемъ Ивана Карамазова, принявъ страстно правило послѣдняго: „все дозволено",—Смердяковъ лишается послѣдней опоры, послѣдней узды, сдерживавшей его наклонность ко злу, и онъ убиваетъ своего отца столько же изъ желанія угодить Ивану, которому, какъ ему кажется, выгодна смерть старика въ видахъ наслѣдства, сколько изъ застарѣлой ненависти къ отцу. Въ немъ, однако, проснулось нравственное чувство, и онъ жалко покончиваетъ съ собою. На почвѣ разнузданныхъ страстей этихъ четырехъ личностей разыгрывается страшная, безобразная драма, описываемая Достоевскимъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ законы душевной жизни человѣка. Смыслъ картины понятенъ изъ сказаннаго выше.

Отецъ и три первые брата Карамазовы—представители людей, подчиненныхъ чрезмѣрно своимъ страстямъ, и уже потому носящихъ въ себѣ задатки зла въ практической жизни. Нравственный идеалъ Достоевскаго выражается въ нихъ отрицательно. Напротивъ, въ лицѣ Алеши геніальный писатель стремился дать положительный идеальный образъ, и какъ ни мало очерченъ онъ, въ смыслѣ индивидуально-художественнаго изображенія, но нравственный смыслъ его, особенно въ прямомъ сопоставленіи съ образомъ старца Зосимы,—понятенъ. Онъ, этотъ „ранній человѣколюбецъ", „послушникъ Божій", въ монастырской жизни искавшій выхода изъ чувства тоски и неудовлетворенности жизнью, несмотря на свою страстную и чувственную, чисто Карамазовскую, натуру, такъ чистъ душою, что одно его присутствіе вноситъ уже во всѣ сердца подъемъ нравственнаго чувства. Передъ нимъ стихаетъ цинизмъ отца, Дмитрій сердцемъ принимаетъ его мнѣнія, Иванъ

открываетъ ему свою душу, даже Грушенька, задумавшая было „искушать“ его, стыдится этой мысли своей, какъ скоро увидѣла его.

Въ чемъ же разгадка его вліянія? Какъ и относительно старца Зосимы, его учителя и руководителя, разгадка эта въ томъ, что главенствующая „страсть“ въ немъ—любовь къ людямъ, скорѣе жалость къ нимъ, пониманіе ихъ человѣческихъ слабостей и пороковъ, всепрощающее отношеніе къ нимъ. Передъ старцемъ Зосимою всѣ равны, и онъ съ одинаковымъ чувствомъ сокрушенія о судьбахъ человѣческихъ и утѣшеніемъ относится и къ несчастной женщинѣ, убійцѣ своего мужа, и къ цинику-старику Карамазову, нагло смѣющемуся надъ нимъ. Поставивъ рядомъ Зосиму и Алешу, Достоевскій, конечно, хотѣлъ сказать тѣмъ, что не въ монастырскомъ уединеніи и въ аскетизмѣ причина этого душевнаго настроенія, что послѣднее столько же доступно для молодого и страстнаго Карамазова. А изъ сопоставленія Алеши Карамазова съ его отцомъ и братьями вытекаетъ ясная мысль, что истинное благо человѣчества, залогъ добра и правды для человѣчества—не въ умѣ и анализѣ жизни, не въ наслажденіи, которое существовавшей тогда теоріей ставилось во главу угла жизни человѣческой, цѣлью ея, а исключительно въ нравственномъ чувствѣ, въ совершенствованіи его, въ любви къ людямъ и искорененіи эгоизма.

Второстепенныя лица романа служатъ по существу той же самой идеѣ. Грушенька, это новая разработка уже появлявшейся у Достоевскаго темы (Настасья Филипповна въ „Идіотѣ“ и проч.), несмотря на свою низменную жизнь сохраняющая элементы добра въ душѣ своей, представляетъ изъ себя олицетвореніе того, какъ отражается служеніе человѣка эгоизму и страстямъ на судьбѣ другихъ людей. Ту же роль играютъ Илюша и его отецъ. Напротивъ, Ракитинъ есть въ мелкомъ видѣ Иванъ Карамазовъ, тысячное отраженіе того же типа людей, но только не имѣющихъ ума и страстности Карамазовскихъ.

Основная идея „Карамазовыхъ“ олицетворяетъ въ сильныхъ и страстно продуманныхъ психологическихъ образахъ

общую мысль, которая проходитъ черезъ всѣ произведенія Достоевскаго съ первыхъ шаговъ его художнической жизни, постепенно выясняясь все больше и больше. Какъ извѣстно изъ публицистической дѣятельности творца „Преступленія и наказанія“ и „Карамазовыхъ“, изъ его „Дневника писателя“, эта же самая идея составляла и предметъ его страстной публицистической проповѣди. Достоевскій-публицистъ былъ только слѣдствіемъ Достоевскаго мыслителя-художника.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Передъ судомъ смерти.

(„Смерть Ивана Ильича“).

I.

Къ геніальному русскому писателю Л. Н. Толстому безусловно и безъ ограниченій примѣнимы геніальныя слова Паскаля: „Quand on voit le style naturel, on est tout étonné et ravi: car on s'attendait à voir un auteur, et on trouve un homme“ [1]). Дѣйствительно, въ творцѣ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“ человѣкъ совершенно заслоняетъ собою автора, сочинителя. Не сочиненіе, не игру фантазіи, не исканіе художественной цѣлостности и другихъ эстетическихъ свойствъ— находите вы въ полныхъ глубокаго смысла картинахъ жизни, которыя онъ воспроизводитъ передъ вами, а удивительно простое, безхитростное созерцаніе жизни—глубокое, всестороннее, проникающее въ сокровеннѣйшія глубины ея, неизбѣгающее никакой изъ ея бѣдственныхъ и жалкихъ сторонъ, а напротивъ ищущее, чтобы не ускользнула отъ вниманія хотя бы малѣйшая, привычная—и потому незамѣтная для обыкновен-

---

[1]) „Видя простой, естественный языкъ, читатели изумляются и восхищаются; потому что ожидали увидѣть сочинителя, а находятъ человѣка“.

наго человѣка сторона ея. Передъ вами не поэтъ, не ученый, не либералъ или консерваторъ, а только человѣкъ, всматривающійся въ многообразныя явленія совершающейся кругомъ жизни и ищущій смысла въ нихъ. Художественность, образность и изящество языка лежатъ внѣ цѣлей и стремленій автора, онъ не ищетъ ихъ; и если, несмотря на то, образы, созданные имъ, такъ художественны и прекрасны; если его языкъ, почти небрежный, страдающій галлицизмами, постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ и неокругленностью фразъ, такъ необычайно богатъ и выразителенъ, то объясненіе этого — въ силѣ огромнаго геніальнаго дарованія.

При самой полной безтенденціозности, для каждаго великаго и объективнѣйшаго писателя неизбѣжно нѣчто, опредѣляющее его отношеніе къ изображаемому имъ міру, уголъ и точка зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на жизнь, то, что въ устарѣвшей эстетической терминологіи называлось „паѳосомъ“ автора, и чѣмъ ярко отличаются писатели другъ отъ друга. Во внѣшнемъ изображеніи жизни отражается внутренній міръ писателя. Если онъ, еще не испытанный зломъ и мракомъ жизни, на все смотритъ любопытными глазами юноши, всюду видя вѣчную игру смѣняющихъ другъ друга явленій и находя въ ней прелесть и радость, то на всѣхъ его картинахъ жизни отразится эта жизнерадостность. Но если онъ уже воспиталъ въ себѣ духъ сомнѣній, если подъ непрерывной игрой смѣняющихся цвѣтовъ и красокъ онъ видитъ борьбу часто за ничтожное существованіе, вѣчную побѣду смерти надъ бывшимъ и грядущимъ, — въ иныхъ чертахъ является ему жизнь.

Отъ паѳоса, отъ свойства міровоззрѣнія, отъ исходной точки зрѣнія, не менѣе, чѣмъ отъ таланта, все зависитъ въ писателѣ—и выборъ сюжетовъ, и манера изображенія, и тотъ духъ, тотъ смыслъ, который онъ вкладываетъ въ созданія своей фантазіи. И чѣмъ выше, чѣмъ оригинальнѣе и значительнѣе писатель, тѣмъ сильнѣе выражается въ его произведеніяхъ его внутренній міръ. Самая значительность, великость этого міра обусловливаетъ то, что великій писатель ни-

когда не можетъ исказить, извратить дѣйствительность, потому что самъ этотъ внутренній міръ его есть только результатъ внутренней переработки впечатлѣній дѣйствительности, потому что онъ—общій принципіальный выводъ, теорія жизни, и слѣдовательно онъ самъ же и контролируетъ въ авторѣ правду изображенія жизни, какъ ясная теорія свѣта можетъ только помѣшать неправильно описать явленія его. Отсюда ясно, что если въ сложныхъ вопросахъ цѣнности и смысла жизни, гдѣ однимъ изъ главныхъ элементовъ сужденія является неподчиняющееся контролю индивидуальное чувство, и неизбѣжны разногласія, и свойства міровоззрѣнія каждаго писателя обязательно будутъ различны, тѣмъ не менѣе каждый писатель, если онъ слѣдуетъ своему вдохновенію, будетъ всегда вѣренъ истинѣ. Писатели могутъ отличаться другъ отъ друга въ изображеніи одного и того же предмета только освѣщеніемъ и точкой зрѣнія на него, каждый оставаясь глубоко правдивымъ, глубоко вѣрнымъ дѣйствительности и своему внутреннему міру, тому, какъ дѣйствительность отразилась во внутреннемъ сознаніи писателя. И то, что̀ зовется объективностью, совсѣмъ не исключаетъ постояннаго присутствія личнаго, оригинальнаго авторскаго духа въ произведеніи, его сужденій о жизни, его думъ, исканій.

Мы позволили себѣ говорить объ этихъ, въ сущности элементарныхъ принципахъ къ тому главнымъ образомъ, чтобы оправдать наше отношеніе къ предмету нашей бесѣды... Въ послѣднія десятилѣтія русская критика съумѣла извратить прямыя задачи, лежащія передъ ней, и такъ называемую „реальную“ критику передѣлала въ полемическую. Къ произведеніямъ большихъ, проницательнѣйшихъ художественныхъ талантовъ примѣнялись странныя требованія. Ихъ паѳосъ, ихъ основное міровоззрѣніе подвергалось легковѣсному оспариванію, рекомендовалось имъ отказаться отъ него—отъ того, что̀ служитъ всегда главнымъ вдохновителемъ художника, безъ чего произведенія его не могли бы существовать или превратились бы въ мертвое, лишенное духа жизни тѣло, изъ чего истекаютъ „идеи“ произведенія, облекаемыя художникомъ въ плоть и кровь. Необходимо отказаться отъ подобнаго крити-

ческаго пріема, потому что онъ глубоко несостоятеленъ. Несостоятеленъ въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, когда авторъ предлагаетъ вамъ великое зрѣлище своей душевной жизни, мукъ, вызываемыхъ „напастями житейскаго моря“, глубокихъ думъ, вытекшихъ изъ глубокихъ впечатлѣній,—а тутъ вдругъ первый пришедшій человѣкъ, быть можетъ никогда и не знавшій ни этихъ мукъ, ни этихъ думъ, третируетъ свысока непонятное ему явленіе, не подходящее подъ его шаблонные взгляды и якобы „убѣжденія“, предлагаетъ автору иначе, по данному шаблону, мыслить и чувствовать.

Отказъ отъ этого пріема, даже въ лучшихъ случаяхъ оправдываемаго только по отношенію къ заурядным явленіямъ въ литературѣ, къ писателямъ, нуждающимся въ совѣтахъ и указаніяхъ, чтобы устоять при ограниченности дарованія на правомъ пути, — отказъ этотъ будетъ только возвращеніемъ къ лучшимъ литературнымъ традиціямъ. Помните ли, что̀ говорилъ объ этомъ Добролюбовъ? „Относительно такого писателя, какъ... нельзя позволить себѣ этой... критики“, писалъ онъ. „Каждый читатель съ полной основательностію можетъ намъ замѣтить: зачѣмъ вы убиваетесь надъ соображеніями о томъ, что вотъ тутъ нужно было бы то-то, а здѣсь не достаетъ того-то? Мы вовсе не хотимъ признать за вами право давать уроки...; намъ вовсе не интересно знать, какъ бы по вашему мнѣнію слѣдовало сочинить пьесу, сочиненную имъ. Мы читаемъ и любимъ автора, и отъ критики мы хотимъ, чтобы она осмыслила передъ нами то, чѣмъ мы увлекаемся часто безотчетно, чтобы она привела въ нѣкоторую систему и объяснила намъ наши собственныя впечатлѣнія. А если, уже послѣ этого объясненія, окажется, что наши впечатлѣнія ошибочны, что результаты ихъ вредны, или что мы приписываемъ автору то, чего нѣтъ, тогда пусть критикъ займется разрушеніемъ нашихъ заблужденій, но опять-таки на основаніи того, что̀ даетъ намъ самъ авторъ“...

Такое правило признавалъ Добролюбовъ — по крайней мѣрѣ въ теоріи. Пусть вы не согласны съ авторскимъ міросозерцаніемъ, пусть вы стоите на иной, чѣмъ онъ, точкѣ зрѣнія, но вы ли въ истинѣ, это остается вопросомъ.

Да и каждая новая точка зрѣнія, каждая новая освѣщенная сторона не приближаетъ ли къ истинѣ. И кто же изъ насъ, прочитавъ проникнутое мыслью и чувствомъ художественное произведеніе, не сознавалъ этого, не испытывалъ чувствъ и думъ, дотолѣ не испытанныхъ, бросавшихъ новые лучи на весь міръ жизни людской.

II.

Разсказъ гр. Л. Н. Толстого—„Смерть Ивана Ильича" (мы предполагаемъ его извѣстнымъ читателю) не даромъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ читателей. Въ образъ этой страшной смерти геніальный авторъ вложилъ и тяжкія впечатлѣнія отъ лжи, проникающей нашу жизнь, и страстныя многолѣтнія исканія истины, и то чувство безконечнаго, въ которомъ онъ нашелъ разрѣшеніе своихъ сомнѣній. Въ небольшомъ по объему разсказѣ заключено колоссальное содержаніе, затрогивающее самые больные изъ вопросовъ, волнующихъ современниковъ. Авторъ отвѣчаетъ на эти вопросы глубокимъ анализомъ жизни и души современнаго человѣка, показывая ненормальное ихъ состояніе,—слѣдовательно, отвѣчаетъ отрицательными указаніями. Но за этимъ отрицаніемъ чувствуется живой идеалъ жизни, къ которому онъ призываетъ дѣйствительность. Все огромное литературное и общественное значеніе разсказа, однако, не въ идеалѣ этомъ, который вы можете принять и не принять, а именно въ необыкновенно проницательномъ анализѣ дѣйствительности, до глубины проникающемъ въ сокровеннѣйшіе мотивы, двигающіе ею.

Въ журналистикѣ отразилось впечатлѣніе, которое съ перваго раза производитъ „Смерть Ивана Ильича". Поражаетъ читателя въ разсказѣ прежде всего реальнѣйшее изображеніе медленнаго развитія болѣзни, а съ нею постепенно растущаго сознанія приближающагося конца, ужаса передъ наступающимъ неизвѣстнымъ, предсмертной агоніи, а также сознанія нравственнаго одиночества передъ смертью, страшнаго безучастія окружающихъ, близкихъ. Но какъ ни поразительно

это страшное изображеніе смерти, не въ немъ центръ тяжести и истинный ужасъ разсказа. У того же Толстого („Три смерти"), у Тургенева („Смерть"), мы знаемъ описанія факта смерти, но мы выносимъ изъ нихъ какое-то умиротворяющее впечатлѣніе; здѣсь, напротивъ, страшныя и тяжкія мысли думать и тяжкія чувства испытывать заставляетъ васъ авторъ. И не зрѣлище физическихъ страданій и физической смерти тяготитъ васъ; развѣ не такъ же ужасно положеніе раздавленнаго упавшимъ деревомъ человѣка, распростертаго на землѣ (въ „Смерти" Тургенева)? Самъ авторъ не особенно останавливается на физическихъ страданіяхъ героя, не описываетъ ихъ, какъ это иногда съ неподражаемой тонкостью дѣлалъ Достоевскій; онъ просто говоритъ о боли, о страданіяхъ, которыя *долженъ* испытывать больной но онъ же прибавляетъ, что „нравственныя страданія", сознаніе неладно прожитой жизни, „увеличивали, удесятеряли его физическія страданія", и читатель, не чувствуетъ въ своей душѣ, какъ страдалъ Иванъ Ильичъ физически, но съ ужасомъ видитъ, понимаетъ и раздѣляетъ его нравственныя муки.

Смерть не сама по себѣ имѣетъ значеніе въ разсказѣ, а по той роли, которую она выполняетъ. Роль эта—роль судьи. Когда передъ Иваномъ Ильичемъ разъ навсегда выяснилось, что жизнь его — кончена, тогда все, что̀ имѣло въ его глазахъ еще такъ недавно важное значеніе въ жизни, что̀ наполняло ее, должно было лишиться мишурной окраски и заняло то относительное мѣсто, которое ему принадлежитъ въ дѣйствительности по праву. И тутъ оказалось, что то, чѣмъ онъ наполнялъ свою жизнь, такъ мелко и ничтожно, такъ безцвѣтно и пусто, что и жить такъ не стоило. „А если это такъ", говорилъ онъ себѣ, „и я ухожу изъ жизни съ сознаніемъ того, что погубилъ все, что̀ мнѣ дано было, и поправить нельзя, тогда что-жъ?" — и не находилъ отвѣта. Если возвращалась на мгновеніе надежда еще жить,—вступали въ свои права обычныя мысли и интересы, и сознаніе сгубленной жизни блѣднѣло. Но снова приходила смерть и устремляла на него свои испытующія очи—и снова ему ясна становилась вся жалкая мишурность его жизни.

Роль неподкупнаго и безпристрастнаго судьи сыграла съ Иваномъ Ильичомъ смерть! Смерть, дѣйствительно, великій цѣнитель дѣлъ человѣческихъ, и „memento mori!“ — великій принципъ не для однихъ монашескихъ орденовъ. Только помня, что жизнь — не длинное поприще, которое суждено пройти человѣку, что настанетъ смерть, человѣкъ со смысломъ можетъ устроить свое существованіе. Какъ много того, что̀ занимаетъ человѣка, можетъ показаться безмѣрно пустымъ и безцѣльнымъ передъ одною мыслью о смерти, и какъ многое въ жизни, что̀ тяготитъ и не зоветъ къ себѣ, передъ тою же мыслью вырастаетъ и возвышается! Въ этомъ именно смыслѣ и можно сказать, что смерть — одно изъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ разсказа Толстого. Она истолкователь той жизни—цѣлой огромной сферы жизни человѣческой, которая проходитъ передъ ея нелицепріятнымъ сужденіемъ и—судомъ.

Если бы Ивану Ильичу пришлось умереть какъ-нибудь сразу, отъ удара, отъ разрыва сердца или въ томительномъ лихорадочномъ бреду, онъ не видѣлъ бы смерти; она какъ воръ подкралась бы къ нему—и похитила бы жизнь безъ его вѣдома. Тогда въ его умѣ, въ его сознаніи, не возникло бы тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ существенное содержаніе и существенный смыслъ разсказа. Вотъ почему авторъ не могъ взять дѣло иначе, чѣмъ какъ оно взято у него, вотъ почему онъ долженъ былъ остановиться въ своемъ художественномъ созерцаніи на длинномъ процессѣ наступающаго сознанія смерти. Это — не капризъ художника, не простое стремленіе проанализировать безъ цѣли, или съ цѣлью чисто литературно-художественной — одно изъ явленій жизни человѣчества. Нашъ великій художникъ и въ этомъ случаѣ не сочинитель, не авторъ, а только—человѣкъ. Не задаромъ, не праздныхъ любителей потрясающихъ впечатлѣній зоветъ онъ смотрѣть на то, какъ умираетъ человѣкъ. Онъ совѣсти ищетъ въ читателѣ, призываетъ его къ сознанію, какъ важна жизнь человѣческая, и какъ безмѣрно извращаются ея лучшія цѣли. Только съ этою цѣлію онъ призываетъ смерть и ставитъ ее передъ глазами человѣка, какъ укоръ нѣмой, но краснорѣчивый и страшный...

Передъ непрестаннымъ зрѣлищемъ присутствующей смерти въ разсказѣ возможно поспѣшное заключеніе, что художникъ вообще хотѣлъ показать ничтожество жизни, если разъ человѣкъ долженъ умереть: что въ разсказѣ—или пессимистическое, или аскетическое міровоззрѣніе, проповѣдующее, что „человѣкъ подобенъ травѣ, что дни его, его жизнь—подобны цвѣтку полевому“, и что поэтому и жить не стоитъ. Но именно такое заключеніе противорѣчило бы всему духу, проникающему разсказъ. Не жизнь отрицаетъ авторъ, а только ту, которую велъ Иванъ Ильичъ — и вмѣстѣ съ нимъ милліоны людей, считающихъ себя образованными, развитыми, живущими сознательно и разумно, цвѣтомъ общества человѣческаго. Отрицая эту жизнь, авторъ знаетъ другую, лучшую, въ которой больше радостей и настоящей жизни. Даже въ жизни самаго Ивана Ильича были хорошія минуты. „Что дальше назадъ,—вспоминаетъ онъ,—то больше было жизни. Больше было и добра въ жизни, и больше было и самой жизни. И то и другое сливалось вмѣстѣ“... Не отрицаніе жизни, не пессимизмъ въ томъ, если человѣкъ сознаетъ, „что онъ погубилъ все, что ему дано было“. Значитъ даны были Ивану Ильичу задатки живой и разумной жизни, и только онъ самъ, по собственной волѣ, а быть можетъ и по чужой винѣ—безумно растратилъ дары природы.

Самъ Иванъ Ильичъ въ своихъ горькихъ воспоминаніяхъ въ такихъ краскахъ рисуетъ все свое прошлое:

„...Онъ сталъ перебирать въ воображеніи лучшія минуты своей пріятной жизни. Но странное дѣло, всѣ эти лучшія минуты пріятной жизни казались теперь совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онѣ казались тогда. Всѣ—кромѣ первыхъ воспоминаній дѣтства. Тамъ, въ дѣтствѣ, было что-то такое дѣйствительно пріятное, съ чѣмъ можно бы было жить, если бы оно вернулось. Но того человѣка, который испытывалъ это пріятное, уже не было; это было какъ бы воспоминаніе о какомъ-то другомъ. Какъ только начиналось то, чего результатомъ былъ теперешній онъ, Иванъ Ильичъ, такъ всѣ казавшіяся тогда радости теперь на глазахъ его таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое. И чѣмъ дальше отъ дѣт-

ства, чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ ничтожнѣе и сомнительнѣе были радости. Начиналось это съ правовѣдѣнія. Тамъ было еще кое-что истинно хорошее: тамъ было веселье, тамъ была дружба, тамъ были надежды. Но въ высшихъ классахъ уже были рѣже эти хорошія минуты. Потомъ, во время первой службы у губернатора, опять появились хорошія минуты: это были воспоминанія о любви къ женщинѣ. Потомъ все это смѣшалось, и еще меньше стало хорошаго. Далѣе еще меньше хорошаго, и что дальше, то меньше. Женитьба... такъ нечаянно—и разочарованіе, и запахъ изо-рта жены, и чувственность, притворство! И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгахъ, и такъ годъ, и два, и десять, и двадцать — и все то же. И что дальше, то мертвѣе. Точно равномѣрно я шелъ подъ гору, воображая, что иду на гору. Такъ и было. Въ общественномъ мнѣніи я шелъ на гору, и ровно настолько же изъ подъ меня уходила жизнь"...

Такъ описываетъ этотъ несчастный умирающій свое длинное, почти полувѣковое существованіе. Передъ послѣднимъ судомъ совѣсти, передъ сознаніемъ наступающей смерти, уцѣлѣло лишь дѣтство да немногія мгновенія искренняго проявленія чувства: моменты молодого веселья, дружбы, надеждъ и любви, а все остальное—жалкая иллюзія счастья. И умирающій въ правѣ спросить: „если точно такъ гадка и безсмысленна была жизнь, такъ зачѣмъ же умирать, и умирать страдая?" Получалась поражающая безсмыслица, обнимающая собою и жизнь, и смерть, и все существованіе человѣческое. Естественно было придти къ страшному вопросу: „можетъ быть, я жилъ не такъ, какъ должно"?

Полными смысла и значенія образами авторъ показываетъ, въ чемъ порокъ этой страшной жизни, окончившейся такой, поражающей нравственными муками и страшной—смертью.

III.

Жизнь исключительная, или особенно одареннаго, мыслящаго человѣка, или порочнаго человѣка, не могла бы служить основою представленій о дѣйствительности, о ея типи-

ческихъ чертахъ и свойствахъ. Почти то же можно сказать о такой жизни, въ которой все совершается подъ разнообразными давленіями, посторонними факторами. Геніальное художественное чувство подсказало автору остановиться на обыкновенномъ среднемъ человѣкѣ, болѣе или менѣе независимомъ, и притомъ человѣкѣ совершенно порядочномъ въ обычномъ общественномъ значеніи этого слова. Совершая въ правовѣдѣніи проступки, которые прежде представлялись ему гадостями, онъ чувствовалъ отвращеніе къ самому себѣ—не лишенъ онъ, значитъ, былъ живого чувства и свѣжести душевной. На службѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій губернатора, онъ „держалъ себя съ достоинствомъ и съ высшими, и съ низшими, и съ неподкупной честностью исполнялъ возложенныя на него порученія". Судебнымъ слѣдователемъ Иванъ Ильичъ, правда, занятъ былъ мелкой мыслью, что „всѣ, всѣ безъ исключенія—самые важные, самодовольные люди всѣ у него въ рукахъ, и что ему стоитъ только написать извѣстныя слова на бумагѣ съ заголовкомъ—и этого важнаго, самодовольнаго человѣка приведутъ къ нему въ качествѣ обвиняемаго или свидѣтеля, и онъ будетъ, если онъ не захочетъ посадить его, стоять передъ нимъ и отвѣчать на его вопросы". Однакоже онъ „не злоупотреблялъ этой своей властью, напротивъ, старался смягчать ея выраженія". Словомъ, Иванъ Ильичъ былъ несомнѣнно порядочный человѣкъ, по общепринятымъ представленіямъ.

Но все его существованіе сложилось такъ странно и безразсудно, что трудно было и ожидать чего-либо хорошаго отъ подобной жизни. Если бы обратиться къ Ивану Ильичу съ вопросомъ, *зачѣмъ* онъ живетъ, *къ чему* стремится, какой *смыслъ*, какая *цѣль* его существованія и его дѣятельности, онъ не могъ бы ничего сказать. Въ разсказѣ есть ясныя указанія, что въ душѣ Ивана Ильича не было ни религіозныхъ, ни хотя бы философскихъ представленій о смыслѣ и цѣли бытія, ихъ замѣняло простое равнодушіе, полная индифферентность къ самымъ вопросамъ этимъ. Существованіе его естественно во всей своей цѣлостности превратилось въ нѣчто не имѣющее ни цѣли, ни смысла, въ животную жизнь

только подъ внѣшностью человѣческой, въ удовлетвореніе элементарныхъ потребностей, всею своею кажущеюся широтою обязанныхъ широкому въ матеріальномъ смыслѣ воспитанію и условному положенію въ обществѣ. Его въ сущности ничто особенно не интересовало—ни искусство, ни наука; ни весь окружавшій его міръ людской, ни міръ Божій не имѣли для него другого значенія, какъ только въ родѣ чего-то добавочнаго къ его квартирѣ.

Потерявъ самое стремленіе опредѣлить смыслъ и задачи своей жизни, Иванъ Ильичъ не остался совершенно безъ идеала ея, если позволительно въ данномъ случаѣ такъ выразиться. Но, Боже! что это за мелкій и ничтожный идеалъ. весь состоящій въ рабскомъ подчиненіи своей личности, своей самостоятельной мысли въ пользу того, чтобы жить какъ всѣ—и особенно высокопоставленные люди. Для него существовало понятіе и чувство долга; но долгомъ онъ считалъ „все то. что считалось таковымъ наивысше поставленными людьми". „Онъ какъ муха къ свѣту—говоритъ о немъ авторъ—тянулся къ наивысше поставленнымъ въ свѣтѣ людямъ, усвоивалъ себѣ ихъ пріемы, ихъ взгляды на жизнь, и съ ними устанавливалъ дружескія отношенія".

Ясно, что онъ не жилъ самостоятельно умомъ и сердцемъ, отдавая все въ жертву тщеславнаго стремленія жить съ наивысше поставленными людьми. Онъ поступилъ на службу; но въ ней онъ опять не видѣлъ ни личной своей цѣли, ни смысла, удовлетворяя опять только своему тщеславному чувству. Его занимало, ему пріятно было „свободной походкой въ шармеровскомъ вицмундирѣ пройти мимо трепещущихъ и ожидающихъ пріема просителей и должностныхъ лицъ, завидующихъ ему, прямо въ кабинетъ начальника и сѣсть съ нимъ за чай съ папироскою". Когда онъ былъ судебнымъ слѣдователемъ, „главный интересъ и привлекательность этой службы составляли для него сознаніе власти и возможность смягчать ее". Даже въ танцахъ онъ съумѣлъ извратить смыслъ ихъ и назначеніе, и объ этомъ авторъ говоритъ съ ядовитой ироніей, но съ поразительно вѣрнымъ опредѣленіемъ мелкаго чувства своего героя. „Иванъ Ильичъ, будучи чиновникомъ особыхъ

порученій, вообще танцовалъ; судебнымъ же слѣдователемъ онъ уже танцовалъ какъ исключеніе. Онъ танцовалъ уже въ томъ смыслѣ, что хоть и по новымъ учрежденіямъ и въ пятомъ классѣ, но если дѣло касается танцевъ, то могу доказать, что въ этомъ родѣ могу лучше другихъ".

Женитьба Ивана Ильича опять обнаруживаетъ безсознательное извращеніе цѣлей и смысла брака. Да онъ и не искалъ этихъ цѣлей и этого смысла! „Онъ не имѣлъ яснаго, опредѣленнаго намѣренія жениться",—говоритъ авторъ,—но когда дѣвушка влюбилась въ него, онъ задалъ себѣ этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же и не жениться?" сказалъ онъ себѣ. Такъ легко и просто рѣшался для него одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ цѣлой жизни. Онъ не думалъ надъ вопросомъ, что̀ онъ найдетъ въ своей женѣ, друга ли, врага ли своимъ завѣтнымъ стремленіямъ, потому что и самъ онъ не имѣлъ никакихъ стремленій. Весь кодексъ его требованій опредѣлялся опять исключительно чужими, рутинными взглядами: „она была хорошаго дворянскаго рода, недурна; было маленькое состояньице; хорошее родство; она милая, хорошенькая и вполнѣ порядочная женщина"—вотъ всѣ основанія его для женитьбы. Но какъ же онъ удивленъ, когда семейная жизнь его совершенно естественно пошла удивительно нескладно, разрушая даже его нетребовательныя представленія о жизни въ нѣкоторомъ родѣ идеальной, т.-е., „легкой, пріятной, веселой, и всегда приличной, и одобряемой обществомъ". Передъ нимъ вставала серьезная задача выработать свои семейныя отношенія, опредѣлить свои обязанности и права въ семьѣ и твердо поставить ихъ. Но это совершенно нарушило бы все безсмысліе и всю безцѣльность его существованія, было невозможно для него, и вотъ онъ выгораживаетъ себя путемъ службы, совершенно по возможности отстраняя отъ себя все содержаніе семейной жизни, загораживаясь отъ нея и уходя въ свой отдѣльный міръ, содержаніемъ нисколько не богаче и не лучше, чѣмъ все остальное его существованіе.

Между тѣмъ по службѣ идя впередъ, сосредоточивая въ ней весь интересъ своей жизни, Иванъ Ильичъ опять не ви-

дитъ и не хочетъ постигать истиннаго значенія ея для него. Его занимаетъ „сознаніе своей власти, возможности погубить всякаго человѣка, важность, даже внѣшняя, при его входѣ въ судъ и встрѣчахъ съ подчиненными". Удивительна характеристика автора, данная имъ для умѣнія Ивана Ильича быть на службѣ не человѣкомъ, а чиновникомъ. „Во всемъ надо было умѣть исключать все то сырое, жизненное, что всегда нарушаетъ правильность теченія служебныхъ дѣлъ,—говоритъ авторъ;—надо не допускать никакихъ отношеній помимо служебныхъ, и поводъ къ отношеніямъ долженъ быть служебный, и самыя отношенія только служебныя. Напримѣръ, приходитъ человѣкъ и желаетъ узнать что-нибудь. Иванъ Ильичъ какъ человѣкъ не должностной и не можетъ имѣть никакихъ отношеній къ такому человѣку; но если есть отношеніе этого человѣка какъ къ члену такое, которое можетъ быть выражено на бумагѣ съ заголовкомъ,—въ предѣлахъ этихъ отношеній Иванъ Ильичъ дѣлаетъ всё, всё рѣшительно, что можно, и при этомъ соблюдаетъ подобіе человѣческихъ, дружелюбныхъ отношеній, т.-е. учтивость. Какъ только кончается служебное, такъ начинается всякое другое. Этимъ умѣньемъ отдѣлять служебную сторону, не смѣшивая ее съ своей настоящей жизнью, Иванъ Ильичъ владѣлъ въ высшей степени, и долгой практикой и талантомъ выработалъ его до такой степени, что онъ даже, какъ виртуозъ, иногда позволялъ себѣ, какъ бы шутя, смѣшивать человѣческое и служебное отношенія"... Какимъ мертвеннымъ духомъ запечатлѣны всѣ отношенія, вся дѣятельность Ивана Ильича!

На всемъ умственномъ складѣ героя разсказа лежитъ полное отсутствіе интереса къ ближнему, къ человѣку, и утонченный, но весьма легкомысленный эгоизмъ, воспитанный на почвѣ матеріальной цивилизаціи. Все отношеніе къ людямъ исчерпывается стремленіемъ стать выше другихъ, не быть ихъ братьями, унизить ихъ своимъ превосходствомъ, конечно—мнимымъ. Это полное извращеніе смысла человѣческихъ отношеній, получающее стойкое основаніе въ простомъ отсутствіи исканія вообще цѣлей и смысла жизни человѣческой, особенно ярко вырисовывается въ служебной „виртуозности" героя.

Онъ, призванный служить обществу, быть его послушнымъ органомъ, получая отъ него за то возможность жить,—и въ своихъ глазахъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ принимаетъ размѣры властелина надъ нимъ, наслаждается сознаніемъ возможности призвать къ себѣ всякаго и заставить отвѣчать себѣ, т.-е. сознаніемъ возможности сдѣлать зло человѣку, нарушая при этомъ священнѣйшія и служебныя, и просто человѣческія обязанности. Понятно, что служба въ рукахъ подобнаго человѣка можетъ явиться съ полнѣйшимъ извращеніемъ всѣхъ своихъ цѣлей. Безсмысленна, безцѣльна и пуста жизнь, проведенная на основаніи столь тлетворныхъ принциповъ и побужденій.

IV.

Мы должны возвратиться опять къ той же смерти, которая является въ разсказѣ судьею подобной жизни, лишенной смысла и сознательныхъ цѣлей. Не судьей только является она, а и мстителемъ. Въ каждомъ человѣкѣ есть сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ ближнему, и это сознаніе, освобожденное изъ-подъ наноснаго житейскаго сора приближеніемъ смертнаго часа, само по себѣ мстительно налагаетъ мучительныя мысли и чувства на всякаго, измѣнившаго имъ. Иванъ Ильичъ, уже привычный мыслить въ свойственномъ ему направленіи, не сразу сдается на приступы совѣсти, долго еще и внѣшне-твердо увѣряя себя, что онъ не задаромъ прожилъ свою жизнь, что онъ жилъ какъ слѣдуетъ. Но торжеству сознанія истины помогаютъ всѣ окружающіе—и въ этомъ новое орудіе мести въ рукахъ наступающей смерти. Встрѣчая въ нихъ тотъ самый мелкій и бездушный эгоизмъ, цѣпляющійся за жизнь, какъ за источникъ мелкихъ удовлетвореній тщеславія и мелкихъ удовольствій, который составлялъ сущность и его собственной жизни, умирающій не могъ не чувствовать, что теперь, одинокій съ своими мыслями, не понимаемый никѣмъ, онъ и не долженъ ожидать ничего другого, что онъ самъ совершенно такъ же тупо эгоистически относился бы и къ каждому другому уми-

рающему, пока передъ нимъ самимъ не всталъ грозный образъ смерти. Не даромъ же онъ никакъ не могъ примѣнить къ себѣ знаменитаго силлогизма о смертности Кая. Но отъ того еще труднѣе было ему видѣть, какъ, умирая, въ послѣдніе дни своего существованія, онъ становился какой-то обузой, тяготѣющей надъ другими, мѣшающей имъ предаться „легкой, пріятной, веселой и приличной, одобряемой обществомъ", жизни.

Что это именно такъ, свидѣтельствуютъ всѣ отношенія Ивана Ильича къ домашнимъ его—и обратно. Какая сѣть лжи окружила его съ того самаго момента, какъ поставленъ былъ вопросъ о смерти его—поставленъ имъ самимъ, а никакъ не другими, тщательно избѣгавшими этой непріятной мысли. Ложь эта, та самая, среди которой онъ такъ свободно вращался, созидая и размножая ее, теперь нестерпимо. все болѣе и болѣе, рѣзала ему глаза, нанося пытки и своимъ существованіемъ, и еще болѣе своимъ обличеніемъ его самого. Докторъ, свободно вращающійся въ вопросахъ о „блуждающей почкѣ и слѣпой кишкѣ", и тщательно избѣгающій существеннѣйшаго вопроса о жизни или смерти его, смотрящій на него, какъ на паціента, какъ на нѣчто, таинственно заключающее въ себѣ рѣшеніе вопроса о почкѣ и кишкѣ, напоминалъ ему его же самого въ судѣ, когда онъ разсматривалъ человѣка не какъ человѣка, а какъ только объектъ для примѣненія извѣстной юридической нормы. Онъ былъ самъ изъ той породы людей, для которыхъ принципъ fiat justitia—pereat mundus могъ бы свободно получить буквальное осуществленіе, лишь бы имъ самимъ не быть причисленными къ погибающему міру и остаться въ сферахъ юстиціи. Его жена, *для себя самой* заставляющая его исповѣдоваться и причаститься, и для себя же ѣдущая въ театръ въ то время, когда онъ, одинокій съ своими мучительными и непонятными ей думами, оставался дома. Ея формально-обязательныя и въ сущности бездушныя къ нему отношенія могли напомнить ему опять его же собственное бездушіе въ вопросахъ того дѣла, которое онъ бралъ на себя, его полную готовность промѣнять это дѣло на всякое другое, лишь бы за него больше платили. Все и всѣ говорили для него не о своемъ только

бездушіи, а служили и для него укоромъ. И онъ ненавидитъ все окружающее за то, что оно такъ уродливо, и за то также, что оно такъ мучитъ его.

Иванъ Ильичъ—явленіе не только не исключительное, но всеобщее, и одни только лукавые фарисеи гражданскаго благочестія могутъ отрицать это. Авторъ, какъ бы для доказательства этого, въ самомъ началѣ разсказа набрасываетъ фонъ, на которомъ уже послѣ и созидается главная фигура. Этотъ жизненный фонъ глубоко потрясающъ самъ по себѣ. И послѣ, по прочтеніи первыхъ страницъ, когда уже передъ вами вырисовывается фигура умирающаго человѣка, вы съ большой ясностью угадываете, какую роль игралъ онъ среди этихъ людей, какое мѣсто занималъ. Дѣйствіе открывается тѣмъ, что товарищи Ивана Ильича, во время перерыва засѣданія, говорятъ о „знаменитомъ красовскомъ дѣлѣ", и первый вопросъ въ немъ для нихъ — не то жизненное его содержаніе и значеніе, которое составляетъ сущность, а чисто формально-юридическое обстоятельство—подсудность. Но вотъ одинъ изъ нихъ видитъ въ газетахъ извѣщеніе о смерти Ивана Ильича. И рядомъ съ чувствомъ нѣкотораго сожалѣнія къ покойному, тѣмъ не менѣе „первою мыслью каждаго изъ господъ этихъ было о томъ, какое значеніе можетъ имѣть эта смерть на перемѣщенія или повышенія самихъ членовъ или ихъ знакомыхъ. Другъ покойнаго на его смерти сооружаетъ проектъ о „переводѣ шурина изъ Калуги", мечтая, что „теперь уже женѣ нельзя будетъ говорить, что онъ никогда ничего не сдѣлалъ для ея родныхъ".

Авторъ съ суровой и безпощадной правдой вскрываетъ сокровеннѣйшія душевныя движенія, и въ каждомъ изъ персонажей предыдущей сцены, кромѣ соображеній о перемѣщеніяхъ и измѣненіяхъ по службѣ, отмѣчаетъ еще „чувство радости о томъ, что умеръ онъ, а не я". „Каково, умеръ, а я вотъ нѣтъ!—подумалъ или почувствовалъ каждый. Близкіе же знакомые, такъ называемые друзья Ивана Ильича, при этомъ подумали невольно и о томъ, что теперь имъ надобно исполнить очень скучныя обязанности приличія и поѣхать на панихиду, и къ вдовѣ съ визитомъ соболѣзнованія".

А вечеромъ, по исполненіи „скучныхъ обязанностей", уже всѣ, по обыкновенію своему, играли въ винтъ. Здѣсь поразительно не то, что эти еще пока живые люди думали и заботились о живомъ, а ихъ бездушный и холодный эгоизмъ, рядомъ съ формальнымъ стремленіемъ прикрыть его противоположной внѣшностью.

На этомъ общемъ фонѣ бездушія и лжи, одинъ только человѣкъ отличается безъискусственной искренностью и правдивостью — буфетный мужикъ Герасимъ, на которомъ и отдыхаетъ утомленный ложью и внѣшностью безъ содержанія взоръ умирающаго. Герасимъ — здоровенный мужчина, весь такъ и дышащій жизнью; но въ немъ это, въ противоположность другимъ лицамъ, не оскорбляетъ больного. Но и Герасимъ, съ своей стороны, не придаетъ особенной цѣны своей жизни—живетъ, покуда живется, и умретъ если не равнодушно, то съ сознаніемъ, что нужно когда-нибудь и умереть. Теперь онъ нисколько не скрываетъ отъ Ивана Ильича, что тотъ умираетъ, и охотно служитъ ему, говоря, что „всѣ умирать будемъ, отчего же не потрудиться", выражая этимъ, что онъ не тяготится своимъ трудомъ именно потому, что несетъ его для умирающаго человѣка, и надѣется, что и для него кто-нибудь въ свое время понесетъ тотъ же трудъ. Очевидно, что Герасиму хотя и не былъ извѣстенъ знаменитый силлогизмъ о смертности всѣхъ людей, а слѣдовательно и Кая, но онъ вѣчно носилъ въ себѣ сознаніе близкой, всегда возможной смерти — и былъ готовъ къ ней. Эта-то непосредственность и простота натуры глубоко трогала умирающаго и доставляла ему единственное утѣшеніе среди всеобщей окружающей его лжи.

V.

Какъ извѣстно, исканіе смысла и цѣли жизни составляетъ основаніе теоретическихъ сочиненій нашего автора. Не касаясь его положительныхъ выводовъ, на нихъ можно, однако, указать, какъ на доказательство, что безпощадный реализмъ автора разрушаетъ только тѣ иллюзіи, которыхъ самое существованіе,

не говоря уже о ихъ силѣ и вліяніи, незаконно, и о которыхъ жалѣть поэтому не стоитъ. Мы, русскіе, еще слишкомъ молодой народъ, чтобы литература наша могла придти къ абсолютнымъ отрицаніямъ и сомнѣніямъ, къ нирванѣ и къ пессимизму Шопенгауера. И потому нашъ молодой и сильный реализмъ, если хотите—натурализмъ, и въ Гоголѣ, и въ Писемскомъ, и въ Гончаровѣ, и въ Львѣ Толстомъ одинаково представляетъ въ этомъ отношеніи противоположность натурализму западному, проявившемуся ярко во Флоберѣ и рядѣ слѣдовавшихъ за нимъ писателей. Тамъ—натурализмъ пессимистическій, исходящій изъ всеобщаго сомнѣнія въ самой природѣ человѣка и во всей жизни, изъ допущенія, что человѣкъ по натурѣ своей — зло и ничѣмъ инымъ быть не можетъ, что жизнь человѣческая въ силу необходимости *не можетъ не быть* тѣмъ противорѣчіемъ идеаламъ, какимъ она является нынѣ. Натурализмъ русскихъ писателей, напротивъ, всегда идеаленъ, всегда представляетъ зло дѣйствительности какъ случайное, а не необходимое свойство жизни, какъ противорѣчіе идеямъ и идеаламъ, долженствующимъ лежать въ основаніи жизни.

Таковъ же и поражающій реализмъ „Смерти Ивана Ильича". Разсказъ этотъ убѣждаетъ только въ одномъ, что Иванъ Ильичъ какъ и всѣ окружающіе его—не лучшіе люди, разрушаетъ только одну ту иллюзію, будто бы *всякое* образованіе и развитіе дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Образъ Ивана Ильича съ поразительной рельефностью доказываетъ, что формально просвѣщенный человѣкъ можетъ не имѣть элементарныхъ представленій о смыслѣ и цѣляхъ своей собственной дѣятельности, и вносить въ отношенія къ людямъ тотъ эгоизмъ, ту сухость сердца, которые мертвятъ всякую жизнь и дѣлаютъ ее невыносимою для человѣка съ сердцемъ и умомъ.

Напрасно было видѣть какой-то поворотъ или переворотъ въ мировоззрѣніи геніальнаго художника. „Смерть Ивана Ильича" представляетъ собою только дальнѣйшее развитіе, болѣе рельефное и сильное выраженіе того самаго, что составляло сущность произведеній еще перваго періода литературной дѣятельности.

Л. Толстого. Помните ли въ его Севастопольскихъ разсказахъ поражающій контрастъ между постоянно присутствующей и царящей надъ всѣмъ смертью, и этою дрянною игрою мелкихъ и пошлыхъ страстей и страстишекъ, совершающихъ свое пагубное дѣло въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей разстоянія и въ какомъ-нибудь часѣ времени—отъ смерти. На двухъ концахъ литературной дѣятельности автора вы встрѣчаетесь съ однимъ и тѣмъ же ярко и сильно выраженнымъ мотивомъ. И тамъ, въ самомъ дальнемъ концѣ, вы находите прямые и ясные зачатки тѣхъ мыслей и чувствъ, которымъ суждено было развиться въ грандіозныя и оригинальныя формы, по крайней мѣрѣ одной своей стороной захватывающія нравственную жизнь всего современнаго человѣчества.

Гр. Л. Н. Толстой стоитъ въ центрѣ тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ движеній, черезъ которыя проходятъ современныя русскія поколѣнія. Вѣра въ народъ, исканіе сліянія съ нимъ, отрицаніе идеаловъ не народныхъ, исканіе народныхъ идеаловъ, все это съ поражающей силой сказалось въ произведеніяхъ Толстого еще временъ „Войны и міра“. Нравственныя томленія и сомнѣнія нашего времени находятъ въ Толстомъ геніальнаго выразителя, съ которымъ не всѣ во всемъ согласятся, быть можетъ, но по которому наши потомки поймутъ наше, полное исканій вѣры и Бога,—время.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТИПЫ

РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТИПЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

Къ исторіи русскаго самосознанія примѣнимы слова: шатаніе мысли. Прошлое какъ будто ничего не оставляло намъ въ наслѣдство, и мы являлись всегда не продолжателями начатаго дѣла, не исполнителями надеждъ и стремленій предшествовавшихъ намъ поколѣній, а отрицателями ихъ, искавшими умственной опоры и не находившими ея. Нѣкогда Герценъ сказалъ, что „новая исторія Россіи начинается съ полнѣйшаго отреченія отъ преданій". Если мысль его не вполнѣ справедлива по отношенію къ эпохѣ Петра Великаго, то какъ нельзя болѣе примѣнима она къ нашему вѣку: мы только то и дѣлали, что „отрекались отъ преданій". Мы то и дѣло уподоблялись юношамъ, рожденнымъ и выросшимъ во время длиннаго многолѣтняго пути, предпринятаго нашими отцами, и не знающимъ, отъ чего мы бѣжимъ и чего ищемъ. Выведенные на широкую дорогу европейскаго прогресса, не зная въ сущности, что заставило нашихъ предковъ оставить свои старыя пепелища, и гадая о будущемъ, мы съ жадностью бросались на каждый миражъ, мелькавшій впереди, а находили нерѣдко мертвенные призраки.

Еще недавнее поколѣніе отрицало предыдущую эпоху съ величайшимъ представителемъ ея, Пушкинымъ, во главѣ. Послѣ полнаго отрицанія намъ ничего не стоило вновь признать *на словахъ* Пушкина и вообще заслуги русской худо-

жественной литературы. Но гдѣ настоящее пониманіе ихъ? Если во всей нашей литературѣ найдется два-три голоса, свидѣтельствующіе, что великія имена не представляли для насъ праздно вращающихся въ устахъ словъ, то именно эти-то голоса и остаются незамѣченными.

Предшественники наши между тѣмъ оставили намъ ясныя свидѣтельства о своихъ блужданіяхъ на пути, лежавшемъ передъ ними, и ихъ горькій опытъ и страданія могутъ предохранить насъ отъ новыхъ ошибокъ. Художественная литература наша давала вѣрный ключъ къ пониманію, откуда происходила наша умственная немощь, долго заставлявшая поколѣніе за поколѣніемъ проходить, не бросивши даже своимъ непосредственнымъ преемникамъ „ни мысли плодовитой, ни „геніемъ начатаго труда". Но ея великое дѣло не признавалось, ея указанія или не были поняты, или перетолковывались. Тщетны были ея стремленія объяснить намъ насъ самихъ, тщетно указывала она на ложное направленіе нашей умственной жизни, мы оставались глухи и слѣпы. Наше прошлое и любопытно именно этой своей стороной—постояннымъ противорѣчіемъ между уроками жизни, отражавшейся въ литературѣ, и пониманіемъ ихъ.

Съ первыхъ же шаговъ своего самоятельнаго существованія, русская художественная литература всѣ свои лучшія силы отдала не на созданіе міровыхъ идеаловъ, а на простое плодотворное дѣло изученія людей своего общества. Въ рядѣ типическихъ представителей его, въ Онѣгинѣ, Чацкомъ, Печоринѣ, Лишнемъ человѣкѣ, Базаровѣ, наконецъ Раскольниковѣ и пр. и пр. она представила печальную картину безплодныхъ усилій русскаго ума выбиться изъ-подъ какихъ-то цѣпей, сковывавшихъ его, не дававшихъ ему свободно и самостоятельно развиваться. Но эти же самыя цѣпи лежали и на умахъ, бравшихся анализировать эти типы, и въ результатѣ, вмѣсто истины, получалось еще большее затемнѣніе ея. Повторяемъ, были независимые умы, умѣвшіе иначе взглянуть на нихъ, но они оставались безъ вниманія и безъ вліянія. Одинъ изъ такихъ независимыхъ умовъ съ полнымъ правомъ могъ поставить надъ одной изъ своихъ статей эпиграфомъ

ироническія и горькія слова: „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ“ (Vox clamantis in deserto)!

Анализъ главнѣйшихъ первоначальныхъ общественныхъ типовъ, выведенныхъ русскою литературою, въ сопоставленіи съ отзывами критики, которые они вызывали, представляетъ яркую и любопытную картину, доказывающую сказанное.

I.

Романъ Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“, надъ которымъ поэтъ работалъ около девяти лѣтъ, былъ первымъ актомъ русскаго художественнаго самосознанія. Имъ русская литература, бывшая до того времени подражательною по формамъ и по содержанію, впервые выступала на самостоятельную дорогу. Онъ послужилъ и прямымъ источникомъ всего послѣдующаго литературнаго движенія, полный расцвѣтъ котораго приходится на сороковые и пятидесятые годы. Главнѣйшіе художественные типы въ нашей литературѣ представляютъ только дальнѣйшее развитіе и развѣтвленіе той же мысли, которую выразилъ въ своемъ Онѣгинѣ Пушкинъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи нашемъ читатели найдутъ доказательства, что великій русскій поэтъ изобразилъ въ своемъ героѣ современнаго ему человѣка, а съ нимъ вмѣстѣ и русское умственное состояніе съ такою полнотой и умственною независимостью, что всѣ послѣдующія изображенія того же типа: Печоринъ, Рудинъ, Обломовъ и проч., сравнительно съ нимъ, односторонни, и даже не могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты безъ Онѣгина. Великій поэтъ ничего не убавилъ и не прибавилъ въ своемъ героѣ, что могло бы навести читателя или критику на то или другое толкованіе, какъ это дѣлали его литературные потомки. Какъ истинный поэтъ, покорный своему вдохновенію, онъ, не мудрствуя лукаво, возвелъ въ сознаніе существующій общественный фактъ, значеніе котораго, при тогдашнемъ складѣ воззрѣній, не могло быть прямо указано ни кѣмъ изъ современниковъ, какъ не было

долго и позже указано критикой. Если бы онъ, подобно слѣдовавшимъ за нимъ писателямъ, былъ увлеченъ желаніемъ не оставить читателей въ недоумѣніи передъ загадочнымъ образомъ, сталъ бы пояснять его подборомъ событій въ романѣ, мы имѣли бы выраженное подборомъ фактовъ мнѣніе автора о современной ему эпохѣ, но рисковали бы лишиться полной картины мудренаго явленія. Потому что даже „реальный" русскій критикъ, Добролюбовъ, далеко не равнодушно относившійся къ тому, что „проведено" въ извѣстномъ произведеніи, прямо искавшій въ немъ тенденціи, тѣмъ не менѣе долженъ былъ сказать: „отвлеченностей обыкновенно не бываетъ въ самомъ созданіи художника; нерѣдко даже въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ, художникъ, высказываетъ понятія, *разительно противоположныя тому*, что выражается въ его художественной дѣятельности". Понятно отсюда, какъ должно повредить художественному произведенію, если авторъ, отражая возникшій въ его душѣ образъ, вздумаетъ контролировать его значеніе „разительно противоположными понятіями" и поддѣлывать подъ нихъ лица и положенія.

Свободно и съ умственной независимостью относясь къ своему герою, Пушкинъ давалъ возможность и другимъ судить о немъ свободно и независимо. Но общество, которое должно было какъ въ зеркалѣ увидѣть себя въ Онѣгинѣ, какъ и слѣдовало ожидать, поняло его какъ сатиру на себя, и Пушкинъ долженъ былъ оправдываться въ этомъ даже передъ своими умными друзьями. По поводу первой главы, появившейся въ 1825 году, отражая дружескія нападки, онъ пишетъ: „Гдѣ у меня сатира? О ней помина нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ... Самое слово „сатирическій" (употребленное однако въ предисловіи самимъ Пушкинымъ) не должно бы находиться въ предисловіи".

Въ огромномъ большинствѣ Онѣгинъ былъ понятъ какъ человѣкъ безнравственный. Бѣлинскій, живой свидѣтель тогдашняго времени, передъ которымъ прошли не одни отзывы печати, а и сужденія въ обществѣ, категорически говоритъ, что такое воззрѣніе не исчезло и во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. „Мы помнимъ,—говоритъ онъ,—какъ горячо многіе

читатели изъявляли свое негодованіе на то, что Онѣгинъ радуется болѣзни своего дяди и ужасается необходимости корчить изъ себя опечаленнаго родственника,—

„Вздыхать и думать про себя:
— Когда же чортъ возьметъ тебя"!

Многіе и теперь этимъ крайне недовольны". Безсердечное убійство Ленскаго, отношенія къ Татьянѣ и всѣ вообще дѣянія Онѣгина не могли, конечно, расположить къ нему строгихъ судей; его находили холоднымъ эгоистомъ и лицемѣромъ. Общество отказывалось признать въ немъ своего, судя его съ точки зрѣнія личной нравственности.

Нашлись, однако, элементы въ обществѣ, которымъ Онѣгинъ понравился. Когда появилась первая глава романа, только что основанный тогда въ Москвѣ „Московскій Телеграфъ" причислилъ его къ „истинно шуточнымъ поэмамъ". Онѣгина онъ понялъ, какъ „шалуна съ умомъ, вѣтренника съ сердцемъ—онъ знакомъ намъ, мы любимъ его". И хотя журналъ называлъ произведеніе Пушкина національнымъ, но потому только, что въ немъ „видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которымъ *всѣ мы не чужды были никогда*".

Словомъ, съ „Онѣгинымъ" произошло то, что впослѣдствіи почти буквально повторилось съ Базаровымъ въ извѣстной полемикѣ. Шагъ къ признанію Онѣгина отраженіемъ свойствъ и направленія общества, тѣмъ не менѣе, былъ сдѣланъ. Истинный же смыслъ типа ускользалъ отъ вниманія общества и критики; всѣ болѣе или менѣе были Онѣгины, на всѣхъ лежала та же печать.

II.

Общественное значеніе „Онѣгина" пришлось устанавливать Бѣлинскому уже въ то время, когда ясно обозначилось раздѣленіе мыслящихъ людей Россіи на западниковъ и славянофиловъ. „Онѣгинъ—писалъ онъ,—есть поэтически вѣр-

ная картина русскаго общества въ извѣстную эпоху". Еще ближе и опредѣленнѣе онъ указываетъ, что въ „Евгеніи Онѣгинѣ" представлена „нравственная физіономія *наиболѣе освропеившагося* въ Россіи сословія". Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ сужденіемъ точнымъ и яснымъ, неоспоримо вѣрнымъ. Прямымъ и неизбѣжнымъ образомъ ставился непосредственно вопросъ: если „осевропеиваніе" русскаго общества идетъ такимъ порядкомъ, что въ результатѣ получаются Онѣгины, то не идетъ ли оно путемъ неправильнымъ?

Бѣлинскій, какъ человѣкъ честной и неподкупной мысли, и какъ въ то же время ревностный поборникъ западничества, не задумался рѣшить этотъ вопросъ косвеннымъ образомъ отрицательно, возведя всѣ пороки онѣгинскаго типа въ добродѣтели, въ проявленія „высшей образованности", проявленія русскаго прогресса, выразившагося „почти исключительно въ томъ сословіи", къ которому принадлежалъ Онѣгинъ. Его, Онѣгина, „тоскующая лѣнь"—есть результатъ „необразованности среды". Высокомѣрное, полупрезрительное, подъ личиною внѣшнихъ приличій, отношеніе Онѣгина къ простой радушной деревенской семьѣ Лариныхъ онъ объясняетъ такъ: „Правда, Онѣгину было дико въ обществѣ Лариныхъ, но *образованность* еще болѣе, нежели свѣтскость была причиною этого. Не споримъ, общество Лариныхъ очень мило, особенно въ стихахъ Пушкина; но намъ, хоть мы и совсѣмъ не свѣтскіе люди, было бы въ немъ не совсѣмъ ловко"... Признакомъ особеннаго развитія являются даже такія мысли, какъ про дядю: „когда же чортъ возьметъ тебя". Противопоставляя Онѣгина „какому-нибудь бѣдному чиновнику, который вдругъ видитъ себя наслѣдникомъ богатаго дяди-старика" и лицемѣрно ухаживаетъ за нимъ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что „къ особенностямъ людей свѣтскаго общества принадлежитъ отсутствіе лицемѣрства (!)". И на вопросъ, кто же мѣшаетъ Онѣгину отказаться отъ низкой роли, которую онъ такъ ясно представлялъ себѣ, Бѣлинскій отвѣчаетъ: „Какъ что? Чувство деликатности, человѣчности", забывая, что Онѣгинъ заботился о наслѣдствѣ, и нисколько о человѣчности. Озлобленный умъ Онѣгина является у Бѣлинскаго „признакомъ высшей натуры".

Въ убійствѣ Ленскаго онъ правъ, потому что убилъ его „не ни за что, а за то, что тотъ самъ хотѣлъ убить его совершенно ни за что и первый вызвалъ его на дуэль“ — мысль, въ которой совершенно невѣрно представляется фактъ, забыто оскорбительное поведеніе Онѣгина у Лариныхъ. Наконецъ, Онѣгинъ пренебрегъ Татьяной „въ смиренной долѣ“ только потому, что „человѣкъ не можетъ располагать движеніями своего сердца, любить и разлюблять по своей волѣ“, и на томъ же основаніи онъ полюбилъ Татьяну, когда она стала знатной особой. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій вскользь замѣчаетъ, что „ореолъ свѣтскости не могъ не возвысить Татьяну въ глазахъ Онѣгина“. Этимъ замѣчаніемъ геніальный критикъ на половину разрушалъ самъ свои разсужденія.

Публицистическое стремленіе, какъ видимъ, завело Бѣлинскаго слишкомъ далеко. Воззрѣніе его, очевидно, удержаться не могло; слишкомъ уже очевидно было, что обычная геніальная проницательность на этотъ разъ не служила ему. Но точка зрѣнія среди западниковъ осталась та же — обвиненіе только русской жизни, безъ сомнѣнія дававшей основанія для отрицательныхъ воззрѣній на себя. Добролюбовъ, которому случайно пришлось говорить объ Онѣгинѣ по поводу Обломова, однако, не затруднился поставить его рядомъ съ этимъ героемъ романа Гончарова. Въ то время „умственный недугъ“ Россіи почитался вполнѣ объясненнымъ: виновата во всемъ была „обломовщина“, умственная помѣщичья лѣнь, не допускающая человѣка возвыситься до предпріимчиваго Штольца, изъ ничего созидающаго капиталы. Но и точка зрѣнія Добролюбова была, очевидно, искусственна. Ни по воспитанію, ни по натурѣ Онѣгинъ совершенно не похожъ на Обломова. Одинъ — „оевропеившійся“ человѣкъ, другой — истинное дитя Обломовки, не могшій никакъ отрѣшиться отъ родного лежанья. Онъ ли ужъ не остался вѣренъ прадѣдовскимъ завѣтамъ! Одинъ — два раза садится за книги и оставляетъ ихъ потому, что „въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ“; другой — просто засыпаетъ надъ книгой. Одного мучитъ охота къ *перемѣнѣ мѣстъ*, другого насильно перетаскиваютъ съ одной квартиры

на другую. У одного — „мечтамъ невольная преданность“, у другого — только сонъ, сонъ и сонъ. Добролюбовъ сопоставилъ многихъ героевъ русской литературы съ Обломовымъ, подчинивъ, свое сужденіе основной мысли о вредѣ „обломовщины“. Всѣхъ онъ обвиняетъ въ невѣжествѣ и умственной лѣни. Но Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, но Рудинъ даже — совсѣмъ не были необразованны, и Онѣгинъ скорѣе принадлежитъ къ ихъ числу, чѣмъ къ числу Обломовыхъ. Можно было бы провести это сравненіе послѣдовательнѣе и полнѣе, но и сказаннаго совершенно достаточно для доказательства односторонности параллели, проведенной Добролюбовымъ.

Единственное и очень важное сходство всѣхъ героевъ, привлеченныхъ имъ для доказательства его тенденціи, взятыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, выросшихъ подъ различными вліяніями, и въ жизни отличающихся между собою часто коренным образомъ, — единственное сходство ихъ въ полной непригодности для общества, для жизни. Но если „обломовщина“, требующая, однако, еще болѣе близкаго разсмотрѣнія и годится для объясненія Обломова, то ни въ какомъ случаѣ не идетъ она для лихорадочно ищущаго дѣла Рудина и мечущагося въ тоскѣ Онѣгина. Добролюбовъ, тѣмъ не менѣе, создалъ весьма живучее воззрѣніе, т.-е. недоразумѣніе собственно, которое находило и находитъ понынѣ послѣдователей. Къ этому же роду воззрѣній относится и мнѣніе И. А. Гончарова, сказавшаго въ своемъ извѣстномъ критическомъ этюдѣ „Милліонъ терзаній“: „Онъ (Чацкій) искренній и горячій дѣятель, а тѣ (Онѣгинъ и пр.)—*паразиты*, изумительно начертанные великими талантами, какъ *болѣзненныя порожденія* отжившаго вѣка“. При чемъ, конечно, разумѣется, что болѣзненныя порожденія эти составляютъ результатъ русскихъ основъ жизни, которыхъ не можетъ побороть европейское просвѣщеніе, образованность. Во всякомъ случаѣ, воззрѣніе Бѣлинскаго было отринуто; Онѣгинъ былъ низведенъ изъ „оевропеившихся“, по образованности поступающихъ не хорошо, людей въ разрядъ существъ, созданныхъ русскимъ крѣпостничествомъ и невѣжествомъ.

III.

Рядомъ съ этими западническими воззрѣніями постепенно возникалъ другой строй мысли, дававшій Онѣгину и другимъ героямъ его типа совершенно иное значеніе. Его вносили славянофильскія воззрѣнія, и выразителемъ ихъ явился Аполлонъ Григорьевъ. Григорьевъ въ своихъ воззрѣніяхъ на литературу исходилъ изъ того общаго представленія, что въ ней совершается борьба между чуждыми русскому уму и чувству идеалами и еще невыяснившимися идеалами русскими, самобытными; литература стремится создать эти послѣдніе, постепенно побѣждая привившіеся къ ней идеалы Запада. Въ Пушкинѣ онъ видѣлъ великаго поэта, въ которомъ эта борьба сказалась съ полною силою. Душа Пушкина подчинялась различнымъ идеаламъ, стремилась подняться до нихъ, создать равные имъ, но, какъ натура живая и самобытная, онъ не могъ вполнѣ подчиниться имъ и создавалъ новые *самобытные* типы, на которомъ лежала печать *нашего народнаго* духа, нашего „типоваго". Во всей дѣятельности Пушкина онъ видѣлъ доказательство этой мысли. Начавъ съ „Кавказскаго плѣнника", „Алеко" и пр., Пушкинъ въ концѣ концовъ пришелъ къ повѣстямъ Бѣлкина и къ „Капитанской дочкѣ", въ которыхъ нѣтъ уже „безъимянныхъ страданій" и „высокопарныхъ мечтаній". Григорьевъ съ любовью останавливается на строфахъ, изъ которыхъ взяты вышеприведенныя слова („Путешествіе Онѣгина" въ Крыму), гдѣ Пушкинъ говоритъ о смѣнѣ своихъ высокопарныхъ мечтаній на любовь къ „песчаному косогору, передъ избушкой двумъ рябинамъ" и пр.— къ простой сельской картинѣ съ ея радостями и печалями, и о томъ, что его „идеалъ теперь—хозяйка, его желанія—покой, да щей горшокъ, да самъ большой".

Отсюда понятно, какъ онъ долженъ былъ смотрѣть на Онѣгина. Онъ видѣлъ въ немъ „все-таки русскаго человѣка множествомъ чертъ своей натуры", но только поставленнаго въ ложное положеніе оторванностью отъ русскихъ идеаловъ, „безпочвенностью". „Мрачный сплинъ и язвительный скепти-

низмъ Чайльдъ Гарольда—замѣчаетъ онъ:—замѣнился въ Онѣгинѣ хандрою отъ праздности, тоскою человѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрѣе своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностью здороваго русскаго смысла, т.-е. прирожденною, а не пріобрѣтенною критическою способностью, который критикъ потому, что даровитъ, а не потому, что озлобленъ, хотя самъ и хочетъ искать причинъ своего критическаго настройства въ озлобленіи и которому та же критическая способность можетъ—того и гляди—указать дорогу выйти изъ ложнаго и напряженнаго положенія на ровную дорогу". Такимъ образомъ, по мысли Григорьева, европейскіе идеалы, которымъ подчиненъ Онѣгинъ, принижаютъ его натуру, которая сама по себѣ выше ихъ. Онѣгинъ является тутъ не съумѣвшимъ отстоять свою самостоятельность и самобытность противъ вліянія чуждыхъ идеаловъ, не сродныхъ его натурѣ.

Прямымъ и непосредственнымъ послѣдователемъ Аполлона Григорьева, но выражавшимъ его идеи съ большею простотой, былъ Н. Н. Страховъ. По поводу „Отцовъ и дѣтей" онъ говоритъ, что Базаровъ есть прямой, непосредственный подражатель, вѣрнѣе: продолжатель Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ, Лаврецкихъ; въ Базаровѣ же онъ видитъ изображеніе „жизни подъ мертвящимъ вліяніемъ теоріи". „Всѣмъ извѣстно—замѣчаетъ онъ,—что наши *живые* представители, носители думъ нашихъ поколѣній уже съ давняго времени отказываются быть практиками, что дѣятельное участіе въ окружающей ихъ жизни для нихъ издавна невозможно".

Въ другомъ мѣстѣ, именно въ статьяхъ о „Войнѣ и мирѣ", авторъ подробнѣе развиваетъ эту же мысль въ ея общемъ значеніи. Господствующую у насъ образованность, представителями которой были и Онѣгинъ, и Рудинъ, и Базаровъ и всѣ герои художественныхъ произведеній, онъ называетъ *фальшивою*, неимѣющею никакихъ корней. Для плодотворности образованія „требуется самостоятельное, самобытное умственное развитіе". „Необходимо", говоритъ онъ, „чтобы мы жили не чужою, а своею умственною жизнью,—чтобы чужія идеи не просто отпечатлѣвались или отражались на насъ, а пре-

вращались бы въ нашу плоть и кровь... Мы не должны быть воскомъ, отливающимся въ готовыя формы, а должны быть живымъ существомъ, которое всему имъ воспринимаемому даетъ свои собственныя формы, образуемыя имъ по законамъ своего собственнаго развитія". Съ этой точки зрѣнія Страховъ и смотритъ на нашихъ Онѣгиныхъ, какъ на носителей несамобытной, фальшивой образованности, находя ихъ черты во всѣхъ явленіяхъ нашего умственнаго развитія, во всемъ нашемъ прогрессѣ.

Впослѣдствіи, на торжествѣ открытія въ Москвѣ памятника Пушкину, въ своей извѣстной „Рѣчи" Достоевскій далъ оригинальное развитіе тѣмъ же мыслямъ, которыя мы встрѣчаемъ у Ап. Григорьева и Страхова. „Пушкинъ—говорилъ онъ—первый, своимъ глубоко прозорливымъ и геніальнымъ умомъ и чисто русскимъ сердцемъ своимъ, отыскалъ и отмѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего интеллигентнаго, исторически оторваннаго отъ почвы общества, возвысившагося надъ народомъ. Онъ отмѣтилъ и выпукло поставилъ передъ нами отрицательный типъ нашъ, человѣка безпокоющагося и не примиряющагося, въ родную почву и въ родныя силы ея не вѣрующаго, Россію и себя самого (то-есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникшій надъ родной почвой нашей) въ концѣ концовъ отрицающаго, дѣлать съ другими не желающаго и искренно страдающаго... Правда, и онъ любитъ родную землю, но ей не довѣряетъ. Конечно, слыхалъ и объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ. Вѣритъ лишь въ полную невозможность какой бы то ни было работы на родной почвѣ"... И раскрывая такимъ образомъ идею романа, равно какъ и поэмы „Цыгане", Достоевскій обращается къ героямъ этихъ произведеній: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего—сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной почвѣ... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ... не за моремъ, гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою"...

IV.

Таковы въ общихъ чертахъ выводы объ Онѣгинѣ, какъ объ общественномъ типѣ, полученные съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Мы видимъ, что воззрѣнія съ первой точки зрѣнія, т.-е. западническія, противорѣчатъ другъ другу и и искали опоры (у Добролюбова) въ натянутомъ сравненіи несравнимыхъ лицъ и положеній. Возникшія же позднѣе воззрѣнія „почвенниковъ", имѣвшія свои корни въ славянофильствѣ, отличаются большою теоретическою стройностью и послѣдовательностью, хотя они и не выставили такихъ блестящихъ и вліятельныхъ представителей, какъ западничество. На чьей же сторонѣ правда? Что же виновато въ „умственномъ недугѣ", изображенномъ въ Онѣгинѣ: русская ли жизнь въ ея тогдашнихъ явленіяхъ, или же умственная несамобытность и теоретичность оевропеившагося интеллигентнаго класса Россіи?

Романъ Пушкина, на которомъ основались два столь противоположныхъ мнѣнія, не могъ говорить надвое, и въ немъ должны найтись данныя для рѣшенія вопроса. Но все его содержаніе, весь его общій смыслъ говорятъ гораздо болѣе въ пользу „почвенниковъ" и „самобытниковъ".

Было мнѣніе, что Онѣгина душили пошлость окружающей жизни и крѣпостническій строй русской жизни, что ему негдѣ было развернуть своихъ богатыхъ силъ, и потому онъ бездѣятеленъ. Но уже то простое соображеніе, что дѣйствовали же многіе другіе, оставившіе свои имена въ исторіи, и созидали историческое бытіе Россіи при тѣхъ же самыхъ условіяхъ,—дѣлаетъ это воззрѣніе весьма мало вѣроятнымъ. Говорятъ, съ другой стороны, что Онѣгинъ, возросшій на почвѣ бездѣятельнаго барства, потерялъ способность къ серьезному труду и лишенъ былъ образованія. Но все это не находитъ оправданія въ данныхъ романа. Онѣгинъ, напротивъ, энергиченъ, уменъ и сравнительно съ средой—образованъ: „Мечтамъ невольная преданность" его къ тому же обнаруживаетъ въ немъ человѣка идеальныхъ стремленій. Наконецъ,

если онъ не могъ помириться съ дѣятельностью въ обществѣ, онъ могъ бы „вперить въ науки умъ, жаждущій познанія“, по выраженію Грибоѣдова, — но и этого не было. Разслабляющее крѣпостничество, на которое основательно опираются многія обвиненія русской жизни въ бездѣятельности людей онѣгинскаго типа, также и потому не годится для объясненія „умственнаго недуга“ русской интеллигенціи, что, напр., Рудинъ, еще болѣе Базаровъ, и еще болѣе такіе люди, какъ Раскольниковъ, выросли внѣ его вліянія, а между тѣмъ на нихъ также лежитъ неотвратимая печать онѣгинской теоретичности, тоски и непригодности къ жизни.

Но какъ только вы становитесь на точку зрѣнія тѣхъ, кто видитъ всю бѣду въ отчужденіи Онѣгина отъ родныхъ источниковъ жизни, все въ немъ становится понятнымъ и яснымъ. Его представленія о жизни, о томъ, какова она и чѣмъ она должна бы быть, взятыя не изъ изученія родной дѣйствительности, не выработанныя самостоятельнымъ опытомъ и наблюденіемъ, а выросшія на иной почвѣ, въ странахъ съ инымъ духовнымъ складомъ и привитыя къ нему извнѣ, только мѣшаютъ ему внимательно всмотрѣться въ окружающее. Оно ему дико и чуждо и непонятно. „Умъ, кипящій въ дѣйствіи пустомъ“, не можетъ въ концѣ концовъ не почувствовать окружающей его пустоты, и неизбѣжно является результатомъ разочарованіе. Дѣйствительность, къ которой возможно только постоянное отрицательное отношеніе при такомъ душевномъ строѣ, вызываетъ „озлобленіе ума“, безпредметное, общее, не имѣющее почвы въ идеальныхъ стремленіяхъ, въ томъ, что дѣйствительность не соотвѣтствуетъ идеалу. Между тѣмъ, выдѣленіе своей личности изъ общей жизни создаетъ суетное чувство собственнаго превосходства надъ окружающимъ. Все это вмѣстѣ воспитываетъ необыкновенный эгоизмъ и равнодушное отношеніе къ добру и злу. Таковъ именно и есть Онѣгинъ. Не даромъ Пушкинъ поставилъ къ роману эпиграфъ, говорящій о „суетности, соединенной съ гордостью, которая дѣлаетъ индифферентнымъ одинаково къ добрымъ и злымъ дѣяніямъ—слѣдствіе чувства превосходства, быть можетъ, воображаемаго“.

Аполлонъ Григорьевъ былъ очень правъ, указывая, что Онѣгинъ внутри себя проще и лучше своихъ идеаловъ, которые онъ признавалъ, къ которымъ стремился, и указанія на которые Татьяна нашла въ подборѣ книгъ и въ замѣткахъ Онѣгина. Рабъ своихъ идеаловъ, которымъ на половину не вѣритъ, Онѣгинъ постоянно чувствомъ и умомъ былъ не на сторонѣ ихъ. Такъ, передъ дуэлью съ Ленскимъ онъ обвиняетъ себя, думаетъ, что „могъ бы чувства обнаружить, а не щетиниться, какъ звѣрь". Но „пружина чести—нашъ кумиръ!" И, „всѣмъ сердцемъ юношу любя", онъ доводитъ дуэль до конца, дѣлая Ленскаго жертвою своей гордости и боязни „общественнаго мнѣнія", т.-е. по его же объясненію „шопота и хохотни глупцовъ". Татьяна справедливо удивляется, какъ онъ, съ его „сердцемъ и умомъ", остается „чувства мелкаго рабомъ".

Въ Онѣгинѣ Пушкинъ представилъ намъ не выдающагося человѣка, способнаго завоевать себѣ умственную и нравственную самостоятельность среди и неблагопріятныхъ условій, а обыкновеннаго средняго человѣка. Но средніе люди всего болѣе и имѣютъ значеніе въ жизни, составляя собою слой, дающій наибольшее число дѣятелей; на нихъ именно всего возможнѣе былъ анализъ „умственнаго недуга", поразившаго русское общество.

V.

„Отчужденіе отъ народныхъ началъ", „подчиненіе европейскимъ идеаламъ", „безпочвенность" и пр.—все это однако такія выраженія, которыя можно понимать весьма различнымъ образомъ, все это слишкомъ общія выраженія. И для того, чтобы ясно представить себѣ, былъ ли Онѣгинъ жертвою только русской жизни, ея застоя, не поддававшагося воздѣйствіямъ цивилизаціи, или безсиліе его происходило и отъ подчиненія чуждымъ идеаламъ, — для этого необходимо выяснить, насколько возможно, прямыми фактами, въ чемъ состояло такое вліяніе русской жизни, или какъ и какіе именно чуждые идеалы вели къ той странной роли, которую играли

въ обществѣ люди онѣгинскаго типа. Трудно, конечно, ожидать, чтобы романъ или вообще какое бы то ни было художественное произведеніе, говорящее образомъ, могло дать отвѣтъ на вопросы такого отвлеченнаго характера. Но на помощь роману приходитъ исторія—и задача рѣшается. Съ помощью историческихъ данныхъ, историческаго освѣщенія, крупныя и осмысленныя черты Онѣгина становятся еще осмысленнѣе, его противоположность, противорѣчіе, лежащее въ немъ, другимъ типамъ — Ленскому, Татьянѣ, проглядываетъ еще рельефнѣе. Вы не только уже знаете это лицо, но близко знакомы съ его образомъ мыслей и угадываете то, о чемъ онъ умалчиваетъ. Такая помощь исторіи нужна только намъ, потомкамъ; современникамъ она нужна не была, Онѣгинъ былъ передъ ними—въ жизни. Но настоящее пониманіе рѣдко дается современникамъ.

Что же говоритъ исторія временъ Пушкина и Онѣгина? Въ короткой характеристикѣ литературнаго типа возможны, конечно, только самыя общія историческія указанія, и мы остановимся на выводахъ одного изъ западническихъ историковъ, въ высокой степени компетентнаго въ вопросахъ исторіи того времени. „У людей александровскаго времени (когда и былъ Онѣгинъ, по роману) въ предметахъ нравственной и общественной философіи было вообще много отвлеченнаго и идеалистическаго, говоритъ историкъ. Мысль не укладывалась въ строгую, положительную форму, въ опредѣленное требованіе; напротивъ, всего чаще она оставалась на степени *теоретическаго афоризма*, идеальнаго стремленія—потому, конечно, что самые идеалы были слишкомъ новы, что *дѣйствительность слишкомъ мало на нихъ походила и, не давая имъ необходимой практической опоры*, по-неволѣ заставляла этихъ людей опять возвращаться къ идеаламъ и теоріямъ". Нельзя яснѣе выразить всю ненормальность умственнаго направленія эпохи, которое должно было приносить горькіе плоды. Невозможно же было требовать, чтобы дѣйствительность вдругъ превратилась въ осуществленіе теорій и идеаловъ, попавшихъ въ головы оевропеившихся людей Россіи. Не дѣйствительность должна была придти къ нимъ и стать подъ мѣрку ихъ идеа-

ловъ, а они должны были придти къ дѣйствительности и стать въ ней дѣятелями, вооруженными этими идеалами. Но они „возвращались къ идеаламъ и теоріямъ", т.-е. вели свои умы къ „кипѣнью въ дѣйствіи пустомъ".

Естественно и неизбѣжно теоретическіе идеалисты должны были пытаться примѣнить къ дѣйствительности свои „теоріи и идеалы". Но вотъ что говоритъ тотъ же историкъ: „Начиная съ первыхъ лѣтъ и первыхъ замысловъ императора Александра до послѣдняго развитія тайныхъ обществъ, всѣ идеалы общественной реформы отличаются слишкомъ теоретическимъ построеніемъ... При всемъ различіи... плановъ, въ нихъ проходитъ одна общая черта,—ихъ нѣсколько странное, далекое отношеніе къ русской жизни,—во всемъ было что-то *произвольное*, неприлаженное. Люди, задававшіеся преобразовательными идеалами, *слишкомъ легко удовлетворялись общими положеніями и готовыми рѣшеніями, и не отдавая себѣ яснаго отчета въ русской дѣйствительности*, довольствовались однимъ общимъ представленіемъ о неудовлетворительности существующаго положенія вещей". „Теоріи,—продолжаетъ историкъ,—которыя были тогда въ ходу, были въ особенности теоріи политическія, навѣянныя европейскими вліяніями, а также возбуждаемыя первыми инстинктивными стремленіями русской жизни: *эти теоріи, чрезвычайно трудныя и сложныя въ сущности*, въ то же время были (казались) общедоступны, *какъ будто поддавались нагляднымъ рѣшеніямъ*"... Въ этой вѣрной характеристикѣ слышится какъ будто уже обвиненіе теоретиковъ и идеалистовъ въ легкомысленномъ, не глубокомъ отношеніи даже къ тѣмъ самымъ теоріямъ и идеаламъ, въ непониманіи „ихъ чрезвычайной трудности и сложности". Въ примѣръ этого легкомыслія и непониманія приводятся и факты. Подъ руками „реформаторовъ" быстро создавались конституціонные планы, подкладка которыхъ заимствовалась готовая изъ европейскихъ политическихъ идей; не сомнѣвались обращаться и прямо къ иностранцамъ, которые и сами не находили въ этомъ ничего страннаго: Лагарпъ пишетъ свой планъ, и императоръ Александръ негодуетъ, что Сперанскій его „обрусилъ".

Дѣйствительность, конечно, оставалась глуха и слѣпа къ подобнымъ начинаніямъ. Какъ всякая жизнь, она не гнулась по произволу теоретиковъ, она была, дѣйствительно, слишкомъ мало похожа на волновавшіе образованныхъ людей теоріи и идеалы, притомъ такъ легкомысленно, съ такой поверхностью составляемые. Но теоретическое поколѣніе, конечно, не себя обвиняло въ неудачахъ, а исключительно русскую жизнь, и это обвиненіе ея доходитъ по прямой линіи до нашего времени. „Большая часть людей,—говоритъ цитированный выше историкъ,—возымѣвшихъ тогда политическіе интересы, получили ихъ подъ непосредственными впечатлѣніями европейской жизни и посредствомъ *наглядного сличенія русской дѣйствительности съ цивилизаціей и свободой западныхъ народовъ*".

Въ дѣйствительности русской, конечно, было много печальнаго. Но дѣло въ томъ, что теоретики сравнивали ее и не съ европейскою жизнью, а съ теоріями и идеалами европейскими, воображая, что жизнь Европы совершенно согласна съ этими теоріями и идеалами. Здѣсь далеко не лишнее будетъ упомянуть о разочарованіяхъ, постигшихъ въ этомъ отношеніи многихъ лучшихъ русскихъ людей, когда они ближе ознакомились съ Европой. Герценъ ярко отмѣтилъ разницу „между дѣйствительностью (европейской), которая возносится къ идеалу, и той, которая теряется въ грязи улицъ", справедливо замѣтивъ, что „мы знаемъ Европу книжно, литературно, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя". Но поколѣніе двадцатыхъ годовъ еще далеко было отъ критическаго отношенія къ европейской дѣйствительности и, не зная русской жизни, видя только, какъ она не похожа по теоріи, дѣйствительно должно было поражаться ея отсталостью, некультурностью.

VI.

Не касаясь совершенно вопроса, насколько ихъ теоріи были разумны и примѣнимы, мы должны просто попытаться представить себѣ, какъ складывалась душевная жизнь этихъ

теоретическихъ приверженцевъ европейскихъ идеаловъ, въ какія отношенія становились они и къ дѣйствительности, и къ своимъ идеаламъ. Само собою разумѣется, что, не находя въ дѣйствительности практической опоры для своихъ теорій и „возвращаясь къ идеаламъ и теоріямъ", — выраженіе очень удачное,—идеалисты тѣхъ временъ должны были отшатнуться отъ дѣйствительности совершенно, совершенно потерять интересъ къ ней, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пониманіе ея. Ихъ собственные идеалы становились бременемъ для нихъ, не нужными, безполезными, мучительными наростами, вызывавшими то душевное состояніе, которое превосходно обрисовалъ Герценъ въ словахъ: „Намъ нечего щадить, насъ ничего не останавляетъ, но мы безсильны... Отсюда наша вѣчная иронія, злоба, разъѣдающая насъ и ведущая насъ въ Сибирь, на пытки, къ преждевременной смерти. Люди жертвуютъ собой безъ всякой надежды — отъ скуки, отъ тоски... Въ нашей жизни есть что-то безумное".

Яркимъ, необыкновенно выразительнымъ примѣромъ человѣка того поколѣнія является Чаадаевъ. Прошедшій тѣмъ же путемъ мысли, какъ и всѣ его современники, неопытнымъ юношей въ походахъ въ Европу испытавшій могущественное впечатлѣніе европейской жизни, давшей ему идеалъ, онъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ пришелъ къ полному отрицанію родной земли. Во времена Пушкина и наканунѣ мощнаго литературнаго движенія, онъ не только не видитъ въ современной ему жизни залоговъ будущаго, но и все прошедшее Россіи представляется ему ужаснымъ. „Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые,—говоритъ онъ,—все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило... Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго"... Съ большой проницательностью Чаадаевъ оцѣниваетъ поистинѣ ужасное положеніе современнаго ему мыслящаго человѣка. Указывая, что народы живутъ только „могущественными впечатлѣніями прошедшаго на умы", онъ говоритъ: „Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то большее, чѣмъ неосновательность. *Лучшія*

идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, *льненьютъ* въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что̀ ему предшествуетъ и что̀ послѣдуетъ: онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство общаго существованія—и онъ заблуждается въ мірѣ". Но это глубокое и вѣрное представленіе о безплодности оторваннаго отъ прошедшаго существованія не внушаетъ Чаадаеву мысли о необходимости связать нашу цивилизацію съ нашимъ прошедшимъ: онъ не признаетъ этого возможнымъ, онъ отрицаетъ наше прошедшее, считаетъ его какъ бы не существующимъ, потому что „сфера, въ которой живутъ европейцы,—единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія".

Отмѣчаетъ Чаадаевъ въ окружающемъ его обществѣ и отсутствіе „начальныхъ идей, которыя какимъ бы то ни было образомъ могли бы руководствовать насъ въ жизни"? „Хотите ли знать, что это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка,—говоритъ онъ.—Онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ—необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что̀ составляетъ атмосферу Запада, это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?"

Чаадаевъ, какъ и повсюду, смѣшиваетъ здѣсь общую русскую жизнь съ жизнью своего собственнаго духа, съ жизнью теоретиковъ-идеалистовъ, и переноситъ на первую все то, что вызываетъ въ немъ такія горькія мысли во второй. Дѣйствительно, идеи личной нравственности должны были блекнуть среди господства политическихъ неисполнимыхъ теорій и непримѣнимыхъ идеаловъ, потому что—что могли значить и кого занимать маленькія идеи правды и порядка среди всеобщаго крушенія идеаловъ? Чисто головная жизнь никогда еще не смягчала сердца и не вела къ личному совершенствованію.

VII.

Столь же любопытными примѣрами, поясняющими Онѣгина, могутъ служить Герценъ и Огаревъ, умственная жизнь которыхъ въ ихъ молодости изображена въ статьяхъ извѣстнаго критика пятидесятыхъ годовъ, Анненкова, несомнѣннаго западника, друга Тургенева, Гоголя и даже самихъ Герцена и Огарева. Герценъ и Огаревъ, особенно первый, принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ и благороднѣйшемъ представителямъ сороковыхъ годовъ. Надъ другими они имѣютъ то преимущество, что мысль ихъ и дѣятельность были направлены въ пору ихъ умственной зрѣлости въ сторону практическую, въ сторону общественныхъ интересовъ, общественныхъ реформъ. Это не были тѣ люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, которые составили себѣ оригинальную репутацію „прекраснодушія", мысль ихъ не ушла въ ограниченную сферу „искусства для искусства", „безсознательнаго творчества" и т. п.; то были общественные реформаторы съ достаточно опредѣленными стремленіями. И тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе присмотрѣться къ умственной и нравственной физіономіи ихъ молодости.

Анненковъ беретъ ихъ въ тотъ моментъ ихъ жизни, когда „надъ ними разразилась неожиданная гроза", то-есть когда они были сосланы изъ Москвы и, слѣдовательно, изъ кабинетно-созерцательной жизни пришли въ рѣзкое соприкосновеніе съ окружающей ихъ дѣйствительностью: изъ сферы кружковъ, занятыхъ размышленіями о тѣхъ или другимъ тезисахъ философіи Гегеля, Герценъ и Огаревъ были поставлены прямо передъ дѣйствительной русской жизнью съ ея чиновничествомъ и крѣпостничествомъ, съ ея насущными интересами, съ видимыми для перваго же взгляда невзгодами. Чѣмъ же заинтересовались и чѣмъ занялись молодые люди въ ихъ новой обстановкѣ? Цѣлесообразнѣе для насъ поставить этотъ вопросъ прежде передъ личностью Огарева.

Огаревъ, какъ извѣстно, былъ высланъ въ Пензу, къ отцу его. И „съ первой же *оказіей* московскіе друзья узнали, — иронически разсказываетъ Анненковъ, — что онъ засѣлъ за гро-

мадный трудъ, за созданіе *системы*, объясняющей происхожденіе вселенной изъ сочетанія матеріи и идеи и указывающей „математически точно“ законы, по которымъ развивалось человѣчество съ самаго своего появленія на землѣ“. „Трудъ“ этотъ, какъ видитъ читатель, по широтѣ задачи далеко превосходитъ подобный же трудъ Гоголевскаго Тентетникова, который (трудъ) долженъ былъ обнять Россію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ: политическомъ, экономическомъ, гражданскомъ, религіозномъ, философическомъ и проч. И по исполненію судьба ихъ оказалась одинакова. Дѣло въ томъ, что встрѣтились двѣ помѣхи. Во-первыхъ, потребовалась масса разнообразнѣйшихъ книгъ, изъ которыхъ предполагалось почерпнуть необходимыя свѣдѣнія; во-вторыхъ, „среда“, въ видѣ семейства Огарева, обнаружила свое противодѣйствіе: на занятія Огарева въ ней смотрѣли „съ ужасомъ“, полагая, „что они приравниваютъ наслѣдника богатаго дома къ разночинцамъ“. И хотя, конечно, „ужасъ“ среды особыхъ дѣйствительныхъ препятствій не представлялъ, а „матеріалъ труда (то-есть нѣмецкія и французскія книжки), безпрестанно пополняемый изъ Москвы“, и приходилъ своевременно, тѣмъ не менѣе, какъ съ новой ироніей замѣчаетъ Анненковъ, „система, какъ и слѣдовало ожидать, никогда не была завершена вполнѣ“: остался „только любопытный планъ ея... съ почти неосязаемымъ, отвлеченнымъ характеромъ: умственная жизнь у насъ обыкновенно начиналась съ теозофскихъ и философскихъ сумерекъ“.

Нѣтъ надобности передавать этотъ планъ „новосозидаемой науки“ міровѣдѣнія; достаточно сказать, что въ письмахъ, гдѣ онъ излагается, по выраженію Анненкова, „глубокая, непроглядная метафизика идетъ объ руку съ наивной исповѣдью своего безсилія передъ домашнею бѣдой, которая смѣняется гордыми надеждами на себя въ будущемъ“... Не лишнее, впрочемъ, привести изъ „трактата“ Огарева, положимъ, хоть слѣдующую фразу: „Матерія есть свѣтъ. Къ солнцу тяготѣютъ планеты, ergo начало тяготѣнія въ свѣтѣ“... и т. д. И если построеніе этой тирады поразитъ скромнаго читателя, то ему необходимо знать, что даже и въ этомъ отношеніи

Огаревъ не былъ самостоятеленъ, что и естественно, а только подражалъ, и не очень удачно, нѣмецкимъ философамъ.

Приведя еще нѣсколько темнѣйшихъ разсужденій Огарева, Анненковъ замѣчаетъ совершенно справедливо: „Нельзя не подивиться обилію *безсодержательныхъ представленій*, какими обладало воображеніе Огарева, и пріобрѣтенной способности его складывать ихъ въ узоры, пригоняя цвѣтъ къ цвѣту"... Все это, конечно, было *въ тогдашнемъ порядкѣ вещей*. Но любопытнѣйшею чертою автора „системы" представляется отношеніе его самого къ своей еще не разрѣшенной, только предпринятой, задачѣ; уже тотъ одинъ фактъ, что онъ *намѣревается* искать рѣшенія неразрѣшимой задачи, ставитъ его въ собственныхъ глазахъ на недосягаемый пьедесталъ. „Когда я *раскрою* вамъ,—пишетъ онъ даже своимъ ученымъ друзьямъ,—законъ тройственности — сущность, идея, осуществленіе въ жизни человѣчества, когда *я покажу* вамъ человѣчество, прежде колоссальное, какъ вселенная, которую онъ боготворитъ, потомъ выводящее изъ себя свою собственную идею; когда *я покажу* вамъ въ каждой отдѣльной эпохѣ, въ каждомъ моментѣ (!)... этихъ двухъ отдѣловъ (древности и христіанства) тотъ же законъ тройственности, тогда *я положу вопросъ будущности*, тогда я скажу вамъ задачу, разгадкѣ которой посвящаю себя словомъ и дѣломъ"... Когда же онъ захотѣлъ „намекнуть" только на задачу общественной организаціи, то у него вышла самая обыкновенная мысль: „сохранить при высочайшемъ развитіи общественности полную свободу индивидуальную", „сочетать эгоизмъ съ самопожертвованіемъ, вотъ въ чемъ дѣло, вотъ къ чему должно стремиться общественное устройство"... И эту задачу Огаревъ намѣренъ „вывести исторически" и доставить друзьямъ „приближенное рѣшеніе... черезъ мѣсяцъ". Какъ сказано выше, все это было простою мечтою, принимаемою за дѣйствительность вслѣдствіе ложнаго представленія о себѣ, о своихъ силахъ.

Рядомъ съ созданіемъ новой науки „міровѣдѣнія" занимали Огарева и другіе проекты, не менѣе грандіозные. Онъ чувствовалъ въ себѣ огромныя силы. Жалѣя товарищей по ссылкѣ, для себя онъ не видитъ въ ней особеннаго неудоб-

ства. „Я знаю,—пишетъ онъ,—*что у нихъ нѣтъ столько матерій для жизни души, какъ у меня; я въ этомъ случаѣ что-то индійское!*“. „Дайте мнѣ дѣйствія,—восклицаетъ онъ,—дайте желаемый кругъ дѣйствія. Я чувствую въ себѣ силу неограниченную. Нѣтъ, еще есть вѣра, и я пойду далеко! Если бы я былъ съ вами, друзья, или тамъ, гдѣ движутся языцы!.. Но я буду, непремѣнно буду; мой fatum написанъ рукой Бога на пути вселенной: онъ неизмѣненъ“... Анненковъ останавливается на этой „легкости“, съ которою и Огаревъ, и Герценъ „постоянно призывали само Провидѣніе на вмѣшательство въ ихъ дѣла, какъ бы въ видѣ своего довѣреннаго и уполномоченнаго лица“, и считаетъ необходимымъ пояснить, что „черта эта была у нихъ общая со многими сверстниками: Станкевичъ, Грановскій, В. Боткинъ, Бѣлинскій, также точно, какъ К. Аксаковъ и другіе, одинаково считали себя орудіями высшихъ силъ и тщились содержать себя въ надлежащей чистотѣ, приличной избранникамъ Промысла: вся интеллигентная молодежь конца тридцатыхъ годовъ составляла подобіе... общины, которая вѣровала въ свое призваніе обновить міръ дѣломъ и словомъ“.

Такъ или иначе, но при этой вѣрѣ въ свои силы и въ свое призваніе, все казалось исполнимымъ и возможнымъ. И Огаревъ принимается, помимо своей „системы міра“, за трактатъ „о воспитаніи“. Онъ говоритъ о немъ съ воодушевленіемъ, но также скоро устаетъ. „Статью о воспитаніи,—пишетъ онъ,—не могу теперь доставить, ибо чѣмъ больше пишу ее, тѣмъ она плодовитѣе и пишется, и такъ скоро отдѣлана быть не можетъ; съ первой оказіей она доставится“. Трактатъ или статья остались опять только въ проектѣ. За проектомъ этой статьи слѣдовалъ проектъ драмы, подъ заглавіемъ „Художникъ“, которою предполагалось „разоблачить будущность искусства“. Художникъ этотъ преслѣдуемъ роковыми призраками: сомнѣніемъ, которое граничитъ съ отчаяніемъ. „Форма драмы будетъ оригинальна. Мой художникъ—энциклопедистъ: поэзія, музыка, живопись участвовали въ его образованіи. Конецъ — сумасшествіе“. Драмѣ сопутствуетъ романъ. „Хочу писать сказку или быль, какъ поря-

дочный человѣкъ гибнетъ въ провинціи...". Совокупность всего этого выражается прекрасно словами самого Огарева: „Пишу романъ, драму, повѣсть, систему міра, прокламаціи къ моимъ подданнымъ... и вездѣ ѣзжу на любимомъ конькѣ, на предисловіи... Прощай, братъ". По поводу „прокламаціи къ моимъ подданнымъ" Анненковъ высказываетъ законное любопытство на счетъ того, „какимъ языкомъ говорилъ съ этими подданными въ эпоху крѣпостного быта молодой натуръ-философъ и христіански-радикальный мыслитель"... Къ сожалѣнію, и „прокламаціи", какъ и все прочее, остались навѣки въ одномъ только предположеніи. И изъ всѣхъ этихъ предпріятій Огареву удалось только одно: какъ извѣстно, ему удавалось писать недурные стихи.

Такъ „тѣшился", по выраженію Анненкова, „Огаревъ, переходя отъ законодательства къ электричеству, а отъ нихъ къ маленькимъ стишкамъ, тутъ же (въ письмахъ) и приложеннымъ". Любопытно, однако, что не однѣ „высокія матеріи" давали поводы къ увлеченіямъ и проектамъ Огареву. Соскучившись въ провинціи, онъ напалъ на мысль ѣхать на службу на Кавказъ, и этотъ маленькій проектъ немедленно былъ скрашенъ довольно звучною теоріей. „Мечта о Кавказѣ меня не покидаетъ,—писалъ Огаревъ.—Война лучшій выходъ. *Разумно*, я чувствую, никогда не выйду, да и скучно что-то искать разумнаго выхода, если онъ самъ не приходитъ. Наука и практическая дѣятельность не даются мнѣ. Дѣятельность безпутная лучше выведетъ на путь. Да вѣдь оно какъ-то и хорошо: шумная битва да шумный бивакъ!.. А за жизнь мою ручается что-то, что̀ выше меня. Я въ свою будущность вѣрю, потому что все же умѣлъ стать духомъ выше своей личности"... Но, конечно, этотъ проектъ больше, чѣмъ какой-либо другой, не могъ имѣть никакихъ результатовъ.

Предположеніе о присутствіи въ себѣ какихъ-то высшихъ силъ, между тѣмъ, неотразимо вело Огарева къ тому отрицательному отношенію къ обществу русскому, которое было сродни презрѣнію, а также равнодушію. Дѣйствительныя задачи русской жизни, даже въ ея не совсѣмъ мрачныхъ сторонахъ, не говоря уже о множествѣ существовавшихъ тогда без-

мѣрно печальныхъ сторонахъ, конечно, были совершенно не похожи на миражи якобы міровыхъ вопросовъ, окружавшихъ его. Та самая родная семья, которая встрѣтила его любовью и привѣтомъ, кажется ему „погребомъ". „Благодарю, много благодарю васъ,—пишетъ онъ,—друзья мои, за ваши посланія. Вы меня оживили. *Я умиралъ, совсѣмъ умиралъ. Да и какъ не умереть?* Знаешь ли, какъ тупѣетъ голова, когда цѣлый день вертишься въ кругу пошлыхъ мыслей. Моя душа здѣсь, какъ въ погребѣ... О, Боже, какъ я несчастливъ". Дѣло въ томъ, что у него „отняли волю трудиться", что ему „не достаетъ духу мыслить". „Или система, о которой ты знаешь, слишкомъ высока, или я слишкомъ глупъ... Развивъ абсолютъ до первоначальной матеріи, я сталъ, какъ вкопанный". Печальный результатъ этотъ приписывался вліянію окружающей обстановки. Тѣмъ не менѣе Анненковъ констатируетъ любопытный фактъ, что „Огаревъ отлично уживался съ тѣмъ самымъ свѣтомъ, на который падали его безпощадные удары": онъ, въ дѣйствительности, „обладалъ искусствомъ находить для себя уютные уголки посреди многолюдства и *царствовать* тамъ въ силу одной симпатической своей природы", не отличаясь „ни особеннымъ даромъ слова, ни эпиграмматическою мѣткостью замѣтокъ, ни веселостью", какъ Герценъ.

Во всѣхъ увлеченіяхъ Огарева было много безусловно искренняго, и онъ обнаружилъ стремленія выразить свои мнѣнія въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ. Но результаты этой практической дѣятельности были плачевны, обнаруживъ величайшую непрактичность, полное незнакомство съ русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ. По смерти отца онъ задумалъ „отпустить на волю", освободить отъ крѣпостной зависимости крестьянъ села Бѣлоомута, села богатѣйшаго, считавшаго въ своей средѣ чуть не милліонеровъ-крестьянъ, и отпустилъ за ничтожный выкупъ. Но вся операція эта, по выраженію Анненкова, закончилась абсурдомъ. Огаревъ самъ въ концѣ концовъ разорился; но не выиграли ничего и крестьяне въ массѣ. Хозяйство села „было мужицко-олигархическое, съ обманнымъ видомъ самоуправленія": въ дѣйствительности масса, бѣдные, находились въ полной зависимости

отъ богачей, которыхъ считали своими прирожденными господами. Молодой помѣщикъ устроилъ дѣло такъ, что отдалъ этихъ бѣдняковъ при выкупѣ вполнѣ въ руки могущественныхъ кулаковъ, хотя вполнѣ могъ взять съ богачей въ десять разъ больше только за свободу, и предоставить бѣдному люду хоть бы даромъ земли и угодья, свободныя отъ эксплоататоровъ. И, совершивши все это, Огаревъ „началъ долгую жизнь празднествъ, мечтаній, толковъ, всего обычнаго времяпрепровожденія русскихъ той эпохи въ Москвѣ и за границей".

VIII.

Но Герценъ? Примѣнимо ли къ нему вышесказанное— къ нему, отличавшемуся и необыкновенной силой ума, и большой выдержанностью характера, и большей опредѣленностью стремленій? Прежде всего невольно поражаетъ тотъ, безусловно утверждаемый Анненковымъ и доказываемый дружбою въ теченіе всей жизни Огарева съ Герценомъ, фактъ, что Герценъ былъ постоянно подъ вліяніемъ мечтательной и благородной личности Огарева. Затѣмъ несомнѣнно, что Герценъ обладалъ умомъ болѣе трезвымъ и проницательнымъ. Тѣмъ не менѣе въ той или другой мѣрѣ въ немъ постоянно сказываются одинаковыя съ Огаревымъ родовыя черты умственнаго и нравственнаго склада. „Поистинѣ можно удивляться,—говоритъ Анненковъ,—этой массѣ плановъ и предначертаній, которые не давали успокоиться уму нашего автора (Герцена) и, вѣроятно, помѣшали полному осуществленію и окончательной обработкѣ всѣхъ ихъ".

Дѣйствительно, самые разнообразные планы кишѣли въ умѣ Герцена, показывая несомнѣнное отсутствіе ясно созванныхъ представленій о своей роли въ общественной русской жизни, несомнѣнную случайность увлеченій. Ссылка хотя и тяжело отразилась на нравственномъ его состояніи, но, какъ и въ Огаревѣ, вызвала стремленіе „въ тотъ міръ фантазіи, гдѣ широко и разгульно мечтать, гдѣ воля полная страстямъ". „Какая-то ничтожность, землистость покрыла мою душу

здѣсь",—пишетъ Герценъ далѣе.—„Для занятій почти нѣтъ времени—цѣлое утро въ канцеляріи, а послѣ-обѣда по большей части пропадаетъ: les devoirs de la société маленькаго города обязываютъ всякаго дѣлать глупости. Сначала я распутничалъ, но остановился, вспомнивъ, что я обязанъ беречь свою душу для другихъ ощущеній, и еще болѣе увидѣлъ пустоту этихъ ложныхъ, искусственныхъ чувствъ". Въ этомъ состояніи пріѣздъ Витберга въ Вятку уже представляется Герцену фактомъ для его личной жизни высокаго значенія. „Онъ понимаетъ всякій восторгъ, цѣнитъ всякое чувство, онъ артистъ въ душѣ... Въ его головѣ родилась мысль высокая.—*сбыточная или нѣтъ, что за дѣло?*"... И дни и ночи проводитъ онъ съ Витбергомъ „въ восторженныхъ разговорахъ о торжествѣ всего пошлаго и рутиннаго на землѣ"...

Изъ Москвы спрашивали, что же собственно серьезнаго дѣлаетъ Герценъ? Въ портфелѣ его было заготовлено множество статей, плановъ, начатковъ, даже драматическихъ сценъ, притомъ въ стихахъ, и т. п. Умалчивая объ этомъ, онъ, однако, даетъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ работахъ, которымъ не всѣмъ суждено было придти къ окончанію, по причинамъ довольно понятнымъ. „Что я могу прислать для печати?"—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: 1) „Встрѣчи": это три статьи... 2) „Письма о Казани, Перми и Вяткѣ"... 3) „Легенда"... наконецъ 4) первыя четыре главы моей повѣсти: „Тамъ". Относительно послѣдней, напримѣръ, Герценъ выражаетъ сомнѣніе, „можно ли въ формѣ повѣсти перемѣшать науку, каррикатуру, философію, религію, жизнь реальную, мистицизмъ". Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что „всемірный энциклопедическій романъ" этотъ могъ имѣть нѣкоторое сходство съ Флоберовскимъ произведеніемъ „Искушеніе св. Антонія", съ тою капитальною разницею, что религіозный индифферентизмъ Флобера замѣнился бы здѣсь проповѣдью о томъ, что въ искусствѣ находится прямая оцѣнка вѣрованій. „Такъ вотъ съ чего,—восклицаетъ Анненковъ,—начиналъ Герценъ, будущій авторъ статей „О диллетантизмѣ въ наукѣ", „Объ изученіи природы", „Записокъ доктора Крупова" и множество другихъ произведеній совершенно противоположнаго ха-

рактера съ тѣми, которыя здѣсь разбираемъ!" Дальше шли фантазія „Полингенезія", драма, иначе: „Лициній", отрывокъ изъ новыхъ драматическихъ сценъ, въ стихахъ; „Диссертація о томъ, о семъ": „Даніилъ въ Вавилонѣ"—новая поэма"... Анненковъ даетъ любопытнѣйшія разъясненія къ этимъ предположеннымъ произведеніямъ. Такъ „Лициній" представлялъ попытку „громадныхъ и рискованныхъ обобщеній"; тутъ было, напримѣръ, „сопоставленіе апостола Павла, воскрешающаго юношу, съ расчетливымъ Уильямомъ Пеномъ, убѣгающимъ въ Америку для водворенія своей, замкнутой въ себѣ, сектантской и торговой общины". Какъ человѣкъ съ умомъ большимъ и проницательнымъ, Герценъ моментами скептически и самъ относился къ этому кипѣнію ума въ дѣйствіи пустомъ. „Нѣтъ,—писалъ онъ,—все, что я писалъ, глупо.—Сожгу все, кромѣ статьи *архитектурной*, а она, можетъ быть, всѣхъ глупѣе, да въ ней есть хоть указаніе на мысль широкую... Есть мысль хорошая для новой повѣсти, а какъ примешься писать, выйдетъ чортъ знаетъ что: пуншъ, въ которомъ и чай, и ромъ испорчены другъ другомъ"...

Гораздо позднѣе, въ эпоху второй, почетной, ссылки Герцена, въ Новгородъ, когда онъ „радуется", что „цѣли (у него) ограничены", когда онъ сознаетъ, что „пора перестать блуждать по морю по океану", Герценъ, тѣмъ не менѣе, еще увлекается широкими задачами и рискованными обобщеніями. Онъ предпринимаетъ изученіе Гегеля и нѣмцевъ, диссертацію о Петровскомъ переворотѣ, и составленіе книжки о всеобщей исторіи для дѣтей—одновременно. Но, какъ и въ предыдущее время, эти предпріятія остаются тщетными, выходя не изъ предварительнаго ученія предметовъ, а изъ стремленія найти въ нихъ основанія для уже готовыхъ широкихъ обобщеній. Гегеля Герценъ понималъ такъ, что тотъ „взрылъ почву подъ общественнымъ, частію еще средневѣковымъ строемъ европейской жизни, но боялся наложить руки на само зданіе, выстроенное ею на рыхлой почвѣ, изъ жалости къ красивой его постройкѣ, на которую указывалъ и своимъ послѣдователямъ, терпѣливо ожидая, что оно рухнетъ само собою, по милости логически и діалектически подкопаннаго имъ. Геге-

лемъ, фундамента",—толкованіе, конечно, совершенно произвольное и только льстящее настроенію авторскаго ума. Для диссертаціи о Петровскомъ переворотѣ Герценъ запасается Голиковымъ, но мысль его идетъ ранѣе изученія фактовъ, и въ томъ именно направленіи, что „мы, выходящіе изъ національности въ чисто европейскую форму и сущность, заканчиваемъ дѣло очеловѣченія Руси", а „послѣ нашего времени начнется періодъ органическаго, *субстанціальнаго* развитія, и притомъ чисто *человѣческаго* для Руси; вся „диссертація" разрѣшилась, однако, только „*остроумной* статейкой": „Москва и Петербургъ", которая не могла попасть въ нашу печать и появилась на свѣтъ въ видѣ привѣса къ забавному разсказу „Станція Едрово", передѣланная и ослабленная. Книжка о всеобщей исторіи для дѣтей по отсутствію пособій была заброшена.

Въ соприкосновеніяхъ съ дѣйствительностью Герценъ обнаружилъ гораздо больше впечатлительности и трезвости мысли, чѣмъ Огаревъ. Обыденная жизнь провинціи, при настроеніи Герцена, конечно, не могла не повліять на него всего больше чисто отрицательными сторонами, скрывая источники и корни, болѣе жизненные. „Что за пошлость провинціальная жизнь!"— пишетъ онъ.—„Когда Богъ сжалится надъ этой толпой, которая столь же далека отъ человѣка, сколько отъ птицы!"

Распространяя свое отрицательное отношеніе ко всему русскому быту, на основаніи міровыхъ теорій, Герценъ и друзья его обнаружили весьма характерную черту своими отношеніями къ Вадиму Пассеку. Путевыя записки этого этнографа, указывавшія на важность путешествій по Россіи для пониманія ея исторіи, приняты были, какъ „отреченіе автора отъ недавняго своего прошлаго, отъ связей съ товарищами"; на основаніи его восторженнаго отношенія къ былому Руси и къ ея исторіи было заключено, что „онъ перешелъ въ лагерь служебнаго патріотизма". И Герценъ восклицаетъ: „Вадимъ продолжаетъ писать—se offendendo; я радъ: *renegatam* нѣтъ успѣха". Ошибка скоро обнаружилась, но фактъ остался характернымъ.

Во всемъ этомъ не было упрямаго нежеланія видѣть

вещи въ болѣе дѣйствительномъ освѣщеніи, и Герценъ не безъ удивленія сознается въ своихъ ошибкахъ, имѣвшихъ предвзято теоретическія причины. „Теперь я увидѣлъ хоть часть Россіи,—писалъ онъ изъ первой своей ссылки.—Что же я замѣтилъ? Во-первыхъ, что управленіе губернское *въ провинціи* идетъ *несравненно лучше, нежели я думалъ*, и, находясь теперь въ центрѣ онаго, *я могу судить о необъятныхъ трудахъ министерства внутреннихъ дѣлъ* для матеріальнаго благосостоянія, и болѣе, *прогрессивное начало*, сообщаемое министерствомъ, гораздо *выше понятій и требованій провинціи*“... Позже Герценъ, впрочемъ, иначе взглянулъ на дѣло, основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ; но эти иные взгляды были столько же результатами дальнѣйшаго развитія опредѣлившихся теоретическихъ построеній. Чтобы понять болѣе опредѣленно, въ чемъ состояли названные опыты и наблюденія, нужно взглянуть на службу Герцена въ Новгородѣ, въ качествѣ совѣтника губернскаго правленія. „Здѣсь, по выраженію Анненкова, открылось ему то запущенное годами поле администраціи, которое онъ *призванъ былъ подготовить для высшей культуры*. По крайней мѣрѣ такъ онъ понялъ самъ свою задачу, впадая при этомъ въ ошибку, свойственную всѣмъ утопистамъ канцелярій и правленій“. Онъ „принялся за работу не какъ чиновникъ, а какъ посторонній человѣкъ, имѣющій свои цѣли и торопящійся обнаружить свои честныя идеи“. Въ одномъ изъ разсказовъ Помяловскаго есть чиновникъ, производящій слѣдствіе надъ мужеубійцею, и вмѣсто того, чтобы собирать факты, требуемые закономъ, плачущій вмѣстѣ съ убійцею, преступленіе которой было результатомъ несчастно сложившейся семейной жизни,—примѣръ, могущій пояснить въ преувеличенной формѣ дѣйствія утописта-чиновника. Естественно, что Герценъ не поладилъ ни съ кѣмъ, и оставилъ службу, оставилъ свое мѣсто болѣе податливому, конечно, человѣку, быть можетъ, и совсѣмъ не имѣвшему „идей“. Та польза, которая вытекала бы изъ дѣятельности въ „раздражающемъ“ отдѣленіи, гдѣ сосредоточивались дѣла о ссыльныхъ, о крестьянахъ, должна была отступить передъ стремленіемъ освободить себя отъ „страданій несовершенство-

ваніями администраціи и суроваго, положительнаго законодательства"...

Анненковъ беретъ Герцена и Огарева въ началѣ ихъ дѣятельности, въ тридцатые годы. Но легко понять, что крѣпкая закваска теоретичности и мечтательности, какъ ни были суровы впослѣдствіи уроки жизни, не могла уже исчезнуть вполнѣ.

IX.

Необходимо было въ общихъ чертахъ обрисовать душевную жизнь, умственную физіономію поколѣнія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, чтобы провести сравненіе его съ типомъ, созданнымъ великимъ русскимъ поэтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не бросается ли въ глаза сходство, почти тождество Онѣгина съ тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ обликомъ, который является какъ выводъ изъ наблюденій надъ дѣйствительными дѣятелями той эпохи? Онѣгинъ, конечно, не Чаадаевъ, не Герценъ и не Огаревъ, которые были изъ ряду вонъ выходящими людьми: онъ ни политическій, ни общественный дѣятель. Но онъ такой же представитель идеала, какимъ былъ и Чаадаевъ. Родовыя свойства ихъ—одни и тѣ ж.

Онѣгинъ, какъ средній человѣкъ, подобно большинству своихъ сверстниковъ, занималъ такое положеніе въ обществѣ, которое отводило ему, вмѣсто трагической роли Чаадаева, роль почти комическую. Если люди, власть имѣвшіе, могли хоть пытаться примѣнять свои мертвыя теоріи и идеалы къ дѣйствительности, не отдавая себѣ ясно отчета въ послѣдней и уже тѣмъ разрушая свое дѣло; если Чаадаевы силою ума достигали критическаго отношенія къ своему положенію и приходили хоть къ католичеству, — то что могли дѣлать съ своими широкими, міръ обнимающими, теоріями, люди, подобные Онѣгину, не имѣвшіе ни власти, ни выдающагося ума? Единственная сфера, въ которой могъ проявить и дѣйствительно проявилъ свои идеалы Онѣгинъ, доказавъ тѣмъ свою принадлежность къ кругу мыслящихъ людей своего времени, —это сфера отношеній къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ пер-

вое же время, какъ пріѣхалъ въ деревню дядя, „ярмъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ“, да и этотъ порядокъ новый учредить онъ задумалъ, по ироническому замѣчанію Пушкина, „чтобъ только время проводить“. А далѣе, на что ему годились общѣйшія, никакого отношенія къ окружающей жизни не имѣющія, теоріи и идеалы общественной жизни? Они пригодились ему для того, чтобы создать въ немъ тѣ типическія черты, которыя впослѣдствіи должны были получить названіе „общественнаго недуга“.

Смотря на дѣйствительность съ мнимой высоты своихъ, чуждыхъ жизни, идеаловъ, Онѣгинъ естественно долженъ былъ постоянно чувствовать себя выше всего окружающаго, и стихи Пушкина:

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно...

какъ нельзя больше примѣнялись и къ нему, хотя онъ „сноснѣе многихъ былъ“... Въ деревнѣ, гдѣ онъ скучалъ, это эгоистическое отношеніе къ людямъ, конечно, не могло найти слишкомъ широкаго примѣненія; но всюду, во всѣхъ столкновеніяхъ, Онѣгинъ проявилъ его вполнѣ. Онъ не могъ провести свое отрицаніе такъ далеко, чтобы осудить, подобно Чаадаеву и другимъ, всю историческую жизнь, все прошлое Россіи, но потому, что не „имѣлъ охоты рыться въ хронологической пыли“; зато его отрицаніе вполнѣ распространяется на простую русскую семью, на усердіе ея къ гостямъ, на разговоры про дождь и ленъ и пр. Его бездѣятельная жизнь кажется ему несравненно выше заботъ о льнѣ и скотномъ дворѣ.

Что Онѣгинъ былъ изъ числа тѣхъ оевропеившихся русскихъ людей, которые если не презирали, то презрительно жалѣли родину во имя европейскихъ идеаловъ, тому есть доказательство, прямое указаніе въ самомъ романѣ Пушкина. Разлюбивъ чтеніе, онъ „изъ опалы исключилъ“, какъ ясно стало Татьянѣ въ домѣ Онѣгина, нѣсколько твореній, въ которыхъ онъ находилъ нѣчто родственное себѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Онѣгинѣ, какъ и въ Печоринѣ, какъ, быть можетъ,

и въ болѣе серьезныхъ людяхъ ихъ времени, помимо искренняго разочарованія, былъ элементъ подчиненія европейскому разочарованію, подчиненія добровольнаго, потому что нравились тѣ романтическіе герои, которые олицетворяли это европейское разочарованіе. Потому-то въ книгахъ Онѣгина Татьяна и нашла „два-три романа, въ которыхъ отразился вѣкъ". Наблюдая за отмѣтками ногтей, за чертами карандаша, словомъ, за всѣмъ, въ чемъ Онѣгина душа „выражала себя невольно", Татьяна начинаетъ подозрѣвать, не подражанье ли онъ „современному человѣку", „съ его безнравственной душой, себялюбивый и сухой, мечтанью преданной безмѣрно": не истолкованье ли онъ „чужихъ причудъ", чужого озлобленнаго ума,—„ужъ не пародія ли онъ?"

Послѣдующія произведенія русской литературы отразили грубую страсть многихъ русскихъ людей — изображать изъ себя разочарованныхъ. Онѣгинъ былъ настолько уменъ, чтобы не быть простой пародіей, но несомнѣнно въ немъ проглядываетъ элементъ и подражательной разочарованности. Рядомъ съ серьезнымъ увлеченіемъ теоріями и идеалами общественной жизни, въ русскомъ обществѣ знали и увлеченія идеалами протеста, разочарованія и пр., выраженными европейскими литературами. Пушкинъ и Лермонтовъ, вынесшіе на себѣ это вліяніе, служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Само собою разумѣется, что увлеченія и этими идеалами вели къ тѣмъ же слѣдствіямъ, къ тому же презрѣнію къ жизни, въ которой не было такихъ красивыхъ героевъ, какъ Чайльдъ-Гарольды и Донъ-Жуаны.

Есть въ романѣ указанія и на то, что Онѣгинъ чувствовалъ фальшивость своего духовнаго настроенія и стремился освободиться отъ него.

Наскуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Дождливой скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ!

Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ: онъ увидитъ
Святую Русь: ея поля,
Пустыни, грады и моря.

Такъ иронически описываетъ Пушкинъ превращеніе своего героя въ патріота. Эти строки написаны въ 1829 году; онѣ показываютъ, что самъ Пушкинъ не слишкомъ довѣрялъ искренности или, по крайней мѣрѣ, прочности идеалистическихъ увлеченій Онѣгина и ему подобныхъ. Путешествіе Онѣгина по святой Руси открываетъ передъ нами прочность „разочарованія", душевнаго разлада съ русской жизнью, непониманіе и даже нежеланіе понять ее, проникнуть въ ея не мудрыя тайны. Ни Новгородъ съ его великимъ прошлымъ, ни покоренный Кавказъ съ его будущимъ, ничто, проходящее передъ его глазами, не возбуждаетъ въ немъ интереса. „Тоска! Тоска!" — единственный припѣвъ, сопровождающій его путевыя впечатлѣнія. Равнодушіе Онѣгина къ великому прошлому Россіи, къ ея святой старинѣ тутъ опять невольно приводитъ на память Чаадаева съ его словами: „Въ самомъ началѣ (нашей исторіи) дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей... Вотъ горестная исторія нашей юности"... и т. д.

X.

Если въ романѣ Пушкина мы находимъ подкрѣпляемое и историческими данными заключеніе, что „недугъ Россіи", онѣгинскій типъ, былъ результатомъ недостаточнаго и неправильнаго образованія, то, съ другой стороны, въ томъ же романѣ невозможно не видѣть со стороны Пушкина—вольное или невольное, все-равно — сочувственное отчасти отношеніе къ внутренней, основной, духовной бытовой русской жизни. Онѣгинъ, этотъ оевропеившійся человѣкъ, всюду проигрываетъ, ежеминутно совершаетъ дѣянія, свидѣтельствующія

совсѣмъ не о превосходствѣ душевномъ. Наоборотъ, Татьяна, „русская душою“, представляетъ собою идеалъ нравственной чистоты. Онѣгинъ — рабъ своихъ страстей: Татьяна — олицетвореніе подчиненія долгу. Онѣгинъ — герой: Татьяна — совсѣмъ простой человѣкъ. Съ какою трогательною простотой и, дѣйствительно, умомъ, съ какою беззавѣтной искренностью она, свободная, повинуясь внушенію своего чистаго чувства, писала Онѣгину о своей любви къ нему. Съ какимъ высокимъ самоотверженіемъ она подчиняется чувству долга, когда Онѣгинъ, уже поздно, отвѣчаетъ взаимностью на ея чувство. Въ Татьянѣ вы постоянно видите живого человѣка, не изломаннаго сухою доктриной и мертвящей теоретичностью. Одно изъ главнѣйшихъ ея свойствъ, отсутствіе котораго въ Онѣгинѣ поистинѣ поражаетъ, — любовь къ природѣ, безъ которой немыслимъ истинно живой и чувствующій человѣкъ. Блескъ столичной жизни, столь привлекавшій Онѣгина, не имѣетъ цѣны для Татьяны, потому что въ немъ дѣйствительно нѣтъ истинной цѣнности, а только „постылой жизни мишура“. Безъискусственность, простота, но содержательность душевной жизни Татьяны поразительны въ сравненіи съ жизнью Онѣгина. И если въ Татьянѣ, что несомнѣнно, Пушкинъ выразилъ столкновеніе русской простой, безпретензіонной жизни съ тогдашней жизнью, прошедшей черезъ вліяніе европейскаго просвѣщенія, то нравственныя преимущества, очевидно, на сторонѣ первой.

Исторія отношеній Онѣгина къ Ленскому, съ своей стороны, представляетъ необыкновенно интересныя черты. Что хотѣлъ сказать, или сказалъ безъ намѣренія и желанія, Пушкинъ своимъ Ленскимъ? Не ища никакихъ аллегорій и никакого особеннаго, таинственнаго, скрытаго авторомъ, смысла, можно, однако, съ увѣренностью говорить, что въ столкновеніи Ленскаго съ Онѣгинымъ великій поэтъ отразилъ столкновеніе предшествовавшей ему сантиментально-романтической эпохи съ наступавшею, въ которой первенствующимъ дѣятелемъ долженъ былъ выступить скептицизмъ и анализъ, тотъ „демонъ“, съ которымъ „печальныя встрѣчи“ уже поэту довелось испытать, и котораго олицетвореніемъ, хотя не особенно силь-

нымъ, былъ и Онѣгинъ. Ленскій, съ своею младенчески-чистой, по „геттингенской“ душой, былъ дѣйствительно рѣшительнымъ представителемъ россійскаго сантиментализма и романтизма, получившаго высшее выраженіе въ поэзіи Жуковскаго. Намѣренно или нѣтъ, но Пушкинъ, сочиняя образцы стиховъ Ленскаго, необыкновенно искусно придалъ имъ характеръ именно поэзіи Жуковскаго или Батюшкова. Въ восторженныхъ строфахъ о Ленскомъ по мѣстамъ мелькаетъ легкая ироція надъ преувеличеніями этой поэзіи, наприм., въ словахъ: „Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“...

Ленскій былъ, безъ сомнѣнія, образованнѣе Онѣгина. „Поклонникъ Канта, привезшій изъ Германіи „туманной учености плоды и вольнолюбивыя мечты“, онъ, конечно, зналъ гораздо больше, чѣмъ Онѣгинъ, получившій такое плохое воспитаніе и только чтеніемъ да умомъ пополнившій недостатки его. Тѣмъ не менѣе Онѣгинъ всюду первенствуетъ надъ нимъ. Онъ съ снисходительной улыбкой выслушиваетъ его мечтанія, онъ вызываетъ въ Ленскомъ нѣкоторое подчиненіе себѣ. Ему ничего не стоитъ показать ему свое превосходство даже въ глазахъ его невѣсты, наконецъ онъ убиваетъ его. Все это весьма знаменательно. Въ то время, какъ Онѣгинъ передъ „русскою душою“ Татьяною пасуетъ даже въ томъ, „въ чемъ онъ истинный былъ геній“,—въ „наукѣ страсти нѣжной“, въ это самое время онъ является рѣшительно торжествующимъ надъ юношей съ „геттингенскою душою“, несмотря на то, что Татьяна—только наивная дѣвочка даже и замужемъ, а юноша вооруженъ философіею Канта.

Образы великимъ поэтомъ не могли быть поставлены въ такое соотношеніе случайно. Въ нихъ, если предположить отсутствіе намѣренія и сознанія, все-таки сказались поэтическія представленія Пушкина. И Ленскимъ, и Онѣгинымъ, и Татьяной выражена все та же первенствующая мысль. То направленіе русской жизни, трогательное и нѣжное, которое зовется подражательнымъ романтизмомъ, какъ и слѣдовало ожидать, не могло устоять противъ не менѣе ложнаго, но все же болѣе владѣющаго критикой, направленія. А само-

бытная простая мысль въ лицѣ Татьяны оказывается могущественнѣе привознаго мало серьезнаго направленія.

XI.

Въ то время, когда въ русской жизни возникалъ онѣгинскій типъ, рядомъ съ нимъ существовалъ, незначительный вѣроятно по численности, кругъ образованныхъ и мыслящихъ русскихъ людей, сохранившихъ до значительной степени умственную самостоятельность. Литературнымъ выраженіемъ этого круга мыслящихъ людей былъ грибоѣдовскій Чацкій.

Въ русской критической литературѣ не разъ высказано было осужденіе обычая, возникшаго у насъ со временъ Бѣлинскаго, — строить исторію общества на поэтическихъ типахъ. Истинное зло заключалось, однако, не въ этомъ преувеличеніи значенія литературныхъ типовъ, а въ томъ, что самое пониманіе ихъ критикою основывалось не на анализѣ и историческомъ освѣщеніи, а почти исключительно на партійныхъ стремленіяхъ. Тамъ, гдѣ въ героѣ поэтическаго произведенія критика не видѣла отраженія общества, какъ въ Кавказскомъ плѣнникѣ, или въ Алеко, она оставалась довольно равнодушною и безпристрастною. Но встрѣчая героя, носящаго на себѣ отпечатокъ умственной жизни общества, она тотчасъ же становилась ревнивою защитницею тѣхъ или другихъ, смотря по направленію критика, политическихъ и общественныхъ взглядовъ. Само литературное произведеніе отходило на задній планъ, впередъ выдвигался герой въ качествѣ обвиняемаго одною стороной и защищаемаго другою.

Разумѣется, такое направленіе критики было не произвольно; оно сложилось постепенно, подъ вліяніемъ отсутствія политической и общественной печати, когда всѣ силы общественной мысли должны были выражаться почти исключительно въ художественной литературѣ и критикѣ. Такъ или иначе, но въ результатѣ русская критическая литература оставила нашему времени массу литературныхъ предразсудковъ и недоразумѣній, имѣющихъ для жизни общества не-

сравненно большее значеніе, чѣмъ это кажется. Исторію общества на основаніи многостороннихъ источниковъ могутъ знать лишь очень немногіе, а поэтическія произведенія читаютъ всѣ; и такимъ образомъ волей-неволей представленія о прошломъ тѣсно сливаются въ умахъ съ представленіями о литературныхъ типахъ, къ этому прошлому относящихся. Неправильное объясненіе ихъ критикою неизбѣжно вело къ тому, что уроки прошлаго пропадали для общества.

Мы видѣли, какъ политическія тенденціи критики отразились на пониманіи Онѣгина. Но въ лицѣ Онѣгина великимъ поэтомъ изображено психологическое явленіе, характеръ, созданный обстоятельствами русской жизни, и ни въ какомъ случаѣ не представитель тѣхъ или другихъ политическихъ или общественныхъ взглядовъ. Образъ въ высокой степени объективный и художественно цѣлостный, въ психологическомъ смыслѣ вполнѣ опредѣленный, тѣмъ не менѣе для людей, искавшихъ въ типахъ, какъ и въ дѣйствительныхъ личностяхъ той эпохи, сторонниковъ тѣхъ или другихъ воззрѣній, онъ казался „не такъ ясенъ и характеристиченъ, какъ, напр., личность Чацкаго или характеры Гоголя", какъ сказано въ одномъ знаменитомъ историческомъ сочиненіи. И критика только отдаленно чувствовавшая истинное общественное значеніе этого типа, не могла сразу установить отношенія къ нему.

Въ дѣйствительности Чацкій менѣе понятенъ многими своими сторонами, чѣмъ Онѣгинъ, и Аполлонъ Григорьевъ былъ безусловно правъ, сказавши: „Чацкій былъ, есть и долго будетъ не понятъ, именно до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ окончательно въ нашей литературѣ несчастная болѣзнь, которую назвалъ я однажды, и назвалъ, кажется, справедливо, *болѣзнью моральнаго лакейства*". Но въ монологахъ Чацкаго заключенъ цѣлый кодексъ общественныхъ, а частью и политическихъ взглядовъ, представлявшихъ обширное поле для вражды и симпатій со стороны партійныхъ направленій критики. И исторія критическихъ воззрѣній на „Горе отъ ума" представляетъ еще болѣе поучительную картину, чѣмъ исторія воззрѣній на Онѣгина.

Какъ извѣстно, „Горе отъ ума“ стало расходиться по Россіи въ рукописяхъ съ начала двадцатыхъ годовъ, а въ половинѣ ихъ въ булгаринскомъ альманахѣ „Русская Талія“ появились отрывки комедіи, давшіе поводъ говорить о ней въ печати. И вотъ, по поводу небольшой и по существу довольно невинной замѣтки объ отрывкахъ, появившейся въ „Моск. Телеграфѣ“, тогдашній „Вѣстникъ Европы“, въ лицѣ своего критика М. Дмитріева, открылъ кампанію противъ произведенія, осмѣлившагося открыто пойти противъ закоренѣлыхъ *предразсудковъ* „европеичанья“. Разумѣется, какъ всегда въ тенденціозной критикѣ, нападенія противъ воззрѣній Чацкаго, были прикрыты нападеніями на самую комедію и на Чацкаго, какъ художественный образъ. Дмитріевъ находилъ, что Грибоѣдовъ изобразилъ удачно лишь нѣкоторые портреты, но „не совсѣмъ попалъ въ нравы общества, которое вздумалъ описывать“... Чацкій, по его мнѣнію, „не умный и образованный человѣкъ, какимъ его хотѣлъ представить авторъ, а не что иное, какъ сумасбродъ, который... умничаетъ... хочетъ отличиться то остроуміемъ, то какимъ-то *бранчивымъ патріотизмомъ* передъ людьми, которыхъ презираетъ...“ Языкъ комедіи казался критику „жесткимъ, неровнымъ и неправильнымъ“. Въ заключеніе Дмитріевъ находитъ, въ противоположность „Моск. Тел.“, что „лучше просить автора не издавать всю комедію, пока не перемѣнитъ главнаго характера и не исправитъ слога“.

Явно враждебное отношеніе Дмитріева къ геніальной комедіи, доходившее до крайнихъ нелѣпостей, вызвало, къ чести тогдашней журналистики отпоръ со стороны почти всѣхъ журналовъ. Одинъ изъ критиковъ, Орестъ Сомовъ (въ „Сынѣ Отечества“), обнаружилъ тогда пониманіе, которое остается незаурядным и для нашего времени, увидя въ Чацкомъ „лицо съ чувствами благородными и душою возвышенною“, человѣка, одинаково осуждающаго только „*и старые, и новые пороки*“ въ своихъ соотечественникахъ. Другой критикъ, называя Грибоѣдова „счастливымъ наслѣдникомъ фонъ-Визина“, кстати напомнилъ, что „придворные просили Людовика XVI, чтобъ не играли въ Фонтенебло комедій Мольера, потому что

въ нихъ *нѣтъ вкуса и истины*". „Мы, говоритъ онъ въ заключеніе:—даже не хотимъ знать именъ противниковъ Мольера и фонъ-Визина, а творенія ихъ живутъ и утѣшаютъ насъ—то же будетъ и съ критиками г. Грибоѣдова". Критикъ „Моск. Тел." въ то же время подробнымъ анализомъ мнѣній Дмитріева ясно показалъ, сколько въ нихъ было мелкаго и придирчиваго. Орестъ Сомовъ, знавшій, конечно, близко тогдашніе литературные нравы и отношенія, рѣшается даже указать и причины вражды, съ которою Дмитріевъ встрѣтилъ комедію Грибоѣдова. „Если—говоритъ онъ:—отнести рѣзкія и безотчетныя сужденія г. Дмитріева на счетъ его вкуса, то прежнія его критики служатъ тому опроверженіемъ. Скрѣпя сердце и съ печальнымъ предчувствіемъ вспоминаю послѣдніе стихи одной изъ басенъ Крылова:

Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не этого прихода..."

Изъ этихъ фактовъ можно, казалось бы, заключить, что воззрѣнія Дмитріева были довольно исключительными. Но дальнѣйшая исторія критики совершенно опровергаетъ это. Прежде чѣмъ суждено было исполниться предсказаніямъ одного изъ критиковъ, что именъ противниковъ Грибоѣдова не захотятъ и знать читатели, а комедія его будетъ „жить и утѣшать насъ", оправдались „печальныя предчувствія" О. Сомова. Когда, въ 1830 году, поставлено было на сцену третье дѣйствіе „Горя отъ ума", это дало поводъ тому же „Моск. Тел." высказать нѣсколько мыслей о комедіи, въ которыхъ, сквозь хвалебныя слова, проглядываетъ уже косвенное приниженіе Чацкаго, котораго журналъ такъ страстно защищалъ въ 1825 году. Здѣсь Чацкій является уже „искателемъ совершенства", „нравственнымъ Донъ-Кихотомъ, долженствующимъ, какъ и рыцарь плачевнаго образа, обмануться во всѣхъ своихъ надеждахъ". Постановка на сцену всей комедіи въ 1831 г. и потомъ появленіе ея въ 1833 г. въ печати давали новый поводъ критикѣ высказаться о ней. Но въ то время порицать „Горе отъ ума", какъ художественное произведеніе, ста-

новилось уже признакомъ безвкусія, и всѣ критики признавали высокія достоинства комедіи, говорили о естественности и вѣрности дѣйствительности выведенныхъ въ ней типовъ, хотя и попадались изрѣдка грубыя мнѣнія, о которыхъ говоритъ Бѣлинскій.

XII.

Въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" Бѣлинскій съ страстнымъ восторгомъ писалъ о Грибоѣдовѣ, какъ о „поэтѣ оригинальномъ и самобытномъ, не признавшемъ надъ собою вліянія Пушкина и едва ли не равномъ ему"; въ немъ, по его словамъ, русская литература лишилась *Шекспира* комедіи. О самой комедіи онъ говоритъ также съ восторгомъ, называетъ ее „истинною divina comedia". Но въ 1840 году, повторяя все, что̀ высказывалось о „Горѣ отъ ума" по отношенію къ вѣрности изображенія московскаго общества, характеровъ, видя въ комедіи произведеніе высокохудожественное, Бѣлинскій со всею силою страстнаго негодованія обрушивается на Чацкаго. „Горе отъ ума" онъ считаетъ не понятой „сатирой на самолюбіе полоумнаго Чацкаго", который повсюду поступаетъ—„воля ваша—не по-свѣтски, не умно и не эстетически"; „Истинной глубокой любви не видно ни въ одномъ его словѣ": онъ „неистово свирѣпствуетъ" противъ подражанія иноземщинѣ, „нападаетъ на сюртуки, на „смѣшные бритые сѣдые подбородки", замѣнившіе окладистые *бороды*, которые *упали* по манію Петра, *чтобы уступить мѣсто просвѣщенію и образованности*". Словомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, Чацкій „несетъ дичь"... Увлеченіе Бѣлинскаго идетъ такъ далеко, что онъ не усомнился назвать Чацкаго Донъ-Кихотомъ и мальчикомъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади. — „Что за глубокій человѣкъ этотъ Чацкій?—восклицаетъ онъ.—Это просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ"... „Глубоко вѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій, что горе—только не отъ *ума*,

а отъ *умничанья*" замѣчаетъ Бѣлинскій. Какъ мы видѣли выше, этотъ „кто-то"—былъ Дмитріевъ.

Взглядъ Бѣлинскаго, поддержанный даже людьми, мало съ нимъ солидарными, какъ князь Вяземскій, утвердился надолго и прочно. Но само собою разумѣется, что такое пониманіе Чацкаго, какъ и пониманіе Онѣгина, слишкомъ очевидно было несправедливо, чтобы не претерпѣть нѣкоторыхъ измѣненій. Любопытно, что Чацкаго стали понимать какимъ-то двойственнымъ образомъ. Напримѣръ, Галаховъ въ своей исторіи русской литературы съ одной стороны видитъ въ Чацкомъ „не только лучшаго представителя лучшей части образованнаго меньшинства, но и самаго разумнаго его представителя", а проф. Алексѣй Веселовскій, въ своемъ „Очеркѣ первоначальной исторіи „Горя отъ ума", называетъ его „лучшимъ выразителемъ надеждъ и стремленій либерализма двадцатыхъ годовъ", доказывая, что Чацкій—„точный портретъ Грибоѣдова", и что „его рѣчей, его стремленій и понять нельзя безъ помощи постояннаго сличенія съ оригиналомъ". По мнѣнію также акад. Пыпина, „сатира Грибоѣдова вполнѣ представляетъ точку зрѣнія молодого поколѣнія либеральныхъ идеалистовъ". Но въ то же время съ „эстетической", художественной будто бы точки зрѣнія тотъ же Чацкій является уже у Галахова не живымъ лицомъ, а „вторымъ экземпляромъ Стародума", назначеннымъ выражать только мысли Грибоѣдова, и эта точка зрѣнія позволяетъ извѣстнымъ образомъ признать справедливымъ все, что̀ сказано Бѣлинскимъ. А. Веселовскій съ своей стороны, чтобы оправдать точку зрѣнія Бѣлинскаго, утверждалъ, будто бы Грибоѣдовъ „нѣсколько насмѣшливо относился къ своему герою". Это „насмѣшливое отношеніе", конечно, выражается въ томъ, что Чацкій поступаетъ и говоритъ не такъ, какъ этого хотѣлось бы. Такое неопредѣленное, нерѣшительное отношеніе къ главному герою „Горя отъ ума" держалось до послѣднихъ дней, упорно сопротивляясь болѣе безпристрастнымъ взглядамъ. Случалось, что критика поворачивала назадъ, ко временамъ опять Дмитріева. Такъ Милюковъ въ своей „Исторіи русской поэзіи" рѣшительно утверждаетъ, что „весьма важное въ нашей поэзіи произве

деніе „Горе отъ ума“, какъ художественная комедія не выдерживаетъ самой слабой критики“... Спасаетъ ее только „близкое отношеніе пьесы къ интересамъ общества“... да „*мастерское искусство въ изображеніи характеровъ* самыхъ типическихъ“, т.-е. то самое, что служитъ признакомъ высокой художественности и составляетъ, слѣдовательно, рѣшительное противорѣчіе всякимъ словамъ о нехудожественности комедіи.

Въ то время, какъ царили столь смутныя представленія о главномъ героѣ комедіи Грибоѣдова, да и о ней самой вообще, былъ одинъ человѣкъ, который не подчинился ходячимъ воззрѣніямъ. Этотъ критикъ опять былъ Аполлонъ Григорьевъ. Утверждая, что Чацкій долго будетъ не понятъ, самъ онъ понималъ его глубоко и вѣрно. „Пора намъ отречься отъ дикаго мнѣнія, что Чацкій — Донъ-Кихотъ“ — писалъ онъ. „Чацкій Грибоѣдова единственное истинно-героическое лицо нашей литературы“... „Да! Чацкій есть — повторяю опять — нашъ единственный герой, т.-е. единственный, положительно борющійся въ той средѣ, куда судьба и страсть его бросили“. Къ сожалѣнію, Григорьевъ оставилъ эти свои воззрѣнія безъ развитія, и они не помѣшали долго царить противоположнымъ мнѣніямъ.

Но недавніе дни принесли въ этомъ отношеніи нѣчто новое. Утверждать, вмѣстѣ съ Фамусовымъ и Молчалинымъ, что Чацкій — сумасшедшій или „сумасбродъ“, становилось вопіюшимъ анахронизмомъ, когда увлеченія различныхъ годовъ уходили въ прошлое, унося съ собою невольныя и несознанныя пристрастія. На защиту Чацкаго выступилъ знаменитый беллетристъ Гончаровъ, въ своей знаменитой статьѣ „Милліонъ терзаній“. На Гончаровѣ еще остается слѣдъ пушкинскаго мнѣнія, выдвинутаго Вяземскимъ, что Чацкій не уменъ, а уменъ Грибоѣдовъ. Онъ, напримѣръ, находитъ, что Чацкому „измѣняетъ въ концѣ пьесы не только умъ, но и здравый смыслъ—такихъ пустяковъ надѣлалъ онъ“. Но общій смыслъ краснорѣчивой и убѣдительной защиты Гончарова тотъ, что „Чацкій изъ всѣхъ наиболѣе живая личность и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Но

натура его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ и потому не могла быть исчерпана въ комедіи". Онъ—обвинитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь. Мысль Гончарова, очевидно, та же, что и у Ап. Григорьева, но только развитая въ частностяхъ. Та же самая мысль въ статьѣ г. Суворина—„Горе отъ ума и его критики". Авторъ, анализируя дѣйствія и слова Чацкаго, навлекшія на него столько нареканій, показываетъ, какъ несправедливы были эти нападки, какъ естественны и просты, человѣчны всѣ поступки Чацкаго, объясняемые прямо его положеніемъ въ каждую данную минуту и неизбѣжнымъ душевнымъ состояніемъ. Тонкій психологическій анализъ Гончарова не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Чацкій—необыкновенно художественный образъ, всегда вѣрный самому себѣ, обличающій въ Грибоѣдовѣ геніальнаго художника, и что онъ—поистинѣ героическое лицо въ русской исторіи развитія, а не сумасбродъ, не фантазеръ, не крикунъ, профанирующій все святое, и что заблужденія и недоразумѣнія произошли въ воззрѣніяхъ къ нему не отъ простого непониманія, а именно отъ партійныхъ увлеченій.

XIII.

Можно съ полной увѣренностью сказать, что въ настоящее время болѣе или менѣе рѣшенъ вопросъ о художественномъ значеніи образа Чацкаго. Никто уже больше не назоветъ его сумасбродомъ, умничающимъ, злословящимъ, говорящимъ все, что придетъ въ голову, крикуномъ, фантазеромъ. Остается, однако, мало выясненнымъ вопросъ, что же онъ представляетъ собою въ общественномъ смыслѣ, по сравненію съ окружающими его въ комедіи лицами. Конечно, обыкновенно говорятъ, что главная мысль комедіи Грибоѣдова: выставить противоположность „вѣка нынѣшняго вѣку минувшему", съ тѣмъ, разумѣется, чтобы защитить правое дѣло перваго. Но это нисколько не поясняетъ дѣла. Неужели же „вѣкъ минувшій" отличался отъ „нынѣшняго" въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, что въ первомъ всѣ были „глупы" или по меньшей мѣрѣ „необра-

зованы" и не честны, въ то время какъ въ вѣкѣ „нынѣшнемъ" наступило царство ума и образованія? Не менѣе обыкновенна такая постановка вопроса, что Чацкій — представитель прогрессивныхъ элементовъ общества, остальные въ комедіи—консерваторы, ретрограды, поклонники старины, представители „старинныхъ нравовъ, которые такъ восхвалялъ Шишковъ"... Но странно было бы представлять всю „старину" „въ видѣ (слова Бѣлинскаго) гнилого общества ничтожныхъ людей, въ души которыхъ не проникалъ лучъ божьяго свѣта, которые живутъ по обветшалымъ преданіямъ, по системѣ пошлыхъ и безнравственныхъ правилъ" и пр. и пр. Какъ мы видѣли, не совсѣмъ ласково встрѣтили страстные монологи Чацкаго самые прогрессивные элементы русскаго общества, а самъ Чацкій, между тѣмъ, защищаетъ какую-то именно „старину святую", противъ вторженія разной новизны, ставя тѣмъ рѣшительно невозможными обычныя рѣчи, что Чацкій—представитель европейскаго просвѣщенія, въ то время какъ Фамусовъ и пр. — продукты русской дикости. Правда, для того, чтобы Чацкій могъ стать болѣе или менѣе похожимъ на проповѣдника „европейской образованности", рѣчи его противъ европейскаго костюма и т. п. предлагалось признать простымъ „балластомъ" въ комедіи, — идеалистъ западникъ двадцатыхъ годовъ былъ бы тогда налицо. Но тогда пришлось бы выкинуть двѣ трети монологовъ Чацкаго, и дѣло такого толкованія все-таки не было бы спасено. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ славянофилъ, предшественникъ славянофиловъ? Всѣ эти вопросы не могутъ быть иначе рѣшены, какъ анализомъ воззрѣній Чацкаго, въ связи съ тѣми воззрѣніями, на которыя онъ нападаетъ, и опредѣленіемъ того мѣста, которое и тѣ и другія воззрѣнія занимаютъ по отношенію къ старой русской жизни съ ея идеалами и къ просвѣтительнымъ европейскимъ идеаламъ.

Чтобы понять личность Чацкаго, необходимо прежде всего присмотрѣться ближе къ тому обществу, которому онъ противопоставленъ авторомъ. Мы всѣ прекрасно знаемъ этихъ лицъ. „Лица Фамусова, Молчалина, Скалозуба и другія—съ поэтическою образностью и ясностью говоритъ Гончаровъ:—врѣза-

лись въ память такъ же твердо, какъ короли, валеты и дамы въ картахъ, и у всѣхъ сложилось болѣе или менѣе согласное понятіе о всѣхъ лицахъ, — такъ они начертаны вѣрно и строго"... Прежде всего невозможно согласиться съ тѣми, кто считаетъ этихъ лицъ „глупыми", „ничтожными", „подлыми" и говорящими иногда не согласно своему характеру. „Скажите, ради Бога,—говоритъ, напримѣръ, Бѣлинскій, по поводу словъ Молчалина о его „огромной опекѣ":—станетъ ли какой-нибудь подлецъ называть себя подлецомъ?" Но этими словами Бѣлинскій обнаруживаетъ только неопытность честной души идеалиста. Въ томъ-то и дѣло, что Молчалинъ убѣжденъ въ высокой мудрости своихъ словъ, и готовъ даже похвастать умѣньемъ жить. И Фамусовъ, и Скалозубъ, и другіе — суть твердые представители извѣстнаго кодекса убѣжденій, вѣрнѣе: представители того „пошлаго опыта, ума глупцовъ", который учитъ „ниже тоненькой былиночки голову клонить"... И бѣда въ томъ, что кромѣ этихъ внушеній опыта, въ нихъ поистинѣ отсутствуетъ всякій иной нравственный законъ. Общество, изображенное Грибоѣдовымъ, именно лишено тѣхъ „начальныхъ идей долга, закона, правды, порядка, которыя развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію обществъ", и отсутствіе которыхъ отмѣтилъ въ окружавшемъ его обществѣ Чаадаевъ. Представляется вопросъ, есть ли это преобладаніе въ обществѣ „пошлаго опыта" надъ нравственными началами явленіе чисто русское, вызванное русской старинной жизнью?

Какъ ни плоха была старая русская жизнь, какъ ни тяжки были ея основы, никто, однако, не скажетъ, чтобы въ ней, какъ и теперь въ неоевропеившихся русскихъ классахъ, отсутствовали нравственные элементы; а торжество практическихъ людей и побужденій—явленіе всѣхъ обществъ. Очевидно, московское общество Фамусовыхъ и Скалозубовъ не въ святой русской старинѣ нашло свой житейскій кодексъ. Несомнѣнно, напротивъ, что все это общество порвало всѣ связи съ нравственными основами русской жизни, къ которой оно относилось съ презрѣніемъ, не представляя даже возможнымъ въ пустякахъ, какъ и въ серьезномъ,— „европейское поставить въ

параллель съ національнымъ", и холостствуя передъ первымъ „французикомъ изъ Бордо". Фамусовское общество, безъ всякаго сомнѣнія, было болѣе „оевропеившееся", чѣмъ настоящее русское: оно „все отдало въ обмѣнъ на новый ладъ—и нравы, и языкъ, и старину святую и величавую одежду"... Народъ долженъ былъ считать лицъ этого общества—„за нѣмцевъ". Но взявъ чуждый языкъ и нравы, оно не могло взять съ ними и европейскія нравственныя начала, потому что послѣднія, по справедливому замѣчанію и наблюденію Чаадаева, „развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества", а не привозятся изъ-за границы. Находились люди, которые вмѣстѣ съ нравами брали и европейскіе идеалы—изъ нихъ выходили теоретики Онѣгины и всякіе безпочвенники; остальные, неспособные къ идеалистическимъ стремленіямъ, а просто хотѣвшіе жить, естественно оставались подчиненными своимъ инстинктамъ—выводы „растлѣвающаго пошлаго житейскаго опыта" становились ихъ кодексомъ. Онѣгины въ дѣйствительности стояли совсѣмъ не далеко отъ этого „оевропеившагося общества". Напрасно говорятъ о „необразованности" этого общества, потому что никакія знанія не помѣшали бы Фамусову быть Фамусовымъ и Молчалину—Молчалинымъ, чему многочисленные примѣры могла бы дать сама просвѣщенная Европа, если бы эти примѣры серьезно были необходимы.

XIV.

Теперь представимъ среди этого общества умнаго человѣка, не успѣвшаго заразиться или успѣвшаго отрѣшиться отъ страшныхъ предразсудковъ его. Какое негодованіе должно оно вызвать въ немъ съ своимъ „пустымъ, рабскимъ, слѣпымъ подражаньемъ" всему европейскому и презрительнымъ непониманіемъ своего родного быта. Въ такомъ именно положеніи былъ Грибоѣдовъ. Человѣкъ необыкновеннаго ума и большого образованія, онъ, конечно, не могъ стать противникомъ европейскаго просвѣщенія, но непремѣнно долженъ былъ понимать его только въ смыслѣ усвоенія знаній, при сохра-

ненія своей самобытности. Онъ слишкомъ хорошо зналъ человѣка, чтобы думать, что уничтоженіе „окладистыхъ бородъ“ однозначуще съ „просвѣщеніемъ и образованностью“. Онъ зналъ „умный и добрый нашъ народъ“, нашего солдата, между прочимъ, и отчужденіе „образованныхъ“ классовъ отъ народа не могло не возбуждать его негодованія. Онъ видѣлъ, какое развращающее вліяніе на общество имѣла погоня за европейскимъ, при потерѣ нравственныхъ основъ,—и „милліонъ терзаній“ въ душѣ долженъ былъ стать его удѣломъ. Очевидно, Грибоѣдовъ долженъ былъ относиться отрицательно и къ другому результату заимствованнаго просвѣщенія—къ людямъ онѣгинскаго типа и ко всѣмъ теоретикамъ съ ихъ политическими проектами и тайными обществами.

Все это мы видимъ въ Чацкомъ, въ его монологахъ. Обличая холопство, низкопоклонство и другія „практическія“ свойства общества, онъ указываетъ на непониманіе имъ того, что такое и въ чемъ должно состоять просвѣщеніе: а съ другой стороны онъ рѣзко нападаетъ на преувеличенное усвоеніе чужого въ ущербъ своей самобытности. Въ его рѣчахъ нѣтъ ничего противорѣчиваго; психологически онъ цѣлостенъ и выдержанъ до конца. Встрѣча Репетилова съ Чацкимъ даетъ автору случай показать отрицательное отношеніе къ „секретнѣйшимъ союзамъ“, гдѣ „схватятся о камерахъ, присяжныхъ,—о матерьяхъ важныхъ“, и гдѣ есть—„государственное дѣло“ которое не „созрѣло“...

Въ лицѣ Чацкаго передъ нами, такимъ образомъ, не либералъ, не консерваторъ, не славянофилъ и не представитель „европейскаго просвѣщенія“. Онъ—просто здравый русскій умъ, русскій человѣкъ вполнѣ, которому глубокое европейское просвѣщеніе не помѣшало остаться русскимъ. Все, что говоритъ онъ, такъ просто и понятно, что нужны были особенныя тонкости „европейскихъ убѣжденій“, чтобы возможно стало непониманіе его. За убѣжденіями Чацкаго не нужно было никуда ѣхать; это—чисто русскіе взгляды, проникнутые обыкновенной христіанской моралью и русскимъ патріотизмомъ.

Нужно сказать, что такой же взглядъ на Чацкаго былъ

высказанъ уже въ полемикѣ 1825 года О. Сомовымъ. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ опредѣляетъ то, что̀ казалось Дмитріеву *бранчивымъ патріотизмомъ*. „Любовь къ отечеству, излившаяся въ жалобахъ на то, что многіе сыны его отстали отъ коренныхъ доблестей своихъ предковъ, и, *не достигши до настоящей степени* образованія, заняли у иностранцевъ *только то, что вовсе недостойно подражанія*: роскошь, моды и полуфранцузскій тонъ разговора; негодованіе на то, что все чужеземное предпочитается всему отечественному—вотъ *бранчивый патріотизмъ Чацкаго*! И это-то лицо, съ чувствами благородными и душею возвышенною, сей-то Чацкій, осуждающій одни *старые и новые* пороки и странности въ землякахъ своихъ, есть, по словамъ г. Дмитріева, *сумасбродъ*!..“

Въ тѣ времена, когда были писаны приведенныя строки, были еще, повторяемъ, русскіе простые люди, понимавшіе всю тщету преувеличенной погони — за европейскими внѣшними формами просвѣщенія...

Общая идея комедіи Грибоѣдова, очевидно, не далеко расходится съ идеей Пушкинскаго романа. Пушкинъ изобразилъ типъ современнаго ему „оевропеившагося“ русскаго человѣка, показавъ его отрицательныя стороны; Грибоѣдовъ же изобразилъ дурно и не цѣлесообразно оевропеившееся общество и лицо, протестующее противъ этого общества.

Не слѣдуетъ, однако, слишкомъ преувеличивать противопоставленія Чацкаго Онѣгину. Чацкій—не вполнѣ отличный отъ Онѣгина типъ; онъ сынъ того же времени и тѣхъ же умственныхъ настроеній. Подобно Онѣгину, онъ чуждъ стремленій къ общественной дѣятельности, такъ же мало знаетъ родину, и когда сталкивается слишкомъ близко съ обществомъ, съ жизнью, выходъ для себя видитъ только тотъ, который онъ выражаетъ словами: „Бѣгу, не оглянусь“... Удалившись отъ общества, отъ дѣятельной жизни, онъ несомнѣнно во многомъ уподобится Онѣгину. И если онъ не сдѣлаетъ не хорошихъ дѣяній, какія дѣлалъ Онѣгинъ, то только благодаря бо̀льшему уму и не утраченнымъ въ душѣ нравственнымъ началамъ. Таковъ о̀нъ по всему смыслу о̀браза, нарисованнаго Грибоѣдовымъ. Только съ этимъ ограниченіемъ принадлежатъ ему тѣ

идеальныя черты, которыя ему приписываютъ Аполлонъ Григорьевъ и Гончаровъ. Можно сказать, что, защищая Онѣгина, Бѣлинскій и видѣлъ именно въ немъ благороднаго Чацкаго, выбитаго изъ колеи жизни и запертаго въ деревнѣ. И тѣмъ поразительнѣе его рѣзкія нападенія на Чацкаго.

XV.

Герой лермонтовскаго романа, Печоринъ, представляетъ собою, послѣ Онѣгина и Чацкаго, третье великое олицетвореніе типическихъ чертъ русскаго человѣка, подвергающагося вліянію европейской цивилизаціи. Но, имѣя въ названныхъ герояхъ произведеній Пушкина и Грибоѣдова предшественниковъ, являющихъ съ нимъ многія общія стороны, онъ не представлялъ уже такого интереса, какъ тѣ, и вокругъ его имени не возникло сразу же острой борьбы мнѣній, какъ это случилось при появленіи въ свѣтъ „Евгенія Онѣгина" и „Горя отъ ума".

Печоринъ былъ слишкомъ похожъ на Онѣгина, чтобы по поводу его могло быть сказано что-нибудь новое, и онъ такъ и разсматривался, какъ дальнѣйшее развитіе онѣгинскаго типа. Не могло быть и противопоставленія его съ Чацкимъ, такъ какъ Чацкій не былъ понятъ, какъ его слѣдовало понимать,—въ смыслѣ честнаго и здравомыслящаго русскаго человѣка, которому европейское просвѣщеніе не помѣшало смотрѣть на явленія русской жизни съ полною свободой и независимостью отъ одностороннихъ теорій, не помѣшало видѣть какъ зло, происходившее отъ застарѣлыхъ предразсудковъ и пороковъ старины московской, такъ и зло отъ ложнаго направленія европейскаго вліянія на русское общество. Вообще тогда, какъ извѣстно, наступалъ періодъ наибольшаго увлеченія Европой съ ея слѣпившей глаза наивному новичку въ дѣлѣ просвѣщенія цивилизаціей, съ ея величавой наукой и искусствами, и только гораздо позже могло быть понято, что накопленіе знаній уживается въ самой Европѣ съ ужасающими заблужденіями, а широко развитая общественность—

съ величайшими несправедливостями; что, по позднѣйшему выраженію Герцена, успѣвшаго заграницей многое разсмотрѣть ближе, „ряды народовъ жили и истощились въ потокѣ западной цивилизаціи“, и современная Европа „влечетъ за собою ихъ кости и трупы, ихъ мысли и мечтанія“. Естественно, что, при господствѣ этого направленія, не могло быть и мысли объ анализѣ Печорина сравнительно съ Чацкимъ—анализѣ, который могъ бы привести къ поучительнѣйшимъ выводамъ, если бы Чацкій былъ понятъ правильно.

Любопытнѣйшею чертою послѣпушкинской литературы является, напротивъ, то обстоятельство, что типъ Чацкаго совершенно исчезаетъ въ художественныхъ произведеніяхъ, а критикою прямо смѣшивается съ типомъ онѣгинскимъ, за исключеніемъ его чертъ патріотическихъ и антизападническихъ, которыя въ немъ признаются неудобными и неудачными примѣсями, нарушающими его художественную цѣлостность; типъ же Онѣгина является все въ новыхъ и новыхъ формахъ и положеніяхъ,—и это обстоятельство указываетъ, что и въ дѣйствительной жизни происходило то же самое, что и въ ней перестали находить мѣсто тѣ мысли и чувства, которыя одушевляли Чацкаго, а типъ осевропеившагося на манеръ Онѣгина человѣка занялъ преобладающее положеніе.

Это были условія въ высшей степени неблагопріятныя для безпристрастнаго сужденія литературы и критики о людяхъ печоринскаго склада. Печорины, если ихъ разсматривать какъ дѣйствительно существовавшихъ людей,—а критика такъ ихъ именно и разсматривала,—были представителями „европейскаго образованія“, налагавшаго на нихъ ореолъ своего рода „мученичества“, одиночества среди людей, неспособныхъ понять ихъ „высокихъ стремленій“. Этотъ фальшивый взглядъ былъ въ глазахъ благоговѣвшихъ передъ образованностью современниковъ тѣмъ справедливѣе, что противопоставить Печорину что-нибудь лучшее, казалось, было нечего. Смотря на русскую жизнь и на русскій народъ съ точки зрѣнія заносныхъ европейскихъ идеаловъ, искавшій просвѣщенія русскій человѣкъ того времени, къ тому же совершенно незнакомый съ практическою дѣйствительностью, видѣлъ въ нихъ только

зло, прямое противорѣчіе своимъ идеальнымъ представленіямъ. Въ русской жизни главенствующими элементами ему должны были представляться Простаковы, Фамусовы, Скалозубы и т. п., которыхъ онъ не могъ же сравнить съ „образованнымъ по-европейски“ Печоринымъ. Создавалась, такимъ образомъ, почва для признанія Печориныхъ по меньшей мѣрѣ не худшими членами русскаго общества, а ореолъ „таинственности“ и богатства силъ, будто бы загубленныхъ въ нихъ русской дѣйствительностью, дѣлалъ ихъ „героями“. Не даромъ Печоринъ вызвалъ множество подражателей, а подражатели эти и серьезно и юмористически трактовались художественною литературою даже въ пятидесятыхъ годахъ, какъ, напр., въ романѣ Авдѣева „Тамаринъ“. Всѣ эти увлеченія получили рѣзкое и яркое отраженіе въ статьяхъ о Печоринѣ Бѣлинскаго.

Бѣлинскій, конечно, не могъ не предвидѣть того отталкивающаго впечатлѣнія, которое долженъ былъ производить Печоринъ, взятый самъ по себѣ, безъ романтическихъ прикрасъ, и свидѣтельство его установляетъ фактъ, что осужденія Печорина были въ его время. Поэтому всюду, гдѣ только онъ говоритъ о героѣ лермонтовскаго романа, онъ является не критикомъ въ собственномъ смыслѣ, задачею котораго должно бы было быть разъясненіе происхожденія героя и внутренняго смысла, скрытаго въ романѣ, а защитникомъ его. Самыя черныя дѣянія Печорина онъ объясняетъ его превосходствомъ надъ толпою, его богатствомъ душевныхъ силъ.

Вся исторія отношеній Печорина къ Бэлѣ представляется ему совершенно простой и естественной, не эгоистическимъ капризомъ, безумнымъ въ началѣ и страшнымъ въ концѣ, какъ это было въ дѣйствительности, а проявленіемъ заслуживающей сочувствія жажды жизни. „Любовь Бэлы — восклицаетъ онъ,—была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго напитка, который онъ и выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его“. Критика нисколько не занимаетъ, не останавливаетъ то, что „требованіе душою Печорина океана“ обходится слишкомъ дорого для другихъ, стоитъ двоимъ жизни и

двоимъ вѣчнаго несчастія, а Печоринъ отдѣлывается только „полнымъ бокаломъ сладкаго напитка“ да улыбкой послѣ небезрадостной для него смерти Бэлы. Стоило ли думать о другихъ, когда они послужили для удовлетворенія „жажды любви“ Печорина!

Бѣлинскій хорошо понимаетъ, что читатель въ правѣ воскликнуть по поводу возмутительныхъ отношеній Печорина къ Мери: „Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому, что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка!“ На это справедливое негодованіе Бѣлинскій, однако, не даетъ права читателю „Вы-то изъ чего хлопочете? За что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора“... говоритъ онъ.—„Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены“... потому что „вы предаете его анаѳемѣ не за пороки—въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе—но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которой онъ говоритъ о нихъ!!“

Такъ судилъ Бѣлинскій о Печоринѣ, признавая его пороки, но оправдывая его, находя ихъ „выкупаемыми его богатою натурою“. „Его страсти — бури, очищающія сферу духа“,—говоритъ онъ:—„его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь“.

XVI.

Само собою разумѣется, воззрѣнія Бѣлинскаго, какъ и подобныя же воззрѣнія его на Онѣгина, удержаться не могли. Наступали другія времена, одной „образованности“ на манеръ Печорина стало недостаточно. Новый русскій „прогрессъ“ потребовалъ „дѣла, вмѣсто словъ“, а какое же „дѣло“ представляло исканіе „океана“, вмѣсто „полнаго бокала“,

т.-е. Бэлы, убійство Грушницкаго, связь съ Вѣрой, коварная игра съ княжной Мери, наконецъ, „подвигъ“ въ „Фаталистѣ“ и пр.? Печоринъ неминуемо долженъ былъ снизойти съ пьедестала, воздвигнутаго для него Бѣлинскимъ, и Добролюбовъ, не обинуясь, поставилъ его въ разрядъ Обломовыхъ. Странная судьба! Изъ сгорающаго вѣчною жаждою „истинной жизни, истиннаго блаженства“ попасть въ одну категорію съ искателемъ единственно мягкаго дивана и спокойнаго шлафрока! Добролюбова, всегда и всюду подчинявшаго безстрастный анализъ одной простой мысли политически-общественнаго содержанія, не остановило это явное противорѣчіе натуръ и жизни двухъ героевъ романовъ. Съ Печоринымъ онъ обошелся какъ и съ другими героями, уложивъ его на своеобразное прокустово ложе и, путемъ удаленія не нужныхъ ему свойствъ и качествъ, пригнавъ его по мѣркѣ обломовщины. Этимъ, однако, разъясненіе значенія Печорина въ исторіи русскаго образованія не подвинулось ни на шагъ; нужно сказать болѣе, именно то, что чрезъ сравненіе съ Обломовымъ Печоринъ былъ затемненъ, характерныя черты его, совершенно ничего общаго не имѣющія съ добрымъ и лѣнивымъ Обломовымъ— „разъѣдающая его злоба“, „вѣчное волненіе въ пустотѣ умственной и нравственной“, отступили въ критикѣ Добролюбова на задній планъ, затемненныя мелкими и незначительными подробностями его дѣяній, занявшими весь передній фонъ картины, а вмѣстѣ съ тѣмъ скрылось и все то, что есть въ Печоринѣ дѣйствительно поучительнаго.

Основа воззрѣнія Добролюбова, однако, привилась и, напримѣръ, знаменитый романистъ, Гончаровъ, въ своемъ „Милліонѣ терзаній“, вмѣстѣ съ Онѣгинымъ, причисляетъ Печорина къ „паразитамъ, изумительно начертаннымъ великими талантами“. Съ тѣхъ поръ воззрѣнія на Печорина остаются неподвижными; Печоринъ въ отдѣльности вообще мало интересовалъ русскую критику, и если о немъ говорили, преимущественно въ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы, то повторяли то, что высказано Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ.

Прослѣдивъ воззрѣнія на Печорина той критики, которая по своему направленію принадлежитъ „западничеству“, мы,

какъ и въ исторіи отношеній ея къ Онѣгину и Чацкому, находимъ непослѣдовательность, полный отказъ въ концѣ отъ того, что ею было высказано въ началѣ. И, какъ мы видѣли, если начало не выдерживаетъ критики, то конецъ является не исправленіемъ ошибочныхъ взглядовъ, а окончательнымъ затемненіемъ вопроса. Съ другой стороны, люди иныхъ стремленій и идеаловъ, какъ Аполлонъ Григорьевъ, не дали себѣ труда остановиться на Печоринѣ съ серьезнымъ вниманіемъ. Тѣмъ не менѣе, мы находимъ у этого замѣчательнаго критика нѣсколько весьма характерныхъ мнѣній, показывающихъ, что съ его точекъ зрѣнія характеръ и значеніе Печорина могли быть выяснены съ большей полнотой и опредѣленностью. Тотъ „демонъ" отрицанія и презрѣнія къ человѣчеству, которымъ одушевленъ былъ Печоринъ, характеризуется имъ, какъ „странный бредъ, отъ котораго самъ поэтъ отдѣлался стихами, отъ котораго мы отдѣлались стихами поэта". „Вѣдь этотъ Печоринъ,—поясняетъ Григорьевъ свою мысль,—который развился подъ вліяніемъ обстоятельствъ, чуждыхъ настоящему русскому быту... онъ уже для насъ миражъ, призракъ, потерявшій даже свою грандіозность въ особѣ Тамарина (въ романѣ Авдѣева); но вѣдь вся эта исторія любви безъ радостей и разлукъ безъ печалей въ короткое время стала неимовѣрно смѣшна; но вѣдь этотъ фатализмъ, дешево купленный, обличилъ самъ себя"... Лицо Печорина, по мнѣнію Ап. Григорьева, „одною ногою стоитъ въ области комическаго". Критикъ справедливо замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что обаятельность такихъ людей, какъ Печорины, родилась не въ жизни, а въ литературѣ, и литературою взята на прокатъ съ чужбины. „Что такое Печоринъ?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ:—„Поставленное на ходули безсиліе личнаго произвола!" И въ грубыхъ чертахъ тургеневскаго „Бреттера" Ап. Григорьевъ находитъ разоблаченіе одной стороны лермонтовскаго Печорина. Всѣми этими отзывами Ап. Григорьевъ указываетъ, впрочемъ, только на несоотвѣтствіе между дѣйствительнымъ типомъ Печорина и тѣмъ, какъ онъ изображенъ въ лермонтовскомъ романѣ.

Въ одной изъ своихъ статей Ап. Григорьевъ поводитъ

свое отрицательное отношеніе къ Печорину до мысли, что серьезной литературѣ въ сущности до Печориныхъ и дѣла нѣтъ. Мысль эта, въ примѣненіи собственно къ лермонтовскому Печорину, была бы глубоко не вѣрна. Въ развитіи типа онѣгинскаго, всякихъ „лишнихъ" людей, есть своя послѣдовательность, и въ ряду литературныхъ изображеній этого рода Печоринъ занимаетъ опредѣленное и большое мѣсто. Но, чтобы правильно понимать его, необходимо отрѣшиться отъ того привычнаго въ русской критикѣ взгляда, что въ Печоринѣ изображенъ дѣйствительно существовавшій типъ только —это неизбѣжно ведетъ къ ошибочнымъ выводамъ. Гораздо большее значеніе, чѣмъ это кажется, слѣдуетъ отдать тому, что въ Печоринѣ, какъ вообще и во многихъ послѣдующихъ изображеніяхъ русскихъ людей, сказались представленія авторовъ объ изображаемыхъ типахъ. Въ Печоринѣ мы должны отличать два равнозначущихъ элемента: человѣка, выражавшаго дѣйствительное умственное и нравственное настроеніе той эпохи, и то, что хотѣлъ видѣть въ этомъ человѣкѣ поэтъ. Въ Онѣгинѣ Пушкина эти элементы сливаются: Пушкинъ, какъ поэтъ поистинѣ геніальный, отразилъ съ полнотой и ясностью типическія черты новыхъ людей, появившихся въ его время въ русскомъ обществѣ, но въ свое объективнѣйшее изображеніе не внесъ личныхъ мнѣній. Этого невозможно сказать о Лермонтовѣ, а еще болѣе о послѣдующихъ.

Итакъ, для пониманія Печорина прежде всего необходимо отдѣлить въ немъ все истинно типическое отъ того, что приписано ему поэтомъ. Прежде всего представляется вопросъ: возникъ ли въ русскомъ обществѣ въ теченіе десятилѣтія, отдѣляющаго Онѣгина отъ Печорина, дѣйствительно новый типъ, или это былъ все тотъ же Онѣгинъ, но только поставленный въ другія условія авторомъ? Бѣлинскій находилъ, что герой Лермонтова—„это Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени". „Несходство ихъ между собою—замѣчаетъ онъ—гораздо меньше разстоянія между Онегою и Печорою". Дѣйствительно, эта одинаковость именъ не случайна и указываетъ на намѣреніе Лермонтова обрисовать тотъ же типъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій, считая Онѣгина для своего вре-

мени уже „прошедшимъ и прошедшимъ безвозвратно“, а Печорина Онѣгинымъ своего времени, указывалъ между ними различіе въ томъ, что Онѣгинъ, „вчужѣ чувства уважавшій“ и имѣвшій „въ сердцѣ гордость и прямую честь“, былъ испорченъ воспитаніемъ и свѣтской жизнью, что ему „все приглядѣлось, все пріѣлось, все прилюбилось“, въ то время какъ Печоринъ „не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе, бѣшено гоняется за жизнью, ища ее повсюду, горько обвиняетъ себя въ заблужденіяхъ“. Но мы знаемъ, что въ этомъ исканіи жизни Печоринъ потерялъ „уваженіе къ чувствамъ“, напр., княжны Мери, и до значительной степени и истинную „гордость и прямую честь“.

XVII.

Что же такое случилось, что такъ измѣнило русскихъ оевропеившихся людей въ такое короткое время? Въ сущности ничего не случилось, и различіе, указываемое Бѣлинскимъ, только кажущееся. Онѣгинъ совершенно также отъ скуки гоняется за впечатлѣніями, хотя бы отправляясь въ извѣстное путешествіе, когда онъ вдругъ „проснулся патріотомъ“ и „отмѣнно полюбилъ Россію“. Съ другой стороны, Печоринъ далеко такъ не ищетъ жизни, потому что издѣваться надъ Мери, забавляться Грушницкимъ до убійства его —какое же это исканіе жизни? А между тѣмъ ему даже и не приходило въ голову хотя бы „въ науки умъ вперить“, что пытался сдѣлать Онѣгинъ. Его послѣдняя встрѣча съ Максимомъ Максимычемъ, когда онъ ѣхалъ въ путешествіе съ надеждой „авось умереть гдѣ-нибудь въ дорогѣ“, рѣшительно протестуетъ противъ всякой мысли о серьезномъ исканіи жизни. И если можно видѣть какую-нибудь разницу между нимъ и Онѣгинымъ въ этомъ отношеніи, то развѣ объясняемую темпераментами героевъ этихъ. Нѣтъ никакой существенной разницы и въ томъ отношеніи между героями, что Печоринъ „искрененъ въ своей исповѣди и откровенно признается въ своихъ недостаткахъ“, какъ выражается Бѣлин-

скій; Онѣгинъ нисколько не меньше искренень въ этомъ смыслѣ, чему доказательствомъ служатъ первыя же его размышленія о скукѣ сидѣть при больномъ дядѣ и думать, „когда же чортъ возьметъ тебя“, и самообличенія передъ дуэлью съ Ленскимъ. Важное и очень большое различіе заключается, дѣйствительно, въ томъ, что Онѣгинъ добръ и благороденъ, а Печоринъ золъ и способенъ надменно издѣваться надъ людьми. Но въ этомъ—не различіе типическихъ чертъ времени, а различіе темпераментовъ и характеровъ. Представьте себѣ злого Онѣгина—и это будетъ Печоринъ, представьте добраго Печорина—и будетъ Онѣгинъ. И нѣтъ сомнѣнія, что несходство это гораздо меньше разстоянія между Онегою и Печорою.

Не типъ онѣгинскій развился быстрыми шагами въ русскомъ обществѣ, не прогрессировалъ „умственный недугъ“ нашей родины, отраженный въ этомъ типѣ, а развились воззрѣнія на него, и Лермонтовъ отразилъ въ романѣ именно ихъ. Съ своей геніальной проницательностью, проглядывавшей среди всѣхъ страстныхъ увлеченій его, Бѣлинскій прозрѣвалъ это, сказавъ, въ противорѣчіе себѣ, что какъ Онѣгинъ выше Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше „Онѣгина по идеѣ“, но что „впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову“. Такъ же глубоко правъ онъ былъ, назвавъ „Героя нашего времени“ —грустной думой о нашемъ времени и указавъ на поразительное сходство романа съ извѣстной „Думой“ Лермонтова, которая была прямымъ истолкованіемъ характера и Онѣгина, и Печорина. И можно было бы только удивляться, какъ могъ геніальный критикъ защищать это страшное направленіе умовъ и чего-нибудь ожидать отъ тѣхъ, у кого „царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный“, и кому поэтъ обѣщалъ безслѣдное прозябаніе, безъ мысли и труда для будущаго, если бы мы не имѣли объясненія въ его добрыхъ увлеченіяхъ идеей просвѣщенія родины.

Мы говоримъ о развитіи воззрѣній на онѣгинскій типъ не въ смыслѣ разработки теоретическихъ воззрѣній на него. Критика, какъ мы видѣли, и не поняла Печорина. Но въ

художественномъ творчествѣ русскомъ, въ этой наиболѣе независимой области умственной дѣятельности, билъ всегда живой родникъ неподкупной истины, и, несмотря на всѣ увлеченія, въ художественныхъ произведеніяхъ созидалось постепенное пониманіе русскаго умственнаго недуга. Хотѣлъ ли Лермонтовъ этого или нѣтъ, сознавалъ ли онъ ясно свою задачу или не сознавалъ, но въ своемъ Печоринѣ, какъ и въ „Думѣ", онъ произнесъ безпристрастный и строгій приговоръ надъ современнымъ ему направленіемъ русскаго образованія. Его образованный Печоринъ какъ будто нарочно сопоставленъ съ необразованнымъ Максимомъ Максимычемъ, и вы ясно видите, что образованіе не дало Печорину ничего истинно человѣческаго, что самою природой вложено въ совсѣмъ простого человѣка. Характерны и отношенія Максима Максимыча къ Печорину, къ его развитому уму, къ его вообще образу жизни и мысли. Отношенія эти — лишенное критики преклоненіе, нежеланіе и неумѣнье видѣть изъ-за внѣшности зло въ этомъ зломъ и холодномъ эгоистѣ, отличить въ немъ это зло отъ добраго. Этимъ лицомъ Лермонтовъ прекрасно выразилъ общее направленіе, общее настроеніе русскаго человѣка, смотрѣвшаго съ благоговѣніемъ на „образованіе".

Смыслъ романа Лермонтова, написаннаго твердою рукою художника, простъ и ясенъ. Своимъ образомъ художникъ говоритъ намъ: смотрите, вотъ вамъ человѣкъ несомнѣнно съ развитымъ умомъ, образованный, который, однако, лишенъ способности поступать нравственно, такъ что безъ нравственнаго развитія, безъ сознанія своего долга передъ людьми, самый умъ и образованіе становятся бременемъ, ни ему, ни окружающимъ его не приносящимъ никакого счастія, и даже, напротивъ, дѣлающимъ и его и все, что съ нимъ соприкасается, несчастными. Подобно Онѣгину, онъ, воспитанный на чуждыхъ идеалахъ, оторванный отъ дѣйствительности, родной ему, не имѣетъ никакихъ корней въ той почвѣ, которая взрастила его, онъ не руководствуется „чувствомъ общаго существованія и онъ заблуждается въ мірѣ", говоря словами Чаадаева. Это то, что могло быть сказано и объ Онѣгинѣ, и

и о всѣхъ русскихъ людяхъ, подвергшихся „теоретическому“ европейскому просвѣщенію, если такъ можно выразиться.

Но Печоринъ говоритъ нѣчто и иное, ему только свойственное. Онѣгинъ — человѣкъ средній, „добрый малый“, не разучившійся „вчужѣ чувства уважать“, съ гордостью и честью въ сердцѣ, добрый по природѣ и лишенный настойчивости и силы. Изобразивъ его, какъ характернаго представителя своего времени, умственнаго и нравственнаго направленія той среды и эпохи, Пушкинъ сдѣлалъ свое великое дѣло, но не показалъ еще всего вреда, который могъ возникнуть на нашей родинѣ вслѣдствіе общаго „недуга“, представленнаго въ Онѣгинѣ. А если бы на мѣстѣ этого героя былъ человѣкъ, выдающагося ума, сильной воли и съ горячей кровью? не могъ ли бы онъ отрѣшиться отъ „кипѣнія въ дѣйствіи пустомъ“, не съумѣлъ ли бы онъ справиться съ своею судьбою, дать ей иной, болѣе плодотворный характеръ и смыслъ? Таковы неизбѣжные вопросы, которые должны были невольно возникать въ умѣ. И вотъ, Лермонтовъ показываетъ своимъ поэтическимъ образомъ, что силы и умъ безсильны помочь „угадать свое назначеніе“, при этомъ мертвящемъ направленіи ума и чувства, что они увеличатъ зло, а не избавятъ отъ него. Лермонтовъ показалъ обратную сторону медали онѣгинскаго типа.

Къ сожалѣнію, Лермонтовъ самъ относился двойственно къ своему герою и, иронически назвавъ его „героемъ“ своего времени, полонъ былъ многихъ сочувствій къ нему, самъ будучи сыномъ и героемъ того же времени, сознавая свою кровную родственность съ изображаемымъ имъ типомъ. Не даромъ еще Бѣлинскій замѣтилъ, что Лермонтовъ не смотрѣлъ на своего героя, „какъ на нѣчто оконченное“, еще не могъ „отдѣлиться отъ него, стать выше его“. Лермонтова также подкупало богатство силъ героя, какъ и Бѣлинскаго,—богатство душевныхъ силъ, растрачиваемыхъ въ пустынѣ. Читатели невольно подчинялись вліянію геніальнаго таланта и выносили изъ чтенія „Героя нашего времени“ чувство неопредѣленное, болѣзненное—и рядомъ съ отрицаніемъ Печорина сочувствіе къ нему. И вотъ, начались подражанія Печорину и въ жизни

и въ литературѣ, нравственное безобразіе этого типа было прикрыто своеобразной красотой „богатства духовныхъ силъ". Печоринъ понятъ не былъ, значеніе и смыслъ его остались темны. И Аполлонъ Григорьевъ еще съ большимъ правомъ, чѣмъ о Чацкомъ, могъ сказать о Печоринѣ, что этотъ послѣдній герой не понятъ *и долго не будетъ понятъ*, до тѣхъ поръ, „пока не пройдетъ въ нашей литературѣ (и въ жизни, необходимо прибавить) несчастная болѣзнь — болѣзнь моральнаго лакейства"...

XVIII.

Всеобщій законъ преемственности идей въ литературѣ, равно какъ и преемственности въ развитіи типовъ, такъ ярко отражающійся въ русской литературѣ, въ Гоголѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ и въ цвѣтущей порѣ его дѣятельности, не нашелъ яснаго выраженія. Великій писатель, отразившій въ типѣ извѣстныя черты даннаго общества, порождаетъ обыкновенно цѣлый рядъ воспроизведеній его, да и самъ великій писатель большею частью имѣетъ предшественниковъ, лишь съ меньшей полнотой и силой, въ отдѣльныхъ чертахъ, изображавшихъ тотъ же типъ. Если онъ затронулъ типомъ явленіе новое въ обществѣ, предполагающее извѣстную загадочность, невыясненность, то тѣмъ самымъ онъ поставилъ вопросъ, къ выясненію и разрѣшенію котораго необходимо будутъ стремиться вновь появляющіеся крупные таланты литературы. Но Гоголь, этотъ могучій талантъ, изумительной проницательности котораго русская литература обязана глубочайшими раскрытіями темныхъ золъ русской дѣйствительности, является въ началѣ какъ бы исключеніемъ изъ этого общаго правила. Если, съ одной стороны, своимъ анализомъ русской жизни онъ соприкасается съ такими писателями, какъ фонъ-Визинъ и Грибоѣдовъ, обличавшихъ невѣжество и косность; если въ созданной имъ галлереѣ русскихъ лицъ есть сьѳего рода Простаковы, Фамусовы, Молчалины, Скалозубы, то, съ другой стороны, онъ долго, даже до конца, остается внѣ литературнаго направленія, начатаго пушкин-

скимъ „Онѣгинымъ“ и продолженнаго цѣлымъ рядомъ блестящихъ писателей, Лермонтовымъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ и проч.

Направленіе это, эта своеобразная черта состояла, какъ мы выясняемъ, въ стремленіи постигнуть, изобразить и разгадать вновь возникшій типъ русскаго человѣка, подвергшагося сильному вліянію европейскаго образованія, но отъ того не ставшаго лучше, сдѣлавшагося неспособнымъ къ дѣятельности въ обществѣ русскомъ—да и во всякомъ другомъ обществѣ. Но типъ этотъ, владѣвшій вниманіемъ всѣхъ выдающихся русскихъ писателей, страннымъ образомъ какъ бы не замѣчается геніальнымъ авторомъ „Мертвыхъ душъ“,—его проницательныя умственныя очи устремлены въ другую сторону. И только уже въ Тентетниковѣ онъ сильно и ярко затрагиваетъ этотъ типъ, имѣющій такую неизмѣримую важность въ русской исторической жизни, въ исторіи русскаго просвѣщенія. Но это въ тѣ дни, когда Гоголь испытывалъ тяжелыя разочарованія въ значеніи своей дѣятельности, когда его уже не удовлетворяла задача—рисовать все „бѣдность, да бѣдность, да несовершенства человѣческія“, когда, словомъ, дѣятельность его прекращалась. Указываемый нами фактъ знаменателенъ, имѣетъ болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Господствующіе въ нашемъ обществѣ и въ литературѣ взгляды на дѣятельность Гоголя, на смыслъ его произведеній и на типы, изображенные имъ, установлены Бѣлинскимъ, которому выпала завидная доля сразу разгадать, какой могучій талантъ всходилъ на небосклонѣ русской литературы „Вечерами на хуторѣ“, и потомъ во все продолженіе дѣятельности его защищать и разъяснять его великія созданія. Взгляды Бѣлинскаго опредѣленны и ясны. Смыслъ, значеніе произведеній Гоголя, по его мнѣнію, въ томъ, что въ нихъ „вскрыта и разъанатомирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ придано общее значеніе“. „Конечно,—поясняетъ онъ,—какой-нибудь Иванъ Антоновичъ кувшинное рыло очень смѣшонъ въ книгѣ Гоголя и очень мелкое явленіе въ жизни; но если у васъ случится до него дѣло, такъ вы и смѣяться надъ нимъ

потеряете охоту, да и мелкимъ его не найдете..." Гоголь „первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность". Опредѣляя паѳосъ и юморъ Гоголя, Бѣлинскій, между прочимъ, замѣчаетъ, что „нельзя ошибочнѣе смотрѣть на „Мертвыя души" и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру", такъ какъ, дѣйствительно, „озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы", говоря словами самого Гоголя, совершенно не то, что относиться къ явленіямъ жизни съ точки зрѣнія просто сатирика. Словомъ, въ Гоголѣ—вѣрное изображеніе русской дѣйствительности, раскрывающее ея тайный смыслъ, ускользающій отъ простого вниманія.

Но спеціально по отношенію къ „Мертвымъ душамъ" Бѣлинскій высказываетъ нѣсколько мыслей, очень характеристичныхъ, если не находящихся въ противорѣчіи съ вышеприведенными общими положеніями, то до извѣстной степени ограничивающихъ ихъ, сводящихъ дѣло на соціальныя задачи произведеній Гоголя. По его мнѣнію, въ „Мертвыхъ душахъ" Гоголь „совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы читатель можетъ говорить: Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!" „Твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и *патріотическое*, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною нервностью, кровною любовью къ плодовитому зерну русской жизни",—такъ страстно характеризуетъ Бѣлинскій гоголевскую „поэму". Въ чемъ же „Мертвыя души" созданіе „патріотическое?" Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ изъ нижеслѣдующихъ словъ Бѣлинскаго: „Мертвыя души"—твореніе „глубокое по мысли, соціальное и историческое". Въ этой „поэмѣ" авторъ „сдѣлалъ великій шагъ" тѣмъ, что въ ней „вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность", не та „субъективность, которая по своей ограниченности или односторонности искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ (т.-е. тенденціозность, какъ сказали

бы теперь); но та глубокая, всеобъемлющая и гуманная субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно личною симпатіею — та субъективность, которая не допускаетъ его съ поэтическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру"...

Сквозь нѣсколько неопредѣленныя опредѣленія эти ясна та мысль Бѣлинскаго, что значеніе Гоголя и его произведеній — въ *обличеніи* русской дѣйствительности, въ показаніи противорѣчія ея съ идеалами человѣческаго общественнаго существованія. Извѣстно, что Бѣлинскій, когда писались цитируемыя статьи о „Мертвыхъ душахъ", уже пережилъ переворотъ въ убѣжденіяхъ, приведшій его къ отрицательному отношенію къ русской дѣйствительности. И это обстоятельство не дало ему разсмотрѣть въ характерѣ творчества Гоголя той важной черты, которая впослѣдствіи была замѣчена Аполлономъ Григорьевымъ. „Гоголь приходилъ въ глубокое отчаяніе — говоритъ этотъ замѣчательнѣйшій критикъ:—отъ того, что *нигдѣ не видѣлъ* прекраснаго, т.-е. цѣльнаго человѣка, и погибъ въ безплодномъ стремленіи отыскать прекраснаго человѣка. Не зная, гдѣ его отыскать (ибо *малороссъ Гоголь не зналъ Великой Россіи*—пора уже это сказать прямо), онъ сталъ по частямъ собирать прекраснаго человѣка"...

Въ этихъ словахъ заключена мысль, заслуживающая пристальнаго вниманія. Да, Гоголь былъ нѣсколько чуждѣ Великой Россіи. Стоитъ только обратить вниманіе на то обстоятельство, что тотъ же самый Гоголь нашелъ безконечную поэзію въ своей родной Малороссіи, въ ея бытѣ и въ ея природѣ, въ то время какъ въ изображеніяхъ Россіи Великой, людей русскихъ, онъ является только обличителемъ. Такъ, начиная съ величавой фигуры Тараса Бульбы и кончая какимъ-нибудь кузнецомъ Вакулой, не взирая на „юморъ" и „иронію", окружающія ихъ изображенія, все смотритъ на васъ полно и жизненно, вызываетъ въ васъ своего рода симпатіи. Но кучеръ Селифанъ, но лакей Петрушка, но встрѣчные мужики, разсказывающіе Чичикову, что „Заманиловки никакой нѣтъ и никогда не было", или разсуждающіе о томъ, „доѣдетъ то колесо до Казани, или не доѣдетъ?"... Какая

огромная разница! При всей реальности и рельефности изображенія ихъ, вы неотразимо чувствуете, что внутренняя сущность этихъ персонажей ускользаетъ отъ васъ, что они обращены къ вамъ одною внѣшнею стороной.

То же можно сказать рѣшительно о всѣхъ персонажахъ Гоголя. Элементъ общечеловѣческій, конечно не чуждый имъ, отсутствуетъ въ ихъ изображеніяхъ. Самъ Бѣлинскій прекрасно чувствовалъ это. Когда знаменитый славянофилъ Константинъ Аксаковъ написалъ исполненную преувеличеній статью о „Мертвыхъ душахъ", придавая этому произведенію огромное общечеловѣческое значеніе, равное значенію „Иліады", Бѣлинскій, возражая на это, писалъ: „у Гоголя „общая жизнь" является только какъ намекъ, какъ задняя мысль, вызываемая совершеннымъ *отсутствіемъ общечеловѣческаго* въ изображаемой имъ жизни. Противъ этого нечего возразить: это ясно. Помилуйте: какая общая жизнь въ Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ и во всемъ честномъ компанствѣ, занимающемъ своею пошлостью вниманіе читателей въ „Мертвыхъ душахъ?"...

XIX.

Но можетъ быть Гоголь и Бѣлинскій правы? Быть можетъ, въ русской жизни ничего не было „общечеловѣческаго?" Но почему же въ „Тарасѣ Бульбѣ", какъ и во многомъ, что писалъ Гоголь о Малороссіи, такъ много общечеловѣческаго? Вспомнимъ, что въ совершенно иномъ свѣтѣ являются русскіе мужики и не мужики у Тургенева и Григоровича, вспомнимъ великія произведенія гр. Л. Толстого, гдѣ русскій народъ, при всей реальности изображенія, обращенъ къ вамъ сторонами положительными, — и убѣдимся, что въ произведеніяхъ Гоголя не исчерпывается русская жизнь, что русская земля не сошлась клиномъ на тѣхъ явленіяхъ, изображеніе которыхъ было спеціальною задачею Гоголя. И если Бѣлинскій не совсѣмъ правъ, что „Мертвыя души" имѣютъ великое значеніе только для Россіи, то безусловно правы тѣ, кто въ

русской жизни находили поистинѣ общечеловѣческіе элементы. Не даромъ, наприм., французы такъ живо интересовались такимъ незначительнымъ по объему, но значительнымъ по содержанію разсказомъ Тургенева, какъ „Живыя мощи".

Все, что говоримъ мы, нисколько не умаляетъ значенія Гоголя. Велико и многознаменательно совершенное имъ дѣло. Онъ первый съ глубокимъ анализомъ и съ могущественнымъ талантомъ освѣтилъ темныя стороны жизни русской, создавъ этимъ совершенно новое и въ неизмѣримой степени плодотворное направленіе въ русской литературѣ. „Все живое въ современной словесности происходитъ отъ толчка, произведеннаго дѣятельностью Гоголя", писалъ Ап. Григорьевъ, и съ этимъ нужно согласиться. Но не подъ силу одному, хотя бы геніальнѣйшему таланту, обнять всѣ фибры жизни, совершить дѣло, доступное только цѣлой литературѣ народа во всемъ ея объемѣ. Пушкинъ говорилъ Гоголю, что до него, до Гоголя „еще ни у одного писателя не было дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ", и самъ Гоголь признаетъ это своимъ *главнымъ свойствомъ*. „Я сталъ,—говоритъ онъ о своемъ процессѣ творчества,—надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственной гадости, моей собственной дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего въ началѣ для меня самого, онъ бы тогда содрогнулся". Искренности этого признанія невозможно не вѣрить. И вотъ откуда эта „субъективность" и „соціальность" произведеній Гоголя, онѣ исходили не изъ созерцанія жизни только, а изъ великой и страстной ненависти къ дурнымъ свойствамъ человѣческой природы. Въ смыслѣ вліянія на общество такое направленіе таланта имѣетъ великія выгодныя стороны, но оно неизбѣжно должно сказаться нѣкоторой одно-

сторонностью, нѣкоторою неполнотою картинъ жизни. Помотая сознанію зла въ себѣ и въ обществѣ, оно мѣшаетъ сознанію того добраго, что есть въ человѣкѣ. „Въ Гоголѣ мы видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ, ибо Гоголь болѣе поэтъ соціальный, слѣдовательно, болѣе поэтъ въ *духѣ времени*“,—писалъ Бѣлинскій. Но съ этимъ можно согласиться только условно. Нужно было сознать зло въ русскомъ обществѣ — и это сдѣлалъ Гоголь, но нужно было болѣе общее самосознаніе, и въ этомъ онъ не достигаетъ значенія Пушкина.

Направленіе гоголевскаго таланта, повторяемъ, исключало такое отношеніе къ анализируемой имъ русской жизни, которое могло бы привести къ пониманію внутреннихъ добрыхъ основъ ея, если бы таковыя существовали. Гоголь, не совсѣмъ родной Великой Россіи, по самому свойству своего таланта, прежде всего видѣлъ зло, противорѣчащее его идеальнымъ представленіямъ, видѣлъ и изображалъ его. Но въ пору зрѣлости своего дарованія, онъ самъ ужаснулся той массы безъисходнаго зла, которое проходило передъ его умственными очами. Имъ должно было овладѣть сомнѣніе. Неужели же народность съ тысячелѣтнимъ сознательнымъ существованіемъ, оказавшая великія силы въ своей исторической судьбѣ, не имѣла въ себѣ ничего положительнаго, добраго, безъ чего самое существованіе немыслимо? Отвѣтъ могъ быть только одинъ—отвѣтъ, отрицавшій его воззрѣнія. И онъ страстно начинаетъ искать этого добраго, этой доброй сущности русской души. Гоголь, конечно, впадалъ въ крайность, дошелъ до страшныхъ преувеличеній. Гоголь не хотѣлъ понять, что на его долю досталась великая задача поставить вопросъ о злѣ русской жизни, что другія стороны ея освѣтятъ другіе, что нужно до конца владѣть тѣмъ, что дано его таланту, не претендуя на то, что не свойственно ему. Но онъ захотѣлъ быть изобразителемъ полной жизни русской—и, конечно, неуспѣхъ лежалъ въ самой сущности предпринятаго имъ дѣла—открыть идеальное въ жизни.

Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что въ его терзаніяхъ, исканіяхъ идеальныхъ сторонъ жизни былъ живой и истинный источ-

никъ. Напрасно думали, что исключительно недугъ послужилъ Гоголю исходною точкою для отрицанія его предшествовавшаго направленія. Недугомъ могли быть объясняемы крайности его новыхъ требованій отъ своего творчества, но не самыя эти требованія. Цѣлая область жизни, все, что въ ней было лишено идеальнаго и общечеловѣческаго, отсутствовало въ его созданіяхъ, и стремленіе внести поправку въ нихъ не можетъ быть результатомъ умственнаго паденія. И если вмѣсто живыхъ идеальныхъ образовъ въ его произведеніяхъ „безобразные скелеты“ Улиньки, Костанжогло, добродѣтельнаго откупщика Муратова и „доблестнаго князя“, играющаго какъ мячикомъ закономъ и законностью во имя произвольной справедливости“ (выраженія Ап. Григорьева), то въ этомъ виноватъ не Гоголь, а свойства его таланта, нѣкоторая отчужденность отъ внутренней сущности русской жизни и теоретическія воззрѣнія, показывающія, что и геніальный талантъ, съ такою силою видѣвшій зло жизни, не обладалъ, подобно Онѣгинымъ и Печоринымъ, широкимъ знакомствомъ съ родиной. Гоголь не тамъ искалъ идеаловъ, гдѣ они въ дѣйствительности были и позже указаны другими писателями. Вотъ почему,—необходимо сказать,—Гоголь не сдѣлался въ дѣйствительности источникомъ *цѣлаго* новаго направленія въ литературѣ, а только внесъ могущественный элементъ въ нее, и вотъ почему писатели, какъ Тургеневъ, Достоевскій и др., справедливо считали и называли себя „учениками“ Пушкина, продолжателями его дѣла, наслѣдниками его идей, а не Гоголя, хотя они въ представленіяхъ историко-литературныхъ и причисляются къ тому, что носитъ названіе „гоголевской школы“.

XX.

Намъ понятно будетъ теперь, почему мощный талантъ Гоголя не отозвался на столь жизненное и важное явленіе русской жизни, русскаго образованія, какъ „умственный недугъ“, олицетворенный въ Онѣгинѣ. Какъ человѣкъ въ русской литературѣ и жизни нѣсколько чужой, наблюдатель сторонній,

онъ не вполнѣ чувствовалъ внутренніе импульсы русской жизни, не былъ въ нихъ полнымъ участникомъ. Съ идеями европейскаго просвѣщенія въ душѣ, широкими потоками разливавшимися поверхностно „по всей Руси великой", онъ видѣлъ ясно и проницательно все зло, противорѣчащее этимъ идеямъ, видѣлъ его и въ людяхъ, и непримѣтныхъ русскихъ городахъ, „непримѣтныхъ какъ точки, какъ значки", и на большихъ дорогахъ, гдѣ „пошли писать версты, станціонные смотрители", и все назойливое безобразіе непорядковъ. За этимъ зломъ онъ могъ не видѣть той „сердцевины, которой не проѣлъ еще порокъ". Русь представлялась ему „черна, куда ни погляди". Была ли возможность при этихъ впечатлѣніяхъ и при этомъ умственномъ строѣ отнестись критически къ тому образованію, которое насаждалось тогда въ Россіи, перенося съ собою не одни только добрыя и благородныя начала жизни, но и весь наносный соръ всяческаго безвѣрія, національныхъ пристрастій, сословной гордости, презрѣнія къ самобытнымъ основамъ русской и всякой другой жизни и проч., чѣмъ такъ богата была Европа съ ея идеями. Конечно— нѣтъ. Гоголь былъ сынъ своего, богатаго теоретическими фантазіями и бѣднаго дѣятельностію, времени, онъ самъ былъ, какъ и другіе, подобенъ Онѣгину, и его впечатлѣнія отъ русской дороги и русскихъ городовъ, иногда вложенныя въ уста Чичикова, рѣшительно напоминаютъ впечатлѣнія Онѣгина въ его путешествіи по Россіи. Гоголь былъ обличителемъ, изобразителемъ невѣжества, непросвѣщенія русскаго, и онъ, какъ нужно думать, относилъ къ результатамъ русскаго непросвѣщенія и то, что было прямымъ послѣдствіемъ поверхностнаго европейскаго вліянія.

Въ ту пору, когда въ душѣ Гоголя возникли сомнѣнія относительно его воззрѣній на жизнь и просвѣщеніе, когда онъ ясно понялъ всю ненадежность такъ называемаго образованія, если въ немъ отсутствуютъ элементы нравственности, для него явилась возможность полнаго критическаго отношенія и къ тому явленію, которое олицетворено въ Онѣгинѣ. Среди мертвыхъ фигуръ съ ярлыками на лбу во второй части „Мертвыхъ душъ" появляется живое лицо Тентетникова.

Тентетниковъ—несомнѣнно самъ Онѣгинъ, только въ другой обстановкѣ и съ болѣе вялымъ темпераментомъ. Добролюбовъ, первый замѣтившій извѣстное родство по духу между всѣми героями онѣгинскаго типа и только непослѣдовательно поставившій ихъ всѣхъ подъ неподходящее знамя „обломовщины", не преминулъ причислить къ нимъ и Тентетникова. Правда, этотъ послѣдній герой никого не убивалъ, не игралъ чужой любовью,—но отъ этого полное сходство нисколько не уменьшается. Онъ не разочарованъ, какъ Онѣгинъ и Печоринъ, но нисколько не меньше ихъ скучаетъ, не находя никакого интереса въ жизни. Подобно Онѣгину, онъ готовъ заняться науками, но книга валится изъ его рукъ. Онъ предпринимаетъ большой трудъ, имѣющій обнять Россію въ экономическомъ, политическомъ и во всякихъ другихъ отношеніяхъ, но даже на первомъ листкѣ у него ничего не появляется, кромѣ головокъ, какъ у вздумавшаго сочинительствовать Онѣгина. Упорный трудъ ему былъ также тошенъ, и также ничего не вышло изъ-подъ пера его. Нѣтъ необходимости продолжать это сравненіе, бросающееся въ глаза всякому, знающему этихъ, всѣмъ извѣстныхъ, героевъ.

Какъ извѣстно, Онѣгинъ и Печоринъ до извѣстной степени считались подражаніемъ, навѣяннымъ Байрономъ на русскихъ поэтовъ. Тентетниковъ своимъ появленіемъ среди персонажей Гоголя послужилъ яснымъ доказательствомъ, что если въ первыхъ герояхъ и былъ элементъ подражательности, то только элементъ, а что явленіе, характеризуемое ими, составляетъ дѣйствительный фактъ въ русской жизни; подражательности нѣтъ и тѣни въ Тентетниковѣ—ни тѣни сходства съ Чайльдъ-Гарольдами и Донъ-Жуанами. Это уже вполнѣ русскій человѣкъ, прошедшій „курсъ европейскаго образованія", какой тогда былъ въ Россіи.

Нѣкоторое различіе между Тентетниковымъ и предшествовавшими ему литературными героями есть, но оно все—въ отношеніяхъ къ нимъ авторовъ, не болѣе. Гоголь былъ слишкомъ реалистъ и свободенъ отъ вліянія иностранныхъ героевъ, чтобы не разсмотрѣть той фальши, которой облекались господа Печорины. Какимъ-то непонятнымъ ореоломъ непонятныхъ

страданій трудно было отвести Гоголю глаза. Въ самомъ началѣ романа Пушкинскій Онѣгинъ и во все продолженіе лермонтовскаго романа Печоринъ носятъ на себѣ отпечатокъ байронизма, „демонизма", привлекательной загадочности. У Гоголя нѣтъ ничего подобнаго. Въ этомъ и лежитъ причина, почему Тентетниковъ—такой смирный и незначительный малый. Гоголь взялъ самаго простѣйшаго изъ простыхъ образованныхъ людей современной ему Россіи, лишилъ его всякаго убранства человѣкоубійствомъ и привлекательностью для женщинъ, поставилъ его въ реальныя условія, къ окну деревенскаго помѣщичьяго дома, и заставилъ смотрѣть, какъ дерутся деревенскія бабы. Весь байронизмъ какъ рукой сняло съ загадочнаго героя. Вышелъ просто — „коптитель неба", какъ его охарактеризовалъ Гоголь. Неопредѣленность исчезла, всякому стало понятно, что въ Тентетниковѣ не „привлекательное зло" и не что-либо въ родѣ Печорина, какимъ является этотъ типъ у Лермонтова, а просто ни къ чему не приспособленный человѣкъ, совершенно безсильный въ обществѣ, съ нравственными задатками, но не умѣющій отстаивать ихъ, не дорожащій ими и уступающій первому встрѣчному дорогу, лишь бы его не безпокоили. Тентетниковъ—прообразъ Обломова, но только выраженный короче и много сильнѣе.

Въ отношеніяхъ Гоголя къ своему герою есть, однако, характерная черта, которою онъ отдалъ дань своеобразному направленію своего таланта. Въ Онѣгинѣ и Печоринѣ, въ ихъ „таинственности", помимо вліянія байронизма, сказывается стремленіе авторовъ отмѣтить въ нихъ и идеальныя стороны. Въ нихъ передъ нами живые и несчастные люди, жертва времени. Причины, породившія ихъ, интересуютъ авторовъ, и если онѣ толкуются невѣрно, облекаются въ фатумъ и отчужденіе отъ людей развитой мыслью, въ непонятность для окружающихъ ихъ стремленій, то все же эти причины ищутся. У Гоголя взятъ фактъ голый и не мотивированный, при чемъ идеальнаго содержанія въ героѣ совершенно не отыскивается. Тентетниковъ просто „коптитъ небо" —и больше рѣшительно ничего. Откуда получился столь странный субъектъ, что заставляетъ его заниматься столь непрэиз-

водительнымъ дѣломъ, остается для автора какъ бы не интереснымъ. Если смотрѣть на окружающую его мрачную дѣйствительность глазами Гоголя, то можно было бы придти къ заключенію о „средѣ, заѣвшей“ героя, если бы опредѣленіе героя самимъ Гоголемъ не противорѣчило ему. Такимъ образомъ русскій образованный человѣкъ онѣгинскаго типа остается не разъясненнымъ въ Тентетниковѣ, давъ только принесшую позже плоды мысль, что такова ужъ русская натура, безсильная и слабовольная, низводящая людей при данныхъ условіяхъ до „коптительства неба“, до „обломовщины“.

Въ Тентетниковѣ Гоголь изобразилъ представителя онѣгинскаго типа, какъ онъ понялъ его. Не лишнее, однако, сказать, что среди персонажей геніальнаго писателя, еще въ первую часть „Мертвыхъ душъ“, какъ и въ другія произведенія, незамѣтно для автора и для читателей, прокрались лица, не далекія по основной идеѣ отъ персонажей, анализуемыхъ нами. Только они проходятъ передъ читателями подъ формой людей, не причастныхъ образованію и искалѣченныхъ спеціально русской жизнью. Въ сущности это—люди, поверхностнымъ и жалкимъ, будто бы европейскимъ, образованіемъ оторванные совершенно отъ русской дѣйствительности и потерявшіе къ ней всякій интересъ. Таковъ, наприм., художникъ въ „Портретѣ“, спустившійся по наклонной плоскости до простого наживателя денегъ. Что у него общаго съ вѣковой нравственной основой жизни русскаго народа? Развѣ онъ не менѣе французъ, нѣмецъ, англичанинъ, чѣмъ русскій? Что такое Хлестаковъ, какъ не представитель чиновничьяго быта, совершенно изолированнаго отъ общей жизни русской?—и проч. и проч.

Но среди всѣхъ персонажей этого рода особенно выдается одинъ человѣкъ, именно Маниловъ. Маниловка совсѣмъ не такъ далека отъ Обломовки, какъ это можетъ показаться, Маниловъ далеко не такъ чуждъ Онѣгинымъ, Тентетниковымъ и Обломовымъ. Авторъ иронически обмолвился значительнымъ словомъ, что въ полку на службѣ Манилова считали „образованнѣйшимъ“ офицеромъ. И это слово не напрасно брошено авторомъ. „Образованіе“ Манилова, конечно, самое

жалкое, но странное дѣло! — оно совершенно сближаетъ его съ героями, образованными гораздо больше его. Онъ совершенно по-онѣгиновски влечется „слѣдить какую-нибудь этакую науку", и по-тентетниковски занимается „дѣломъ", т.-е. раскладываніемъ табаку и пеплу кучками. Подобно Онѣгину, какъ извѣстно, находившему отраду въ разговорахъ съ другомъ Ленскимъ, Маниловъ не прочь имѣть друга, съ которымъ онъ могъ бы поговорить „о любезности и пріятномъ обращеніи". Есть въ немъ и „мечтамъ невольная преданность", и онъ ее великолѣпно обнаруживаетъ по отъѣздѣ Чичикова, мечтая о длиннѣйшемъ мостѣ черезъ рѣку съ лавками на немъ, гдѣ торгуютъ необходимыми въ деревенскомъ быту товарами, о каретахъ, въ которыхъ пріѣзжаютъ въ общество съ Чичиковымъ, чтобы обворожить всѣхъ пріятнымъ обращеніемъ, наконецъ даже о генеральствѣ, которымъ ихъ съ другомъ жалуетъ „само высшее начальство". И опять въ Маниловѣ нѣтъ никакой честной приспособленности къ жизни, никакихъ нравственныхъ устоевъ, какъ во всѣхъ герояхъ, его собратьяхъ. Ужъ и этотъ не страдалъ ли отъ „заѣдающей среды", не томился ли и онъ байроническими треволненіями?

Конечно, намъ справедливо могутъ замѣтить, что Маниловъ—глупый человѣкъ. Но вѣдь образованіе, которое подготовлять должно къ жизни въ обществѣ, не для однихъ же выдающихся людей назначается. И если оно, то образованіе, которое получили и Онѣгинъ и Маниловъ, оказало такъ мало благотворнаго вліянія и на того и на другого, оторвавши ихъ отъ интересовъ окружающей жизни и не давъ ничего взамѣнъ, то направленіе его не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ.

Гоголевскимъ Тентетниковымъ русская художественная литература сдѣлала послѣдній шагъ, если не въ разъясненіи, то въ признаніи реальнаго существованія людей онѣгинскаго типа въ русскомъ обществѣ, въ признаніи въ русскомъ обществѣ свойствъ онѣгинскаго типа. До тѣхъ поръ можно было думать, что Онѣгинъ и Печоринъ суть созданія фантазіи авторовъ, олицетворенія байроновскихъ идей на русской почвѣ въ родѣ Алеко и Кавказскаго плѣнника: послѣ Тентетникова та-

кое толкованіе стало уже невозможнымъ. Въ Тентетниковѣ въ элементахъ лежало и то толкованіе типа, выясненіе его общественнаго значенія, которое сдѣлано выше на основаніи историческихъ данныхъ, на сравненіи Онѣгина съ дѣйствительно существовавшими русскими людьми, оставившими по себѣ историческую память. Дальнѣйшей задачей русской литературы по отношенію къ этому типу сдѣлалось долгое детальное изученіе типа, собственно свойствъ его, съ образнымъ разъясненіемъ, какія формы принимали и какое значеніе получали они въ людяхъ различныхъ общественныхъ положеній, различнаго ума, темпераментовъ и вообще личныхъ свойствъ. Гончаровъ Обломовымъ попытался дать новое объясненіе явленія, но, какъ намѣчено выше, объясненіе оказалось неудачнымъ. За нимъ слѣдовали многочисленныя изображенія всякихъ „лишнихъ“ людей. Всѣ эти изображенія могутъ быть поняты и во всей своей цѣлости оцѣнены только при свѣтѣ Пушкинскаго и Гоголевскаго изображенія, при сопоставленіи ихъ съ художественными образами Онѣгина Печорина и Тентетникова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	V
А. С. Пушкинъ	1
Первые предшественники Пушкина	7
Карамзинъ и Жуковскій	13
И. А. Крыловъ	18
Лирика Пушкина	23
Поэмы Пушкина	28
„Евгеній Онѣгинъ“	34
Драматическія произведенія Пушкина	39
Пушкинская проза	45
А. С. Грибоѣдовъ и его „Горе отъ ума“	51
М. Ю. Лермонтовъ. Лирика	57
„Демонъ“	64
„Герой нашего времени“	69
А. В. Кольцовъ	75
Гоголь	83
Гоголевскія повѣсти	88
„Ревизоръ“	94
„Мертвыя души“	99
„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями	106
Русская литература послѣ Гоголя	111
И. С. Тургеневъ	118
„Записки охотника“	123
Повѣсти Тургенева	128

стр.

„Рудинъ" . . . . . 1[illegible]
„Дворянское гнѣздо" . . . . . [illegible]
„Наканунѣ" 144
„Отцы и дѣти" 149
„Новь", романъ Тургенева. 154

Ѳ. М. Достоевскій 161

Первые опыты творчества Достоевскаго 165
Переходный періодъ дѣятельности 179
„Преступленіе и наказаніе" 189
„Бѣсы", „Идіотъ", „Подростокъ" 194
„Братья Карамазовы" 200

Л. Н. Толстой. Передъ судомъ смерти („Смерть Ивана Ильича") . 206

Литературные типы русской интеллигенціи . . . . . 22[illegible]

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3011
V83

Vvedenskii, Arsenii Ivanovich
Obshchestvennoe samosoznanie
v russkoi literaturie

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 11 11 03 002 4